

XX век

The BEST

КЛАССИЧЕСКИЙ АМЕРИКАНСКИЙ РОМАН

Scott Fitzgerald

ФРЭНСИС СКОТТ ФИЦДЖЕРАЛЬД

*Прекрасные
и обреченные*

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Прекрасные и обреченные

Книга первая

Глава первая

Энтони Пэтч

В 1913 году Энтони Пэтчу исполнилось двадцать пять лет, и вот уже два года, как на него, во всяком случае, предположительно, снизошел святой дух тех дней, именуемый иронией. Ирония являла собой наведенный в последнюю минуту глянец, придающий ботинку безупречный вид, завершающее прикосновение щетки к костюму, в некотором роде интеллектуальное «Есть!». Однако в начале этого повествования Энтони пока пребывает на стадии осознания. При первой встрече его еще волнует, не утратил ли он честь и благородство, а заодно и рассудок. Не представляет ли собой постыдное, непристойное ничтожество, жирно поблескивающее на лице окружающего мира подобно масляному пятну на чистой поверхности пруда. Разумеется, настроения менялись, и наступали периоды, когда Энтони считал себя юношей в определенном смысле исключительным, в достаточной степени утонченным и искушенным, прекрасно приспособившимся к условиям, в которых приходится жить, и, пожалуй, более содержательным из всех своих знакомых.

Такое состояние оказывало на Энтони благотворное действие и делало его жизнерадостным, симпатичным и привлекательным для наделенных умом мужчин и абсолютно всех женщин. Пребывая в нем, он полагал, что в один прекрасный день совершит некое скромное, отмеченное печатью изысканности деяние, которое избранные сочтут достойным поступком, и со временем вольется в сонм неярких звезд на туманном небосклоне, на полпути между смертью и бессмертием. А пока не настало время для решительных действий, пусть он будет просто Энтони Пэтчем, не застывшим портретом, а самобытной энергичной личностью, своенравной, с долей высокомерия и идущими из глубины души порывами. Человеком, который, зная, что чести в этом мире нет и быть не может, тем не менее ее имеет, кто понимает всю надуманность представлений о мужестве и при этом является храбрецом.

Достойный человек и его даровитый сын

Внук Адама Дж. Пэтча, Энтони впитал в себя сознание социальной защищенности и стабильности, словно вел происхождение от некогда обитавших за океаном крестоносцев. И это неизбежно. Как бы там ни было, виргинская и бостонская аристократия опиралась исключительно на деньги и ставила богатство неперенным условием.

Итак, Адам Дж. Пэтч, более известный как Брюзга Пэтч, в начале 1861 года покинул отцовскую ферму в Тэрритауне и записался в Нью-Йоркский кавалерийский полк. Вернувшись с войны в чине майора, он взял штурмом Уолл-стрит и среди царившей там суеты и неразберихи, громких восторгов и недоброжелательности умудрился скопить около семидесяти пяти миллионов долларов.

До пятидесяти семи лет сбор денег отнимал всю энергию. Именно в этом возрасте, после жестокого приступа склероза он решил потратить остаток жизненных сил на моральное возрождение окружающего мира, став выдающимся реформатором. По примеру Энтони Комстока, прославившегося блистательной деятельностью на этом поприще, в честь которого и был назван внук, он обрушил град апперкотов и мощных ударов по корпусу на алкоголь, литературу и искусство, любые проявления порока, патентованные лекарства и воскресный любительский театр. Под воздействием вероломной плесени, которая со временем прокрадывается в мозг, щадя лишь немногих избранных, Адам с жаром реагировал на любое проявление общественного возмущения, случавшегося в те дни. Из кресла в кабинете особняка в Тэрритауне он развернул против предполагаемого могущественного противника, называемого «нечестивость», кампанию, длившуюся пятнадцать лет, в течение которых показал себя неистовым воителем и нестерпимым занудой. В год начала нашего повествования силы стали ему изменять, и сокрушительные атаки отлаженной военной кампании свелись к беспорядочной стрельбе. События далекого 1861 года постепенно заслоняли жизнь, бурлившую в году 1895-м, и мысли Адама Пэтча сосредоточились на Гражданской войне. Иногда он вспоминал покойную жену и сына, а о внуке Энтони практически забыл.

В начале карьеры Адам Пэтч женился на анемичной тридцатилетней даме по имени Алисия Уитерс, которая принесла ему в

приданое сто тысяч долларов и обеспечила беспрепятственный доступ в банковские круги Нью-Йорка. Проявив недюжинную отвагу, она в кратчайшие сроки родила сына и, словно обессилив от этого подвига, затерялась в пространстве затененной детской комнаты. Мальчик, названный Адамом Улиссом Пэтчем, стал со временем завсегдатаем клубов, знатоком хорошего тона, лихо управлял запряженными цугом лошадьми и в возрасте двадцати шести лет, ко всеобщему удивлению, начал писать мемуары под названием «Нью-йоркское общество, каким я его видел». Судя по слухам, идея книги представляла интерес, и среди издателей началась борьба за право ее опубликовать. Однако после смерти автора оказалось, что мемуары не в меру многословны и невероятно скучны, а потому их не стали печатать даже частным порядком.

Наш Честерфилд с Пятой авеню в возрасте двадцати двух лет женился на Генриетте Лебрюн, которую называли «контральто бостонского света». Единственный плод этого брака по просьбе деда получил имя Энтони Комсток Пэтч. При поступлении в Гарвардский университет приставка «Комсток» была предана забвению, и с той поры о ней никто не вспоминал.

У молодого Энтони имелась фотография родителей, запечатленных вместе. В детстве она так часто попадалась на глаза, что стала безликим предметом мебели, однако люди, заглядывающие к нему в спальню, рассматривали снимок с интересом. Он изображал красивого подтянутого денди в духе девяностых годов рядом с высокой темноволосой дамой с муфтой и неким намеком на турнюр. Между ними пристроился мальчик с длинными каштановыми локонами, облаченный в бархатный костюмчик а-ля лорд Фаунтлерой. Это был Энтони в пятилетнем возрасте, в год, когда умерла его мать.

О «контральто бостонского света» сохранились смутные воспоминания, наполненные музыкой. Мать все время что-то пела в музыкальной гостиной их дома на Вашингтон-сквер, иногда в окружении гостей. Мужчины со сложенными на груди руками балансировали на краешке дивана, боясь вздохнуть, а женщины время от времени что-то им нашептывали, сопровождая каждую песню аплодисментами и похожими на голубиное воркование возгласами. Гораздо чаще она пела только для Энтони на итальянском или

французском языке, а еще на каком-то жутком диалекте, на котором, по ее мнению, говорят негры в южных штатах.

О галантном Улиссе, первом мужчине в Америке, отвернувшем лацканы пиджака, остались гораздо более яркие воспоминания. После того как Генриетта Лебрюн Пэтч «отправилась петь в ином хоре», о чем время от времени упоминал хриплым голосом вдовец, отец с сыном переехали жить к бабушке в Тэrrитаун. Улисс ежедневно навещал Энтони в детской и около часа произносил приятные для слуха заманчивые речи. Он постоянно обещал взять Энтони на охоту, рыбалку или экскурсию в Атлантик-Сити. «Потерпи немножко, совсем скоро», – заверял Улисс. Однако ни одно из обещаний так и не претворилось в жизнь. Во время их единственного путешествия за границу, в Англию и Швейцарию, когда Энтони было одиннадцать лет, в самом шикарном отеле Люцерна отец умер, обливаясь потом и умоляя о глотке свежего воздуха. Охваченного паническим ужасом и отчаянием Энтони привезли обратно в Америку, и с тех пор смутная меланхолия сопровождала его до конца дней.

Личность героя и его прошлое

В одиннадцатилетнем возрасте он познал ужас смерти. В течение шести запечатлевшихся в памяти лет умерли родители и как-то незаметно угасла бабушка, впервые с момента замужества сделавшись на один день полновластной хозяйкой в собственной гостинной. Жизнь Энтони стала непрерывной борьбой с подстерегающей за каждым углом смертью. У него возникла привычка читать в постели. Чтение успокаивало, хотя и являлось данью мнительности и больному воображению. Он читал до изнеможения и часто засыпал, не выключив света.

До четырнадцати лет любимым развлечением Энтони, которому он отдавался со всей мальчишеской страстью, стало коллекционирование марок. Дедушка по глупости думал, что оно помогает в изучении географии. А Энтони наладил переписку с шестью филателистическими компаниями, и редкий день по почте не приходил новый альбом с марками или пачка глянцевых подписных листов. Бесконечное перекладывание драгоценных приобретений из одного альбома в другой превратилось в завораживающее таинство. Марки

стали для Энтони самой большой радостью, и он раздраженно хмурился на любого, кто мешал любимой игре. Марки пожирали все карманные деньги, что выдавались на месяц, а их владелец лежал ночами без сна, не уставая размышлять о разнообразии и пестром великолепии своих сокровищ.

В шестнадцать лет Энтони полностью замкнулся в себе. Молчаливый парень, совсем непохожий на американца, вззирающий на современников с вежливым недоумением. Два предыдущих года он провел в Европе с домашним учителем, который убедил юношу, что образование надо непременно продолжить в Гарвардском университете. Это впоследствии «откроет все двери», укрепит дух и поможет приобрести огромное количество готовых к самопожертвованию преданных друзей. И Энтони поступил в Гарвард, единственный раз за всю жизнь послушавшись голоса разума.

Не замечая окружающих и ни с кем не общаясь, он жил в одиночестве в роскошной комнате в Бек-холл. Стройный темноволосый юноша среднего роста, с нерешительным нежным ртом. Денег у Энтони было более чем достаточно, и он решил собрать библиотеку, начав с покупки у странствующего библиофила первых изданий Суинберна, Мередита и Харди, а также неразборчивого пожелтевшего письма с автографом Китса; впоследствии обнаружилось, что цену за них заломили заоблачную. Энтони вырос изящным денди с утонченными манерами и обзавелся вызывающей слезу умиления коллекцией шелковых пижам, парчовых халатов и ярких галстуков, слишком вычурных, чтобы появиться в них на людях. Облачившись в оберегаемые от посторонних глаз пышные одежды, он расхаживал в своей комнате перед зеркалом или возлежал на обитом атласом диванчике у окна и смотрел вниз, во двор. Наблюдая царящую за окном шумную суету, Энтони преисполнялся смутным сознанием, что сам он, похоже, никогда не примет в ней участия.

Как ни странно, в последний год обучения обнаружилось, что он завоевал определенный авторитет среди однокурсников. Энтони узнал, что его считают фигурой романтической, эдаким ученым затворником, средоточием образованности и эрудированности. Такое мнение удивило и втайне порадовало. Энтони начал выходить в свет, сначала редко, а потом все чаще. Он участвовал в вечеринках с рождественским пудингом и пил с соблюдением установленных

традиций, не привлекая к себе внимания. Говорили, что не поступи Энтони в колледж в столь юном возрасте, и «диплом с отличием был бы ему обеспечен». В 1909 году, когда ему исполнилось всего двадцать лет, Энтони закончил университет.

Потом он снова отправился за границу, на сей раз в Рим, где поочередно заигрывал с архитектурой и живописью, брал уроки игры на скрипке и написал на итальянском несколько отвратительных сонетов в виде размышлений о радостях созерцания бытия с точки зрения жившего в тринадцатом веке монаха.

Приятелям по Гарварду стало известно, что Энтони в Риме, и кто оказался в тот год в Европе, навевались к нему и во время многочисленных прогулок лунными ночами вместе открывали для себя город, превосходящий по возрасту не только Возрождение, но и само понятие республики. Например, Мори Ноубл приехал из Филадельфии и провел в компании Энтони два месяца; молодые люди постигали своеобразное очарование римлянок, упиваясь восхитительным чувством свободы и юности в центре цивилизации. Многие знакомые деда тоже навещали Энтони, и при желании он мог бы стать персоной грата в дипломатических кругах. Юноша и сам заметил, что тяга к веселой компании и пирушкам растет с каждым днем, однако его поведение по-прежнему определяли давняя подростковая замкнутость и появившаяся вследствие нее робость.

В 1912 году из-за внезапной болезни деда Энтони вернулся в Америку и после утомительной беседы с неизменно выздоравливающим стариком решил отказаться от мысли навсегда перебраться в Европу до его смерти. После долгих поисков он снял квартиру на Пятьдесят второй улице и успокоился, по крайней мере в глазах окружающих.

В 1913 году процесс приспособления Энтони Пэтча к окружающему миру находился в завершающей стадии. По сравнению со студенческими годами он заметно похорошел: сохраняя несколько излишнюю худощавость, стал шире в плечах, а смуглое лицо утратило испуганное выражение, характерное для студента-первокурсника. Он отличался внутренней собранностью, одевался с безукоризненным вкусом, и приятели утверждали, что ни разу не застали его со взъерошенными волосами. Нос у Энтони был резко очерченным и слишком острым, а рот представлял собой предательское зеркало,

отражающее малейшую перемену настроения. В минуты уныния уголки губ тут же опускались вниз. Зато голубые глаза неизменно поражали красотой, светились ли живым умом или выражали меланхоличную иронию, когда их обладатель смотрел на мир из-под полуопущенных век.

Энтони не мог похвастаться симметричными чертами лица, которые лежат в основе арийского идеала красоты, и тем не менее многие находили его красивым. К тому же юношу отличала исключительная внешняя опрятность, полностью соответствующая внутреннему содержанию, особая чистота, что является спутницей истинной красоты.

Безупречное жилище

Пятая и Шестая авеню казались Энтони гигантской лестницей, простирающейся от Вашингтон-сквер до Центрального парка. Поездки на крыше автобуса в направлении Пятьдесят второй улицы неизменно вызвали ощущение, будто он карабкается по ненадежным, коварным перекладинам, цепляясь за них руками, и когда автобус подъезжал к нужной остановке, он испытывал некоторое облегчение, спустившись на тротуар по непродуманно крутым металлическим ступенькам.

Теперь оставалось пройти полквартала по Пятьдесят второй, мимо вереницы массивных домов из бурого песчаника, и вот он уже под высокими сводами своей замечательной во всех отношениях гостиной. Настоящая жизнь для Энтони начиналась именно здесь. Тут он спал, завтракал, читал книги и предавался развлечениям.

Дом представлял собой мрачный особняк, построенный в конце 1890-х годов. Принимая во внимание растущий спрос на небольшие квартиры, все этажи перестроили и сдавали внаем частями. Из четырех квартир, расположенных на втором этаже, жилище Энтони было самым завидным.

В гостиной с высокими потолками имелось три больших окна с прекрасным видом на Пятьдесят вторую улицу. Обстановка благополучно избежала претензий на принадлежность к какой-либо определенной эпохе. Благодаря идеально соблюденному чувству меры комната не выглядела излишне загроможденной или не в меру аскетической и не несла на себе печати декадентства. Здесь не пахло

ни дымом, ни благовониями – обычное просторное жилище с легким налетом грусти. Из мебели был овеванный дремотной дымкой диван с обивкой из мягчайшей коричневой кожи и высокая китайская ширма, которую украшала черная с золотом роспись с геометрическими фигурками рыбаков и охотников. Она отгораживала нишу, где находилось массивное кресло; рядом, словно в карауле, стоял оранжевый торшер. На задней стенке камина виднелся разделенный на четыре части, обгоревший до черноты неизвестный герб.

Пройдя через столовую, носившую это название чисто символически, так как хозяин здесь только завтракал, выходишь в довольно длинный коридор, а оттуда попадаешь в самое сокровенное место квартиры – спальню Энтони и ванную комнату.

Обе они необъятных размеров. Под высокими сводами спальни даже огромная кровать под балдахином выглядела не слишком внушительно. На полу красовался мягкий, как руно, ласкающий босые ноги причудливый ковер малинового бархата. В отличие от несколько мрачноватой спальни ванная, больше похожая на жилую комнату, имела жизнерадостный и исключительно уютный вид с легким налетом шаловливости. На стенах висели фотографии в рамках с изображением четырех именитых актрис, общепризнанных красавиц того времени. Джулия Сэндерсон в «Жизнерадостной девчонке», Инна Клер в роли юной квакерши, Билли Берк в образе девушки-хористки и Хейзл Дон в «Даме в розовом». Между Билли Берк и Хейзл Дон поместилась репродукция: бескрайние просторы, занесенные снегом, над которыми светит огромное неприветливое солнце. По утверждению Энтони, картина символизировала холодный душ.

Огромная низкая ванна была снабжена затейливой подставкой для книг. Рядом с ней стенной шкаф ломился от одежды – хватило бы на троих человек – и внушительной коллекции галстуков. Вместо традиционного убогого коврика, больше похожего на полотенце, пол ванной комнаты украшал роскошный ковер, не хуже того, что в спальне. Казалось, пушистое чудо нежно массирует ноги, извлеченные из воды.

Словом, место для священных ритуалов. Сразу видно, что Энтони здесь одевается, укладывает в безупречную прическу волосы, а также занимается другими делами, не считая сна и приема пищи. Ванная комната являлась предметом гордости, и он точно знал, что если

обзаведется возлюбленной, то повесит ее портрет лицом к самой ванне, дабы, затерявшись в успокоительных клубах горячего пара, без помех созерцать предмет своей любви, предаваясь нежным и чувственным мечтам о красоте избранницы.

Без суеты

За порядком в квартире следил слуга-англичанин, носивший фамилию Баундс, которая до странности ему подходила, что даже выглядело несколько ненатуральным. Единственный недостаток этого истинного мастера своего дела состоял в том, что он носил мягкие воротнички. Принадлежи слуга одному Энтони, и подобный дефект сумели бы быстро устранить, но он работал «Баундсом» еще у двух джентльменов, живших по соседству. Ежедневно с восьми до одиннадцати утра Баундс находился всецело в распоряжении Энтони. Он приносил почту и готовил завтрак, а в половине десятого дергал за край одеяла, которым укрывался Энтони, и произносил несколько коротких слов. Энтони никак не мог вспомнить, что это за слова, но подозревал, что в них звучит осуждение. Затем слуга подавал завтрак на карточном столе в гостиной, застилал кровать и, поинтересовавшись неприязненным тоном, не надо ли чего еще, удалялся восвояси.

Не реже одного раза в неделю Энтони навещал утром своего брокера. С денег, доставшихся в наследство от матери, он получал годовой доход немногим меньше семи тысяч. Дедушка, который и собственному сыну не позволял выходить за рамки весьма щедрого пособия, считал, что этой суммы для молодого Энтони вполне достаточно. Каждое Рождество он посылал внуку пятисотдолларовую облигацию, которую тот, как правило, продавал, так как всегда испытывал нужду в деньгах, хоть и не слишком острую.

Во время визитов к брокеру темы разговоров менялись от обычной светской болтовни до обсуждения надежности вложений под восемь процентов, неизменно доставляя Энтони огромное удовольствие. Внушительное здание трастовой компании, казалось, обеспечивало надежную связь с несметными богатствами и их владельцами, чью сплоченность и чувство взаимовыручки он так чтил, и служило гарантией, что финансовый мир позаботится о достойном месте для

Энтони. Эти вечно спешащие люди внушали то самое чувство надежности и защищенности, что неизменно возникало при размышлении о дедовских капиталах. Только оно было еще сильнее, так как деньги деда представлялись Энтони некой ссудой до востребования, которую общество выдало Адаму Пэтчу за его добродетельность, тогда как здешние капиталы скорее являлись захваченной добычей и удерживались ценой невероятных усилий воли и нестигаемого упорства. Кроме того, они виделись более определенно и четко как непосредственно деньги.

Хотя Энтони зачастую наступал на пятки своим доходам, он считал получаемое содержание вполне приличным. Разумеется, в один поистине прекрасный день он станет обладателем многомиллионного состояния, а пока находил оправдание своему существованию, строя планы написать ряд очерков о римских папах эпохи Ренессанса. Этот факт и заставляет вернуться к разговору с дедом, состоявшемуся сразу по приезде Энтони из Рима.

В душе он лелеял надежду не застать дедушку в живых, однако, позвонив прямо с пристани, обнаружил, что Адам Пэтч пребывает в относительно добром здравии, и на следующий день, скрывая разочарование, отправился в Тэрритаун. Такси отошло от вокзала и, проехав пять миль, оказалось на ухоженной подъездной аллее, проложенной в настоящем лабиринте из высоких стен и проволочных ограждений, защищающих дедовские владения. Поговаривали, если вдруг социалисты одержат верх, первым человеком, с которым они расправятся, вне всякого сомнения, станет престарелый Брюзга Пэтч.

Энтони опоздал, и почтенный филантроп, поджидая его на застекленной террасе, уже во второй раз просматривал утренние газеты.

Секретарь деда Эдвард Шаттлуорт до духовного возрождения слыл заядлым игроком, владел питейным заведением, вел распутную жизнь и вообще считался отпетым мерзавцем. Он и проводил Энтони в комнату, демонстрируя своего благодетеля и спасителя, словно тот являл собой бесценное сокровище.

Дед и внук степенно пожали друг другу руки.

– Рад, что ваше здоровье заметно улучшилось, – начал разговор Энтони.

Старший Пэтч извлек из кармана часы и, будто не видел внука всего неделю, с сочувственным видом осведомился:

– Что, поезд опоздал?

Необязательность Энтони вызывала досаду. Старик не только пребывал в стойком заблуждении, что с ранней молодости соблюдает исключительную пунктуальность в делах и на все встречи является в точно указанный срок, но и считал это главной причиной своего успеха в жизни.

– В этом месяце он то и дело опаздывает, – заметил старший Пэтч с легкой тенью упрека в голосе и, тяжело вздохнув, предложил внуку сесть.

Энтони изучал деда в молчаливом изумлении, которое испытывал всякий раз при виде его персоны. Никак не верилось, что этот щедушный недалекий старик наделен огромной властью и вопреки заявлениям желтой прессы во всей стране вряд ли найдется достаточное количество людей, души которых он не смог бы купить тем или иным способом, чтобы их хватило на заселение небольшого пригорода Нью-Йорка Уайт-Плейнс. А уж представить, что он когда-то был розовощеким младенцем, и вовсе казалось невозможным.

Вся семидесятипятилетняя жизнь Адама Пэтча напоминала работу сказочных кузнечных мехов. В течение ее первой четверти в Адама вдувались жизненные силы, а последняя – высасывала их обратно. Она сделала впалыми щеки и грудь, иссушила руки и ноги, отняла один за другим зубы, окружила маленькие глазки дряблыми сизыми мешками и проредила волосы. Серый цвет стал белым, а розовый пожелтел, все краски смешались, будто коробка, где их хранили, попала в руки неразумного дитя. Завладев душой и телом, старость атаковала мозг, посылая по ночам беспричинные страхи, слезы и холодный пот. Исключительная практичность раскололась, перерождаясь в легкоеверие и подозрительность. Зиждущийся на трезвом расчете энтузиазм распался на десятки мелких, но вздорных навязчивых идей, неумная энергия съежилась до нелепых капризов избалованного ребенка, а на смену жажде власти пришло глупое ребяческое желание создать на земле рай с песнопениями под аккомпанемент арфа.

После сдержанного обмена любезностями Энтони понял, что от него ждут четкого изложения дальнейших намерений, однако промелькнувший в старческих глазах тусклый огонек вовремя

подсказал: упоминать о желании поселиться за границей пока не стоит. Энтони очень хотелось, чтобы ненавистный Шаттлуорт проявил присущую воспитанным людям тактичность и покинул комнату. Однако секретарь, напустив на себя угодливый вид, надежно обосновался в кресле-качалке и время от времени переводил взгляд выцветших глазок со старшего Пэтча на младшего.

– Ну, раз ты вернулся, следует чем-нибудь заняться, – проникновенным голосом начал дед. – Добиться определенных результатов.

Энтони ждал, что он закончит вступление словами «оставить после себя что-то значительное», и решил высказать собственное мнение:

– Я вот подумал... Пожалуй, лучше всего мне подойдет писательская деятельность.

Адам Пэтч поморщился, представив среди членов семьи длинноволосого поэта в компании трех любовниц.

– Попробую писать очерки на исторические темы, – закончил свою мысль Энтони.

– Значит, тебя интересует история? Но чего именно? Гражданской войны или Войны за независимость?

– Да нет же, сэр. Речь об истории Средних веков. – В этот момент Энтони посетила идея осветить историю папства эпохи Возрождения, представив ее в совершенно новом свете. И все же он был доволен, что упомянул Средние века.

– Средние века? – переспросил дед. – А почему не написать о своей стране? О том, что хорошо знаешь?

– Видите ли, я так долго жил за границей...

– Не понимаю, с чего ты решил писать о Средних веках. Мы называли их «Мрачными временами». Никто не знает, что тогда творилось, да никому и не интересно. Они остались в далеком прошлом, вот и все. – В течение нескольких минут дед пространно рассуждал о бесполезности подобных сведений, упомянув, разумеется, испанскую инквизицию и «поразивший монастыри порок». После чего поинтересовался: – Как думаешь, ты способен заняться каким-нибудь делом в Нью-Йорке и намерен ли вообще работать? – В последних словах прозвучала тонкая, едва уловимая издевка.

– Разумеется, намерен, сэр.

– Ну и когда же сподобишься?

– Понимаете, нужно набросать план и многое прочесть, прежде чем приступить к работе.

– Полагаю, это уже давно следовало сделать.

Беседа исчерпала себя и резко оборвалась. Энтони поднялся с места и, взглянув на часы, сообщил, что после обеда должен встретиться со своим брокером. Он собирался провести у деда несколько дней, но утомился от вызывающей раздражение корабельной качки и не желал терпеть завуалированные, полные ханжеского лицемерия упреки и нападки. Перед уходом Энтони пообещал вскоре заглянуть.

Тем не менее именно благодаря этому разговору мысль о работе прочно засела у него в голове и стала частью жизни. За год, прошедший после разговора с дедом, он составил несколько списков авторитетных источников, пробовал придумать названия глав и делил свой труд по периодам, однако ни одной строчки готового текста так и не появилось, и не было даже намека, что когда-нибудь это событие произойдет. Энтони предавался безделью и вопреки общепризнанной логике умудрялся при этом в полной мере вкушать радости жизни.

После полудня

Шел октябрь 1913 года, самая середина выдавшейся недели погожих дней, когда солнечные лучи празднично скользят по поперечным улицам и все вокруг наполнено ленивой истомой, которую оживляет лишь призрачный танец падающих листьев. Было приятно сидеть в праздности у открытого окна, дочитывая главу из «Едгина» Сэмюэля Батлера. Около пяти часов Энтони, сладко зевнув, небрежно бросил книгу на стол и не спеша прошествовал по коридору в ванную. «К тебе, красавица, я обращаю взор, – напевал он, отворачивая кран. – Услышь же сердца бедного укор».

Он запел громче, состязаясь с шумом льющейся в ванну воды, и, глянув на фотографию Хейзл Дон на стене, прижал к плечу воображаемую скрипку и нежно тронул струны несуществующим смычком. Не разжимая губ, Энтони издавал жужжащие звуки, которые в его представлении напоминали пение скрипки. В следующее мгновение он прекратил манипуляции с инструментом и принялся расстегивать пуговицы на рубашке. Сняв с себя одежду, Энтони стал в

позу облаченного в тигровую шкуру атлета с рекламного плаката и с явным удовлетворением разглядывал себя в зеркале. Прервав это занятие, он поболтал ногой, пробуя воду, отрегулировал кран и с предвещающим грядущее удовольствие урчанием нырнул в ванну.

Привыкнув к температуре воды, он впал в состояние сладкой дремы. После принятия ванны Энтони не спеша оденется и прогуляется по Пятой авеню до отеля «Ритц», где договорился поужинать с двумя наиболее близкими приятелями Диком Кэрамелом и Мори Ноублом. Потом они с Мори намеревались отправиться в театр, а Кэрамел, вероятно, поспешит домой, чтобы продолжить работу над книгой, которую нужно закончить как можно скорее.

Энтони тихо радовался, что он-то трудиться над своей книгой не собирается. Необходимость корпеть не только над словами, выражающими мысли, но и над мыслями, которые стоят того, чтобы их облачили в слова, никоим образом не совпадала с его желаниями.

Выбравшись из ванны, он принялся наводить лоск с дотошностью заправского чистильщика обуви. Затем прошествовал в спальню, насвистывая причудливую мелодию, походил взад-вперед, застегивая пуговицы, поправляя костюм и наслаждаясь теплом пушистого ковра под ногами.

Энтони зажег сигарету, выбросил спичку в открытую фрамугу и вдруг замер на месте, не донеся ее до открывшегося в изумлении рта. Взгляд приковало яркое пятно на крыше одного из домов, расположенных дальше по переулку.

Это была девушка в красном, разумеется, шелковом пеньюаре, которая сушила волосы под все еще жарким солнцем клонившегося к вечеру дня. Свист оборвался и умолк в душном воздухе комнаты. Энтони сделал осторожный шаг к окну, проникнувшись внезапным сознанием, что девушка прекрасна. Она сидела на каменном парапете, облокотившись на подушку того же цвета, что и пеньюар, и смотрела вниз, на залитую солнцем улицу, откуда до слуха Энтони доносились крики играющих детей.

Несколько минут он наблюдал за девушкой. В душе что-то всколыхнулось, но теплый аромат угасающего дня и победоносная яркость красного цвета были тут ни при чем. Энтони не покидало чувство, что девушка красива, и вдруг его осенило, что все дело в расстоянии, не в редкой драгоценной отдаленности душ, а в

нескольких ярдах обычного земного пространства. Их разделял осенний воздух, крыши домов и приглушенные голоса. И все же на какое-то непостижимое мгновение, вопреки всем законам зависшее во времени, он испытал чувство, гораздо более близкое к обожанию, чем при самом горячем поцелуе.

Завершив туалет, он отыскал черный галстук-бабочку и аккуратно надел его перед трельяжем в ванной. Поддавшись порыву, Энтони вернулся в спальню и снова посмотрел в окно. Теперь женщина выпрямилась, откинув назад волосы, и он мог хорошо ее рассмотреть. Она оказалась толстухой старше тридцати пяти, с самой заурядной внешностью. Прищелкнув языком, Энтони вернулся в спальню и принялся расчесывать волосы на пробор. «К тебе, красавица, я обращаю взор», – беззаботно напевал он.

Завершающее прикосновение щетки придало волосам безупречный переливчатый глянец, после чего Энтони вышел из ванной, а затем и из квартиры, и направился вдоль по Пятой авеню к отелю «Ритц-Карлтон».

Трое мужчин

В семь часов Энтони с другом Мори Ноублом сидят за угловым столиком на прохладной крыше. Мори Ноубл поразительно похож на большого, полного изящной импозантности кота. Прищуренные глаза светятся расходящимися в разные стороны лучиками, волосы прямые и гладкие, словно, буде такое возможно, его облизала исполинская мама-кошка. Во время учебы Энтони в Гарварде Мори считался самой выдающейся фигурой на курсе, самым блистательным, оригинальным, умным и выдержанным студентом, причисленным к разряду избранных.

Этого человека Энтони считает лучшим другом. Из всех знакомых Мори единственный, кем он восхищается и кому втайне завидует, хотя ни за что в этом не признается.

Они рады встрече, глаза светятся добротой, и каждый в полной мере ощущает эффект новизны после недолгой разлуки. В обществе друг друга они черпают безмятежное умиротворение. Мори Ноубл скрывает чувства за вальяжными манерами и непроницаемой, до невероятности похожей на кошачью физиономией и, кажется, вот-вот

замурлычет, а нервный и непостоянный, будто блуждающий огонек, Энтони сейчас спокоен.

Они увлечены легкой светской беседой, от которой получают удовольствие только мужчины до тридцати лет или мужчины в состоянии сильного волнения.

Э н т о н и (с нетерпением). Семь часов. Куда подевался Кэрамел? Скорей бы завершил свой нескончаемый роман. Умираю от голода...

М о р и. Он придумал новое название – «Демонический любовник». Недурно, а?

Э н т о н и (заинтересованно). «Демонический любовник»? Ну как же, дамы обольются слезами. Нет, вполне сносно! Очень даже неплохо! Что скажешь?

М о р и. Приемлемо. Так который, говоришь, час?

Э н т о н и. Семь.

М о р и (*щурится, но без раздражения, просто чтобы выразить легкое неодобрение*). На днях довел меня до бешенства.

Э н т о н и. Каким образом?

М о р и. Да своей привычкой все записывать.

Э н т о н и. Со мной та же история. Прошлым вечером я что-то сказал, а он усмотрел в моих словах глубокий смысл, но забыл суть, вот и привязался. Говорит: «Неужели не можешь сосредоточиться и вспомнить?» А я ему: «Ты наводишь на меня тоску. С какой стати я должен держать в голове всякую ерунду?»

Мори беззвучно смеется, лицо расплывается в вежливую понимающую ухмылку.

М о р и. Дик видит не больше остальных, но умеет записать основную часть увиденного.

Э н т о н и. Ничего не скажешь, впечатляющий талант...

М о р и. Да уж, впечатляет!

Э н т о н и. А его энергия, честолюбивые помыслы движутся целенаправленно. Он такой занятный, страшно будоражит и увлекает людей. Иногда рядом с ним просто дух захватывает.

М о р и. О да.

После короткого молчания разговор возобновляется.

Э н т о н и (*его худое нерешительное лицо выражает глубокую убежденность*). Только нет у него неукротимой энергии, и настанет день, когда она вся иссякнет, а вместе с ней пропадет и «впечатляющий талант», а останется только осколок человека, сварливый самовлюбленный болтун.

М о р и (*смеется*). Вот мы тут пытаемся убедить друг друга, что малыш Дик в отличие от нас не вникает столь глубоко в суть вещей, но бьюсь об заклад – он со своей стороны чувствует некоторое превосходство творческого ума над умом критическим, ну и все такое прочее.

Э н т о н и. Разумеется. Но он ошибается. Он склонен разбрасываться на множество глупых увлечений. Не погрузись он в реализм, в результате чего приходится рядиться в одежды циника, поддался бы такому же легковерию, как религиозный лидер в колледже. Он ведь на самом деле идеалист, хотя думает иначе, потому что отвергает христианство. Помнишь его в колледже? Проглатывал книги всех писателей, одну за другой, легко и без разбора, заимствуя идеи, писательские приемы и персонажей. Честертон, Шоу, Уэллс.

М о р и (*обдумывая свое последнее наблюдение*). Помню.

Э н т о н и. Ведь это правда. По своей природе фетишист, непременно нужно перед кем-нибудь преклоняться. Возьмем, к примеру, искусство...

М о р и. Давай-ка что-нибудь закажем. Он скоро...

Э н т о н и. Да, конечно. Закажем. Я ему говорил...

М о р и. А вот и он. Сейчас столкнется с официантом. (*Мори поднимает палец, подзывая официанта, и палец у него похож на добродушный и ласковый кошачий коготь.*) Наконец-то, Кэрамел.

Н о в ы й г о л о с (*с энтузиазмом*). Привет, Мори. Привет, Энтони Комсток Пэтч. Сколько лет внуку Адама? Молоденькие дебютантки по-прежнему бегают за тобой толпами, а?

Р и ч а р д К э р а м е л – невысокий блондин, из породы тех, кто лысеет к тридцати пяти годам. У него желтоватые глаза: один – поразительно ясный, а другой – мутноватый, наподобие грязной лужицы, и выпуклый лоб, как у младенца из комиксов. Выпуклости имеются и в иных местах: пророчески выпячивается брюшко, и слова будто выбухают изо рта. Даже карманы смокинга распухли волдырями. Они набиты обтрепанными расписаниями поездов, программками и

прочим бумажным хламом, на котором он делает заметки, сощурив разные глаза и призывая свободной левой рукой окружающих к тишине.

Подойдя к столику, он здоровается за руку с Энтони и Мори. Кэрамел всегда здоровается за руку, даже если видел людей час назад.

Э н т о н и. Привет, Кэрамел. Рад встрече. Так не хватает чего-нибудь веселенького в нашей печальной жизни.

М о р и. Опаздываешь. Гонялся по всему кварталу за почтальоном? А мы тут перемываем тебе косточки.

Д и к (*сверлит Энтони своим ясным глазом*). Как ты сказал? Повтори, я запишу. Сегодня выкинул из первой части книги три тысячи слов.

М о р и. Благородный эстет. А вот я накачивался спиртным.

Д и к. Кто бы сомневался. Держу пари, вы тут битый час болтаете о выпивке.

Э н т о н и. Мы никогда не напиваемся до беспамятства, мой юный друг.

М о р и. И никогда не приводим домой дам, с которыми познакомились, будучи навеселе.

Э н т о н и. И вообще наши дружеские пирушки носят возвышенный характер.

Д и к. Только глупцы хвастают умением пить! Беда в том, что вы задержались в восемнадцатом веке, следуя примеру старых английских сквайров. Тихо напиваетесь, пока не окажетесь под столом. И никакой радости. Нет, это никуда не годится.

Э н т о н и. Даю голову на отсечение, ты цитируешь главу шестую.

Д и к. Идете в театр?

М о р и. Да, намереваемся посвятить вечер глубоким размышлениям над вопросами жития. Пьеса называется коротко: «Женщина». Полагаю, многообещающее название себя оправдает.

Э н т о н и. О Господи! Неужели так и называется? Давай лучше снова сходим в варьете.

М о р и. Надоело. Я видел их представление три раза. (*Обращается к Дику.*) В первый раз мы вышли в антракте и отыскивали изумительный бар, а когда вернулись в зал, оказалось, что попали в другой театр.

Э н т о н и. И долго пререкались с перепуганной молодой парой. Решили, что они заняли наши места.

Д и к (*якобы разговаривая сам с собой*). Думаю написать еще один роман и пьесу или сборник рассказов, а потом займусь музыкальной комедией.

М о р и. Представляю. С заумными куплетами, которые никто не станет слушать. А критики примутся ворчать и охать, вспоминая старый добрый «Крейсер “Пинафор”»^[1]. А я так и буду блистать бессмысленной фигурой в лишенном всякого смысла мире.

Д и к (*напыщенно*). Искусство не бессмысленно.

М о р и. Само по себе оно именно таковым и является, однако приобретает определенный смысл, если пытаются сделать жизнь менее бессмысленной.

Э н т о н и. Иными словами, Дик, ты играешь перед трибуной, заполненной призраками.

М о р и. Как бы там ни было, постарайся, чтобы представление получилось хорошим.

Э н т о н и (*обращаясь к Мори*). А по мне так зачем вообще писать, если мир такой бессмысленный? Сама попытка отыскать там какую-то цель бесполезна.

Д и к. Даже если признать вашу правоту, сделайте милость, оставайтесь благопристойными прагматиками и даруйте бедному человечеству возможность сохранить инстинкт выживания. Но вам-то хочется, чтобы все согласилось с софистической чушью, что вы несете?

Э н т о н и. Именно так.

М о р и. Нет, сэр! Я считаю, что всех жителей Америки, за исключением тысячи избранных, необходимо принудительно приобщить к самой строгой системе моральных ценностей. Например, к римскому католицизму. Я не критикую общепринятую мораль, но выступаю против отступивших от нее посредственностей, которые, опираясь на достижения софистики, принимают позу нравственной свободы, не имея на то ни малейшего права в силу заурядных умственных способностей.

В этот момент на сцене появляется суп, и все, что Мори намеревался изложить, так и остается невысказанным.

Ночь

Затем друзья навели перекупщика билетов и за заоблачную цену приобрели места на новую музыкальную комедию «Бурное веселье». В фойе они задержались на несколько минут, обзвывая явившуюся на премьеру толпу. Непрерывным потоком двигались меховые мантии и накидки из разноцветных шелков. По рукам, шеям и бело-розовым мочкам ушей струились каплями драгоценные камни, на шелковых шляпках, которым несть числа, мерцали широкие ленты, мелькали туфельки цвета золота и бронзы, красные и лакированные черные. Проплывали высокие, тщательно уложенные, туго стянутые прически дам, лоснились напомаженные волосы ухоженных мужчин. Жизнерадостное людское море накатывало волнами, бурлило, пенилось, разражаясь оживленной болтовней и смехом, отступало и медленно вздымалось вновь, вливая сверкающий поток в сотворенное на сегодняшний вечер самими людьми озеро всеобщего веселья.

После спектакля друзья расстались: Мори намеревался потанцевать у «Шерри», а Энтони отправился домой спать.

Он медленно проталкивался сквозь толпу, наводняющую по вечерам Таймс-сквер, которая благодаря гонкам экипажей и их многочисленным приверженцам выглядела на удивление яркой и красивой, создавая атмосферу карнавала. Вокруг, словно в калейдоскопе, мелькали лица, безобразные, как смертный грех: то слишком жирные, то непомерно тощие, и все же они плыли в осеннем воздухе, будто удерживаемые собственным жарким и страстным дыханием, выплескивающимся в ночь. Энтони подумал, что, несмотря на всю вульгарность, в этих лицах чувствуется едва уловимая, ускользающая тайна. Он осторожно вдыхал аромат духов и не вызывавший неприятных ощущений запах дымивших со всех сторон сигарет. Встретился взглядом с юной темноволосой красавицей, одиноко сидевшей в закрытом такси. В сгущающихся сумерках ее глаза наводили на мысли о ночи и фиалках. На короткое мгновение в душе Энтони всколыхнулось полузабытое воспоминание об оставшемся далеко в прошлом дне.

Мимо прошли два молодых еврея. Они громко разговаривали, вытягивая шеи, и с глупым высокомерием поглядывали по сторонам. Фигуры обтягивали слишком облегающие костюмы, которые еще кое-

где считались модными, отложные воротнички со стойкой врезались в кадыки, на ногах красовались серые гетры, а набалдашники трости сжимали руки в серых же перчатках.

Промелькнула пожилая дама, которую, словно корзину с яйцами, тащили под руки двое мужчин, оживленно повествующих о чудесах Таймс-сквер. Они тараторили так быстро, что женщина, желая проявить интерес к рассказу обоих, крутила головой, будто перекачивалась увлекаемая ветром высохшая апельсиновая кожура.

– Мама, вот это Астор!

– Смотри, вот объявление о гонках на экипажах...

– А вот тут мы сегодня были. Да нет же, вон там!

– Боже правый!

– Принимай все близко к сердцу, и высохнешь в щепку, – узнал Энтони популярную в этом году шутку, которую произнес рядом чей-то скрипучий голос.

– А я ему говорю, вот так прямо и говорю...

Мимо с тихим шорохом проезжали такси, слышался несмолкаемый смех, хриплый, как воронье карканье, сливаясь с гулом подземки. И над всем этим царил круговорот огней, которые то становились ярче, то тускнели, разлетаясь жемчужной россыпью, образуя сверкающие круги и полосы, складываясь в уродливые гротескные фигуры, покрывающие небо причудливой резьбой.

С чувством облегчения Энтони свернул в затишье, сквозившее с пересекающей магистраль улицы, миновал булочную, при которой имелся небольшой ресторанчик. В окне виднелся автоматический вертел с дюжиной вращающихся куриных тушек, а из дверей шел аромат горячей выпечки. Следующий дом, где находилась аптека, источал запахи лекарств и пролитой содовой, а к ним примешивалось слабое благоухание от прилавка с косметикой. Потом на пути была душная китайская прачечная с облаками пара, она еще работала и пахла выглаженным бельем и чем-то неуловимо азиатским. Все это произвело на Энтони удручающее впечатление, и, дойдя до Шестой авеню, он заглянул в находившуюся на углу табачную лавку. После ее посещения настроение заметно улучшилось. Окутанная облаками синего дыма табачная лавка настраивала на жизнерадостный и бодрый лад, приглашая потратиться на приятную роскошь.

Добравшись до своей квартиры, Энтони уселся в темноте у открытого окна и выкурил последнюю сигарету. Впервые за прошедший год он почувствовал, что жизнь в Нью-Йорке может быть весьма приятной. Определенно, в этом городе есть редко встречающаяся жгучая, почти южная пряность. И все же порой здесь бывает тоскливо и одиноко. Энтони, выросший в одиночестве, в последнее время научился его избегать, стараясь занять все вечера. Если никакой встречи не намечалось, он спешил в один из клубов в поисках общения. Да, чего-чего, а одиночества здесь хватало...

Сигарета еще тлела в руке, обволакивая белесоватым дымом складки тонких штор, а часы на церкви Святой Анны, что находилась чуть дальше по этой же улице, с раздражительностью элегантной дамы уже пробили час ночи. Из соседнего, погруженного в сон квартала донесся барабанный грохот. Если бы Энтони потрудился выглянуть из окна, то увидел бы вылетевший из-за угла поезд, который, подобно разгневанному орлу, неся в темноте. Энтони пришел на память недавно прочитанный фантастический роман, где города бомбили с летающих по воздуху поездов. На мгновение он представил, что Вашингтон-сквер объявил войну Центральному парку и надвигающаяся с севера угроза несет с собой кровавые сражения и сеет смерть. Но поезд умчался вдаль, разрушая иллюзию. Барабаны грохотали все тише, а потом некоторое время слышался только клекот улетающего орла.

С Пятой авеню доносились звон колокольчиков и приглушенное гудение автомобильных рожков, но на его улице стояла тишина, и Энтони чувствовал себя защищенным от всех опасностей, которые таит жизнь. Вот дверь его квартиры, длинный коридор и главный защитник – спальня. И никакой опасности! Причин для страха нет! Падающий в окно свет фонаря в этот час похож на лунное сияние, только еще ярче и прекраснее.

В раю. Взгляд в прошлое

Красота, рождающаяся раз в сто лет, сидела в некоем подобии находящейся под открытым небом приемной, сквозь которую проносились порывы прозрачного ветерка и время от времени пролетала запыхавшаяся звезда. Звезды заговорщически подмигивали Красоте, а ветер без устали трепал волосы. Она была непостижимой, так как ее душа и натура составляли единое целое и красота тела выражала сущность души. Философы на протяжении многих столетий стремятся отыскать такое единство. А она сидела в этом зале ожидания среди ветров и звезд уже сто лет, в мире и покое занимаясь самосозерцанием.

Наконец Красота узнала, что ей предстоит родиться заново. Вздохнув, она завела долгую беседу с неким Голосом, который принес непорочный ветер. Их разговор продолжался много часов, и здесь я намерен привести лишь короткий отрывок.

К р а с о т а (*едва заметно шевеля губами, ее взор, как обычно, устремлен в себя*). Куда мне предстоит отправиться теперь?

Г о л о с. В незнакомую страну, которую ты прежде не видала.

К р а с о т а (*недовольным тоном*). Ненавижу врываться в неизвестные цивилизации. И сколько же времени предстоит провести там на сей раз?

Г о л о с. Пятнадцать лет.

К р а с о т а. Как называется это место?

Г о л о с. Самая богатая и прекрасная страна в мире, край, где мудрейшие немногим умнее последних глупцов, земля, в которой разум правителей невинен, как у младенцев, а законодатели верят в Санта-Клауса, где уродливые женщины властвуют над сильными мужчинами.

К р а с о т а (*в изумлении*). Как ты сказал?

Г о л о с (*удрученно*). Воистину печальное зрелище. Женщины с безобразными срезанными подбородками и бесформенными, как лепешка, носами расхаживают среди бела дня и командуют: «Делай то! Делай это!» И все мужчины, даже самые богатые, покорно

подчиняются воле своих женщин, к которым высокопарно обращаются не иначе как «миссис такая-то» или «моя супруга».

К р а с о т а. Не может быть! Разумеется, я могу понять, когда идет речь о покорности прелестным женщинам. Но толстухи или уродливые худышки? Неужели подчиняются даже женщинам с морщинистыми впалыми щеками?

Г о л о с. Именно так.

К р а с о т а. А как же я? Что меня там ждет?

Г о л о с. Путь предстоит нелегкий, если уместно так выразиться.

К р а с о т а (*выдержав паузу, разочарованно*). Почему не отправить меня в знакомые страны, в края, где растет виноград и живут мужчины, умеющие произносить сладкие речи? Или туда, где море и множество кораблей?

Г о л о с. Предполагается, что в скором времени их ждут иные дела.

К р а с о т а. Ах, как жаль!

Г о л о с. Твое пребывание на земле, как всегда, станет паузой между двумя чрезвычайно важными событиями, отраженными в зеркале мироздания.

К р а с о т а. Скажи, а кем я буду?

Г о л о с. Поначалу предполагалось, что ты явишься киноактрисой, но потом это оказалось нецелесообразным. Последующие пятнадцать лет ты проживешь под маской так называемой девушки из общества.

К р а с о т а. А что это значит?

Здесь к пению ветра примешивается новый звук, наводящий на мысль, что Голос решил почесать голову.

Г о л о с (*после длительной паузы*). Ну, нечто вроде липовой аристократки.

К р а с о т а. Липовой? Что это значит?

Г о л о с. И это тебе предстоит узнать в стране, куда вскоре отправишься. Там найдется много чего липового. Кстати, и к твоим поступкам и всему поведению тоже подойдет это слово.

К р а с о т а (*с безмятежным видом*). Как вульгарно.

Г о л о с. На самом деле все еще гораздо вульгарнее. В эти пятнадцать лет ты прославишься как «дитя рэгтайма», «эмансипе»,

«джаз-беби» и «беби-вамп» и исполнишь новые танцы не менее грациозно, чем танцевала старые.

К р а с о т а (*шепотом*). А мне заплатят?

Г о л о с. Да, как всегда – любовью.

К р а с о т а (*с легким смешком, от которого едва заметно шевельнулись губы*). Мне понравится называться «джаз-беби»?

Г о л о с (*рассудительно*). Очень понравится...

Здесь разговор обрывается. Красота по-прежнему сидит неподвижно, звезды замирают в благоговейном восторге, а прозрачный и чистый порывистый ветер треплет ей волосы.

Диалог, приведенный выше, состоялся за семь лет до дня, в который Энтони, сидя у окна в своей квартире, будет прислушиваться к колокольному перезвону на церкви Святой Анны.

Глава вторая

Портрет сирены

Месяц спустя на Нью-Йорк опустились бодрящие холода, а вместе с ними пришел ноябрь, который принес три ответственных футбольных матча и изобилие мехов, колышущихся бескрайним потоком по Пятой авеню. С наступлением заморозков город охватило чувство напряженности и сдержанного возбуждения. Теперь каждое утро Энтони получал по почте приглашения. Три дюжины целомудренных представительниц женского пола из высшего слоя общества заявляли если не о явном желании, то по крайней мере о способности родить детей трем дюжинам миллионеров. Пять дюжин добродетельных девиц из следующего, более низкого слоя отважно сообщали не только о своей пригодности, но и о серьезных притязаниях в отношении вышеупомянутых трех дюжин молодых людей и, разумеется, приглашали на все девяносто шесть званых вечеров. Как и друзей семейств, из которых происходили юные дамы, а также знакомых, приятелей по колледжу и жаждущих попытать счастья рьяных юношей со стороны. Существовал и третий слой, обитающий на городских окраинах, Ньюарка и других городов Нью-Джерси до сурового Коннектикута, но не имеющий никаких шансов в районе Лонг-Айленда. Были и слои, расположившиеся еще ниже, у самого городского дна: от Риверсайда до Бронкса еврейских невест выводили в иудейское общество в предвкушении встречи с подающим надежды молодым брокером или ювелиром с последующим кошерным бракосочетанием. Ирландские девицы на выданье, получив наконец официальное разрешение, бросали взгляды на молодых политиков из Таммани-холла, благочестивых предпринимателей и повзрослевших мальчиков из церковного хора.

Как и следовало ожидать, весь город заразился атмосферой ожидания и надежды. И девушки из рабочей среды, бедные дурнушки, упаковывающие мыло на фабриках или демонстрирующие наряды и украшения в крупных магазинах, мечтали обрести в царившей той зимой кутерьме, от которой захватывало дух, своего вожака, своего мужчину. Так неумелый вор-карманник тешит себя надеждой, что в карнавальное время его шансы на успех возрастают. И задымили трубы, и выросли новые слои грязи от подземки. Актрисы играли в

новых пьесах, издатели напечатали новые книги, а Айрин и Вернон Каслы выступили с новыми танцами. Железные дороги выпустили новые расписания поездов с новыми ошибками вместо старых, к которым обладатели сезонных билетов уже успели привыкнуть.

Весь город выходил в свет!

Однажды, прогуливаясь под серо-стальным небом Сорок второй улицы, Энтони неожиданно столкнулся с Ричардом Кэрамелом, который вышел из парикмахерской отеля «Манхэттен». Стоял первый по-настоящему холодный день, и Кэрамел был одет в отороченное овчиной пальто до колен, какие с давних пор носит рабочий люд на Среднем Западе и которые только что начали входить в моду. Из-под полей мягкой шляпы сдержанного темно-коричневого цвета горел, подобно топазу, ясный глаз. Кэрамел радостно бросился к Энтони и принялся хлопать того по плечам скорее из желания согреться, а не ради шалости. После непрямого рукопожатия Дик разразился речью:

– Чертовски холодно. Весь день трудился как проклятый, пока комната совсем не выстудилась, и я испугался, что заработаю пневмонию. Окаянная домохозяйка экономит на угле и появилась только после того, как я полчаса орал на лестнице. Принялась оправдываться, что да как. Господи! Поначалу она меня взбесила, а потом вдруг пришло в голову, что из нее получится яркий персонаж, вот и начал делать заметки, пока старуха разглагольствовала. Так, чтобы не заметила, будто я просто что-то записываю.

Он схватил Энтони под руку и потащил по Мэдисон-авеню.

– Куда это мы идем?

– Да так, никуда, просто прогуливаемся.

– Что толку в такой прогулке? – удивился Энтони.

Они остановились, глядя друг на друга в упор, и Энтони вдруг представил, что, вполне вероятно, от холода его лицо стало таким же отталкивающим, как у Дика Кэрамела. Нос у приятеля сделался малиновым, выпуклый лоб посинел, а разные глаза покраснели и слезились. Постояв мгновение, друзья двинулись дальше.

– Замечательно поработал над романом, – с многозначительным видом сообщил Дик, глядя себе под ноги. – Но надо иногда выходить на люди. – Он бросил на Энтони извиняющийся взгляд, словно ища поддержки. – Мне необходимо выговориться. Полагаю, очень мало

людей, способных по-настоящему думать о серьезных вещах. То есть сесть и погрузиться в размышления, в результате чего рождаются идеи. Мне лучше всего думается, когда я пишу или разговариваю. Главное – начать что-нибудь отстаивать или возражать и спорить... как считаешь?

Энтони что-то невнятно буркнул, осторожно высвобождая руку.

– Тебя, Дик, я еще могу на себе тащить, но что до пальто...

– Хочу сказать, – с серьезным видом продолжал Ричард Кэрамел, – что на бумаге уже в первом абзаце рождается мысль, которую ты собираешься отбросить в сторону или же развить дальше. В разговоре в твоём распоряжении последнее высказывание собеседника... когда же просто размышляешь, идеи следуют чередой одна за другой, как картинки в волшебном фонаре, где каждая последующая вытесняет предыдущую.

Друзья миновали Сорок пятую улицу, чуть замедлили шаг и закурили, выдыхая огромные облака дыма и пара.

– Давай зайдем в «Плазу» и выпьем по эггногу, – предложил Энтони. – Тебе пойдет на пользу. Свежий воздух выгонит вредоносный никотин из легких. Ну что, согласен? А по дороге можешь рассказывать о своей книге.

– Не хочу, если это наводит на тебя скуку. То есть нет нужды делать мне одолжение. – Слова торопливо выскакивали одно за другим, и несмотря на старания придать лицу безразличное выражение, оно обиженно сморщилось.

– Наводит скуку? Да что ты! Вовсе нет! – вынужденно запротестовал Энтони.

– У меня есть кузина, – начал Дик, но Энтони не дослушал и, широко расставив руки, с ликованием воскликнул:

– Изумительная погода, верно? Заставляет чувствовать себя десятилетним мальчишкой. То есть именно такие ощущения следовало бы испытывать в десять лет. Сногсшибательно! О Господи! Вот я властвую над миром, а в следующее мгновение играю в нем роль шута. Сегодня мир принадлежит мне, и все так легко, так легко. Даже Пустота!

– У меня кузина живет в отеле «Плаза». Прелестная девушка, пользуется популярностью в обществе. Можем зайти. Она проводит

здесь зиму вместе с родителями. Во всяком случае, в последнее время...

– Не знал, что у тебя появились кузины в Нью-Йорке.

– Ее зовут Глория. Она из Канзас-Сити. Матушка – практикующая билфистка^[2], а отец несколько туповат, зато истинный джентльмен.

– Что они собой представляют? Подходящий литературный материал?

– Во всяком случае, стараются. А папаша то и дело твердит, что недавно встретил потрясающий персонаж для романа. Потом примется рассказывать о каком-то придурковатом приятеле и непременно закончит словами: «Вот настоящий герой, словно для тебя создан! Почему его не описать? Всем будет интересно». Или начнет распространяться о Японии, Париже или другом всем известном месте, а при этом приговаривает: «А написал бы ты об этом месте? Так и просится в роман или рассказ!»

– А девушка? – небрежно поинтересовался Энтони. – Глория... Глория, как ее там?

– Гилберт. Да ты о ней слышал. Глория Гилберт. Посещает вечера танцев в колледжах. В общем, девушка известная.

– Слышал это имя.

– Симпатичная. По правде сказать, чертовски хорошенькая.

Они дошли до Пятидесятой улицы и свернули на Пятую авеню.

– Вообще-то молоденькие девушки меня не интересуют, – нахмурился Энтони.

Он слукавил. Хотя Энтони и считал, что среднестатистическая дебютантка день напролет говорит и думает о перспективах, которые для нее откроет в течение следующего часа огромный мир, любая девушка, зарабатывающая на жизнь красивой внешностью, вызывала у него огромный интерес.

– Глория обворожительна... и совсем глупенькая.

Энтони саркастически фыркнул:

– Хочешь сказать, кузина не способна вести беседы на литературные темы?

– Вовсе нет.

– Слушай, Дик, сам знаешь, что в твоём понимании подразумевается под умственными способностями женщины. Серьезные молодые девицы, которые сядут с тобой в уголке и с

глубокомысленным видом заведут разговор о жизни. Из тех, что в шестнадцать лет с важными физиономиями спорят, можно целоваться или нет, и прилично ли для первокурсника пить пиво.

Ричард Кэрамел имел вид человека, оскорбленного в лучших чувствах. Его нахмуренное лицо еще больше сморщилось, став похожим на мятую бумагу.

– Нет... – начал он, но Энтони безжалостно перебил:

– Да-да, именно так. Те, что и сейчас разбежались по углам и обсуждают новоиспеченного скандинавского Данте, творения которого появились в английском переводе.

Дик повернулся к приятелю, все его лицо странным образом опало, и в обращенном к Энтони вопросе слышалась мольба:

– Да что случилось с тобой и Мори? Разговариваете, будто я существо низшего сорта, эдакий дурачок.

Энтони смутился, но он замерз и чувствовал себя неуютно, а потому решил, что лучшая защита – нападение.

– Дик, речь идет вовсе не о твоих умственных способностях.

– Разумеется, о них! – сердито воскликнул Дик. – И вообще, что ты хочешь сказать? Почему это они не имеют значения?

– Возможно, твои знания слишком обширны, чтобы выразить их пером.

– Так не бывает.

– Я вполне могу представить человека, – настойчиво продолжал свою мысль Энтони, – знания которого слишком велики и не соответствуют его таланту. Взять, к примеру, меня. Представь, что я мудрее тебя, но менее талантлив, а потому не могу членораздельно выразить свои мысли. У тебя же, напротив, имеется достаточно воды, чтобы наполнить ведро, а к тому же есть и само ведро.

– Ничего не понимаю, – пожаловался Дик упавшим голосом. Он пришел в полное смятение, и все выпуклости на его теле стали еще заметнее, словно в знак протеста. С обиженным видом он уставился на Энтони, загораживая дорогу прохожим, которые награждали его возмущенными взглядами.

– Я всего лишь хочу сказать, что, обладая талантом Уэллса, можно осилить мысли Спенсера. Однако если талант рангом ниже, следует с благодарностью заняться более мелкими идеями, и чем уже взгляд на предмет, тем увлекательнее ты его опишешь.

Дик задумался, не в силах оценить суровую критику, содержащуюся в словах приятеля. А Энтони продолжал свою речь с легкостью, которая время от времени так и рвалась в свободный полет. Темные глаза сияли на худощавом лице, подбородок вздернулся вверх, голос стал громче, и сам он будто стал выше ростом.

– Скажем, я полон гордости, благоразумия и мудрости – ни дать ни взять афинянин среди греков. И все же я могу потерпеть неудачу, где человек с более скромными достоинствами преуспеет. Ведь он способен подражать, что-то приукрасить, проявить восторг и вселяющую надежду склонность к созиданию. А моему гипотетическому «я» гордость не позволит унизиться до подражания, оно слишком благоразумно, чтобы восторгаться, и чувствует себя слишком искушенным, чтобы стать утопистом, в высшей степени греком, натуре которого противно украшательство.

– Значит, по-твоему, творение художника не является плодом его собственного ума?

– Нет, он, если может, совершенствует свое заимствование в области стиля, выбирая из собственной интерпретации окружающего мира наиболее подходящий для себя материал. В конечном итоге любой писатель занимается своим ремеслом, потому что таков его образ жизни. И не говори, что тебе нравится вся эта чепуха о «божественном предназначении художника».

– Да мне как-то непривычно употреблять применительно к себе слово «художник».

– Дик, – обратился Энтони к приятелю, меняя тон, – хочу попросить у тебя прощения.

– За что?

– За неуместный всплеск эмоций. Я правда сожалею. Разболтался тут из желания покрасоваться.

– Вот я и говорю, что в душе ты филистер, – немного успокоившись, заметил Дик.

На город уже опустились сумерки, и друзья, укрывшись за белыми стенами отеля «Плаза», не спеша наслаждались густым эггногом с обильной желтой пеной. Энтони бросил взгляд на собеседника. Нос и лоб Ричарда Кэрамела постепенно приобретали естественную окраску: с первого сходила краснота, а со второго – синюшная бледность. Посмотрев в зеркало, Энтони с радостью отметил, что его собственная

кожа не претерпела изменений. Напротив, на щеках играл легкий румянец, и вдруг подумалось, что никогда еще он не выглядел так хорошо.

– Все, мне достаточно, – заявил Дик тоном спортсмена на тренировке. – Хочу подняться наверх и навестить Гилбертов. Пойдешь со мной?

– Ну, вообще-то я не прочь. Если только не отдашь меня на заклятие родителям, а сам уединишься в укромном уголке с Дорой.

– Ее зовут не Дора, а Глория.

Портье сообщил по телефону об их приходе. Поднявшись на десятый этаж, приятели прошли извилистым коридором и постучали в дверь номера 1088. Им открыла дама средних лет, миссис Гилберт собственной персоной.

– Как поживаете? – Она говорила на принятом между американскими светскими дамами языке. – Страшно рада вас видеть...

Дик торопливо выдавил пару междометий.

– Мистер Пэтс? Входите же, оставьте пальто здесь. – Она показала на стул, переходя на умильный тон, перемежающийся смешками с придыханием. – Прелестно, в самом деле прелестно. Что же, Ричард, вы так долго нас не навещали? Нет! Нет! – Односложные восклицания служили отчасти ответом на невнятные оправдания Ричарда, отчасти средством для заполнения пауз. – Присаживайтесь и расскажите, чем занимались все это время.

Потом пришлось обмениваться дежурными фразами, стоя кланяться и изображать на лице беспомощные в своей глупости улыбки, думая лишь о том, когда же хозяйка наконец сядет и можно будет с облегчением погрузиться в кресло и приступить к приятной беседе.

– Полагаю, причиной всему ваша занятость... впрочем, могут быть и другие, – предположила миссис Гилберт с несколько двусмысленной улыбкой. Намеком «впрочем, могут быть и другие» она приводила в равновесие и гармонию остальные более шаткие высказывания. У нее в запасе имелась еще пара подобных фраз: «во всяком случае, так мне кажется» и «совершенно очевидно». Миссис Гилберт применяла их по очереди, что превращало каждое ее замечание в обобщенную точку зрения на жизнь, будто после тщательного подсчитывания всех причин она наконец указывала пальцем на главную.

Энтони отметил, что лицо Ричарда Кэрамела приобрело вполне приличный вид. Лоб и щеки снова стали телесного цвета, нос тоже не выделялся, скромно стушевываясь на их фоне. Он сверлил тетушку ярко-желтым глазом с преувеличенным вниманием, которое молодые мужчины обычно проявляют ко всем особам женского пола, больше не представляющим для них никакой ценности.

– Вы тоже писатель, мистер Пэтс? Возможно, все мы погреемся в лучах славы, доставшейся Ричарду. – Миссис Гилберт сопровождала свои слова легким смешком. – А Глории нет дома, – сообщила она, будто изрекая аксиому, из которой намеревалась сделать дальнейшие выводы. – Где-то танцует. Вечно куда-то бежит, торопится. Я говорю, что так нельзя. Не понимаю, как она все это выдерживает. Танцует день и ночь напролет, пока не доведет себя до полного истощения и не превратится в тень. Отец сильно обеспокоен ее образом жизни.

Миссис Гилберт наградила улыбкой обоих гостей, и те улыбнулись в ответ.

Энтони вдруг осознал, что миссис Гилберт состоит из чередующихся полуокружностей и парабол, наподобие тех фигур, что сообразительные умельцы творят с помощью пишущей машинки: голова, руки, грудь, бедра и лодыжки представляли собой расположенные ярусами округлости, являвшие ошеломляющее зрелище. Она выглядела ухоженной и опрятной, с красивой сединой искусственного происхождения и крупным лицом, на котором приютились выцветшие с годами голубые глаза и украшали едва заметные белесые усики.

– Я всегда говорила, – обратилась она к Энтони, – что у Ричарда душа древняя.

Наступила напряженная пауза, во время которой Энтони размышлял над каламбуром по поводу того, как жизнь потрепала Дика.

– У всех нас души имеют разный возраст, – с сияющим видом продолжила миссис Гилберт. – Во всяком случае, я думаю именно так.

– Вполне возможно, – согласился Энтони, изображая живую заинтересованность столь многообещающей гипотезой.

– А вот у Глории душа юная и легкомысленная, это совершенно очевидно. У нее полностью отсутствует чувство ответственности.

– Она блистательна, тетя Кэтрин, – любезно возразил Ричард. – Чувство ответственности ее бы только испортило. Глория для этого

слишком красива.

– Ну, не знаю, – призналась миссис Гилберт. – Только вижу, что она все время куда-то бежит, бежит.

Обсуждение частых отлучек Глории, которые рассматривались как серьезный недостаток, прервал скрип поворачивающейся дверной ручки, после чего в комнате появился мистер Гилберт.

Это был низенький человек с белым облачком усов, пристроившихся под весьма заурядным носом. Он достиг стадии, когда ценность человека как существа общественного сошла на нет и уже начался отсчет в обратную сторону. Его бредовые идеи волновали умы двадцать лет назад, а мышление плелось, спотыкаясь, в фарватере передовиц ежедневных газет. По окончании не самого известного, но устрашающего своими строгими правилами университета где-то на Западе он занялся производством целлулоида, и так как для этого бизнеса было достаточно весьма скромных умственных способностей, мистер Гилберт преуспел, и дела его несколько лет шли хорошо, до 1911 года. Именно тогда он отказался от контрактов с кинопромышленностью, отдав предпочтение весьма ненадежным личным договоренностям. К 1912 году киноиндустрия задумала его «проглотить», однако в тот раз, выражаясь фигурально, мистеру Гилберту удалось, опасно балансируя, удержаться на кончике ее языка. В настоящее время он являлся управляющим дочерней компанией по производству киноплёнки на Среднем Западе, проводил полгода в Нью-Йорке, а остальное время в Канзас-Сити и Сент-Луисе. Мистер Гилберт свято верил, что совсем скоро подвернется счастливый случай, который изменит жизнь в лучшую сторону. Супруга и дочь придерживались того же мнения.

Поведение Глории вызывало неодобрение мистера Гилберта. Девушка постоянно задерживалась по вечерам, никогда толком не ела, и вся ее жизнь представляла собой сплошной сумбур. Однажды в ответ на замечание дочь выразила свое раздражение в словах, о наличии которых в лексиконе молодой девушки он и не подозревал. С женой дело обстояло проще. После пятнадцати лет непрерывной партизанской войны мистер Гилберт одержал верх над супругой. Все эти годы шло сражение между беспорядочным оптимизмом и упорядоченной тупостью, где победу мистеру Гилберту принесла его

способность перемежать речь бессчетным количеством «да», способным отравить любую беседу.

– Да-да-да-да, – заводил он, – да-да-да. Дай соображу. Это было летом... Постой-ка... летом девяносто первого или девяносто второго года. Да-да-да...

Пятнадцатилетнее «даканье» вымотало миссис Гилберт, а последующие пятнадцать лет непрерывного словоблудия, сопровождаемого щелчками пальцев, сбивающих пепел с тридцати двух тысяч сигар, добились ее окончательно. И тут она пошла на последнюю в супружеской жизни уступку мужу, которая стала окончательной и полной в сравнении с первой, когда она согласилась выйти за него замуж. Миссис Гилберт стала слушать супруга, убеждая себя, что прожитые годы сделали ее более терпимой, тогда как на самом деле они уничтожили остатки духовных сил, которыми эта женщина некогда обладала.

– Это мистер Пэтс, – представила она Энтони мужу.

Старик и юноша пожали друг другу руки. Рука мистера Гилберта была мягкой и вялой, словно грейпфрут, из которого выжали сок. Затем настал черед обмена приветствиями между супругами. Мистер Гилберт сообщил жене, что на улице похолодало, а он прогулялся до газетного киоска на Сорок четвертой улице, чтобы купить издаваемую в Канзас-Сити газету. Намеревался вернуться на автобусе, но решил, что слишком холодно. «Да-да-да, слишком холодно».

Миссис Гилберт придавала пикантности этому приключению, выразив восхищение мужеством, которое проявил супруг, бросивший вызов стихии.

– Да ты настоящий храбрец! – с умилением воскликнула она. – Просто герой! Я бы ни за что на свете не вышла на улицу в такую стужу.

Мистер Гилберт с истинно мужским бесстрашием проигнорировал благоговейный трепет, который вызвал у супруги, и, устремив взор на молодых людей, с ликующим видом принялся подталкивать их к продолжению разговора о погоде. Ричарда Кэрамела призвали вспомнить ноябрь в Канзасе. Однако едва тот успел открыть рот, как нить беседы перехватил сам инициатор и принялся занудливо обсасывать предложенную тему со всех сторон, пока не лишил разговор остатков живости.

Для начала он выставил на обсуждение древний как мир тезис, что дни в неких краях были теплыми, а ночи приятно прохладными, затем решил вычислить точное расстояние между двумя пунктами на неведомой железной дороге, названия которых по неосторожности упомянул Дик. Энтони, устремив на мистера Гилберта внимательный взгляд, начал впадать в гипнотическое состояние, куда незамедлительно ворвался жизнерадостный голос собеседника:

– По-моему, холод в здешних краях усугубляется сыростью и прямо-таки пробирает до костей.

Поскольку это же замечание, но приправленное соответствующим количеством «да» уже вертелось у мистера Гилберта на языке, его вряд ли можно упрекнуть в резкой смене темы разговора:

– А где Глория?

– Ждем с минуты на минуту.

– Вы знакомы с моей дочерью, мистер?..

– Не имел удовольствия, но много слышал о ней от Дика.

– Они с Ричардом двоюродные брат и сестра.

– Вот как? – Энтони выдавил улыбку. Он не привык к обществу старших по возрасту людей, и рот уже начало сводить от вымученных проявлений веселья. И правда, как приятно узнать, что Дика и Глорию связывают узы родства. В следующее мгновение он ухитрился бросить полный отчаяния взгляд на приятеля.

Ричард Кэрамел выразил сожаление, что настало время прощаться.

Миссис Гилберт страшно огорчило это известие.

Мистер Гилберт тоже счел его весьма прискорбным.

Миссис Гилберт не преминула развить эту мысль, сообщив, что визит молодых людей доставил несказанную радость, пусть они и застали дома только пожилую даму, которой возраст не позволяет пофлиртовать с гостями. Энтони и Дик, видимо, сочли остроту забавной, так как смеялись в течение целого музыкального такта размером в три четверти.

Ведь они заглянут еще?

– О да, непременно.

– Глория страшно расстроится!

– До свидания...

– До свидания...

Улыбки!

Еще улыбки!

Хлопает дверь!

Двое безутешных юношей движутся по коридору десятого этажа отеля «Плаза» в сторону лифта.

Дамские ножки

За очаровательной леностью, любовью к праздности и изящной насмешливостью Мори скрывались на удивление зрелая целеустремленность и упорство. Еще в колледже он заявил, что намерен провести три года в путешествиях, последующие три года повеселиться всласть, а затем, не откладывая в долгий ящик, несметно разбогатеть.

Три года странствий остались позади. Он изучил земной шар с настойчивой пытливостью, исключаящей любое проявление стихийности, – ни дать ни взять ходячий путеводитель Бэдекера в человеческом обличье. У любого другого подобные действия расценивались бы как проявление педантизма, но в случае с Мори они приобретали некий загадочный смысл, направленный на осуществление важной цели. Будто Мори Ноублу было предначертано судьбой стать подобием Антихриста, дабы обойти всю землю вдоль и поперек и увидеть миллиарды человеческих существ, которые плодятся, убивают друг друга и плачут.

Вернувшись в Америку, он с таким же упорством и рвением пустился на поиски развлечений. Мори, который никогда прежде не выпивал за один раз больше пары коктейлей или пинты вина, приучил себя пить так, как если бы взялся самостоятельно изучать греческий язык. Словно алкоголь, подобно греческому языку, способен открыть путь к сокровищнице новых ощущений, неизведанных психических состояний и манеры поведения в минуты радости и горя.

Образ жизни Мори являлся предметом эзотерических размышлений. Он снимал три комнаты в холостяцкой квартире на Сорок четвертой улице, но появлялся там нечасто. Телефонистка получила четкие указания никого с ним не соединять без предварительного сообщения имени. Ей также передали список полудюжины людей, для которых Мори постоянно отсутствовал, и еще один список с таким же количеством имен, для которых он был дома всегда. Первыми во втором списке значились Энтони Пэтч и Ричард Кэрамел.

Мать Мори жила с его женатым братом в Филадельфии, куда он обычно уезжал на выходные, а потому Энтони страшно обрадовался,

когда одним субботним вечером, бродя в приступе тоски по зябким неприветливым улицам, заглянул в Молтон-Армз и застал мистера Ноубла дома.

Его настроение поднималось на глазах, опережая стремительно мчащийся вверх лифт. Как чудесно, невообразимо прекрасно встретиться и поболтать с Мори, а тот, в свою очередь, искренне обрадуется визиту приятеля. Друзья будут смотреть друг на друга, скрывая за добродушной насмешкой светящееся во взгляде чувство глубокой привязанности. Будь сейчас лето, они бы прогулялись, расстегнув воротнички, лениво потягивали бы из высоких стаканов коктейль «Том Коллинз» и смотрели не слишком увлекательное, вялое представление в каком-нибудь окутанном августовской праздностью кабаре. Но за окном стоял холод, между высокими зданиями свистел ледяной ветер, а по улицам прогуливался декабрь, и, стало быть, куда приятней скоротать вечер вместе с другом при неярком свете лампы и пропустить по стаканчику виски «Олд Бушмилл» или ликера «Гранд Марнье». По стенам комнаты, подобно церковным ризам, мерцают корешки книг, а похожий на большого кота Мори развалился в кресле, излучая вокруг себя божественную апатию.

Наконец-то добрался! Стены комнаты сомкнулись вокруг Энтони, обволакивая теплом. Сияние ума, обладающего мощным даром убеждения, внешняя невозмутимость, схожая с той, что встречается на Востоке, согрели неприкаянную душу Энтони, подарив покой, который можно обрести только в обществе глупой женщины. Надо либо все понимать, либо принимать как должное. Подобный божеству, похожий на царственного тигра Мори заполнил собой все пространство. Ветер за окном стих, а медные подсвечники на каминной полке сияли, словно перед алтарем.

– Что тебя сегодня задержало? – Энтони развалился на мягком диване, упершись локтями в подушки.

– Вернулся домой час назад. Чаепитие с танцами. Вот припозднился и не успел на поезд в Филадельфию.

– Странно, что тебяхватило так надолго.

– Действительно. А чем ты занимался?

– Джеральдин. Маленькой билетершей у Китса. Да я о ней рассказывал.

– Понятно!

– Нанесла визит около трех и просидела до пяти. Занятное существо. Что-то меня в ней трогает. Полная глупышка.

Мори хранил молчание.

– Как ни странно, – продолжил Энтони, – но по отношению ко мне и вообще, насколько я знаю, Джеральдин – образец добродетели.

С Джеральдин, девушкой с неопределенным образом жизни и тягой к перемене обстановки, он познакомился около месяца назад. Ее случайно представили Энтони, и девушка показалась ему забавной, а еще понравились целомудренные, легкие, как прикосновение эльфа, поцелуи, которыми Джеральдин осыпала его на третий вечер знакомства, когда они ехали в такси по Центральному парку. О ее семье Энтони имел расплывчатое представление, знал только, что есть где-то дядя с тетей, с которыми она делит квартиру в лабиринте улиц с сотыми номерами. Она была общительной, без неожиданностей, в меру задушевной и оказывала на Энтони успокаивающее действие. Более близких отношений он не искал, не желая экспериментировать, и поступал так не по соображениям нравственности, а из боязни любой привязанности, способной нарушить плавное течение жизни, которая становилась все безмятежнее.

– У Джеральдин два излюбленных трюка, – поведал Энтони другу. – Она навешивает волосы на глаза, а потом сдувает их в сторону, а еще говорит «Ты спя-я-я-тил!» всякий раз, когда слышит что-либо выше своего понимания. Меня это приводит в восторг. Наблюдаю за ней часами, теряясь в догадках, какие еще маниакальные симптомы обнаружатся с ее помощью в моем воображении.

Мори пошевелился в кресле и заговорил:

– Удивительно, что подобный человек может жить в нашей сложной цивилизации, практически не имея о ней представления. Такая женщина воспринимает вселенную с полным безразличием, как нечто совершенно обыденное. Ей чуждо все, от влияния идей Руссо на человечество до формирования цен на собственный ужин. Ее вырвали из века копыеносцев и перенесли к нам, где предлагают, вооружившись луком, принять участие в дуэли на пистолетах. Можно отбросить целый исторический пласт, а она не почувствует никакой разницы.

– Вот бы наш Ричард о ней написал.

– Энтони, ты же понимаешь, что она того не стоит.

– Как и все прочие, – откликнулся, зевая, Энтони. – Знаешь, сегодня я поймал себя на мысли, что верю в Ричарда. Если он заинтересуется людьми, а не идеями и станет черпать вдохновение из жизни, а не искусства, его талант будет развиваться нормально, и, не сомневаюсь, он станет большим писателем.

– И мне думается, что свидетельством обращения к реальной жизни служит черная записная книжка, что у него появилась.

Энтони приподнялся на локте и с воодушевлением подхватил:

– Он старается идти в ногу с жизнью, как любой литератор, за исключением самых никчемных, и все же большинство из них питаются переваренной пищей. Сам сюжет или персонаж можно взять из жизни, но писатель, как правило, трактует их, основываясь на последней прочитанной книге. Например, предположим, встречается он капитана корабля и видит в нем самобытный персонаж. Однако в действительности он ищет сходство между этим капитаном и образом, который создал Ричард Генри Дана, или кто там еще пишет о капитанах кораблей. Вот почему он знает, как изобразить своего капитана на бумаге. Дик, разумеется, может описать заведомо колоритный персонаж, какие уже встречались и прежде, только способен ли он точно передать характер собственной сестры?

Следующие полчаса они посвятили обсуждению вопросов литературы.

– Классической, – выдвинул предположение Энтони, – считается удачная книга, которая выдержала испытание временем и вызывает интерес у следующего поколения. Тогда ей ничто не грозит, как стилю в архитектуре или мебели, ибо взамен скоротечной моды она обретает художественную значимость.

Через некоторое время тема себя исчерпала, так как интерес к ней со стороны обоих молодых людей не являлся профессиональным. Просто они обожали обобщения. Энтони недавно открыл для себя Сэмюэла Батлера и считал его бойкие афоризмы из записной книжки вершиной искусства критики. Мори, чей разум окончательно созрел благодаря детально разработанной жесткой жизненной позиции, был из двух друзей более мудрым, однако в целом они не сильно отличались друг от друга по умственным способностям.

С литературы они плавно перешли к перипетиям прожитого дня.

– У кого устраивали чаепитие?

- У Эберкромби.
- И почему же ты задержался? Встретил миленькую дебютантку?
- Угадал.
- Неужели? – изумился Энтони, повышая голос.
- Ну, строго говоря, она не дебютантка. Сказала, что начала выезжать в Канзас-Сити два года назад.
- Стало быть, засиделась?
- Ничего подобного, – весело запротестовал Мори. – Это слово совсем к ней не подходит. Она... в общем, она казалась там самой юной из всех.
- Однако ее опыта хватило, чтобы ты опоздал на поезд.
- Прелестное дитя.
- Энтони насмешливо фыркнул:
- Ах, Мори, ты сам впадаешь в детство. Что подразумевается под словом «прелестное»?
- Мори с беспомощным видом уставился в пространство.
- Ну, не могу ее точно описать. Скажу одно: она прекрасна. Удивительно живая и непосредственная. А еще она жевала желатиновые пастилки.
- Что?!
- Ну, в некотором роде тайный порок. Она очень нервная. Говорит, что всегда жует желатиновые пастилки на чаепитиях, потому что приходится долгое время находиться без движения на одном месте.
- Ну и о чем же вы говорили? О Бергсоне или билфизме? Или обсуждали аморальность уан-степа?
- Мори сохранял невозмутимость, шерсть была гладкой и не дыбилась ни в одном месте.
- Мы и в самом деле затронули тему билфизма. Кажется, ее мать билфистка, хотя большей частью мы говорили о ногах.
- Энтони буквально затрясся от смеха.
- О Господи! И о чьих же ногах?
- О ее. Она много рассказывала о своих ногах, будто они антикварная редкость. У меня возникло непреодолимое желание на них взглянуть.
- Она что, танцовщица?
- Нет, я выяснил, что она кузина Дика.

Энтони так резко выпрямился, что подушка, на которую он опирался, встав на дыбы, спикировала на пол, словно живое существо.

– А звать ее Глория Гилберт? – воскликнул он.

– Ну разве она не чудо?

– Затрудняюсь сказать... судя по тупости ее папаши...

– Знаешь, – решительно перебил Мори, – возможно, ее семейство наводит уныние не хуже профессиональных плакальчиков, но я склонен думать, что сама девушка – человек своеобразный и искренний. На вид заурядная выпускница Йельского университета, но на самом деле совсем другая, совершенно особенная.

– Ну-ну! – подтрунивал Энтони. – Как только Дик назвал ее безмозгой, я сразу понял, что девушка наверняка очаровательная.

– А он так и сказал?

– Клянусь. – Энтони снова насмешливо фыркнул.

– Ну, у женщины он под мозгами подразумевает...

– Это мне хорошо известно, – нетерпеливо перебил Энтони. – Он имеет в виду болтовню о литературе.

– Вот именно. Дамы из тех, которые считают ежегодный упадок нравственности в стране либо хорошим признаком, либо дурным тоном. Непременное пенсне на носу или корчат из себя невесть что. А эта девушка говорила о своих ножках, а еще о коже... о своей коже. Всегда говорит о чем-нибудь своем. Рассказала, как хочет загореть летом и насколько ей обычно удастся достигнуть желаемой цели.

– И ты сидел, околдованный ее контральто?

– Контральто?! Да нет же, ее загаром! Я и сам задумался о загаре, вспомнил, какого добился оттенка, когда загорал в последний раз два года назад. Да, загорал я в прежние времена хорошо, до цвета бронзы, если память мне не изменяет.

Энтони снова откинулся на подушки, сотрясаясь от смеха.

– Ох, Мори, да она тебя здорово завела! Мори, коннектикутский спасатель. Человек с кожей цвета мускатного ореха. Потрясающе! Богатая наследница сбегает с береговым охранником, покоренная его сногсшибательной пигментацией! А потом выясняется, что в его жилах течет кровь аборигенов Тасмании!

Мори, вздохнув, поднялся с места и, подойдя к окну, отдернул занавеску.

– Метель.

Энтони, продолжая тихо смеяться, ничего не ответил.

– Снова наступила зима, – донесся от окна шепот Мори. – Мы стареем, Энтони. Мне уже двадцать семь. О Господи! Через три года будет тридцать, а потом я стану одним из тех, кого студент последнего курса называет пожилым человеком.

Энтони мгновение помолчал.

– Ты старик, Мори, – согласился он наконец. – И первым признаком стремительно приближающейся непотребной дряхлости является обсуждение девичьих ножек и загара, которому ты посвятил весь день.

Мори резким движением опустил штору.

– Идиот! – вскричал он. – И это я слышу от тебя! Так вот, юный Энтони, я сижу здесь и буду сидеть дальше, пока не вырастет следующее поколение, наблюдая, как весельчаки вроде тебя, Дика и Глории проносятся мимо в танце, распевая, любя и ненавидя друг друга. В вечном вихре движения и страстей. А меня трогает только полное отсутствие чувств и переживаний. И я буду сидеть, и будет падать снег... Эх, где же Кэрамел с его записной книжкой! Наступит еще одна зима, и мне исполнится тридцать. А ты с Диком и Глорией будешь вечно кружиться в танце и петь, пролетая мимо меня. А когда вы все исчезнете, я стану подбрасывать мысли другим Дикам и выслушивать циничные рассуждения о разочарованиях других Энтони... и, разумеется, обсуждать оттенки загара на будущее лето с другими Глориями.

В камине ярко вспыхнул огонь. Мори, отойдя от окна, помешал головешки кочергой и положил новое полено на подставку для дров, а потом вернулся в кресло, и последние слова его речи заглушил треск разгорающегося дерева, изрыгающего красно-желтые вспышки пламени.

– В конце концов, Энтони, это ты у нас юный романтик. Именно ты, в силу чрезмерной впечатлительности, боишься, что нарушится твой покой. А я делаю очередную попытку сдвинуться с места, почувствовать, что меня что-то тронуло... и даже в тысячный раз я остаюсь самым собой. И ничто... ничто на свете не способно меня расшевелить.

– И все-таки, – после затянувшейся паузы пробормотал Мори, – в этой малышке вместе с ее нелепым загаром что-то есть, нечто

непостижимо древнее и вечное... совсем как я.

Тревога

Энтони сонно повернулся на кровати, вперив взгляд в пересеченное тенью оконного переплета холодное солнечное пятно на стеганом одеяле. В комнате воцарилось утро. Резной комод в углу и старинный, хранивший непроницаемый вид платяной шкаф возвышались мрачными символами, сулившими вечное забвение, и только ковер манил своей недолговечностью такие же бранные, обреченные на тление ноги. Картину дополнял Баундс, ужасно непотребный в своем мягком воротничке и такой же расплывчатый, что и облачко пара, которое выдыхал. Он стоял рядом с кроватью, устремив невозмутимый взгляд темно-карих глаз на хозяина. Баундс отпустил край одеяла, который только что энергично дергал.

– Баус! – пробормотало находившееся в состоянии полудремы божество. – Эфо фы, Баус?

– Я, сэр.

Энтони повернул голову, силясь открыть глаза, и когда в этом преуспел, с довольным видом заморгал.

– Баундс...

– Да, сэр?

– Не могли бы вы... О-ох, о Господи! – На Энтони напала неумная зевота, от которой мозги, казалось, слиплись в плотный ком. Он сделал еще одну попытку выразить свою мысль: – Не могли бы вы прийти часам к четырем, накрыть стол для чаепития и приготовить сэндвичи, ну и все прочее?

– Да, сэр.

Энтони пытался сообразить что-нибудь еще, мучаясь от удручающего недостатка вдохновения.

– Разные сэндвичи, – с беспомощным видом повторил он. – Ну да, с сыром, конфитюром, а еще с курятиной и маслинами. О завтраке не тревожьтесь.

Напряжение в результате изобретательской деятельности оказалось слишком велико. Энтони устало закрыл глаза, бессильно уронив голову и расслабляя мышцы, которые успел привести в действие. Из тайников сознания выползал туманный, но неумолимый призрак предыдущей ночи. На сей раз им оказался всего лишь бесконечно

долгий разговор с Ричардом Кэрамелом, который пришел к Энтони в полночь. Приятели выпили четыре бутылки пива, закусывая сухариками, а в это время Энтони слушал первую часть «Демонического любовника».

И сейчас, по прошествии многих часов, Энтони слышал чей-то голос, но отмахивался от него, так как снова накатил сон, окутывая мягкими складками и заполняя во все уголки сознания.

Внезапно он проснулся от звука собственного голоса:

– Что?

– На сколько персон накрыть? – В изножье кровати застыл Баундс, олицетворяя само терпение. Тот самый Баундс, что делил отработанный стиль поведения между тремя джентльменами.

– На сколько чего?

– Полагаю, сэр, мне следует знать количество гостей, которых вы ожидаете. Ведь нужно определиться с сэндвичами.

– Двое, – хриплым голосом буркнул Энтони. – Леди и джентльмен.

– Благодарю, сэр, – откликнулся Баундс и удалился, унося постыдный мягкий воротничок, оскорбляющий чувства всех троих джентльменов, каждому из которых принадлежала лишь треть Баундса.

По прошествии довольно долгого времени Энтони встал и облачил свою красивую стройную фигуру в коричневый с синим переливчатый халат. Зевнув напоследок, он направился в ванную и включил светильник на туалетном столике, поскольку выходящих на улицу окон не имелось. Затем Энтони принялся с интересом рассматривать свое отражение в зеркале и пришел к выводу, что представляет собой жалкое зрелище. Эта мысль посещала его каждое утро, так как после сна лицо приобретало неестественную бледность. Закурив сигарету, он просмотрел несколько писем и утренний номер «Трибьюн».

Спустя час, гладко выбритый и полностью одетый, он сидел за письменным столом и изучал листок с неразборчивыми каракулями, который извлек из бумажника: «Встретиться с мистером Хаулэндом в пять. Постричься. Оплатить счет от Риверса. Зайти в книжный магазин».

Следующая запись гласила: «Наличных денег в банке 690 долларов (зачеркнуто), 612 долларов (зачеркнуто), 607 долларов».

В самом низу наспех сделана приписка: «Дик и Глория Гилберт приглашены на чай».

Последняя запись доставила Энтони явное удовольствие. Его обычный день, студенистый, расплывчатый и бесформенный, как медуза, неожиданно уподобился устойчивому скелету гиганта из мезозойской эры, уверенно и бойко шагая к кульминации, как и полагается в каждой пьесе и непременно должно распространяться на повседневную жизнь. Энтони страшился мгновения, когда хребет радостного дня будет сломан и он, наконец встретившись и поговорив с этой девушкой, с поклоном распрощается у двери, за которой она исчезнет, унося с собой смех. Ему лишь останется вернуться к столу, где уныло стоят чашки с недопитым чаем и черствеют недоеденные сандвичи.

Жизнь Энтони становилась все более бесцветной. Он постоянно это чувствовал и порой связывал свое состояние с разговором с Мори Ноублом, который состоялся месяц назад. Нелепо думать, что Энтони угнетало нечто надуманное и недостойное, вроде осознания собственной расточительности. Однако нельзя отрицать факт, что три недели назад против воли вспыхнувшее преклонение перед прежними кумирами повлекло его в публичную библиотеку, где по карточке Ричарда Кэрамела он набрал с полдюжины книг по итальянскому Возрождению. То, что книги с тех пор так и лежали грудой на столе, увеличивая ежедневно задолженность перед библиотекой на двенадцать центов, никак не умаляло их ценности как свидетелей. Облаченные в коленкор и сафьян, они подтверждали факт его отступничества. Энтони пережил несколько часов панического страха, который вызвал у него сильное удивление.

Оправданием такого уклада прежде всего, разумеется, являлось утверждение о бессмысленности самой жизни. Советниками, министрами, придворными, а также лакеями и дворецкими этому великому владыке служили тысячи книг, поблескивавших корешками на полках, его квартира и все деньги, что достанутся, когда старик, живущий вверх по реке, задохнется от последнего приступа нравственности. От мира, полного угроз со стороны дебютанток и глупости многочисленных Джеральдин, он благополучно освободился, и теперь, пожалуй, следует взять за пример для подражания кошачью

невозмутимость Мори и гордо нести достигшую апогея мудрость предыдущих поколений.

Всем этим доводам противостояло нечто такое, что настойчиво анализировал мозг, воспринимая как сложную, вызывающую раздражение совокупность. И это нечто, несмотря на методичные старания от него избавиться, отважно попирая ногами, все же вытолкнуло Энтони на слякотные ноябрьские улицы и погнало в библиотеку, где не оказалось ни одной нужной книги. Вполне допустимо подвергать анализу действия Энтони до того предела, который он установил сам. Заходить дальше являлось бы с нашей стороны самонадеянностью. Он обнаружил у себя растущий страх перед одиночеством. Сама мысль об одинокой трапезе внушала ужас, и Энтони часто ужинал в компании людей, к которым испытывал неприязнь. Путешествия, в свое время такие увлекательные, сделались невыносимыми, превратившись в бессодержательное мелькание разноцветных красок, в погоню за призрачной тенью собственной мечты.

– Если я по сути своей так слаб, – рассуждал Энтони, – нужно работать, заняться каким-нибудь делом.

Мучила мысль, что он представляет собой лишенную глубокого содержания посредственность, которая к тому же не обладает хладнокровием Мори и страстной увлеченностью Дика. Полное отсутствие каких-либо желаний казалось трагедией... И все-таки ему чего-то хотелось, чего-то неясного и неопределенного. В моменты прозрения Энтони понимал, что это некий путь надежды, который неминуемо приведет к надвигающейся зловещей старости.

После нескольких коктейлей и ленча в университетском клубе настроение Энтони несколько улучшилось. Он случайно встретил двух сокурсников по Гарварду, и в сравнении с тяжеловесной серостью их откровений собственная жизнь приобрела определенную яркость. Оба бывших однокашника успели жениться, и один из них за чашкой кофе живописал свои проказы на стороне, подбадриваемый понимающей ухмылкой приятеля. Глядя на них, Энтони подумал, что эти люди уже в утробе матери были готовыми мистерами Гилбертами. Лет через двадцать количество произносимых ими «да» возрастет вчетверо, а характер окончательно испортится, и превратятся они в отживший свой век бесполезный хлам с претензией на мудрость. И женщины,

жизнь которых они загубили, будут нянчиться с ними до полного одряхления.

Нет, Энтони – совсем другое дело и способен на большее. Проходя по окончании трапезы по устланному ковром вестибюлю, он задержался у окна, чтобы взглянуть на шумную, вызывающую раздражение улицу. Он был Энтони Пэтчем, блистательным, наделенным притягательной силой наследником многочисленных поколений людей. Раскинувшийся за окном мир принадлежит ему, и уже маячит на горизонте долгожданная всепобеждающая ирония, которой он так жаждал.

С бесшабашной ребячливостью он воображал себя властелином мира. Получив дедовские деньги, он может воздвигнуть себе пьедестал, на котором утвердится, подобно Талейрану или лорду Веруламу. С его ясностью мышления, при изощренном и многогранном уме, достигнувшем стадии зрелости, движимом некой целью, которую еще предстоит обрести, дело для него непременно найдется. На этой неутешительной ноте фантазия иссякала... легко сказать, найти подходящее дело. Энтони представлял себя в конгрессе, копающимся в горах мусора, скопившихся в этом огромном свинарнике, наводненном узколобыми свиноподобными личностями, снимки которых попадают порой на глаза в воскресных выпусках газет. Хваленые пролетарии лепечут заученные истины, достойные интеллекта старшеклассника, и пытаются навязать их народу! Ничтожные человечки с убогими амбициями, которые за счет многочисленных посредственностей стремятся вырваться из общей серости, чтобы вознестись на тусклые, лишенные романтики небеса, откуда управляют людьми. На самом верху дюжина лучших представителей. Изворотливые дельцы, эгоистичные и бесстыдные. Согласившиеся дирижировать хором облаченных во фраки снобов, которые исполняют поражающий нестройностью гимн из путаных куплетов о богатстве как награде за добродетель и о нем же – как свидетельстве порока. И все это под бодрые возгласы, восхваляющие Господа, конституцию и Скалистые горы.

Лорд Верулам! Талейран!

Дома его снова ожидала безотрадная серость. Действие коктейлей выветрилось, навевая дремоту и настраивая на угрюмый лад. Это он-то лорд Верулам? Сама мысль вызывала горечь. Энтони Пэтч, не

достигший в жизни заслуживающих восхищения высот, лишенный мужества и силы принять с чувством удовлетворения правду, когда она открывает свое лицо. Ах, напыщенный дурак, предающийся фантазиям под влиянием выпитых коктейлей, тайком бессильно сожалея о крушении своего убогого, ущербного идеализма. С отменным вкусом он нарядил свою душу в изящные одежды, а теперь тоскует по прежним лохмотьям. Энтони чувствовал себя опустошенным, как старая, давно выпитая до дна бутылка...

У дверей раздался звонок, и Энтони поднес к уху трубку, из которой донесся шутливо-высокопарный голос Ричарда Кэрамела:

– Позвольте доложить о прибытии мисс Глории Гилберт.

Прекрасная дама

– Здравствуйте! – с улыбкой приветствовал Энтони гостей, распахивая дверь.

– Глория, знакомься. Это Энтони, – с поклоном представил кузину Дик.

– Да ну тебя! – воскликнула девушка, протягивая маленькую руку в перчатке.

Под шубкой виднелось светло-голубое платье, отороченное у самой шеи кружевным в сборку воротником.

– Позвольте ваши вещи.

Энтони протянул руки, и в них соскользнул коричневый меховой водопад.

– Благодарю.

– Ну, что скажешь, Энтони? – спросил Ричард Кэрамел с откровенностью дикаря. – Разве она не красавица?

– Перестань! – с вызовом воскликнула девушка, сохраняя внешнюю невозмутимость.

Глория была ослепительна. Она вся излучала свет, от которого делалось больно глазам, не давая им в полной мере постигнуть эту красоту. Божественное сияние волос озаряло по-зимнему блеклую комнату, наполняя ее радостью.

Энтони подошел к светильнику в форме гриба и жестом фокусника заставил его вспыхнуть оранжевым великолепием. Язычки ожившего пламени в камине весело лизали решетку для дров.

– Я просто превратилась в ледышку, – с небрежным видом сообщила Глория, осматривая комнату прозрачными глазами едва уловимого голубоватого оттенка. – Какой славный огонек! Мы нашли местечко, где можно встать на железную решетку, из которой дует теплый воздух, но Дик не захотел меня ждать. И я сказала, чтобы он шел один, а мне и тут замечательно.

В словах Глории не было ничего особенного. Казалось, она говорит для собственного удовольствия, не прилагая ни малейшего усилия. Энтони, сидя на другом конце дивана, изучал ее профиль, выделяющийся на фоне светового пятна от лампы. Изящная, безупречно правильная линия носа и верхней губы, подбородок с едва заметным намеком на решительность прелестно смотрится на довольно короткой шее. На фотографии ее лицо, должно быть, выглядит образцом холодной классической красоты, но сияние, исходящее от волос, и нежный румянец на щеках делают его на удивление живым в сравнении со всеми остальными людьми, с которыми Энтони доводилось встречаться.

– По-моему, у вас самое замечательное имя из всех мне известных. – Девушка по-прежнему говорила исключительно для себя. Ее взгляд на мгновение задержался на Энтони, потом скользнул по итальянским бра, словно приклеенным с равными промежутками к стенам и похожим на светящихся желтых черепашек, пробежал по рядам книг и наконец остановился на кузене. – Энтони Пэтч. Вот только по внешнему виду вы должны походить на лошадь, с таким длинным, узким лицом. А еще вам полагается носить лохмотья.

– Ну, ваши слова относятся к фамилии Пэтч^[3]. А как же должен выглядеть человек по имени Энтони?

– Вы и выглядите как Энтони, – с серьезным видом заверила девушка, и Энтони подумалось, что вряд ли она успела его рассмотреть. – Довольно величественно и внушительно.

Энтони выдавил смущенную улыбку.

– Только мне нравятся выразительные, созвучные имена, – продолжила девушка. – Все, за исключением собственного. Мое имя слишком вычурное. Впрочем, я была знакома с девушками по фамилии Джинкс, и только представьте, если бы их звали иначе: Джуди Джинкс и Джерри Джинкс. Здорово, верно? Или у вас иное мнение? – Она ждала ответа, приоткрыв детский ротик.

– В следующем поколении, – предположил Дик, – всех будут звать Питер или Барбара, так как в данный момент литературные персонажи с налетом пикантности носят именно эти имена.

– И разумеется, – развил пророчество Энтони, – Глэдис и Элинора. Украсив собой последнее поколение героинь и будучи в настоящее время всеобщими любимцами, они достанутся следующему поколению продавщиц...

– Вытеснив Эллу и Стелу, – перебил Дик.

– А также Перл и Джуэл, – живо поддержала Глория. – А еще Эрла и Элмера.

– А потом наступит мой черед, – заметил Дик. – И, откопав преданное забвению имя Джуэл, я назову им прелестную в своей эксцентричности героиню, и оно обретет новую жизнь.

Глория подхватывала нить разговора, и голос девушки кружил возле него на слегка повышенных тонах, акцентируя конец предложения полунасмешливой интонацией, будто защищаясь от попыток перебить себя, временами прерываясь сдавленным смешком. Дик рассказал, что слугу Энтони зовут Баундс, и Глории это страшно понравилось. Дик придумал неудачный каламбур по поводу того, что Баундс латает дыры своего хозяина Пэтча. И Глория тут же заявила, что хуже каламбура может быть только человек, который в качестве обязательного приложения стремится обидеть его автора насмешливо-укоряющим взглядом.

– Откуда вы? – поинтересовался Энтони. Ответ он знал, но при виде ее красоты все мысли из головы испарились.

– Из Канзас-Сити, штат Миссури.

– Ее оттуда выставили сразу же после введения запрета на продажу сигарет.

– Так там запретили сигареты? Чувствую руку дедушки-праведника.

– Ведь он реформатор или что-то в этом роде?

– Мне приходится за него краснеть.

– Мне тоже, – призналась Глория. – Ненавижу реформаторов, особенно тех, что стремятся переделать меня.

– И много таких?

– Полно. «Ах, Глория, если будешь злоупотреблять курением, испортишь свой прелестный цвет лица!» Или вот еще: «Ах, Глория,

вышла бы ты замуж и угомонилась!»

Энтони поспешил согласиться, но ему сделалось любопытно, кто дерзнул разговаривать в подобном тоне с такой личностью, как Глория.

– А еще есть реформаторы более утонченные, – продолжала Глория. – Те, что передают жуткие истории, которые якобы о вас слышали, и не преминут упомянуть, как яростно вас защищали от злобных нападок.

Энтони наконец рассмотрел, что глаза у девушки серые, очень спокойные и невозмутимые, и когда их взгляд останавливался на его персоне, понимал, что хотел сказать Мори, утверждая, что Глория одновременно юна и стара как мир. Она всегда говорила только о себе, как прелестное дитя, и ее замечания по поводу собственных пристрастий были неожиданными и полными искренности.

– Должен признаться, – начал серьезно Энтони, – что даже я кое-что о вас слышал.

Мгновенно насторожившись, Глория выпрямилась. Глаза нежного серого оттенка незыблемой гранитной скалы встретились с его взглядом.

– Расскажите, и я поверю. Всегда верю тому, что обо мне говорят. А вы?

– Всенепременно! – дружно откликнулись оба юноши.

– Тогда рассказывайте.

– Право, не знаю, стоит ли?.. – поддразнил девушку Энтони, не в силах сдержать улыбку. Ее интерес был совершенно очевидным, а поглощенность собственной персоной выглядела почти смешной.

– Он имеет в виду твое прозвище, – вмешался кузен Глории.

– Какое прозвище? – поинтересовался Энтони с вежливым недоумением.

– Глория-Странница! – В голосе девушки звучал смех, такой же неуловимый, как переменчивые тени от пламени камина и лампы, играющие на ее волосах. – О Господи!

Энтони был по-прежнему озадачен:

– И что это означает?

– Означает меня. Именно эта кличка прилипла ко мне с легкой руки каких-то глупых мальчишек.

– Неужели не понимаешь, Энтони, – пустился в объяснения Дик, – что имеешь дело со всенародно известной путешественницей и все

такое прочее? Ведь ты это о ней слышал? Глорию называют так много лет, с той поры, как ей исполнилось семнадцать.

Глаза Энтони сделались насмешливо-печальными.

– Что за Мафусаила в женском обличье ты ко мне привел, Кэрамел?

Даже если замечание обидело девушку, она пропустила слова Энтони мимо ушей, возвращаясь к главной теме:

– Так что вы обо мне слышали?

– Кое-что о вашей внешности.

– Вот как? – разочарованно бросила Глория. – И только-то?

– О вашем загаре.

– Моем загаре? – Она была явно озадачена. Рука скользнула к шее и на мгновение замерла, будто изучая пальцами оттенки упомянутого загара.

– Помните Мори Ноубла? Вы с ним встретились около месяца назад и произвели неизгладимое впечатление.

Глория на секунду задумалась:

– Помню. Но он так мне и не позвонил.

– Уверен, бедняга просто не отважился.

За окном стояла непроглядная тьма, и Энтони удивился, что его жилище когда-то представлялось серым и унылым. Такими теплыми и полными дружелюбия выглядели книги и картины на стенах, и старина Баундс подавал чай, почтительно держась в тени, а трое приятных людей оживленно обменивались шутками у весело горящего камина.

Неудовлетворенность

В четверг днем Глория и Энтони пили чай в бифштексном зале ресторана «Плаза». Отороченный мехом костюм Глории был серого цвета. «В серой одежде нужно непременно сильно краситься», – пояснила она. Голову девушки украшала маленькая щегольская шляпка без полей, позволяя золотистым локонам весело струиться во всем их великолепии. При верхнем освещении лицо Глории выглядело гораздо нежнее, и вся она казалась Энтони такой юной – на вид не дашь и восемнадцати лет. Ее бедра, затянутые в узкий облегающий футляр с перехватом у щиколоток, который в ту пору назывался юбкой, смотрелись изумительно округлыми и изящными. Руки Глории, не

«артистичные» и не короткопалые, были просто маленькими, как и положено у ребенка.

Когда они вошли в зал, оркестр заиграл первые заунывные аккорды матчиша, мелодия которого, наполненная звоном кастаньет и томными переливами скрипок, как нельзя лучше подходила для зимнего ресторана, заполненного радостно-оживленной по случаю приближающихся каникул толпой студентов. Внимательно осмотрев свободные места, Глория, к немалому раздражению Энтони, торжественно повела его кружным путем к столику на двоих, расположенному в дальнем конце зала. Здесь ее снова охватили сомнения: где лучше сесть, справа или слева? По прекрасным глазам и губам девушки было видно, как серьезно она относится к вопросу выбора. И Энтони в который раз удивился наивной непосредственности каждого ее жеста. Ко всему в жизни она относилась так, будто выбирала себе подарки, разложенные во всем неистощимом многообразии на бескрайнем прилавке.

Некоторое время Глория рассеянно следила за танцующими и делала негромкие замечания, когда пара приближалась к их столику.

– Вот миленькая девушка в синем платье...

И Энтони послушно поворачивал голову в указанном направлении.

– Да нет же! Прямо у вас за спиной! Вон там!

– Действительно, – беспомощно соглашался Энтони.

– Но вы же ее не видели.

– Я предпочитаю смотреть на вас.

– Знаю. Но она правда прелестна, если не брать в расчет толстые лодыжки.

– Неужели? То есть вы правы, – с безразличным видом обронил Энтони.

К их столику приблизилась очередная пара, и девушка помахала рукой:

– Эй, Глория, привет!

– Привет, – откликнулась Глория.

– Кто это? – поинтересовался Энтони.

– Понятия не имею. Так, где-то встречались. – Ее внимание уже переключилось на кого-то другого. – Привет, Мюриэл! Это Мюриэл Кейн, – пояснила она Энтони. – По-моему, симпатичная, хотя и не очень.

Энтони хмыкнул, по достоинству оценив замечание Глории.

– Симпатичная, хотя и не очень, – повторил он.

Глория улыбнулась, тут же проникаясь интересом.

– И что здесь забавного? – В ее тоне сквозило трогательное желание немедленно узнать причину.

– Просто забавно, вот и все.

– Хотите потанцевать?

– А вы?

– Можно. Но лучше посидим, – решила Глория.

– И побеседуем о вас. Вы ведь любите о себе говорить, верно?

– Да, – рассмеялась уличенная в тщеславии Глория.

– Думаю, у вас классическая биография.

– Дик считает, что у меня ее вообще нет.

– Дик! Да что ему о вас известно?

– Ничего. Но он говорит, что биография каждой женщины начинается с первого серьезного поцелуя и заканчивается, когда ей кладут на руки последнего родившегося ребенка.

– Он цитирует свою книгу.

– Дик утверждает, что у нелюбимых женщин нет биографии, а есть только прошлое.

– Ну, на роль нелюбимой женщины вы наверняка не претендуете! – снова рассмеялся Энтони.

– Полагаю, вы правы.

– Тогда почему же у вас нет биографии? Разве в вашей жизни еще не случилось серьезного поцелуя? – Едва слова сорвались с губ, Энтони сделал судорожный вдох, будто хотел заглотнуть их обратно. Она же совсем ребенок!

– Не понимаю, что вы подразумеваете под словом «серьезный», – с неодобрением в голосе отозвалась Глория.

– Хотелось бы знать, сколько вам лет.

– Двадцать два, – серьезно ответила она, глядя Энтони в глаза. – А вы думали сколько?

– Лет восемнадцать.

– Значит, пусть такой и останусь. Не хочу, чтобы мне было двадцать два. Больше всего на свете ненавижу свой возраст.

– Двадцать два года?

– Нет, не хочу стареть и все такое. Выходить замуж.

– Неужели вам вообще не хочется замуж?

– Не хочу взваливать на себя ответственность и возиться с кучей детей.

Глория не сомневалась, что в ее устах любые слова звучат приятно. Энтони, затаив дыхание, ждал следующей реплики в надежде, что она станет продолжением начатой темы. Глория мило улыбалась, не выражая особого восторга, и после недолгого молчания в пространство была брошена фраза:

– Вот бы пожевать желатиновых пастилок.

– Вы их непременно получите! – Энтони жестом подозвал официанта и отправил его к прилавку с сигаретами.

– Вы не возражаете? Обожаю желатиновые пастилки. Все надо мной подшучивают, потому что я их все время жую, когда папы нет поблизости.

– Нисколько. А кто все эти ребята? Вы с ними знакомы? – неожиданно спросил Энтони.

– Нет, что вы. Они все... ну, словом, собрались отовсюду. А вы разве сюда не заглядываете?

– Очень редко. Я не любитель «симпатичных девушек».

Ответ Энтони тут же вызвал живейший интерес. Глория с решительным видом повернулась спиной к танцующим, устроилась поудобнее на стуле и требовательным тоном спросила:

– Чем же вы занимаетесь?

Благодаря выпитому коктейлю вопрос показался Энтони очень уместным. У него возникло желание поговорить, более того, захотелось произвести впечатление на эту девушку, чье внимание то и дело переключалось с одного предмета на другой. Она останавливалась пощипать травку в самых непредсказуемых местах, торопливо пробегая пастбища, ненавязчиво притягивающие к себе взор. Ему хотелось порисоваться, неожиданно предстать перед ней в новом героическом облике, стряхнуть небрежное безразличие, с которым она относилась ко всему вокруг за исключением собственной персоны.

– Я ничего не делаю, – начал Энтони и тут же понял, что его слова лишены добродушного изящества, которое хотелось в них вложить. – Ничем не занимаюсь, так как не могу ничего сделать, что бы сделать стоило.

– Ну и что?

Энтони не удивил ее и даже не заинтересовал, но Глория его определенно поняла, если он и правда сказал нечто достойное понимания.

– Разве вы не относитесь с одобрением к ленивым мужчинам?

Глория кивнула:

– Пожалуй, если в их лени присутствует изящество. А для американца это возможно?

– А почему нет? – смутился Энтони.

Но ее мысли уже переключились на другой объект и витали на высоте десятого этажа.

– Папа на меня страшно злится, – заметила Глория безразличным тоном.

– За что? И все же мне хочется знать, почему американец не может лениться с изяществом. – Его голос приобретал уверенность. – Это меня удивляет. Не понимаю, чего ради люди решили, что каждый молодой человек обязан идти в центр города и по десять часов в день заниматься нудной, не требующей фантазии и не имеющей ничего общего с бескорыстием работой, отдавая ей двадцать лучших лет своей жизни.

Он прервал свою речь. Глория наблюдала за ним с непроницаемым видом. Энтони ждал, что она согласится или станет возражать, но не случилось ни того ни другого.

– Разве вы никогда не пробовали составить какие-либо суждения? – с некоторым раздражением поинтересовался он.

Глория отрицательно покачала головой и, снова устремив взгляд на танцующие пары, ответила:

– Не знаю. Понятия не имею, чем следует заниматься вам или всем остальным.

Глория его смутила, запутав ход мыслей. Никогда самовыражение не казалось ему столь желанным и совершенно невозможным.

– Ну хорошо, – извиняющимся тоном согласился Энтони. – Разумеется, я и сам не знаю, но...

– Я просто думаю о людях, – продолжила Глория. – На своем ли они находятся месте и вписываются ли в общую картину. И я не возражаю, если при этом они ничего не делают. Не понимаю, почему

они должны чем-то заниматься. И вообще меня всегда удивляет, когда люди посвящают себя какой-то работе.

– То есть вы трудиться не желаете?

– Мне хочется спать.

Секунду он пребывал в полном замешательстве, поняв ее слова в буквальном смысле.

– Спать?

– Вроде того. Просто хочу жить в праздности и чтобы люди вокруг меня занимались какими-то делами, тогда я чувствую себя комфортно и уверенно. И пусть некоторые из них вообще ничего не делают, потому что они могут составить мне приятную компанию. Но у меня никогда не возникало желания изменить людей или переживать за них.

– Да вы оригинальная маленькая детерминистка, – рассмеялся Энтони. – И мир вам представляется таким, верно?

– Ну... – протянула Глория, поднимая глаза к потолку. – А разве он не такой? Пока я... молода.

Она немного помолчала перед заключительным словом, и Энтони подумалось, что сейчас она скажет «красива». Ведь именно это она и имела в виду.

Глаза девушки загорелись, и он ждал, что Глория станет развивать тему дальше. Все-таки ее удалось разговорить. Энтони даже слегка подался вперед, чтобы не пропустить ни слова.

Но она только предложила:

– Пойдемте потанцуем!

Восхищение

Зимний вечер в отеле «Плаза» стал первым в бесконечной веренице свиданий, проходивших в предрождественские дни, полные сумбурного оживления. Глория была вечно занята, и Энтони долго выяснял, какие именно события в светской жизни города влекут ее с такой силой. Оказалось, что девушка не отличается особой разборчивостью. Она посещала полуофициальные благотворительные мероприятия с танцами, которые устраивались в больших отелях, несколько раз они с Энтони встречались на званых обедах в «Шерри». А однажды, ожидая, пока Глория оденется, в промежутках между сетованиями миссис Гилберт по поводу постоянных отлучек дочери он узнал о ее восхитительных планах на праздничные дни, среди которых значилось с полдюжины танцевальных вечеров, куда был приглашен и Энтони.

Несколько раз он приглашал Глорию на ленч и чаепитие, но во время ленча встречи проходили второпях и не приносили удовлетворения, по крайней мере для Энтони. Девушка выглядела сонной и рассеянной, не могла сосредоточиться и с подобающим вниманием выслушать его излияния. Когда после двух таких скудных трапез Энтони обвинил Глорию в намерении уморить его голодом, она рассмеялась и осчастливила его тремя вечерними чаепитиями, которые доставили несравненно больше радости.

Однажды в воскресенье перед самым Рождеством он позвонил Глории и обнаружил, что та приходит в себя после некой серьезной и весьма загадочной ссоры. Гневным тоном, в котором прослушивались радостные нотки, она сообщила, что только что выставила из своей квартиры мужчину. При этом известии мозг Энтони лихорадочно заработал, теряясь в догадках. А Глория уже докладывала, что этот самый мужчина устраивает сегодня вечером обед в ее честь, но она, разумеется, не пойдет. Таким образом, Энтони пригласил ее на ужин.

– Давайте куда-нибудь сходим, – предложила Глория, когда они спускались на лифте. – Хочется посмотреть представление. Вы не против?

При обследовании билетной кассы отеля выяснилось, что на воскресный вечер намечено всего два концерта.

– Все на один манер, – с несчастным видом посетовала Глория. – Опять те же престарелые еврей-комедианты. Давайте же куда-нибудь пойдем!

Стараясь заглушить чувство вины, что не сумел организовать представление, достойное одобрения Глории, Энтони с напускной веселостью предложил:

– Сходим в хорошее кабаре.

– Я уже побывала во всех, что есть в городе.

– А мы найдем что-нибудь новенькое.

Но было совершенно очевидно, что Глория пребывает в расстроенных чувствах, и сейчас ее серые глаза действительно уподобились граниту. Она молча смотрела перед собой, будто в вестибюле появилось нечто непонятное и омерзительное.

– Хорошо, идемте.

Энтони последовал за девушкой к такси. Даже укутанная в пушистые меха, она выглядела грациозной. С видом человека, точно знающего пункт назначения, он приказал таксисту ехать на Бродвей, а затем свернуть на юг. Он сделал несколько ненавязчивых попыток начать разговор, но Глория облачилась в непробиваемую броню безмолвия и в ответ бросала короткие угрюмые фразы, холодные, как полумрак, наполнявший нетопленное такси. Чувствуя, что его настроение тоже начинает портиться, Энтони оставил свои старания, погружаясь в мрачное молчание.

Кварталах в десяти дальше по Бродвею внимание Энтони привлекла большая незнакомая вывеска, на которой желтыми затейливыми буквами, украшенными цветами и листьями из электрических лампочек, сверкало название «Марафон». Лампочки вспыхивали и гасли, и их отблески отражались на мокрой мостовой. Энтони наклонился и постучал по стеклу водительской кабины. Уже в следующее мгновение он получал нужную информацию из уст темнокожего швейцара. Да, это действительно кабаре. Замечательное кабаре. Лучшее шоу в городе!

– Может, зайдём?

Глория со вздохом выбросила недокуренную сигарету в приоткрытую дверцу и приготовилась последовать за ней. Они прошли под кричащей вывеской через парадную дверь, и душная кабина лифта доставила их наверх, в этот никем не воспетый дворец наслаждений.

Беспечные пристанища несметного богатства и шокирующей нищеты, места, где собираются самые дерзкие и бесшабашные, вынырнувшие из глубин преступного мира, не говоря уже о представителях богемы, которые в последнее время их так полюбили. Объяты благоговейным трепетом старшеклассницы из Огасты в штате Джорджия и из Ред-Уинг в Миннесоте черпают информацию из красочно-увлекательных разворотов воскресных театральных приложений и постигают атмосферу подобных мест по потрясенно-тревожному настрою, наполняющему фильмы мистера Руперта Хьюза и прочих летописцев безумного темпа, в котором живет Америка. Однако эти набеги Гарлема на Бродвей, сатанинские проказы тупоумных и разгульное веселье респектабельных являются прерогативой исключительно самих участников сего действия.

Молва не дремлет, и в заведении, о котором неоднократно и к месту упомянуто, по субботним и воскресным вечерам собираются представители класса, не обремененного строгой моралью: не озабоченные проблемами человечки, которых представляют в комиксах как «Клиента» или «Публику». Их присутствие подтверждает, что заведение соответствует трем признакам: оно дешевое, с убогой претензией скопировать сверкающую роскошь шикарных кафе в театральном районе, и, что самое важное, здесь можно «снять симпатичную девушку». Разумеется, имеется в виду развлечение невинное и робкое, а по причине отсутствия денег и фантазии – попросту неинтересное.

Здесь по воскресным вечерам собираются доверчивые, сентиментальные, много работающие за низкую зарплату люди, чьи профессии состоят из двух слов: помощник бухгалтера, билетный кассир, управляющий делами, коммивояжер. Но чаще всего встречаются мелкие служащие: курьеры, почтовые и банковские работники, брокеры, бакалейщики. Им составляют компанию хихикающие, не в меру энергично жестикулирующие, умилительно претенциозные женщины. Вместе со своими спутниками они толстеют, рожают непомерно много детей и плавают, беспомощные и неудовлетворенные, по безрадостному и унылому морю отупляющей работы и разбитых надежд.

Низкопробные кабаре часто получают названия в честь пульмановских вагонов. Взять тот же «Марафон»! Их не сравнить со

сладострастным шиком парижских кафе! Сюда стоворчивые патроны приводят своих «милашек», чьей изголодавшейся фантазии с трудом хватает, чтобы представить любовную сцену беззаботно веселой, игривой и даже слегка безнравственной. Вот это и есть жизнь! А до завтрашнего дня никому нет дела.

Никчемные люди!

Энтони и Глория сели и стали осматриваться по сторонам. За соседним столиком компания из четырех человек принимала в свои ряды другую компанию, состоящую из двух мужчин и девушки, которые явно пришли с опозданием. Манера поведения девушки вполне могла стать предметом изучения национальной социологии. Ей представляли незнакомых мужчин, и в этот момент она являла собой образец притворства. Словами и жестами и даже легким движением век девушка изо всех сил старалась показать, что принадлежит к классу, который пусть и незначительно, но все же выше тех людей, с которыми ей сейчас приходится иметь дело. Что совсем недавно она вращалась в более изысканных кругах и очень скоро окажется там снова. Девушка выглядела до болезненности утонченной в своей шляпке, модной в прошлом сезоне и украшенной фиалками, такими же претенциозными и фальшивыми, как она сама.

Энтони и Глория, словно зачарованные, смотрели на девушку. А та уселась за столик, всем видом давая понять, что оказывает заведению честь своим присутствием. «Для меня, – говорили ее глаза, – это всего лишь занимательная экскурсия в трущобы, вот и приходится маскироваться, прикрываясь снисходительными смешками и неловкими оправданиями».

Остальные женщины лезли вон из кожи, пытаясь создать впечатление, что хотя они и оказались в этой толпе, никакого отношения к ней не имеют. Посещать места подобного рода не в их правилах, а сюда заглянули просто потому, что местечко оказалось весьма кстати по пути. Все присутствующие в ресторане компании также старались выглядеть случайными посетителями... Однако кто знает? Все эти люди легко меняли социальное положение. Женщины зачастую сверх всякого ожидания выходили удачно замуж, а мужчины, как в противоречащей всякому здравому смыслу красивой рекламе, внезапно наживали огромное богатство, будто сами небеса протянули им благословенный рожок с мороженым. Но сейчас все они пришли

сюда просто поесть, закрывая глаза на несвежие скатерти, которые в целях экономии менялись реже положенного, на случайный состав артистов кабаре и особенно на не слишком сдержанных на язык, фамильярных официантов. С первого взгляда было понятно, что они не слишком-то чтят начальство и того гляди подсядут за столик к кому-нибудь из посетителей.

– Вам здесь не нравится? Может, уйдем? – предложил Энтони.

Лицо Глории утратило хмурое выражение, и впервые за вечер она улыбнулась.

– Здесь чудесно, – призналась девушка, и ее искренность не вызывала сомнений.

Взгляд серых глаз с нескрываемым наслаждением блуждал по залу, то с ленивым любопытством, то настороженно, задерживаясь на каждой компании и тут же перебегая к следующему столику. А Энтони открывал новые достоинства ее профиля, полные живой прелести движения губ, неповторимую красоту лица, всего облика и манер, благодаря которым Глория напоминала прекрасный цветок среди груды дешевых безделушек. При виде ее радости у Энтони перехватило дыхание, от нервного напряжения пересохло в горле, а на глаза навернулись слезы умиления. Зал погрузился в тишину. Фальшивые переливы скрипок и саксофонов, визгливый жалобный плач ребенка за соседним столиком, голос девушки в шляпке с фиалками – все постепенно меркло и удалялось, пока не исчезло совсем, подобно расплывчатым отражениям на натертом паркете. Они остались вдвоем. По крайней мере так казалось Энтони. Одни, бесконечно далеко от суеты и шума. Дышащее пленительной свежестью лицо Глории, несомненно, являло собой прозрачное отображение из мира хрупких загадочных теней, а покоившаяся на покрытой пятнами скатерти рука светилась перламутровой раковиной из далеких неведомых морей.

Внезапно наваждение рассеялось, словно унесенная ветром паутина, и зал снова принял Энтони в свои объятия. Голоса, лица, раздражающе яркий свет ламп над головой стали зловещей реальностью. Отчетливо ощущалось их с Глорией дыхание в унисон с покорной толпой, вздымание и опадание грудных клеток, вечная бессмысленная игра, перебрасывание одними и теми же словами и фразами – все это безжалостно обрушилось на Энтони, придавливая

чувства удушающим бременем житейской круговерти. А потом послышался ее невозмутимый голос, и слова повисли в воздухе, как только что пригрезившееся Энтони видение.

– Мое место среди этих людей, – пробормотала Глория. – Я одна из них.

На мгновение ее признание показалось издевкой, нелепым парадоксом, обрушившимся на Энтони из бескрайнего замкнутого пространства, которым окружила себя Глория. Девушка все больше входила в экстаз, ее взгляд задержался на скрипаче с семитской внешностью, который покачивал плечами в такт самого популярного в том году фокстрота:

Нежной песенки мотив,
Ринг-а-тинг, линг-а-тинг,
Твой ласкает слух...

И снова из глубин хрупкой иллюзии, которую создала Глория, донесся ее голос, и слова девушки повергли Энтони в изумление, будто он слышал богохульство из уст младенца.

– Да, я на них похожа, такая же, как японские фонарики, гофрированная бумага или музыка, которую исполняет местный оркестр.

– Да вы просто юная идиотка! – с жаром воскликнул Энтони.

Глория лишь покачала золотистой головкой:

– Нет, я действительно одна из них... И вам следует это понять... Ведь вы меня совсем не знаете. – Девушка задумалась, скользнув взглядом по Энтони. На мгновение их глаза встретились, и Глория посмотрела на него с удивлением, будто не ожидала здесь встретить. – На мне налет того, что называется низким пошибом. Не знаю, откуда это взялось, но меня привлекают кричащие цвета, безвкусица и вульгарность. Да, мое место здесь. И эти люди оценили бы меня по достоинству и приняли такой, какая есть. Здешние мужчины могли бы в меня влюбиться, и я бы вызывала у них восхищение. А умники, с которыми приходится общаться, разбирают меня по косточкам и пытаются объяснить, почему я такая, а не иная.

Энтони вдруг страстно захотелось написать ее портрет, запечатлеть такой, какой видит сейчас и какой Глория уже никогда не будет, меняясь с каждой неумолимо ускользающей секундой.

– О чем задумались? – поинтересовалась Глория.

– Всего лишь о том, что реалиста из меня не получится, – признался Энтони и добавил: – Нет, только романтик способен сохранить то, что стоит беречь.

В глубинах изощренной натуры Энтони зрело сознание, лишенное чего бы то ни было атавистического или неясного и вообще едва ли имеющее отношение к материальному миру. Сознание, полученное в наследство от настроенных на романтический лад умов из прошлых поколений, понимание того, что манера Глории разговаривать, ее случайно пойманный взгляд и поворот прелестной головки трогают до глубины души и вызывают волнение, которого он прежде никогда не испытывал. Просто становилось понятным назначение оболочки, в которую заключена душа Глории, – вот и все. Глория была сияющим солнцем, которое занимает весь небосклон и хранит свет, чтобы спустя вечность излить его во взгляде или обрывке фразы на ту часть в душе Энтони, что лелеет и бережет всю красоту и прелесть иллюзии.

Глава третья

Ценитель поцелуев

Еще в ранние студенческие годы, в бытность редактором «Гарвард Кримсон» Ричард Кэрамел испытывал желание писать. Но на выпускном курсе он поддался пресловутой иллюзии, что предназначением отдельных людей является «служение» и в сей мир они являются исключительно для осуществления некой туманной, наполняющей душу щемящей тоской цели. За выполнение этой миссии ждет либо награда на небесах, либо, на худой конец, чувство личного удовлетворения за стремление сотворить великое благо для как можно большего количества людей.

Такое настроение уже долгое время сотрясало американские колледжи. Как правило, все начинается в пору незрелых поверхностных впечатлений первого студенческого года, а иногда и со школьной скамьи. Преуспевающие проповедники, славящиеся эмоциональной актерской игрой, совершают обход университетов и, запугивая добродушных овечек, притупляя растущий интерес и пытливость ума, которые и являются целью любого образования, выкристаллизовывают таинственное осуждение греха, вновь и вновь обращаясь к детским преступлениям и «извечному злу, которое несут женщины». Озорная молодежь приходит на их лекции позабавиться и покуролесить, а застенчивые и робкие студенты глотают приятные на вкус пилюли, которые не представляли бы никакого вреда, пропиши их фермерским женам и благочестивым аптекарям, но которые превращаются в довольно опасное лекарство для будущих «вождей человечества».

У этого спрута хватило сил опутать цепкими щупальцами Ричарда Кэрамела и через год после окончания университета увлечь в нью-йоркские трущобы, где он убивал время вместе с суматошными итальянцами, работая секретарем в «Ассоциации по спасению молодых иммигрантов». Протрудившись там более года, Ричард стал уставать от повседневной рутины. Иммигранты прибывали неиссякаемым потоком: итальянцы, поляки, скандинавы, чехи, армяне – все с одними и теми же правонарушениями, одинаково уродливыми, отталкивающими лицами и таким же мерзким запахом. Правда, по истечении нескольких месяцев Ричарду уже казалось, что запах бьет в

нос все сильнее, обогащаясь новыми разнообразными оттенками. Он так и не сформировал окончательного мнения относительно целесообразности этой службы, однако решение по поводу собственного в ней участия было принято окончательно и бесповоротно. Любой приятный молодой человек, в ушах которого еще звучали призывы очередной кампании по защите обездоленных, мог не хуже его справиться со спасением прибывшего из Европы отребья. А для Ричарда настало время заняться писательским трудом.

Жил он тогда при «Ассоциации молодых христиан» в деловой части города, но, расставшись с неблагодарным занятием по перевоспитанию иммигрантов, перебрался в жилые кварталы и сразу же получил место репортера в газете «Сан», где продержался в течение года, время от времени пописывая на сторону, что особого успеха не принесло. Но тут неудачное стечение обстоятельств положило конец его карьере газетчика. Как-то в феврале Ричарду поручили написать статью о параде кавалерийского эскадрона. Однако, испугавшись надвигающегося снегопада, он уснул перед горящим камином, а пробудившись, настроил складную статью, упомянув приглушенный топот конских копыт по свежевыпавшему снегу... Свое произведение он сдал в редакцию, а на следующее утро редактору отдела местных новостей прислали экземпляр газеты с нацарапанной в углу резолюцией: «Уволить автора этой писанины». Оказалось, в кавалерийском эскадроне тоже стало известно о грозящем снегопаде и парад перенесли на другой день. Спустя неделю Ричард приступил к работе над «Демоническим любовником».

В январе месяце, которому отведена роль понедельника года, нос Ричарда Кэрамела покрылся непреходящей, издевательски-зловещей синевой, вызывающей туманные ассоциации с адским пламенем, лижущим грешника. Книга была почти готова, и по мере непрестанного совершенствования она предъявляла все более высокие требования к самому автору, подавляя его и высасывая все силы, пока тот не превратился в изможденную и безвольную тень своего творения. Все надежды, сомнения и тщеславные помыслы Ричард Кэрамел изливал не только Энтони и Мори, но и первому встречному, которого удавалось заманить в слушатели. Он донимал визитами вежливых, но несколько сбитых с толку издателей и обсуждал роман

со случайными собеседниками из Гарвардского клуба. А Энтони даже утверждал, что однажды воскресным вечером застал Ричарда в одном из темных уголков на промозглой и мрачной станции метро в Гарлеме, когда тот делился планами по переработке второй главы с грамотного вида билетным контролером. Последним доверенным лицом Ричарда Кэрамела стала миссис Гилберт, с которой они просиживали часами и вели яростный перекрестный огонь, то и дело перескакивая с дискуссии о билфизме на обсуждение вопросов литературы.

– Шекспир был билфистом, – утверждала миссис Гилберт с застывшей улыбкой на лице. – Да-да, билфистом! Это уже доказано.

В ответ на это заявление Дик с озадаченным видом хлопал глазами.

– И если ты читал «Гамлета», то не мог этого не заметить.

– Видите ли, он жил во времена, когда люди были легковверными и религиозными.

Но миссис Гилберт могла удовлетворить только полная победа.

– Разумеется. Но ведь билфизм – не религия, а научная теория, лежащая в основе всех религий. – Она одарила собеседника вызывающей улыбкой. Эта фраза остроумно выражала смысл ее веры. Само сочетание слов так прочно завладело умом дамы, что упомянутое утверждение уже не требовало дальнейших толкований. Можно предположить, что миссис Гилберт приняла бы любую идею, облаченную в столь блистательную формулировку, которая, пожалуй, и не являлась формулировкой как таковой, а представляла собой сведение к абсурду всех существующих доктрин.

В конце концов доходила очередь и до Дика, и уж тут он получал возможность блеснуть во всем великолепии.

– Вы, разумеется, слышали о новом направлении в поэзии. Нет? Речь идет о многочисленной группе молодых поэтов, которые отвергают прежние формы и у них неплохо получается. Так вот, своей книгой я намерен положить начало новой тенденции в прозе, в некотором роде осуществить ее возрождение.

– Уверена, что так и будет, – с сияющим видом поддержала миссис Гилберт. – Нисколько не сомневаюсь. В прошлый вторник я ходила к Дженни Мартин, что гадает по руке. Ну, ты знаешь, все сходят по ней с ума. Я рассказала, что мой племянник поглощен неким трудом, и гадалка сообщила радостную весть, что его, несомненно, ждет

необыкновенный успех. А ведь она ни разу тебя не видела и даже имени не знает.

Издав подобающие для такого случая звуки, чтобы выразить изумление сим невероятным явлением, Дик подхватил предложенную миссис Гилберт тему и с ловкостью регулировщика дорожного движения направил ее по нужному пути.

– Я действительно увлечен работой, тетя Кэтрин, – подтвердил он. – Все друзья надо мной подтрунивают. О, я и сам вижу, что это смешно, но мне все равно. Думаю, человек должен научиться сносить насмешки. Но у меня имеются собственные убеждения, – завершил Дик с мрачным видом.

– Я всегда говорила, что у тебя древняя душа.

– Возможно. – Дик дошел до состояния, когда бороться дальше нет сил и остается только соглашаться. Да, должно быть, у него действительно душа старца, такая древняя, что насквозь прогнила. Однако, представив эту абсурдную картину, Дик пришел в некоторое замешательство, и от повторенных про себя слов по спине пробежал неприятный холодок. Он предпочел поскорее сменить тему: – А где же моя утонченная кухня Глория?

– Где-то бегает неизвестно с кем.

Дик помолчал, что-то обдумывая, и его лицо скривилось в гримасу, которая изначально задумывалась как улыбка, но в конечном итоге превратилась в кислую мину, способную навести уныние на кого угодно.

– Думаю, мой друг Энтони Пэтч в нее влюблен, – изрек он наконец.

Миссис Гилберт встrepенулась и, с небольшим опозданием изобразив сияющую улыбку, выдохнула шепотом свое знаменитое «Неужели?», как в пьесе с детективным сюжетом.

– Полагаю, что так, – с серьезным видом подтвердил Дик. – На моей памяти она первая девушка, с которой Энтони проводит так много времени.

– Ну да, конечно, – с наигранной беспечностью заметила миссис Гилберт. – Глория никогда не делится со мной своими тайнами. Такая скрытная! Между нами говоря, – она осторожно наклонилась к Дику, полная решимости доверить свое признание только Всевышнему и племяннику, – мне хочется, чтобы Глория наконец-то угомонилась.

Дик встал и принялся с озабоченным видом расхаживать по комнате. Маленький, энергичный, уже успевший округлиться молодой человек, нелепо засунувший руки в оттопыренные карманы.

– Заметьте, я не берусь ничего утверждать, – обратился он к висевшей с незапамятных времен на стене отеля гравюре, которая чинно усмехнулась в ответ. – Я не говорю ничего, что стало бы для Глории новостью. Однако считаю, что наш безрассудный Энтони весьма и весьма к ней равнодушен. Только о ней и говорит. У любого другого это считалось бы дурным признаком.

– У Глории совсем юная душа, – с воодушевлением произнесла миссис Гилберт, но племянник поспешно ее перебил:

– Глория действительно окажется юной дурочкой, если не выйдет за него замуж. – Он остановился и посмотрел тетушке в глаза. От напряжения лицо Дика невероятным образом исказилось, напоминая в тот момент карту боевых действий, испещренную линиями и вмятинами от карандаша. Словно желая искупить искренностью неучтивые слова, он продолжил: – Тетя Кэтрин, Глория – сумасбродка, она совершенно неуправляема. Не знаю, как случилось, но в последнее время ее окружает множество весьма странных друзей. А ее это, кажется, не беспокоит. Мужчины, с которыми кузину прежде видели в Нью-Йорке, были... – Дик замолчал, переводя дыхание.

– Да-да-да, – отозвалась миссис Гилберт, делая слабую попытку скрыть живейший интерес к словам Ричарда.

– Так вот, – угрюмо продолжил Ричард Кэрамел, – мы и получили то, что видим. Я хочу сказать, мужчины, да и вообще все люди, с которыми она встречалась раньше, принадлежали к высшим слоям общества, а теперь все изменилось.

Миссис Гилберт часто заморгала, ее грудь всколыхнулась, делая вдох, и на мгновение замерла, а на выдохе из уст дамы выплеснулся нескончаемый поток слов. Да, ей все известно. О, мать не может не заметить подобных вещей, изливала душу надрывным шепотом миссис Гилберт. Но что ей оставалось? Ведь Ричард знает характер Глории и достаточно давно с ней знаком, а потому понимает полную безнадежность любых попыток вразумить кузину. С самого детства Глория страшно избалована, и с ней нет никакого слада. К примеру, ее до трех лет кормили грудью, хотя к тому времени она могла разгрызть дерево. Хотя как знать – может, именно благодаря этому девочка

отличается крепким здоровьем и выносливостью. А потом, едва Глории исполнилось двенадцать лет, просто не стало прохода от мальчиков. В шестнадцать она стала ходить на танцы, сначала в школы, потом в колледжи, и где бы ни появилась, всюду ее окружали мальчики, мальчики... толпы мальчиков. Поначалу, лет до восемнадцати, их было так много, что казалось, Глория не делает между ними различия, но потом она стала выбирать.

Миссис Гилберт знала о ряде увлечений дочери за прошедшие три года, наверное, их было около дюжины. Порой кавалерами Глории становились студенты выпускных курсов или юноши, только что закончившие учебу. Каждый роман длился несколько месяцев, а в промежутках вклинивались новые короткие увлечения. Пару раз отношения принимали более длительный характер, и мать надеялась, что Глория вот-вот объявит о помолвке, но вскоре появлялся очередной поклонник, потом еще один, и так без конца...

Мужчины? Да Глория буквально втаптывала их в грязь! Лишь одному удалось сохранить подобие достоинства, да и тот был совсем еще ребенком. Картер Керби из Канзас-Сити. Самонадеянный юнец, но именно тщеславие его и спасло. В один прекрасный день он просто уехал с отцом в Европу. А остальные представляли собой жалкое зрелище. Юноши не чувствовали, что начинают надоедать Глории, а она редко кого обижала намеренно. И они продолжали звонить, забрасывали письмами, искали встречи, ездили за ней по всей стране. Некоторые избрали миссис Гилберт своим доверенным лицом и со слезами на глазах уверяли, что никогда не смогут оправиться от нанесенного Глорией удара... Правда, по крайней мере двое из них уже женаты. Однако в большинстве случаев дочь сражала наповал. И по сей день мистер Карстерс раз в неделю звонит и присылает цветы, которые Глория уже устала отсылать обратно.

Несколько раз, насколько известно миссис Гилберт, это случалось дважды, дело доходило до негласной помолвки... с Тюдором Бэрдом и молодым Холкомом из Пасадены. Да, несомненно, так и было... пожалуй, кое о чем не стоит говорить, но все же... однажды миссис Гилберт неожиданно зашла в комнату и застала Глорию... ну, дочь вела себя так, как будто действительно была помолвлена. Разумеется, она ничего не сказала Глории, ведь ей не чуждо чувство такта, а кроме того, всякий раз со дня на день ожидалось официальное объявление

помолвки. Но никакого объявления не последовало, а вместо него появился очередной кавалер.

Какие устраивались сцены! Молодые люди метались по библиотеке, словно тигры в клетке! Испепеляли друг друга взглядами, встречаясь в коридоре, когда один уходил, а другой только заходил в дом! А охваченные отчаянием юноши, когда в ответ на телефонный звонок бросали трубку! От расстройства они грозили уехать в Южную Америку! Какие трогательные и проникновенные сочинялись письма! (Миссис Гилберт не стала вдаваться в подробности, но Дикю показалось, что некоторые из упомянутых посланий она видела воочию.)

...И Глория, то в слезах, то заливаясь смехом, переходила от печали к радости, влюблялась и охладевала, выглядела несчастной, нервничала или оставалась равнодушной. Без конца возвращала подарки и меняла фотографии в древних рамках, а потом принимала горячую ванну, и все начиналось заново... со следующим претендентом на руку и сердце.

Такое положение дел приобрело постоянный характер и, казалось, будет продолжаться вечно. Ничто не тревожило Глорию, не меняло ее характера и не трогало. И вдруг громом среди ясного неба прозвучало высказанное матери признание, что студенты ей надоели и на танцевальные вечера в колледже она больше не пойдет.

И с этого момента начались перемены, которые, впрочем, не слишком отразились на привычках Глории, так как свиданий и танцев в ее жизни не стало меньше. Однако отношение к свиданиям в корне изменилось. Раньше они являлись в определенном смысле предметом гордости, средством потешить тщеславие. Глория, похоже, была самой знаменитой и модной из юных красавиц по всей стране. Подумать только, Глория Гилберт из Канзас-Сити! И она упивалась плодами своей славы, используя ее самым немилосердным образом. Наслаждалась видом толпившихся вокруг мужчин и стараниями самых достойных из них завоевать ее благосклонность. Глорию приводила в восторг неистовая ревность других девушек и радовали невероятные, если не сказать скандальные слухи, ходившие вокруг ее имени, которые, впрочем, по словам матери, не имели под собой почвы. Например, поговаривали, что однажды на вечеринке в Йельском университете она нырнула в бассейн в шифоновом бальном платье.

И вдруг после свойственного скорее мужчине упоения подобным образом жизни – а ее взлет был сродни головокружительной блестящей карьере – Глория ударилась в эстетство и стала стремиться к уединению. Она, безраздельно царившая на бесчисленных балах, пролетевшая по всем танцевальным залам в сиянии благоуханного ореола в сопровождении нежных взглядов, вдруг потеряла к этому всякий интерес. Очередной влюбленный поклонник был решительно и даже с гневом отвергнут. Теперь равнодушную ко всему Глорию видели в обществе самых заурядных мужчин. У девушки вошло в привычку не являться на свидания, и если в прежние времена она поступала так, свято веря в собственную неотразимость, ради которой оскорбленный мужчина прибежит по первому зову, как комнатная собачонка, то теперь Глория не испытывала ни презрения, ни гордости от одержанной победы. Только полное безразличие. Она редко обрушивала гнев на мужчин, которые не вызывали ничего, кроме зевоты. Такое поведение выглядело странным, и матери стало казаться, что Глория постепенно утрачивает способность испытывать какие-либо чувства.

Поначалу Ричард Кэрамел слушал стоя. Однако по мере того как исповедь тетушки обрастала все новыми подробностями – здесь она урезана в половину за счет бесконечных отступлений, касающихся юной души Глории и страданий, пережитых самой миссис Гилберт, – он придвинул стул. Теперь, уже сидя, Дик с суровым видом наблюдал, как течение несет ее по длинной повести о жизни дочери, заставляя то обливаться слезами, то демонстрировать достойную жалости беспомощность. Когда дело дошло до сказания о последнем злополучном годе и окурках, разбросанных по всему Нью-Йорку в пепельницы, на которых красовалось клеймо таких заведений, как «Полуночные забавы» и «Клуб Джастины Джонсон», Ричард стал кивать, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Наконец миссис Гилберт завершила повествование раскатистым стаккато, а голова Дика к тому времени подпрыгивала вверх и вниз, как у куклы на пружинах, и истолковать эти движения можно было как угодно.

О прошлом Глории он не узнал ничего нового. Ричард давно наблюдал за ее жизнью глазами журналиста, так как собирался когда-нибудь написать о кузине книгу. В данный же момент Дика занимали интересы семьи. В частности, Кэрамел хотел знать, кто такой

пресловутый Джозеф Блокмэн, с которым Глорию видели несколько раз, а также некие две девицы, ставшие ее неразлучными подругами. «Эта» Рейчел Джеррил и «эта» мисс Кейн. Что до мисс Кейн, она определенно не самая подходящая компания для Глории!

Однако удобный момент был упущен. Миссис Гилберт, достигнув апогея своего повествования, намеревалась стремительно скользить вниз по крутому трамплину, ведущему к трагической развязке. Ее глаза напоминали синее небо, на которое смотришь через два круглых оконца с красными переплетами. Складки вокруг рта жалобно вздрагивали.

Именно в этот момент дверь распахнулась, впуская в комнату двух упомянутых выше юных особ.

Две юные дамы

– Вот и мы!

– Здравствуйте, миссис Гилберт!

Мистеру Ричарду Кэрамелу представляют мисс Кейн и мисс Джеррил.

– Знакомьтесь, это Дик (слышится смех).

– Я столько о вас слышала, – заявляет мисс Кейн, переходя с хихиканья на визг.

– Здравствуйте, – застенчиво приветствует Ричарда мисс Джеррил.

Ричард Кэрамел без устали перемещается по комнате в надежде скрыть недостатки фигуры. Его раздрают противоречивые чувства: с одной стороны, хочется проявить врожденную любезность, но с другой – этих девушек он считает заурядными особами, не имеющими ничего общего с типом женщин, учившихся в Фармоувере.

Тем временем Глория удалилась в спальню.

– Да садитесь же! – Миссис Гилберт, которая уже успела прийти в себя, лучезарно улыбается. – Снимите теплые вещи.

Дик боится, что сейчас она примется делать замечания по поводу возраста его души, но тут же забывает о своих опасениях и с добросовестной дотошностью романиста изучает обеих молодых женщин.

Мюриэл Кейн происходила из стремительно богатеющей семьи из Ист-Оранджа, штат Нью-Джерси. Девушка была скорее низенькой, чем

миниатюрной, а ее фигура дерзко балансировала на грани, отделяющей приятную округлость от не радующей глаз полноты. Черные волосы, тщательно уложенные в прическу, в сочетании с красивыми, как у коровы, глазами и неестественно красными губами делали ее похожей на Теду Бара, известную киноактрису. Люди не раз называли Мюриэл «женщиной-вамп», и она верила их словам. Мисс Кейн втайне надеялась, что окружающие ее боятся, и всеми силами и при любых обстоятельствах старалась создать впечатление опасной роковой красавицы. Однако наделенный воображением мужчина мог без труда разглядеть красный флаг, который Мюриэл всегда держала при себе, с отчаянной мольбой размахивая им во все стороны. К несчастью, без сколько-нибудь ощутимого результата. Кроме того, она была страшно современной девушкой, знала абсолютно все новые песенки и, когда одну из них проигрывали на патефоне, тут же вскакивала на ноги и, покачивая в такт плечами, начинала прищелкивать пальцами. Если музыка отсутствовала, Мюриэл аккомпанировала себе, напевая знакомый мотив.

Ее речь также соответствовала духу времени. «Мне плевать, – говаривала Мюриэл. – Была охота переживать да фигуру портить. Ах, беби! Как услышу эту музыку, ноги сами пускаются в пляс!»

Вычурно-длинные ногти девушки отполированы до неестественного, лихорадочно-розового блеска. Одежда слишком облегающая, чересчур модная и яркая, глаза не в меру плутоватые, а улыбка очень уж жеманная. И вся она с головы до ног состоит из сплошных излишеств, являя собой зрелище, достойное жалости.

Вторая девушка казалась натурой более утонченной. Темноволосая, изысканно одетая еврейка с прелестной молочно-белой кожей. Она выглядела застенчивой и неуверенной, и два этих качества подчеркивали окружавшее ореолом нежное очарование. Она происходила из семьи, принадлежащей епископальной церкви, которая владела тремя магазинами модной женской одежды на Пятой авеню и проживала в шикарной квартире на Риверсайд-драйв. Спустя несколько минут у Дика создалось впечатление, что девушка пытается копировать Глорию, и он удивился в душе, почему люди непременно хотят походить на тех, кому подражать невозможно.

– Ох, еле добрались! Думали, не переживем! – возбужденно тараторила Мюриэл. – За нами в автобус зашла какая-то ненормальная!

Все бормотала, как она собирается с кем-то расправиться. От страха я боялась пошевелиться, а Глория уперлась и никак не хотела выходить из автобуса.

Миссис Гилберт открыла рот, выражая благоговейный ужас.

– Неужели?

– Нет, правда, тронутая. Слава Богу, на нас не набросилась. А какая уродина! Боже правый! Мужчина напротив сказал, что с такой физиономией надо работать ночной сиделкой в приюте для слепых. Мы просто рыдали от смеха, а он надумал за нами волочиться.

В этот момент из спальни вышла Глория, и все взгляды устремились на нее. Обе девушки вдруг отошли в тень, превратившись в незаметный фон.

– А мы вот о тебе беседовали, – торопливо сообщил Дик, – с твоей матерью.

– Ну что ж!.. – бросила Глория.

Наступила короткая пауза, которую нарушила Мюриэл.

– Вы ведь великий писатель, так? – обратилась она к Дик.

– Я – писатель, – скромно подтвердил Дик.

– Я вот думаю, – серьезно начала Мюриэл, – если бы у меня хватало времени записывать все свои приключения, вышла бы замечательная книга.

Рейчел сочувственно хихикнула, Ричард Кэрамел с величественным видом наклонил голову, а Мюриэл не унималась:

– Только не возьму в толк, как это можно сесть и что-то написать? А стихи! Да я и двух строк не зарифмую. Ну и ладно, наплевать!

Ричард Кэрамел с трудом сдерживал хохот, а Глория жевала невесть откуда взявшуюся желатиновую пастилку, с унылым видом глядя в окно. Миссис Гилберт откашлялась, и ее лицо озарила сияющая улыбка.

– Видите ли, – изрекла она тоном человека, делающего мировое открытие, – вы не обладаете древней душой, как Ричард.

Древняя Душа вздохнул с облегчением – наконец-то долгожданные слова прозвучали.

Вдруг Глория объявила как о деле давно решенном:

– Я собираюсь устроить званый вечер.

– Ой, а меня пригласишь? – с шутливой дерзостью выкрикнула Мюриэл.

– Обед на семь человек: Мюриэл, Рейчел, я, ты, Дик, Энтони и этот парень по имени Ноубл. Он мне нравится. А еще Блокмэн.

Мюриэл и Рейчел выражали восторг тихим урчанием, миссис Гилберт моргала и лучезарно улыбалась, и тут Дик с небрежным видом задал давно не дававший покоя вопрос:

– Скажи, Глория, а кто этот Блокмэн?

Уловив в его тоне скрытую враждебность, Глория быстро повернулась к кузену:

– Джозеф Блокмэн? Да он из киношников. Вице-президент компании «Филмз пар экселенс». У них с отцом общие дела.

– Ах вот оно что!

– Так вы все придете?

Разумеется, придут все. Дату назначили за неделю. Дик поднялся с места и, облачившись в пальто, шляпу и шарф, изобразил на лице улыбку, обращенную ко всем присутствующим.

– Пока-пока! – весело помахала рукой Мюриэл. – Позвоните мне как-нибудь.

Ричарду стало стыдно за девушку, и он покраснел.

Бесславный конец шевалье О'Кифи

Наступил понедельник, и Энтони повел Джеральдин Берк обедать в «Боз-ар», после чего они отправились к нему на квартиру. Энтони выкатил маленький столик на колесах и, изучив хранившийся там запас спиртного, выбрал в качестве бодрящего средства вермут, джин и абсент.

Джеральдин Берк, работавшая билетершей у Китса, уже в течение нескольких месяцев скрашивала жизнь Энтони. Малышка требовала так мало, что Энтони к ней искренне привязался, так как после досадного случая с одной из дебютанток прошлым летом, когда после нескольких поцелуев от него ожидалось предложение руки и сердца, к девушкам своего круга стал относиться подозрительно. Его критический взгляд тут же отмечал все изъяны, будь то отсутствие внешнего изящества или недостаточная утонченность натуры. Но к простолюдинке, служившей билетершей у Китса, отношение совсем иное. Можно смириться с некоторыми особенностями характера у собственного лакея, но те же слабости совершенно непростительны для людей, которые стоят с тобой на одной ступени. Джеральдин, свернувшись калачиком у дивана, искоса поглядывала на Энтони, прищурив глаза.

— Ты ведь постоянно пьешь, верно? — неожиданно поинтересовалась она.

— Ну, в общем, да, — откликнулся Энтони, удивляясь заставшему врасплох вопросу. — А ты разве не пьешь?

— Нет. Ты же знаешь, иногда хожу на вечеринки раз в неделю, но выпиваю бокала два или три. А ты с приятелями пьешь не просыхая. По-моему, так и здоровье загубить недолго.

Слова Джеральдин растрогали Энтони.

— Значит, беспокоишься обо мне? Как мило с твоей стороны!

— Вот именно, беспокоюсь.

— Да не так уж много я и пью, — признался он. — Вот в прошлом месяце капли в рот не брал целых три недели. И вообще набираюсь по полной не чаще раза в неделю.

— Каждый день хоть чуть-чуть, да приложишься. А ведь тебе всего двадцать пять. Неужели нет никакой цели в жизни? Представь только,

во что превратишься в сорок лет!

– Искренне надеюсь, что не протяну так долго.

Девушка только зацокала языком.

– Ну, ты спя-я-я-тил! – протянула она, смешивая очередной коктейль, и тут же спросила: – А вы, случайно, не родственники с Адамом Пэтчем?

– Он мой дед.

– Правда? – Девушка была явно заинтригована.

– Чистая правда.

– Забавно. Мой отец у него работал.

– Чудаковатый старик.

– А он добрый?

– Ну, в личной жизни он редко бывает противным без особой надобности.

– Расскажи о нем.

– Ну, что сказать, – задумался Энтони, – он весь высох, а на голове остатки седых волос, и кажется, что их растрепало ветром. Высоконравственный человек, что и говорить.

– И сделал много добра, – серьезно заявила Джеральдин.

– Вздор! – презрительно хмыкнул Энтони. – Благочестивый болван с куриными мозгами.

Джеральдин предпочла переключиться на другую тему:

– А почему ты с ним не живешь?

– А может, сразу податься в служки к пастору методистской церкви?

– Ну, ты спя-я-я-тил!

В знак неодобрения девушка снова цокнула языком. А Энтони удивился, сколько нравственной силы в душе этой маленькой бродяжки. Но что останется от моральных устоев, когда неумолимо надвигающаяся волна смоее ее с зыбкого островка респектабельности?

– Ты его ненавидишь?

– Да как сказать. Особой любви к нему никогда не питал. Никто не любит своих благодетелей.

– А он тебя ненавидит?

– Милая Джеральдин, – запротестовал Энтони, шутливо хмуря брови, – лучше сделай себе еще один коктейль. Я раздражаю деда. Стоит закурить сигарету, как он заходит в комнату и начинает

недовольно сопеть носом. Он самодовольный зануда и порой лицемер. Я не стал бы пускаться с тобой в откровения, если бы предварительно не выпил. Да и какое это имеет значение.

Однако интерес Джеральдин ничуть не ослаб. Так и не пригубив бокал, девушка держала его большим и указательным пальцами, а в устремленном на Энтони взгляде сквозил благоговейный страх.

– Почему ты считаешь деда лицемером?

– Ну, может, и не лицемер, – согласился Энтони, теряя терпение. – Но ему не по душе все, что я люблю, да и вообще, на мой взгляд, личность деда не представляет никакого интереса.

Джеральдин лишь хмыкнула в ответ. Похоже, она наконец удовлетворила свое любопытство и снова забилась в уголок дивана, принявшись за коктейль.

– Да ты чудак, – задумчиво подытожила девушка. – И видимо, всем хочется за тебя замуж из-за богатого деда...

– Ну, не всем, хотя я не рискнул бы ставить им в вину подобное желание. И знаешь, я вообще не собираюсь жениться.

Джеральдин пропустила его слова мимо ушей.

– Однажды ты влюбишься. О, я точно знаю. – Она с умудренным видом покивала головой.

– Какой идиотизм с моей стороны вести откровенные беседы. Именно это и погубило шевалье О'Кифи.

– А это кто такой?

– Плод моего блестящего ума. Да, шевалье – мое единственное творение.

– Ну, ты спя-я-я-тил! – протянула Джеральдин с очаровательным видом, используя любимую фразу как грубую веревочную лестницу, с помощью которой преодолевала все пропасти, карабкаясь за людьми, превосходящими ее умом. Подсознательно она чувствовала, что это средство уничтожает любые преграды и возвращает в пределы досягаемости ускользающее от Джеральдин воображение собеседника.

– Ох, нет, Джеральдин! – запротестовал Энтони. – Только не относись к шевалье как психиатр, удостоверяющий вменяемость преступника. Если чувствуешь, что не способна его понять, я и начинать не стану. Кроме того, я уже и так испытываю неловкость по поводу его достойной сожаления репутации.

– Думаю, я способна понять все, что имеет хоть какой-то смысл, – с легкой досадой возразила Джеральдин.

– В таком случае некоторые эпизоды из жизни шевалье могут показаться занимательными.

– И что дальше?

– Именно безвременная кончина шевалье навела меня на мысль упомянуть о нем в разговоре. Крайне неприятно начинать знакомство со смерти, но, похоже, шевалье суждено войти в твою жизнь, пятясь назад. Этого не избежать.

– Так что с ним стряслось? Умер, что ли?

– Именно так! И вот как это случилось! Он был ирландцем, Джеральдин. Одним из ставших легендой ирландцев с неистовым нравом, певучим акцентом и «огненной шевелюрой». На закате рыцарства его изгнали из Ирландии, и, разумеется, он направился во Францию. Видишь ли, Джеральдин, у нас с шевалье О'Кифи имелась одна общая слабость. Он сверх всякой меры был подвержен влиянию женщин всех народностей и сословий.

Кроме того, шевалье принадлежал к натурам сентиментальным, склонным к романтизму и тщеславию. Человек безумных страстей, чуть подслеповатый на один глаз и почти слепой на второй. Мужчина, странствующий по свету в подобном состоянии, так же беззащитен, как потерявший зубы лев. И как следствие, в течение двадцати лет шевалье терпел издевательства со стороны многочисленных женщин, которые его ненавидели, использовали, надоедали и изводили, одаривали различными болезнями, тратили его деньги и дурачили всеми способами. Одним словом, как говорят в миру, любили его.

Дело обстояло скверно, Джеральдин. И шевалье, который, не считая единственной упомянутой слабости, был человеком целеустремленным, решил раз и навсегда избавиться от всех утрат и убытков. С этой целью он отправился в знаменитый монастырь, находившийся в Шампани, который носил... несколько устаревшее название в честь Святого Вольтера. В монастыре Святого Вольтера существовало правило, запрещавшее монахам в течение всей жизни спускаться на нижний этаж. Им надлежало предаваться молитвам и размышлениям в одной из четырех башен, получивших названия по четырем заповедям монастырского устава: Бедность, Целомудрие, Покорность и Безмолвие.

В день, знаменующий прощание шевалье с грешным миром, он чувствовал себя абсолютно счастливым. Греческие книги подарил хозяйке, у которой снимал жилье, свой меч в золоченых ножнах отослал королю Франции, а все вещи, напоминавшие об Ирландии, отдал молодому гугеноту, торговавшему рыбой на той улице, где жил шевалье О'Кифи.

Затем он отправился верхом в монастырь Святого Вольтера, у ворот обители заколол коня и презентовал тушу монастырскому повару.

В пять часов вечера он впервые в жизни почувствовал себя свободным от зова плоти. Ни одна женщина не могла переступить порог монастыря, и ни одному монаху не разрешалось спускаться ниже второго этажа. Взираясь по винтовой лестнице в отведенную ему на самом верху башни Целомудрие келью, шевалье на минуту задержался у открытого окна. Оно выходило на дорогу в пятидесяти футах от земли. О'Кифи поразила красота мира, который предстояло покинуть. Золотой дождь солнечных лучей, заливающий бескрайние поля, темнеющая вдалеке дымка леса, умиротворенно зеленеющие виноградники и простирающееся без конца и края наполненное свежестью пространство. Он облокотился на подоконник и застыл на месте, всматриваясь в извивающуюся внизу дорогу.

И надо же было случиться, что именно в тот самый момент по дороге мимо монастыря проходила шестнадцатилетняя крестьянка Тереза из соседней деревни. Пятью минутами раньше старенькая ленточка, поддерживающая чулок на прелестной левой ножке, оборвалась. Будучи девушкой на редкость скромной, она поначалу решила дойти до дома и уж там починить ленточку. Но идти было так неудобно, что терпеть дольше не хватило сил. И вот, проходя мимо башни Целомудрие, девушка остановилась и полным очарования движением, справедливости ради отметим, совсем чуть-чуть приподняла юбку. Просто чтобы поправить подвязку.

А наверху в башне новоиспеченный послушник древнего монастыря Святого Вольтера, словно подталкиваемый неумолимой гигантской рукой, свесился из окна. Он наклонялся все дальше и дальше, и вдруг один из камней, не выдержав тяжести, с мягким стуком выпал из кладки. Сначала головой вперед, потом вперед ногами и наконец, распластавшись в головокружительном вращении,

кувыркался в воздухе шевалье О'Кифи, неуклонно стремясь навстречу твердой земле и вечному проклятию.

Терезу так расстроило это событие, что оставшийся путь до дома она проделала бегом, а последующие десять лет каждый день по часу тайно молилась за душу монаха, который в тот злополучный воскресный день нарушил данный обет и сломал себе шею.

Заподозренного в самоубийстве шевалье О'Кифи не разрешили похоронить в освященной земле и закопали поблизости в поле, где он в последующие годы несомненно улучшил качество почвы. Вот такой была безвременная кончина сего отважного и галантного джентльмена. Ну, что скажешь, Джеральдин?

Однако Джеральдин давно упустила нить повествования и лишь, проказливо улыбаясь, погрозила ему пальцем, а затем протянула спасительное и всеобъемлющее:

– Ну, ты спя-я-я-тил!

Мысли девушки занимало тонкое лицо Энтони, которое казалось добрым, а глаза смотрели так ласково. Он нравился Джеральдин, потому что в его высокомерии не было самодовольства, и в отличие от мужчин, которых она встречала в театре, Энтони приходил в ужас, когда его персона привлекала внимание. Какая странная и бессмысленная история! Однако ей пришлось по душе место, где рассказывалось о чулках.

После пятого коктейля Энтони принялся целовать девушку, и так за смехом и шутливыми ласками, сдерживая огонь страсти, они провели час. В половине пятого Джеральдин заявила, что у нее назначена встреча, и отправилась в ванную приводить в порядок растрепавшиеся волосы. Она отказалась от предложения Энтони вызвать такси и на минуту задержалась в дверях.

– Ты непременно женишься, – уверенно заявила Джеральдин. – Погоди, сам увидишь.

Энтони вертел в руках старый теннисный мяч и, ударив им об пол несколько раз, язвительно усмехнулся:

– Ты просто маленькая идиотка, Джеральдин.

В ответ девушка задорно улыбнулась:

– Неужели? Может, поспорим?

– Ну уж это полная глупость.

– Разумеется, как же иначе. И все-таки держу пари, что в течение года ты непременно на ком-нибудь женишься.

Энтони с силой ударил мячом об пол, и девушка подумала, что сегодня он особенно красив. Вместо обычного меланхоличного выражения в темных глазах светилось оживление.

– Послушай, Джеральдин, – изрек он наконец, – во-первых, нет на свете женщины, на которой бы мне хотелось жениться; во-вторых, у меня не хватит денег, чтобы содержать нас двоих; в-третьих, таким, как я, женитьба вообще решительно противопоказана; и наконец, в-четвертых, одна мысль о ней вызывает у меня глубочайшее отвращение.

Но Джеральдин только с умудренным видом сощурила глаза и, цокнув в очередной раз языком, заявила, что ей надо торопиться, потому что уже очень поздно.

– Смотри же, позвони мне, – напомнила она, целуя Энтони на прощание. – В прошлый раз ты куда-то пропал на три недели.

– Непременно позвоню! – с жаром пообещал Энтони.

Закрыв за девушкой дверь, он вернулся в комнату и некоторое время стоял, погруженный в мысли, по-прежнему сжимая в руке теннисный мячик. Надвигалось очередное одиночество, один из периодов, когда Энтони бесцельно бродил по улицам или просто сидел подавленный за письменным столом и грыз карандаш. Это был уход в себя, не приносивший успокоения, неутоленная потребность выразить свои чувства, ощущение времени, проносящегося впустую мимо. Утешала лишь уверенность, что терять-то нечего, так как все усилия и достижения ничего не стоят.

Энтони чувствовал себя уязвленным и сбитым с толку. В сердцах он выплеснул свои эмоции вместе со словами, произнесенными вслух:

– Господи, да я и не думал о женитьбе!

Внезапно Энтони резким движением швырнул мяч через всю комнату, и тот, едва не угодив в лампу, подпрыгнул несколько раз и замер на полу.

Солнечный свет и лунное сияние

Для званого ужина Глория заказала столик в «Каскадах» отеля «Билтмор», и когда приглашенные джентльмены встретились в начале девятого в холле, «этот тип Блокмэн» тут же попал под обстрел трех пар мужских глаз. Он оказался склонным к полноте евреем лет тридцати пяти, с выразительным румяным лицом в обрамлении гладких рыжеватых волос. Вне всякого сомнения, на деловых встречах этот человек производил самое благоприятное впечатление. Блокмэн направился к трем молодым людям, которые курили в сторонке в ожидании хозяйки вечера, и представился, проявляя несколько чрезмерную самоуверенность. Трудно сказать, заметил ли Блокмэн демонстративный ироничный холодок в свой адрес. Во всяком случае, по его поведению понять это не представлялось возможным.

– А вы, случайно, не в родстве с Адамом Пэтчем? – обратился он к Энтони, выпуская из ноздрей две тонкие струйки дыма.

В ответ по лицу Энтони пробежала тень улыбки.

– Замечательный человек, – убежденно изрек Блокмэн. – Великолепный образец истинного американца.

– Разумеется, – согласился Энтони. – Вне всякого сомнения, так оно и есть.

«Как же я ненавижу этих типов, похожих на полусырое блюдо, – подумал Энтони с холодным раздражением. – Строят из себя хозяев жизни, а на самом деле взять бы, да и засунуть их обратно в печь на пару минут, чтобы довести до нужной кондиции!»

Блокмэн бросил взгляд на часы:

– Пора бы и барышням появиться...

От возмущения у Энтони перехватило дыхание. Ну, уж это выходит за всякие рамки...

– ...впрочем, – широко улыбнулся Блокмэн, – всем известно, что с женщинами всегда так.

Трое молодых людей согласно кивнули в ответ, а Блокмэн стал рассеянно осматриваться по сторонам. Его придирчивый взгляд задержался на потолке, а потом скользнул вниз. Выражением лица он напоминал фермера со Среднего Запада, оценивающего урожай пшеницы, или актера, которому не терпится выяснить, наблюдают ли

за ним в данный момент. Впрочем, все благовоспитанные американцы ведут себя на людях подобным образом. Завершив обзор, он стремительно повернулся к неразговорчивой троице, полный решимости поразить юношей в самое сердце.

– Вы, вероятно, студенты? Из Гарварда, верно? Я видел, как ребята из Принстона побили ваших товарищей в хоккейном матче.

Бедолага. Снова промазал мимо цели. Молодые люди окончили университет три года назад и теперь следили только за крупными футбольными матчами. Не представляется возможным установить, понял ли Блокмэн после очередной неудачной остроты, что стал мишенью презрительных насмешек, так как...

В этот момент прибыла Глория. А за ней Мюриэл и наконец Рейчел. «Привет всем!» – торопливо бросила Глория, и обе девушки эхом повторили ее слова, после чего все три скрылись в туалетной комнате.

Минутой позже снова появилась Мюриэл в продуманном до мелочей наряде, который открывал гораздо больше, чем скрывал, и крадущейся походкой направилась к мужчинам. Она была в своей стихии: черные волосы гладко зачесаны назад, глаза ярко подведены, а следом тянется шлейфом резкий запах крепких духов. Девушка изо всех сил старалась изобразить сирену или, попросту говоря, «роковую красавицу», покорительницу мужских сердец, безжалостно отвергающую надоевших поклонников, не гнушающуюся никакими средствами в достижении цели и равнодушно играющую чужими страстями. Эта женщина с пышными бедрами и неумным стремлением походить на грациозную пантеру пленила Мори с первого взгляда. Пока еще несколько минут ждали Глорию, а заодно, по законам вежливости, вместе с ней и Рейчел, Мори был не в силах отвести от Мюриэл взгляд. А та вдруг отвернулась и, опустив ресницы, прикусила нижнюю губку, демонстрируя крайнее смущение. Упершись руками в бедра, она принялась покачиваться в такт мелодии:

– Вы когда-нибудь слышали такой изумительный рэгтайм? Стоит его заиграть, и я уже ничего не могу с собой поделать.

Мистер Блокмэн вежливо зааплодировал.

– Вам нужно выступать на сцене.

– Да я с радостью! – воскликнула Мюриэл. – А вы составите протекцию?

– Непременно.

С подобающей случаю скромностью Мюриэл прекратила исполнять танцевальные пируэты и спросила Мори, что он «видел» в этом году. Мори решил, что речь идет о мире драматического искусства, и между ними начался оживленный обмен названиями спектаклей, который звучал примерно так:

М ю р и э л. Вы видели «Пег в моем сердце»?

М о р и. Нет, не видел.

М ю р и э л (*пылко*). Изумительно! Непременно посмотрите.

М о р и. А вы видели «Омара-Палаточника»?

М ю р и э л. Нет, но слышала, что вещь превосходная. Очень хочется посмотреть. А видели вы «Коктейль “Фэйр энд уормер”» Эвери Хопвуда?

М о р и (*с надеждой в голосе*). Да.

М ю р и э л. По-моему, ничего хорошего. Полная ерунда.

М о р и (*смиренно*). Совершенно верно.

М ю р и э л. Зато вчера я посмотрела «В рамках закона». Замечательно! А ходили вы на «Маленькое кафе»?

Беседа продолжалась, пока не исчерпался запас названий пьес. А Дик тем временем сосредоточил внимание на Блокмэне, твердо намереваясь выяснить, сколько крупниц золота можно извлечь из этой бесперспективной породы.

– Я слышал, что все новые романы сразу же после публикации закупаются для киносценариев.

– Сущя правда. Безусловно, самое главное для фильма – добротный сюжет.

– Согласен.

– Так много романов перегружено разговорами и рассуждениями на темы психологии. Подобные произведения не представляют для нас ценности. На их основе невозможно создать что-то интересное на экране.

– Значит, прежде всего – интригующий сюжет, – проницательно заметил Ричард.

– Вот именно, сюжет – прежде всего... – Блокмэн вдруг оборвал речь на полуслове, его взгляд скользнул в сторону, и все остальные

тоже погрузились в молчание, будто он поднял палец, призывая к вниманию. Из туалетной комнаты выходила Глория в сопровождении Рейчел.

В ходе ужина, помимо прочего, выяснилось, что Джозеф Блокмэн никогда не танцует, а наблюдает за другими со снисходительно-усталым видом взрослого, оказавшегося в детской компании. Он обладал чувством собственного достоинства и был человеком гордым. Уроженец Мюнхена, Блокмэн начал свою американскую карьеру продавцом арахисовых орешков в бродячем цирке. В восемнадцать лет он выступал в цирковых репризах и вскоре стал управляющим, а потом и владельцем второсортного варьете. К тому времени, когда кинематограф из вызывающей любопытство новинки превратился в многообещающую индустрию, Блокмэн был честолюбивым молодым человеком двадцати шести лет, располагавшим некоторой суммой для вложения в дело. Не дававшие покоя амбиции в финансовой сфере сочетались у него с хорошим практическим знанием шоу-бизнеса. С той поры прошло девять лет. Развивающаяся киноиндустрия подняла и вынесла его наверх, вышвырнув десятки людей с лучшими финансовыми способностями, более богатым воображением и ценными практическими идеями. И вот теперь он сидит здесь и созерцает божественную Глорию, из-за которой юный Стюарт Холком покинул Нью-Йорк и отправился в Пасадену. Киноделец наблюдал за девушкой, точно зная, что сейчас она закончит танец, подойдет к столику и сядет по левую руку от него.

Блокмэн тешил себя надеждой, что Глория не станет медлить. Ведь устриц подали еще несколько минут назад.

А в это время Энтони, чье место находилось слева от Глории, танцевал с ней, упорно придерживаясь одной и той же четверти танцпола. Эти действия, на случай окажись здесь кавалеры без дам, являли собой деликатный намек на некоторые права в отношении партнерши и означали следующее: «Черт бы вас побрал! Не вздумайте сунуться!» Энтони умышленно давал понять, что отношения между ними глубоко личные и все остальные тут лишние.

– Знаете, – начал он, глядя на Глорию сверху вниз, – сегодня вы обворожительны.

Девушка встретилась с ним взглядом. Их разделяло всего несколько сантиметров.

– Благодарю... Энтони.

– Вообще-то вы так прекрасны, что даже делается как-то неловко и тревожно, – добавил он, на сей раз без улыбки.

– И вы очень милый.

– Вот славно! – рассмеялся Энтони. – Мы хвалим друг друга.

– А разве обычно вы ведете себя иначе? – быстро спросила Глория, будто поймав его на слове. Она поступала так всегда при малейшем намеке на свою особу, требующем объяснений.

Энтони понизил голос, и теперь в его тоне едва улавливалась добродушная насмешка:

– А разве священнику полагается хвалить папу?

– Ну, не знаю... пожалуй, это самый изысканный и туманный комплимент из всех, что я слышала.

– Может, сказать пару банальностей?

– Нет, не трудитесь. Взгляните-ка лучше на Мюриэл! Да вот же, рядом с нами.

Энтони бросил взгляд через плечо. Искрящаяся щека Мюриэл покоилась на лацкане смокинга, принадлежащего Мори Ноублу, а напудренная рука обвилась вокруг его головы. Сам собой напрашивался вопрос, почему она не воспользовалась возможностью ухватить его за шиворот. Глаза Мюриэл то устремлялись в потолок, то блуждали по сторонам, бедра покачивались, и она что-то тихонько напевала во время танца. Сначала создавалось впечатление, что она переводит песню на неизвестный иностранный язык, но вскоре становилось ясно, что девушка пытается заполнить такты единственно знакомыми ей словами, которые являлись названием песенки:

Он поклонник регги,
Поклонник регги,
Большой поклонник регги,
Поклонник, поклонник,
Регги, регги, регги...

И дальше в том же духе. С каждым разом фразы становились все более непонятными и варварскими. Встречаясь с изумленными взглядами Энтони и Глории, Мюриэл одаривала их лишь слабой улыбкой и наполовину прикрывала глаза, давая понять, что мелодия

завладела ее душой, повергая в исступленный и невероятно обольстительный экстаз.

Музыка закончилась, и они вернулись за столик, одинокий, но исполненный чувства собственного достоинства, обитатель которого поднялся им навстречу и встретил такой чарующей улыбкой, будто, пожимая руку, поздравлял с блистательным выступлением.

– Блокхед вечно не желает танцевать! По-моему, у него деревянная нога, – заметила Глория, обращаясь ко всем присутствующим за столом. Трое молодых людей от неожиданности вздрогнули, а джентльмен, которому были адресованы эти слова, поморщился.

За все время знакомства Блокмэна с Глорией это был единственный неприятный момент. Девушка безжалостно коверкала его фамилию. Сначала называла Блокхаузом, а потом еще более оскорбительно – Блокхедом^[4]. Пытаясь казаться ироничным, он настоятельно попросил Глорию звать его по имени, и та послушно исполнила просьбу, правда, всего несколько раз. Потом, смеясь и раскаиваясь в оплошности, Глория снова стала называть его Блокхедом.

Это было печально и очень неразумно.

– Боюсь, мистер Блокмэн сочтет нас толпой легкомысленных насмешников, – вздохнула Мюриэл, указывая в его сторону болтающейся на вилке устрицей.

– Именно так он и думает, – пробормотала Рейчел. Энтони стал вспоминать, произнесла ли она хоть слово за весь вечер. Пожалуй, нет. Это было ее первое замечание.

Мистер Блокмэн вдруг откашлялся и громким отчетливым голосом произнес:

– Напротив. Когда говорит мужчина, это дело обычное. За его спиной стоят тысячелетние традиции. Совсем иное дело – женщина. Она, как бы точнее выразиться... она является чудодейственным рупором грядущих поколений.

В ошеломляющей тишине, последовавшей за этим удивительным высказыванием, Энтони вдруг поперхнулся устрицей и торопливо прикрыл лицо салфеткой. Рейчел и Мюриэл, несколько удивленные, тихонько хихикнули. Их поддержали Дик и Мори. У обоих покраснели лица от отчаянных попыток сдержать рвущийся наружу хохот.

«Господи! – подумал Энтони. – Да он повторяет субтитры из фильма. Оказывается, этот тип их заучивает наизусть!»

Только Глория не проронила ни звука, устремив на мистера Блокмэна полный немого укора взгляд.

– Ради всех святых! Где вы это откопали?

Блокмэн бросил на Глорию растерянный взгляд, не понимая, куда та клонит, но уже в следующее мгновение пришел в себя и изобразил снисходительно-вежливую улыбку осведомленного умного человека, оказавшегося среди избалованных и испорченных юнцов.

Из кухни прибыл суп, но одновременно из бара вышел дирижер оркестра, лицо которого приобрело оттенок, свойственный людям после принятия большой кружки крепкого пива. Итак, суп оставили остывать, пока исполнялась баллада под названием «Все на месте, кроме твоей жены».

Потом подали шампанское, и компания заметно повеселела. Мужчины, за исключением Ричарда Кэрамела, пили без стеснения, Глория и Мюриэл тоже то и дело отхлебывали из своих бокалов, и только Рейчел Джеррил даже не притронулась к спиртному. Во время исполнения вальсов они оставались за столиком, но танцевали под другие мелодии... все, кроме Глории, которая, похоже, устала и предпочитала сидеть, покуривая сигарету. Ленивое безразличие во взгляде девушки вдруг сменялось живым интересом, в зависимости от того, слушала ли она Блокмэна или наблюдала за хорошенькой женщиной, которую заметила среди танцующих пар. Энтони очень хотелось знать, что именно рассказывает Блокмэн Глории. А тот жевал сигару, перекатывая ее из одного угла рта в другой, и после ужина стал вести себя настолько развязно, что позволял себе достаточно вольные жесты.

В десять часов Глория и Энтони вышли танцевать, и когда удалились от столика, где их уже не могли слышать, девушка чуть слышно попросила:

– Ведите меня к двери. Хочу спуститься в аптекарский магазин.

Энтони стал послушно продвигаться сквозь танцующую толпу в указанном направлении. В холле Глория его ненадолго покинула и появилась уже с накинутым на руку манто.

– Мне надо купить желатиновых пастилок, – шутливо извинилась она. – На сей раз ни за что не догадаетесь, зачем они понадобились. Просто тянет погрызть ногти, и я таки начну их грызть, если не достану пастилок. – Она вздохнула и уже в лифте продолжила: –

Случается, грызу их целыми днями. Нервничаю и грызу себя. Простите за каламбур, я и не думала острить, слова сами собой сорвались с языка. Подумать только, Глория Гилберт – шутница.

Добравшись до нижнего этажа, они простодушно прошли мимо киоска со сладостями при отеле, спустились по широкой парадной лестнице вниз и, побродив по коридорам, нашли аптекарский магазин на вокзале Гранд-централ. Тщательно изучив прилавки с духами и косметикой, Глория купила желаемое, а потом, повинувшись взаимному невысказанному порыву, они взялись за руки и направились прочь от места, откуда пришли, прямо на Сорок третью улицу.

Ночь дышала оттепелью, и чувство, что вот-вот наступит тепло, было таким сильным, что легкий ветерок, гулявший вдоль тротуара, навевал Энтони образ невозможной сейчас весны с цветением гиацинтов. Над головой, в синем продолговатом небе, и вокруг, в ласковом колыпании воздуха, парила зыбкая иллюзия, сулящая новые времена, которые принесут освобождение от удушливой и затхлой атмосферы, из которой они только что спаслись бегством. На короткий миг шум автомобилей и журчание воды в сточных канавах показались продолжением мелодии, под которую совсем недавно танцевали. Энтони заговорил, и его слова сложились из затаившего дыхание желания, которое ночь зародила в их сердцах.

– Давайте возьмем такси и немного прокатимся, – предложил Энтони, не глядя на девушку.

Ах, Глория, Глория!

Такси скучало у бордюра, а когда тронулось с места и, подобно кораблю в океанских просторах, затерялось среди первобытных громад зданий и то затихающих, то звучащих с новой силой криков и металлического скрежета, Энтони обнял девушку, привлек к себе и поцеловал в по-детски влажные губы.

Глория молчала и только подняла к нему бледное лицо, по которому, как лунное сияние сквозь листву, бродили пятна света и тени. Ее глаза казались сияющей рябью на белой глади лица-озера, а тень от волос обрамляла чело резкой сумрачной кромкой. Ни о какой любви не шло и речи. Ни намек на любовь. Красота Глории была холодной, как напитанный сыростью ветер, как влажная нежность ее губ.

– При этом свете вы словно лебедь, – прошептал Энтони.

Наступила журчащая тишина. Молчание, готовое вот-вот разбиться вдребезги. И удержать его, окунаясь в забвение, сохранить ощущение, что Глория еще здесь, словно пойманное во мраке невесомое перышко, летящее сквозь мрак, можно только крепче сжимая ее в объятиях. Энтони, ликуя, беззвучно засмеялся, поднял голову и отвернулся от девушки, чтобы скрыть переполняющий его восторг, при виде которого нарушится изумительная неподвижность ее черт. А поцелуй... он уподоблялся прижатому к лицу цветку, который никак не опишешь, да и вспомнить едва ли удастся; словно сияние, излучаемое ее красотой, пролетая мимо, нечаянно опустилось на сердце Энтони и уже начало таять.

Здания отступили, превращаясь в неясные тени. Они уже ехали по Центральному парку, и спустя некоторое время величественным белым призраком проплыл мимо Метрополитен-музея, откликаясь звонким эхом на шум такси.

– Боже мой, Глория! Боже мой!

Ее глаза смотрели на Энтони сквозь глубину тысячелетий. И все чувства, что она могла испытывать, все слова, что могла произнести, казались неуместными в сравнении с естественностью ее молчания, совершенно невыразительными и неубедительными на фоне ее красноречивой красоты... и тела, изящного и безразличного, так близко от Энтони.

– Попросите таксиста повернуть назад, – пробормотала Глория, – и пусть поторопится.

* * *

В зале было жарко. Стол, загроможденный пепельницами и салфетками, выглядел старым и утратившим свежесть. Энтони и Глория вошли во время перерыва между танцами, и Мюриэл Кейн встретила их не в меру шаловливым взглядом.

– И где же вы пропадали?

– Ходили звонить матери, – холодно откликнулась Глория. – Я обещала. Мы разве пропустили танец?

Потом произошел случай сам по себе незначительный, который Энтони по веским причинам вспоминал много лет спустя. Джозеф Блокмэн, откинувшись на спинку стула, устремил на него странный взгляд, в котором невероятным и запутанным образом смешалось

несколько разных чувств. При виде Глории он лишь привстал со стула и тут же вернулся к разговору с Ричардом Кэрамелом о влиянии литературы на кинематограф.

Волшебство

Неистовое, нежданное чудо, свершившееся ночью, угасает вместе с медленной смертью последних звезд и преждевременным появлением мальчишек, торгующих газетами. Яркое пламя костра уменьшается до размеров тлеющего вдалеке платонического огонька; железо уже не раскалено добела, и из догорающих углей ушел жар.

Вдоль книжных полок, занимавших всю стену в библиотеке Энтони, дерзко полз холодный тонкий лучик солнечного света, безразлично, а порой с осуждением скользя по лицам Терезы Французской, Энн-суперженщины, Дженни из «Восточного балета» и Зюлейки-Волшебницы... и, наконец, уроженки Индианы Кору. Потом он нырнул вниз, в глубины столетий, с жалостью задерживаясь на призраках Елены, Таис, Саломеи и Клеопатры, которым до сих пор не дают покоя.

Энтони, умытый и выбритый, сидел в самом уютном из кресел и наблюдал за лучиком, пока тот не исчез с восходом солнца, сверкнув на прощание по ворсинкам ковра.

Было десять часов утра. У ног Энтони валялась «Санди таймс». Из фотографий, передовой статьи, страниц, посвященных проблемам общественности, а также из спортивных новостей следовало, что за последнюю неделю мир сильно преуспел в деле продвижения к некой блистательной, хотя и не слишком ясной цели. За это время Энтони со своей стороны один раз навестил деда, дважды встретился с брокером и трижды побывал у портного... а в последний час последнего дня недели поцеловал прелестную, изумительно красивую девушку.

Когда Энтони добрался до дома, его воображение переполняли возвышенные, непривычные мечты. Вдруг исчезли все вопросы, не стало вечной проблемы, связанной с решениями, которые приходилось менять. Он испытывал чувство, не имеющее ничего общего ни с плотскими страстями, ни с разумом. Его даже нельзя было назвать сочетанием обеих упомянутых сфер. В данный момент Энтони всецело поглотила любовь к жизни, вытеснив все остальное, и он был согласен

оставить это переживание обособленным от мира и сохранить его уникальность.

Энтони пришел к беспристрастному выводу, что ни одна из знакомых ему женщин не выдерживает никакого сравнения с Глорией. Она была абсолютно естественной и невероятно искренней. В этом Энтони нисколько не сомневался. Рядом с ней две дюжины школьниц и дебютанток, молодых замужних дам, бродяжек и беспутных девиц, с которыми Энтони имел дело, казались толпой особей женского пола в самом презрительном смысле слова. Призванные вынашивать и рожать детей, они источали вокруг себя едва уловимый запах пещеры и детской.

До сих пор, насколько понимал Энтони, Глория не подчинилась его воле и не тешила тщеславия... разве что утешала уже сама радость от общения с ней. Действительно, у него не было причин думать, что Глория подарила ему нечто большее, чем всем остальным. И это естественно. Мысль о некой запутанной ситуации, возникшей после вчерашнего вечера, была расплывчатой и вызывала отвращение. Да и Глория отреклась от этого эпизода и погребла как полный обман. Просто двое молодых людей, обладающих достаточным воображением, чтобы отличить игру от действительности, случайной небрежностью своих встреч и развития дальнейших отношений заявляли, что сложившееся положение дел их нисколько не ранит.

Придя к такому заключению, Энтони направился к телефону и позвонил в отель «Плаза». Глории дома не оказалось, и мать не знала ни куда она ушла, ни когда придет.

И тут стало совершенно ясно, что все прежние размышления о вчерашнем случае изначально ошибочны. В отсутствии Глории просматривалась бездушность, граничащая с непристойностью, и Энтони подумалось, что своим уходом из дома девушка намеренно ставит его в неловкое положение и по возвращении с довольной улыбкой примет известие о его звонке. Как неосмотрительно с его стороны! Надо было выждать несколько часов и дать Глории понять: он тоже не принимает всерьез вчерашний случай. Непростительная глупость! Еще возомнит, что Энтони теперь считает себя фаворитом, которому оказана особая милость, и придает без всяких на то оснований важное значение, по сути, банальному эпизоду, а это уж совершенно нелепо.

Энтони вспомнил, как в прошлом месяце прочел привратнику довольно запутанную лекцию о братстве людей, и тот счел это достаточным поводом, чтобы на следующий день явиться к нему домой и, устроившись на диване у окна, проболтать добрых полчаса. И Энтони вдруг пришел в ужас от мысли, что и Глория относится к нему точно так же, как он сам к злополучному привратнику. К нему, Энтони Пэтчу! Какой ужас!

Энтони и в голову не приходило, что он является пассивной игрушкой, которой управляет некая высшая сила, и Глория здесь ни при чем. Просто он играет роль светочувствительной пластинки, на которой делают фотографию. Неведомый фотограф-великан навел объектив на Глорию, щелк! – и бедной пластинке только остается воспринимать и удерживать изображение, следуя своему предназначению, как происходит со всеми предметами.

Но Энтони лежал на диване, уставившись на оранжевую лампу, беспокойно перебирал тонкими пальцами темные волосы и рисовал в воображении все новые картины. Вот сейчас Глория, наверное, в магазине, идет грациозной походкой среди мехов и бархата, мягко шурша платьем в этом мире шелестящего шелка, смеха, льющегося легким сопрано, и аромата множества погубленных, но еще живых цветов. Все Минни, Перл, Джуэл и Дженни кружат возле нее, словно придворные дамы, разворачивая легкий как дымка воздушный креп-жоржет, тонкий шифон, в котором отражается нежная пастель ее лица, молочно-белое кружево, беспорядочным водопадом льющееся по шее. Дамастная ткань использовалась в то время только для одеяний священника и обивки мебели, а ткани Самарканда остались лишь в воспоминаниях поэтов-романтиков.

Вот Глория уже в другом месте, примеряет сотню шляпок, наклоняя головку в разные стороны в тщетных поисках искусственной вишенки, которая подойдет по цвету к ее губам, или перьев, таких же изящных, как ее гибкое тело.

Наступает полдень, и Глория спешит вдоль Пятой авеню, эдакий нордический Ганимед^[5]. Полы шубки изящно развеваются на ходу, ветер, подобно живописцу, прикасается невидимой кистью к щекам, и они загораются румянцем, дыхание вырывается восхитительным легким облачком тумана в бодрящем морозном воздухе. Вращаются двери отеля «Ритц», толпа расступается, и десятки мужских глаз,

загоревшись восторгом, устремляются на ту, что вернула забытые мечты мужьям всех этих тучных, до нелепости смешных женщин.

Уже час пополудни. Глория вонзает вилку в сердце обожающего ее артишока, а ее спутник роняет бессмысленные фразы, обычные для мужчины в состоянии восторга.

Четыре часа. Маленькие ножки движутся в такт мелодии, лицо выделяется среди толпы, партнер счастлив, как щенок, которого погладили, и так же безрассуден, как приснопамятный торговец шляпами... А потом... потом наступит ночь и, возможно, еще одна оттепель. Огни рекламы зальют своим светом улицу. И кто знает? Может быть, с таким же безумцем, как Энтони, они попробуют воссоздать картину игры света и теней, увиденную на притихшей улице прошлой ночью. И может быть, ах, может быть, им это удастся! Тысячи такси будут дремать на тысячах перекрестков, и только для него тот поцелуй утрачен безвозвратно. В тысяче обличий Таис подзовет такси и поднимет лицо, жаждущее любви и нежности. И в ее бледности будет очарование невинности, а поцелуй – целомудренным, как лунный свет...

В волнении он вскочил на ноги. Как некстати, что ее нет дома! Энтони наконец понял, чего хочет: снова поцеловать Глорию, обрести покой, растворившись в ее потрясающей невозмутимости. Только она навсегда положит конец беспокойному недовольству.

Энтони оделся и вышел на улицу, что следовало сделать гораздо раньше, и направился к Ричарду Кэрамелу, слушать окончательную редакцию последней главы «Демонического любовника». Он не звонил Глории до шести часов, не мог ее застать до восьми, и – о, вершина унижения! – она назначила свидание только во вторник после обеда. Энтони с силой бросил трубку на рычаг, и об пол звякнул отломившийся гуттаперчевый осколок.

Черная магия

Во вторник стоял ледяной холод. Промозглым днем, ровно в два часа Энтони пришел к Глории и, в замешательстве пожимая ей руку, усомнился, целовал ли он эту девушку. Теперь в события той ночи верилось с трудом, и у Энтони возникли серьезные опасения, что Глория даже не помнит о них.

– В воскресенье я звонил вам четыре раза, – сообщил он.

– Правда?

В ее голосе слышалось удивление, а лицо выражало интерес. Энтони мысленно проклинал себя за откровенность. Мог бы сообразить, что такая ничтожная победа не польстит ее гордости. Даже сейчас он не догадывался о правде, не понимал, что не привыкшая добиваться внимания мужчин Глория редко прибегала к робким уловкам, заигрываниям и кокетству, являющимся обычными приемами дочерей Евы. Если Глории нравился мужчина, добиться цели не составляло труда. Но стоило возникнуть подозрению, что она влюбилась, и незамедлительно следовал окончательный и бесповоротный разрыв. Ее красота неизменно себя оберегала.

– Я очень хотел вас увидеть, – без обиняков признался Энтони. – Нам нужно поговорить, и чтобы никто не мешал, только мы вдвоем. Что скажете?

– Как вас понимать?

Энтони сглотнул застрявший в горле ком, верный признак паники. Ему казалось, Глория знает, чего он хочет.

– Ну, не за чайным столом, – уточнил он.

– Хорошо, только не сегодня. Мне нужно размяться. Давайте прогуляемся!

На улице стоял пробирающий до костей холод и промозглая сырость. Всю губительную ненависть, которую скопил в своем бешеном сердце февраль, он вложил в ледяной ветер, прорывающийся в отчаянии через Центральный парк и дальше, по Пятой авеню. Разговаривать не представлялось возможным, и от испытываемого неудобства Энтони сделался рассеянным. Свернув на Шестьдесят первую улицу, он неожиданно обнаружил, что Глории рядом нет. Оглядевшись по сторонам, увидел в полутора метрах ее неподвижную

фигурку. Лицо, наполовину скрытое воротником шубки, выражало не то гнев, не то насмешку, что именно, не разобрать. Энтони поспешил назад.

– Не стоит из-за меня прерывать прогулку! – воскликнула Глория.

– Ради Бога, простите, – пробормотал в смущении Энтони. – Я слишком быстро иду?

– Я замерзла, – объявила девушка. – И хочу домой. И вы действительно слишком быстро идете.

– Простите.

Теперь уже рядом, они направились в сторону отеля «Плаза». Энтони очень хотелось увидеть ее лицо.

– Обычно в моем обществе мужчины не погружаются столь глубоко в свои мысли.

– Извините.

– Это действительно очень интересно.

– Слишком холодно для прогулки, – торопливо откликнулся Энтони, скрывая раздражение.

Глория ничего не ответила, и Энтони гадал, попрощается ли она у дверей отеля. Ни слова не говоря, девушка зашла внутрь и уже в лифте бросила через плечо:

– Вам, пожалуй, стоит подняться наверх.

Энтони колебался лишь долю секунды.

– Зайду лучше в другой раз.

– Как хотите, – обронила Глория куда-то в сторону. В данный момент главной заботой в жизни являлся выбившийся из прически локон, который она поправляла перед зеркалом в лифте. На ее щеках горел румянец, глаза сияли, и никогда еще она не казалась такой прелестной и изящной и такой желанной.

Презирая себя, он, словно раб, плелся по коридору десятого этажа за Глорией, а потом ждал в гостиной, пока она сбросит с себя меха. Что-то не сложилось, и в собственных глазах Энтони частично утратил достоинство, а вернее, потерпел полное поражение в непредвиденном, но весьма важном сражении.

Однако когда Глория снова появилась в гостиной, Энтони с помощью изощренной софистики уже все себе объяснил и теперь испытывал удовлетворение. В конце концов он сделал решительный шаг. Хотел подняться наверх и поднялся. И все же события

сегодняшнего дня привели к унижению, которое он пережил в лифте; эта девушка доставляла нестерпимые огорчения, и когда она вошла в комнату, Энтони не сдержался, давая волю накопившемуся раздражению.

– Глория, а что представляет собой этот Блокмэн?

– Деловой партнер отца.

– Странный тип!

– И вы ему не нравитесь, – с улыбкой сообщила Глория.

Энтони рассмеялся:

– Весьма для меня лестно. Он явно считает меня, как бы это сказать... – Энтони неожиданно оборвал речь на полуслове. – Он в вас влюблен?

– Понятия не имею.

– Ну как же? – не унимался он. – Разумеется, влюблен! Не забуду его взгляд, когда мы вернулись к столу. Если бы вы не придумали историю с телефонным звонком, он наверняка натравил бы команду статистов и приказал потихоньку со мной расправиться.

– Вовсе нет, Блокмэну безразлично. Я потом ему рассказала, что произошло.

– Рассказали... ему?!

– Он же спросил.

– Мне это не нравится! – возмутился Энтони.

Глория снова рассмеялась.

– Неужели?

– Какое ему дело?

– Никакого, именно потому я и рассказала.

Энтони в смятении закусил губу.

– А с какой стати я должна лгать? – спросила она без обиняков. – Я не стыжусь ни одного своего поступка. Ему стало интересно, целовалась ли я с вами, ну а я была в хорошем настроении и удовлетворила его любопытство простым и четким «да». Будучи человеком в своем роде разумным, он оставил в покое эту тему.

– И только сказал, что ненавидит меня.

– А это вас тревожит? Ну что ж, если непременно надо докопаться до всех подробностей такого исключительно важного дела, он не говорил, что вас ненавидит. Просто мне это известно и без слов.

– Меня нисколько не...

– Ах, давайте прекратим! – с горячностью воскликнула Глория. – Мне совершенно не интересно.

Ценой невероятного усилия Энтони заставил себя поменять тему разговора, и они окунулись в древнюю игру вопросов и ответов, касающихся прошлого друг друга, постепенно теплея душой, по мере того как в старых воспоминаниях выявлялось сходство во вкусах и мыслях. Они пускались в откровения больше, чем сами того хотели, но оба делали вид, что принимают речи собеседника за чистую монету, хотя бы для видимости.

Близость между людьми устанавливается и крепнет следующим образом. Сначала каждый представляет себя в самом выгодном свете, создает яркий, законченный портрет, приукрашенный ложью с долей юмора. Потом понадобятся подробности, и создается второй, а затем и третий портрет. Очень скоро самые лучшие черты стираются, и сквозь них проступает тщательно скрываемая тайна. Плоскостные проекции картин перемешиваются, окончательно разоблачая нас, и хотя мы продолжаем вносить поправки, продать такой портрет уже нельзя. Приходится тешить себя надеждой, что дурацкий и пустой образ самих себя, который мы предлагаем нашим женам, детям и коллегам по бизнесу, люди примут за правду.

– Мне кажется, – убежденно говорил Энтони, – что положение человека, не имеющего ни обязательств, ни честолюбия, весьма незavidно. Господь свидетель, грех жаловаться, но порой я завидую Дику.

Молчание Глории его воодушевило. Вряд ли можно ждать от нее более весомого одобрения.

– Для джентльмена, располагающего свободным временем, всегда найдутся более созидательные занятия, чем загрязнение ландшафта дымом или манипулирование чужими деньгами. Разумеется, в первую очередь речь идет о науке. Иногда я жалею, что не получил достойной подготовки, скажем, в техническом колледже при Бостонском университете. Однако теперь мне пришлось бы корпеть над основами физики и химии два года.

Глория зевнула.

– Я же говорила, что не знаю, кому и чем следует заниматься, – заявила она весьма нелюбезным тоном, и при виде ее безразличия в душе Энтони вновь закипел гнев.

- Неужели вас ничего не интересует, кроме собственной персоны?
- Мало что.

Энтони сверкнул на девушку глазами. Растущая в душе радость от беседы разбилась вдребезги. Весь день Глория была раздражительной и как будто за что-то мстила. В эту минуту Энтони ненавидел ее непробиваемый эгоизм. С угрюмым видом он уставился на огонь в камине. И тут случилось нечто странное. Глория повернулась к нему и улыбнулась. И при виде ее улыбки весь гнев и обида от уязвленного самолюбия свалились словно шелуха, будто все его переживания являлись внешним отражением настроения Глории и ни одно чувство не могло зародиться в груди, пока она не сочтет нужным потянуть за всемогущую веревочку.

Энтони придвинулся ближе и, взяв Глорию за руку, нежно привлек к себе, а она прильнула к его плечу. Девушка подняла голову, улыбнулась, и Энтони ее поцеловал.

– Глория, – прошептал он едва слышно. Она снова сотворила волшебство, нежное и заполняющее собой все пространство, словно сладкий запах разлитых духов, перед которым невозможно устоять.

Потом, ни на следующий день, ни много лет спустя он не мог вспомнить важные детали того дня. Вызвали ли они у Глории какие-нибудь чувства? Говорила ли она что-то в его объятиях или молчала? Какую радость получила от его поцелуев? И забылась ли хоть на мгновение?

В отношении себя у Энтони сомнений не возникло. Вскочив на ноги, он принялся в возбуждении мерить комнату шагами. Вот такой и должна быть девушка – свернуться калачиком в уголке дивана, словно ласточка, только что возвратившаяся из стремительного полета, и смотреть на него загадочными глазами. А он прекратит метаться взад-вперед и, поначалу всякий раз смущаясь, обовьет ее стан руками и станет искать губы для поцелуя.

Энтони называл Глорию обворожительной, говорил, что никогда прежде не встречал такой девушки, с небрежным изяществом, но вполне серьезно просил прогнать его прочь; он не хочет влюбляться и больше не собирается с ней встречаться, она уже и так играет непомерно важную роль в его жизни.

Какая восхитительная романтическая история! Энтони не испытывал ни страха, ни сожалений, только всепоглощающее счастье

находиться рядом с ней, которое скрашивало банальность сказанных слов, превращало сентиментальную слащавость в грусть, придавая позерству мудрый вид. Конечно, он придет еще и будет возвращаться снова и снова. Давно следовало это понять!

– Вот и все. Было замечательно узнать вас ближе. Удивительное, прекрасное чувство. Но так не может продолжаться. Нет, не может.

Произнося эти слова, он испытывал дрожь, которую мы часто принимаем у себя за искренность.

Впоследствии он вспоминал одну из реплик Глории в ответ на свой вопрос. Она запомнилась именно в такой форме, хотя, возможно, Энтони неосознанно кое-что изменил и приукрасил. «Женщине следует научиться целовать мужчину романтично и нежно, не испытывая при этом желания стать его женой или любовницей».

И как всегда случалось в ее обществе, Глория, казалось, становилась все старше, и в конце концов в ее глазах застывал зимний холод от размышлений, слишком глубоких, чтобы их выразить словами.

Прошел час. В камине порой вспыхивал огонь, словно наслаждаясь своей угасающей жизнью. Было уже пять часов, о чем известили часы на каминной полке. И тогда, будто нечастые резкие удары напомнили дремлющему в Энтони животному инстинкту, что с этого цветущего дня опадают лепестки, он торопливо поставил Глорию на ноги и едва не задушил поцелуем, который не был ни игрой, ни положенной в подобных случаях данью.

Руки Глории бессильно повисли вдоль тела, но она тут же высвободилась из его объятий.

– Не надо! – спокойно попросила она. – Я так не хочу.

Она уселась в дальнем уголке дивана, устремив взгляд в пространство. Девушка нахмурилась, и между бровей образовалась морщинка. Энтони опустился рядом с ней и взял ее за руку. Она была безжизненной и безразличной.

– В чем дело, Глория? – Он сделал жест, будто хотел обнять, но девушка отодвинулась в сторону.

– Я так не хочу, – повторила она.

– Простите, – сказал он с некоторым раздражением, – не знал, что вы столь чувствительны и способны улавливать такие тонкие различия.

Она ничего не ответила.

– И вы не поцелуете меня, Глория?

– Не хочу.

Энтони казалось, что она остается неподвижной уже долгие часы.

– Неожиданная перемена, не правда ли? – Раздражение в его голосе нарастало.

– Неужели? – Казалось, Глория потеряла к нему всякий интерес и смотрела как на незнакомого человека.

– Пожалуй, я пойду.

Ответа не последовало. Он поднялся с места и бросил на девушку сердитый взгляд, в котором сквозила неуверенность, и снова сел.

– Ах, Глория, Глория, неужели вы меня не поцелуете?

– Нет, – откликнулась она, едва шевеля губами.

Он снова вскочил на ноги, теперь уже не так решительно, теряя уверенность.

– Тогда я ухожу.

В ответ молчание.

– Что ж, я пошел.

Он осознавал безнадежную банальность своих слов. Сама атмосфера в комнате действовала на него угнетающе. Энтони хотел, чтобы Глория заговорила, набросилась на него с бранью и упреками, закричала, все, что угодно, только не заполняющее пространство ледяное молчание. Он проклинал себя, называя никчемным дураком, и самым сильным желанием было обидеть Глорию, увидеть, как она вздрогнет от боли. Чувствуя собственную беспомощность, он непроизвольно допустил очередную ошибку.

– Если вы устали со мной целоваться, я лучше уйду.

Энтони увидел, как скривились губы девушки, и остатки достоинства его покинули. Наконец Глория заговорила:

– По-моему, вы уже несколько раз произнесли эту фразу.

Энтони огляделся по сторонам и, увидев на стуле пальто и шляпу, стал неуклюже натягивать их на себя, испытывая невыносимые мучения. Бросив напоследок взгляд на диван, он понял, что Глория даже не повернула головы и вообще не пошевелилась. Пробормотав дрожащим голосом «Прощайте!» и тут же об этом пожалев, он стремительно выбежал из комнаты, совершенно не заботясь о достоинстве.

Некоторое время Глория сидела тихо, по-прежнему скривив губы. Она смотрела прямо перед собой, и во взгляде сквозило высокомерное отчуждение. Потом ее глаза чуть затуманились, и она прошептала два слова, обращаясь к обреченному на смерть огню в камине:

– Прощай, осел!

Паника

Человеку нанесли тяжелейший в жизни удар. Он наконец понял, чего хочет, но тут же навеки утратил возможность обрести желаемое. До дома Энтони добрался в жалком состоянии, рухнул в кресло, не сняв пальто, и просидел так больше часа, а его мысли в отчаянии блуждали по лабиринтам, выстроенным в процессе бесполезного и мучительного самоанализа. Глория прогнала его прочь! Этот факт давил вечным бременем безысходности! Вместо того чтобы схватить девушку в объятия и, удерживая силой, подчинить своей страсти, вместо того чтобы сокрушить ее волю могуществом своего духа, он ушел поверженный и беспомощный, с горестно опущенными уголками губ. И если в его скорби и гнев сохранились остатки силы, их было невозможно рассмотреть за повадками школьника, которого выпороли розгами. А ведь одно мгновение он нравился Глории, и даже очень. Ах, да она уже почти влюбилась. Но уже в следующую минуту потеряла к нему всякий интерес и подвергла продуманному унижению как мужчину, допустившего непростительную дерзость.

Энтони не занимался самобичеванием, разве что самую малость, но сейчас его волновали гораздо более важные вещи. Он был даже не влюблен в Глорию, а просто полностью потерял по ее милости рассудок. Пока она снова не будет рядом, пока он не прижмет ее, уже покорную, к груди и не покроет поцелуями, ничего другого от жизни не надо. Три минуты полного, убийственного безразличия подняли девушку с довольно высокого, хотя и несколько ненадежного места, которое она занимала в душе Энтони, и вознесли на недостижимый пьедестал, превратив в смысл всей жизни. И сколько бы ни метались его сумасбродные мысли между страстным желанием целовать Глорию и столь же неистовым стремлением причинить ей боль и страдания, в потаенных уголках сознания теплилась более возвышенная мечта обладать этой победоносной душой, которая сияла в течение трех

незабываемых минут. Глория была прекрасна и, самое главное, безжалостна, и Энтони должен овладеть той неприступной силой, что сумела прогнать его прочь.

Однако в данный момент Энтони не имел сил на такой тонкий анализ. Ясность ума, все неисчерпаемые ресурсы, которые, как он полагал, обеспечила ирония, были отменены в сторону. Не только в тот вечер, но и в последующие дни и недели книги превратились для него всего лишь в предмет мебели, а друзья – в людей, живущих и движущихся в расплывчатом внешнем мире, от которого он старался убежать. Этот мир был холодным, там дул промозглый ветер, а Энтони вдруг на мгновение заглянул в теплый дом, где в камине горит огонь.

Около полуночи он почувствовал, что проголодался, и направился на Пятьдесят вторую улицу, а там стоял страшный холод, и дыхание застывало льдинками в уголках губ и на ресницах, мешая открыть глаза. С севера накатил мрак и окутал тусклую безрадостную улицу с редкими прохожими, чьи закутанные черные силуэты казались еще темнее на фоне ночи. Люди ковыляли по тротуару сквозь завывания ветра, осторожно волоча ноги, будто на них надеты лыжи. Энтони свернул на Шестую авеню, погруженный в свои мысли, не замечая подозрительных взглядов прохожих, брошенных в его сторону. Он шел в расстегнутом нараспашку пальто, под которое задувал пронизывающий ветер, несущий безжалостную смерть.

Через некоторое время к нему обратилась официантка, толстая женщина в очках в черной оправе, с которых свисал черный шнурок.

– Будьте добры, заказывайте!

Голос официантки показался без нужды громким, и Энтони с возмущением поднял глаза.

– Так будете заказывать или нет?

– Разумеется, буду, – ответил с раздражением Энтони.

– Я обращаюсь к вам уже в третий раз. Здесь вам не общественный туалет.

Он бросил взгляд на большие часы и с изумлением обнаружил, что они показывают третий час. Энтони сообразил, что находится в районе Тридцатой улицы, и в следующее мгновение прочел расположенные белым полукругом перевернутые буквы на витринном стекле: ЧАЙЛД. Посетителей было мало, три или четыре дрожащих от холода полуночника.

– Будьте добры, принесите яичницу с беконом и кофе.

Официантка напоследок наградила его полным отвращения взглядом и поспешно удалилась. Очки на шнурке придавали ей до смешного заумный вид.

Господи! Поцелуи Глории словно цветы. Энтони предавался воспоминаниям, словно все произошло много лет назад: ее полный свежести грудной голос, прекрасные линии тела, просвечивающие сквозь одежду, лилейное лицо в свете уличных фонарей... уличных фонарей.

Боль с новой силой обрушилась на Энтони, и к ней примешивались страх и тоска. Он потерял Глорию. Такова правда, ее нельзя ни отрицать, ни смягчить. И вдруг сердце обожгла неожиданная мысль. Господи, Блокмэн! Что теперь будет? Богатый человек, достаточно умудренный опытом прожитых лет, чтобы проявить терпимость в отношении красавицы жены, потакать ее капризам, потворствовать глупым выходкам, обращаться так, как, возможно, хочется ей самой, носить ярким цветком в петлице, храня и оберегая от всех перипетий и страхов. Энтони догадывался, что Глория, пусть и не всерьез, подумывала о возможности выйти замуж за Блокмэна, и вполне возможно, разочарование в Энтони толкнет ее прямо в объятия к кинодельцу.

При этой мысли Энтони охватила ребяческая ярость. Ему хотелось убить Блокмэна, заставить заплатить за омерзительную самонадеянность. Стиснув зубы, с глазами, горящими ненавистью и страхом, он снова и снова повторял про себя одну и ту же фразу.

И все-таки, несмотря на неистовую до неприличия ревность, Энтони наконец полюбил – глубоко и искренне, как только мужчина может любить женщину.

Возле локтя поставили чашку с дымящимся кофе, который постепенно остывал. Ночной смотритель, сидевший за конторкой, поглядывал на неподвижную фигуру за последним столиком, а потом, вздохнув, направился в ее сторону как раз в тот момент, когда стрелка на больших часах пересекла цифру три.

Мудрость

Прошел еще один день, смятение утихло, и Энтони обрел способность рассуждать более или менее разумно. Он влюблен и в порыве страсти выкрикивает про себя этот факт. Обстоятельства, которые еще неделю назад казались непреодолимым препятствием – скромный доход, стремление не брать на себя ответственность и любой ценой сохранять независимость, – вихрь безумной любви разметал в разные стороны как солому. Если он не женится на Глории, жизнь превратится в жалкую пародию на собственную юность. Чтобы общаться с людьми и выдерживать неотступные мысли о Глории, которые заполнили все его существование, нужно обрести надежду. И он с отчаянным упорством стал строить эту надежду из своей мечты, надежду слишком зыбкую, чтобы на нее рассчитывать, надежду, которая дает трещину и рассыпается в прах по десять раз на дню, надежду, взлелеянную насмешкой, но, несмотря ни на что, надежду, на которой основано самоуважение.

Память коротка, рассуждал Энтони.

Действительно, так коротка. Вот президент треста в критический момент выступает в качестве свидетеля на суде, он потенциальный преступник, еще немного – и сядет в тюрьму. Его презирают все честные граждане в округе. Предположим, его оправдали – и через год история забыта. «Да, у него однажды были неприятности, но я полагаю, чисто формального характера». О, память очень коротка!

Энтони встречался с Глорией дюжину раз, все свидания заняли вместе около двадцати четырех часов. Допустим, он оставит девушку в покое на месяц. Не станет искать встреч и повода начать разговор, постарается не посещать места, где можно ее встретить. И кто знает, вдруг случится – тем более что Глория его никогда не любила, – что к концу этого срока вихрь событий сотрет его образ из сознания девушки, а вместе с образом и его обиду и унижение. Глория все забудет, потому что вокруг появятся другие мужчины. Энтони болезненно поморщился, вникая в смысл своих рассуждений. Другие мужчины... Два месяца... Господи! Уж лучше три, нет, две недели...

Эти мысли посетили Энтони на второй вечер после катастрофы, когда он раздевался перед сном. В смятении он упал на кровать и лежал так, уставившись на полог, а все тело была мелкая дрожь.

Две недели – это еще хуже, чем вообще ничего. Через две недели он подойдет к Глории, и все останется по-прежнему, как сейчас. Ни

уважения к себе, ни уверенности. Для нее он останется мужчиной, который зашел слишком далеко, а потом на мгновение, оказавшееся на деле вечностью, расхныкался. Нет, две недели – слишком короткий срок. И требуется время, чтобы притупились мучительные переживания того дня. Да, надо дать Глории время, за которое инцидент сотрется из памяти, и тогда наступит новый период, когда она постепенно начнет о нем думать, пусть и не всерьез, однако есть надежда, что вспомнится не только унижение Энтони, но и удовольствие, полученное в его обществе.

В конце концов он остановился на шести неделях как на промежутке времени, наиболее подходящем для намеченной цели, и, вычеркнув на настольном календаре дни, обнаружил, что срок заканчивается девятого апреля. Прекрасно, в этот день он позвонит и попросит разрешения зайти. А до тех пор – ни звука.

Приняв окончательное решение, Энтони почувствовал себя заметно лучше. Во всяком случае, он сделал шаг в направлении, указанном надеждой, и осознавал, что чем меньше станет думать о Глории, тем легче произведет желаемое впечатление при встрече.

В промежутке

Время шло, и, несмотря на то что сияние ее волос для Энтони ощутимо померкло, а после года разлуки, возможно, исчезло бы совсем, в течение намеченных шести недель выдалось немало отвратительных дней. Он страшился встречи с Диком и Мори, так как вообразил, что друзьям известно о его позоре. Однако когда все трое встретились на квартире у Ричарда Кэрамела, в центре внимания оказался вовсе не Энтони. «Демонического любовника» решили без промедления издать, и Энтони почувствовал, что с этого момента отдаляется от друзей. Он больше не стремился обрести безмятежное тепло и уют в обществе Мори, которое еще в ноябре доставляло несказанную радость. Теперь это могла дать только Глория и никто иной. А потому успех Дика обрадовал лишь мимоходом и не на шутку встревожил. Он означал, что мир вокруг движется вперед, пишет, читает и издает книги. Одним словом – живет. А Энтони хотелось, чтобы вселенная, затаив дыхание, неподвижно выжидала шесть недель – пока Глория все забудет.

Две встречи

Самую большую радость Энтони приносила компания Джеральдин. Однажды он пригласил девушку на ужин, а потом в театр и несколько раз развлекал у себя дома. Джеральдин увлекала, но не так, как Глория. Она заглушала эротическое возбуждение, которое не давало покоя в обществе Глории. Не имело значения, как он целует Джеральдин. Поцелуй и есть поцелуй, он и призван дать наибольшее удовольствие за короткий миг. Джеральдин все расставляла по строго установленным местам: поцелуй – одно дело, а то, что следует дальше, – совсем другое. В поцелуе нет ничего предосудительного, а вот остальное – это «плохо».

По истечении половины назначенного срока одно за другим произошли два события, нарушившие крепнувшее спокойствие Энтони и ставшие причиной временного рецидива.

Сначала он встретил Глорию. Встреча была короткой, оба раскланялись, что-то говорили, не слыша друг друга. А потом Энтони три раза кряду прочел колонку в «Сан», не понимая ни единого предложения.

Шестая авеню казалась местом вполне безопасным, и вот тебе на! Отказавшись от услуг парикмахера в отеле «Плаза», Энтони отправился утром в парикмахерскую за углом, намереваясь побриться. В ожидании своей очереди он снял пиджак и жилет и, расстегнув воротничок, стоял у парадной двери. День походил на оазис в холодной мартовской пустыне, и тротуар заполняли радостные толпы любителей солнца. Затянутую в бархат тучную даму с обвислыми от злоупотребления массажем щеками тащил за собой, словно вихрь, рвавшийся с поводка пудель. Картина напоминала океанский лайнер на буксире. Следом шел мужчина в синем костюме в полоску и белых гетрах, с усмешкой наблюдая за зрелищем. Встретившись с Энтони взглядом, он подмигнул ему сквозь стекло. Энтони рассмеялся, и тут же на него накатило настроение, когда все мужчины и женщины кажутся уродливыми нелепыми призраками с причудливыми изгибами и округлостями в состоящей из прямоугольников жизни, которая является их собственным творением. Они вызывали у Энтони те же чувства, что и странные до безобразия рыбы, обитающие в загадочном зеленом мире аквариумов.

Его внимание случайно привлекли еще два прохожих, мужчина и девушка. И вдруг, к ужасу Энтони, девушка оказалась Глорией. Он замер на месте, не в силах пошевелиться. Пара подошла ближе, и Глория его заметила. Глаза девушки расширились, а на лице появилась вежливая улыбка. Глория шевелила губами, их разделяло всего метра полтора, не больше.

– Как поживаете? – с глупым видом пробормотал Энтони.

Глория, счастливая, прекрасная и юная – в обществе мужчины, которого Энтони прежде не встречал! Именно тогда, усевшись в освободившееся кресло, он три раза кряду прочел одну и ту же колонку в газете.

Вторая встреча произошла на следующий день. Около семи часов Энтони заглянул в бар «Манхэттен» и столкнулся лицом к лицу с Блокмэном. Посетителей в зале почти не было, и прежде чем мужчины узнали друг друга, Энтони уже устроился рядом с ним, и, таким образом, уклониться от разговора не представлялось возможным.

– Здравствуйте, мистер Пэтч, – довольно любезно приветствовал его Блокмэн.

Энтони пожал протянутую руку, и они обменялись традиционными замечаниями о колебаниях ртутного столба в термометрах.

– Часто сюда заходите? – поинтересовался Блокмэн.

– Нет, крайне редко. – Энтони предпочел умолчать, что до недавнего времени отдавал предпочтение бару отеля «Плаза».

– Замечательный бар, один из лучших в городе.

Энтони согласно кивнул. Блокмэн допил бокал и взялся за трость. Он был одет в смокинг.

– Ну, я тороплюсь. Ужинаю сегодня с мисс Гилберт.

Из двух голубых глаз на Энтони глянула сама смерть. Если бы Блокмэн вдруг сообщил, что собирается прикончить собеседника, пережитое Энтони потрясение не стало бы сильнее. Молодой человек, должно быть, заметно покраснел от напряжения, так как каждый его нерв выражал яростный протест. Неимоверным усилием воли он заставил себя улыбнуться, и улыбка получилась натянутой и вымученной, а затем пробормотал принятое в подобных случаях «до свидания». В ту ночь Энтони заснул уже в пятом часу, обезумев от страха и горя, и до самого утра его терзали жуткие видения.

Слабость

Шла пятая неделя, и в один прекрасный день он позвонил Глории. Энтони сидел дома и старался занять себя чтением «Воспитания чувств». И что-то в этой книге подтолкнуло его мысли в направлении, которым, едва вырвавшись на волю, они следовали всегда, словно лошади, торопящиеся в родную конюшню. Дыхание неожиданно участилось, и Энтони направился к телефону. Когда он называл номер, голос прерывался и дрожал, как у школьника. Телефонистка на центральной станции, должно быть, слышала удары его сердца. Щелчок снятой на другом конце трубки прозвучал трубным гласом, призывавшим на Страшный суд, а приторно-сладкий, как стекающий в банку кленовый сироп, голос миссис Гилберт поверг Энтони в ужас одним-единственным словом «Алло?».

– Мисс Глории нездоровится, она прилегла отдохнуть. А кто ее спрашивает?

– Никто! – выкрикнул Энтони.

Охваченный паникой, он с грохотом швырнул трубку на рычаг и упал без сил в кресло, задыхаясь и обливаясь холодным потом, но тем не менее испытывая при этом неожиданное облегчение.

Серенада

Он встретил Глорию словами: «А вы постригли волосы». И она ответила: «Да, правда здорово?»

Короткая стрижка еще не вошла в моду, это произойдет лет через пять или шесть, а в то время такая прическа считалась крайней дерзостью.

– На улице светит солнце, – с серьезным видом сообщил Энтони. – Не хотите прогуляться?

Глория надела легкое пальто и затейливую пикантную шляпку бледно-голубого цвета а-ля Наполеон. По Пятой авеню они добрались до зоопарка и выразили должное восхищение невозмутимым величием слона и длинной шеей жирафа, а вот к домику, где жили обезьяны, не пошли, так как Глория заявила, что от них дурно пахнет.

Потом они отправились обратно к отелю «Плаза», болтая о пустяках и радуясь пению весны, наполнявшему воздух, и теплему благоуханию, окутавшему внезапно засиявший золотом город. Справа

находился Центральный парк, а слева – нагромождение гранита и мрамора глухо нашептывало обращение неведомого миллионера, адресованное всем, кто его услышит. Звучало оно примерно так: «Я трудился и копил деньги, я оказался хитрее и изворотливее всех сыновей Адама, и вот теперь, черт возьми, сижу здесь! Да, вот так!»

По Пятой авеню разъезжали самые красивые автомобили последних моделей, а впереди маячил непривычно белый и манящий отель «Плаза». Глория ленивой плавной походкой шла чуть впереди Энтони, бросая время от времени небрежные замечания, которые, прежде чем достичь его слуха, несколько мгновений витали в ослепительно искрящемся воздухе.

– Ах! – воскликнула девушка. – Так хочется уехать на юг, в Хот-Спрингс! Меня тянет на свежий воздух, просто поваляться на молодой травке и забыть, что на свете есть зима.

– Да, замечательно!

– Хочу услышать многоголосый галдеж малиновок. Люблю птиц.

– Все женщины и есть птицы, – осмелился заметить Энтони.

– И какая же я, по-вашему, птица? – живо поинтересовалась Глория.

– Наверное, ласточка, а иногда – райская птичка. Впрочем, большинство девушек – это серые воробышки. Взгляните вон на тех нянюшек. Ни дать ни взять – стайка воробьев, верно? А может, они, скорее, сороки? Разумеется, вы встречали девушек-канареек и девушек-малиновок.

– А еще девушки-лебеди и попугаи. А все пожилые женщины – ястребы или совы.

– А кто тогда я? Может быть, гриф?

Глория, смеясь, покачала головой:

– Нет, вы вообще не птица. Вы – русская борзая.

Энтони вспомнил этих собак. Белые и выглядят вечно голодными. Впрочем, их обычно изображают рядом с герцогами и принцессами, так что сравнение польстило.

– А вот Дик – фокстерьер, шаловливый фокстерьер, – продолжала Глория.

– А Мори – кот. – В то же мгновение Энтони подумал, что Блокмэн удивительно напоминает здоровенного противного кабана, но деликатно промолчал.

Потом, уже во время прощания, Энтони спросил Глорию о новой встрече.

– Неужели вы никогда не назначаете свиданий на весь день? – прошептал он умоляющим голосом. – Пусть это случится через неделю. По-моему, чудесно провести этот день вместе, с утра до вечера.

– Пожалуй, вы правы. – Глория на мгновение задумалась. – Давайте встретимся в следующее воскресенье.

– Прекрасно. Я составлю программу, рассчитаю все до минуты.

Так он и поступил. И даже продумал до мелочей, что произойдет за долгие два часа, когда Глория придет к нему домой на чай; старина Баундс откроет настежь окна, чтобы в квартиру шел свежий воздух, но надо непременно разжечь огонь в камине, а то будет чувствоваться сырость. Большие прохладные вазы украсятся охапками цветов, которые Энтони купит специально для знаменательного случая. И они с Глорией сядут на диван.

Когда наступил долгожданный день, они действительно сидели на диване. Через некоторое время Энтони уже целовал девушку, потому что случилось это как-то само собой. Он ощутил дремлющую на губах Глории сладость, как будто никогда с ней не расставался. В камине ярко горел огонь, легкий ветерок, пробиваясь сквозь шторы, веял нежной влагой, предвещая грядущий май и долгое лето. Душа Энтони трепетала, отзываясь на чуть слышные мелодичные напевы; ему чудились аккорды далеких гитар и плеск волн, лижущих теплый средиземноморский берег. Потому что сейчас он был молод, как уже никогда больше не будет, и в этот момент победил смерть.

Шесть часов подкрались незаметно и быстро, о чем недовольно возвестили колокола на церкви Святой Анны. В сгущающихся сумерках они направились в сторону Пятой авеню, по которой после долгой зимы упругим шагом двигались толпы людей, словно выпущенные из тюрьмы узники. Верхние места в автобусах заполнили прирожденные хозяева жизни, а магазины изобиловали прекрасными мягкими вещами для лета, удивительного, веселого и многообещающего лета, которое, казалось, предназначено для любви, так же как зима – для накопления денег. Жизнь распевала на углу, зарабатывая себе на ужин! Жизнь раздавала коктейли прямо на улице!

В толпе встречались старухи, которые чувствовали, что способны принять участие в забеге на сто ярдов и выйти победителями!

В ту ночь, при выключенном свете, Энтони лежал без сна в залитой лунным светом прохладной комнате и перебирал в памяти каждую минуту минувшего дня. Как ребенок, который играет по очереди с долгожданными игрушками, полученными в подарок на Рождество. Целуя Глорию, он нежно прошептал, что любит ее. Девушка улыбнулась и, прижавшись теснее, глядя Энтони в глаза, тихо ответила: «Я счастлива». В ее отношении к Энтони произошла перемена, усилилось физическое влечение, которое выражалось в необычной эмоциональной напряженности. Достаточно, чтобы при одном воспоминании об этом руки сжимались сами собой, а дыхание в груди замирало. Никогда прежде не возникало между ними такой близости, и в порыве неопишуемого восторга Энтони громко крикнул на всю комнату о своей любви к Глории.

На следующее утро он позвонил, на сей раз не испытывая ни колебаний, ни неуверенности, только пьянящее возбуждение, которое лишь усилилось при звуках ее голоса.

– Доброе утро, Глория.

– Доброе утро.

– Звоню, чтобы просто пожелать тебе доброго утра... дорогая.

– Рада, что ты позвонил.

– Так хочется тебя увидеть!

– Увидишь завтра вечером.

– Долго ждать, верно?

– Да, – неохотно откликнулась она.

Энтони крепче сжал в руке трубку.

– А можно мне прийти сегодня вечером? – Он был готов на все в блаженном предвкушении почти сказанного в ответ «да».

– У меня свидание.

– Вот как...

– Но я могла бы... пожалуй, его можно отменить.

– О! – задыхаясь от восторга, воскликнул Энтони. – Глория?

– Что?

– Я люблю тебя!

После недолгого молчания из трубки донеслось:

– Я... я счастлива.

Счастье, как однажды заметил Мори Ноубл, длится всего лишь в течение первого часа после избавления от особо тяжкого страдания. Но надо было видеть лицо Энтони, когда он шел в тот вечер по коридору десятого этажа отеля «Плаза»! Его темные глаза сияли, а решительные линии возле рта представляли собой отрадное зрелище. Он был красив, как никогда, благодаря одному из бессмертных моментов, являющихся людям в лучах такого яркого света, что воспоминаний о нем хватает на долгие годы.

Энтони постучал в дверь и, когда ему ответили, зашел в комнату. Глория, вся в розовых одеждах, накрахмаленная и свежая, как цветок, неподвижно стояла, глядя на него широко раскрытыми глазами.

Когда Энтони закрыл за собой дверь, она тихо вскрикнула и двинулась ему навстречу, стремительно преодолевая разделяющее их пространство, на ходу протягивая руки в предвкушении ласки. Сняв хрустящие складки платья, они слились в долгом, полном ликования объятии.

Книга вторая

Глава первая

Лучезарное время

Спустя две недели Энтони и Глория радовали себя «практическими дискуссиями», как они называли беседы, во время которых под прикрытием сурового реализма совершали прогулки в сиянии вечного лунного света.

– Но не так сильно, как я тебя, – настаивал литературный критик. – Если бы ты действительно меня любила, то хотела бы, чтобы все об этом знали.

– Я и хочу! – возмущалась она. – Хочу стать на перекрестке, как человек-реклама, и сообщать о своей любви каждому прохожему.

– Тогда назови причины, по которым намереваешься выйти за меня замуж в июне.

– Ну, потому что ты чистый, такой же чистый, как и я. Существует два вида чистоты. Вот Дик чист, как надраенная сковородка. А мы с тобой чисты, как ручей или ветер. Я с первого взгляда могу определить, чист человек или нет и что собой представляет его чистота.

– Значит, мы с тобой близнецы.

Какой восторг вызывает эта мысль!

– Мама говорит, – Глория запнулась, – мама говорит, иногда две души создаются одновременно и любят друг друга еще до рождения.

Итак, Глория стала легкой добычей билфизма... Некоторое время Энтони беззвучно смеялся, устремив взор в потолок, а когда снова взглянул на Глорию, обнаружил, что та сердится.

– Над чем ты смеешься? – возмутилась девушка. – И до этого еще дважды. В наших отношениях нет ничего забавного. Я и сама не прочь повалить дурака и тебе не запрещаю, но когда мы вместе, это невыносимо.

– Прости.

– Только не извиняйся! Если не можешь придумать ничего лучшего, просто помолчи!

– Я люблю тебя.

– А мне безразлично.

Наступила пауза. Энтони чувствовал себя подавленным... Наконец Глория прошептала:

– Прости, я такая злюка.

– Нет, я сам виноват.

Мир был восстановлен, и последующие мгновения прошли еще более сладостно и трогательно, с некоторой долей остроты. Они оказались звездами на сцене, и каждый играл для двух зрителей. Страсть, кроющаяся в притворстве, породила истину. В конечном итоге именно в этом и заключается сущность самовыражения. И все же, пожалуй, любовь между ними более ярко выражалась в Глории, а не в Энтони, и тот часто чувствовал себя гостем, которого едва терпят на званом вечере, что устраивает Глория.

В разговоре с миссис Гилберт Энтони пережил осязаемое смущение. Водрузившись в миниатюрное кресло, дама слушала его с сосредоточенным вниманием и часто моргала. Наверняка она сама обо всем догадалась, так как в течение трех недель Глория ни с одним из поклонников не встречалась. И разумеется, миссис Гилберт не могла не заметить разительную перемену в поведении дочери. Ее часто просили отправить с нарочным корреспонденцию, и, как все матери, она прислушивалась к обрывкам телефонных разговоров, в которых, несмотря на старания скрыть истинный смысл, явно слышалась нежность.

Тем не менее миссис Гилберт тактично изобразила удивление, заявив, что новость ее бесконечно обрадовала, что, впрочем, действительно не вызывало сомнений. А вместе с ней радовались герани, цветущие в прикрепленных к подоконнику ящиках, и таксисты, в автомобилях которых романтические влюбленные искали уединения, и – вот странное дело! – даже внушительные счета, на которых они царапали «ты знаешь, что я тоже» и передавали друг другу.

Однако в промежутках между поцелуями Энтони и его ненаглядная золотоволосая девушка постоянно ссорились.

– Подожди, Глория, – нетерпеливо начинал Энтони, – позволь мне объяснить!

– Ничего не объясняй, просто поцелуй меня.

– Нет, так нельзя. Если я задел твои чувства, необходимо это выяснить. Мне не нравится твой подход «поцелуй меня – и все забыто».

– Но я не хочу спорить. Разве не чудесно, что мы целуемся и забываем все плохое? А вот когда не сможем, тогда и наступит время споров.

Однажды незначительная размолвка приняла такой угрожающий оборот, что Энтони, вскочив с места, стал в гневе натягивать пальто. Казалось, еще мгновение, и повторится знакомая февральская сцена, но, зная, какую глубокую привязанность питает теперь к нему Глория, Энтони сумел унять гордыню. И вот уже Глория рыдает в его объятиях, а прелестное личико делается несчастным и жалким, как у испуганной девочки.

Постепенно они, сами того не желая, открывали друг друга с помощью непреднамеренных поступков и уловок, неприязней и предубеждений, а также намеков на прошлое, которые делались без всякого умысла. Из-за неумной гордости Глория не умела ревновать, а поскольку Энтони был в высшей степени ревнив, эта черта характера уязвляла его самолюбие. Он рассказывал девушке о наиболее сокровенных моментах в своей жизни, желая зажечь хоть искру ревности, но все старания оказались тщетными. Теперь Энтони принадлежит ей, а о давно ушедших в забвение годах она не желает знать.

– Ах, Энтони, – говорила Глория, – всякий раз, обижая тебя, я потом страшно переживаю. Отдала бы правую руку на отсечение, лишь бы избавить тебя от боли.

В такие моменты ее глаза наполнялись слезами, и Глория не чувствовала обмана в своих словах. Однако Энтони знал, что бывают дни, когда они намеренно задевают друг друга, получая едва ли не удовольствие от обмена колкостями. Глория не переставала его озадачивать: обворожительно родная и понятная, отчаянно стремящаяся к неизведанной предельной близости, она вдруг умолкала и обдавала холодом, ее уже не трогали слова любви, да и вообще все, что говорил Энтони. Потом он часто находил причину зловещей замкнутости в физическом недомогании, на которое, впрочем, Глория никогда не жаловалась, пока оно не заканчивалось, или в своей небрежности и самонадеянности. А иногда случалось, что Глории просто пришлось не по вкусу одно из блюд за ужином. Но и тогда средства, с помощью которых она окружала себя непреодолимым пустым пространством, оставались для Энтони загадкой, скрытой где-

то в глубинах ее двадцатидвухлетней жизни, наполненной нестигаемой гордыней.

– Почему тебе нравится Мюриэл? – поинтересовался однажды Энтони.

– И вовсе не нравится.

– Тогда зачем ты повсюду таскаешь ее за собой?

– Нужно же с кем-то выходить в свет. С такими девушками легко, они верят каждому моему слову. Но мне больше по душе Рейчел. Такая изящная, чистенькая, как глянцева картинка. А тебе она как? В Канзас-Сити у меня были подруги, еще в школе. И все случайные, так, девочки, оказавшиеся рядом только потому, что мальчишки куда-то пригласили нас вместе. А когда поводов для встреч не стало, они меня больше не интересовали. Теперь почти все вышли замуж. Да какое это имеет значение? Просто люди, случайно встретившиеся на пути.

– Тебе больше нравятся мужчины, верно?

– О, гораздо больше. У меня мужской склад ума.

– Склад ума у нас с тобой одинаковый и вряд ли имеет отношение к определенному полу.

Впоследствии Глория рассказала, как завязалась ее дружба с Блокмэном. Однажды Глория и Рейчел случайно встретили в ресторане «Делмонико» мистера Гилберта и Блокмэна. Мужчины обедали. Подстегиваемая любопытством Глория решила к ним присоединиться, и трапезу продолжили уже вчетвером. Блокмэн произвел весьма благоприятное впечатление и стал отдушиной после общения с более молодыми поклонниками. Он довольствовался малым, развлекал Глорию и смеялся сам, независимо от того, понимал ли смысл ее острот или нет. Несмотря на открытое неодобрение со стороны родителей, девушка стала встречаться с Блокмэном, а через месяц он сделал ей предложение, обещая осыпать всеми благами, начиная виллой в Италии и кончая блистательной карьерой на экране. Глория рассмеялась ему в лицо – и он тоже рассмеялся в ответ.

Но от своих намерений не отказался и к моменту появления на сцене Энтони сумел закрепить успех. Девушка испытывала к нему теплые чувства и все же не переставала награждать незаслуженно обидными прозвищами, понимая, что, фигурально выражаясь, Блокмэн терпеливо бредет рядом, пока она движется по узкой кромке, но готов в любую минуту схватить в случае падения.

Накануне объявления о помолвке Глория сообщила Блокмэну. Для него это стало тяжелым ударом. Девушка не просветила Энтони относительно подробностей, но намекнула, что Блокмэн не преминул затеять ссору. Энтони представил их разговор, закончившийся на повышенных тонах. Глория, холодная и невозмутимая, устроилась в уголке дивана, а Джозеф Блокмэн, один из первых людей на студии «Филмз пар экселенс», мечется по ковру с низко опущенной головой и сердито сощуренными глазами. Глории было жаль Блокмэна, но она рассудила, что лучше не показывать своих чувств. Напоследок, в порыве доброты, она попыталась внушить к себе ненависть. Однако Энтони, отлично зная, что главной притягательной силой Глории является безразличие, понимал всю тщетность этой попытки. Он часто, правда, мимоходом, вспоминал о Блокмэне, но в конце концов окончательно выбросил его из головы.

Расцвет

Однажды они нашли места на залитой солнечным светом верхней площадке автобуса и долгие часы ехали от таявшей вдали Вашингтонсквер вдоль грязной реки. Потом, когда блуждающие лучи нашли пристанище на западных улицах, выплыли на распухшую от транспорта, погружающуюся в сумерки Пятую авеню с угрожающе жужжащими, словно пчелиные ульи, универмагами. Движение становилось все более интенсивным и вскоре окончательно застряло в хаотично образовавшейся пробке. Автобусы по четыре в ряд возвышались гигантскими платформами над толпой в ожидании свистка регулировщика.

– Восхитительно! – воскликнула Глория. – Только посмотри!

Впереди маячил припорошенный мукой фургон мельника, запряженный двумя лошадьми, черной и белой масти, которыми управлял напудренный клоун.

– Какая жалость! – воскликнула Глория. – Вот если бы обе лошади были белыми. Как чудесно смотрелись бы они в сумерках. Я так счастлива, что именно сейчас нахожусь в этом городе.

Энтони с сомнением покачал головой.

– А мне город кажется дешевым фиגляром. Все время пыжится, стараясь соответствовать впечатляющей светскости, которую

приписывают жизни больших городов. Из кожи вон лезет, изображая эдакий романтичный столичный лоск.

– А вот по-моему, он действительно впечатляет.

– Только на короткое время. В действительности же это насквозь фальшивое представление. Здесь имеются разрекламированные агентами звезды, шаткие колченогие декорации и, должен признать, самая многочисленная армия статистов. – Энтони на мгновение замолчал и, коротко хмыкнув, закончил: – С технической точки зрения, наверное, выглядит великолепно, но неубедительно.

– Наверняка полицейские считают всех людей дураками, – задумчиво заметила Глория, наблюдая, как дородную и весьма трусливую даму переводят через улицу. – Они всегда видят людей испуганными, беспомощными и старыми... впрочем, так оно и есть. Пожалуй, нам надо сойти, – предложила она. – Я обещала маме пораньше поужинать и лечь спать. Черт возьми, она говорит, что у меня усталый вид.

– Скорей бы пожениться, – мечтательно прошептал Энтони. – Тогда не нужно расставаться на ночь и можно делать все, что пожелаешь.

– Да, чудесно! Думаю, нам следует отправиться в путешествие. Хочется побывать на Средиземном море, в Италии. А еще хорошо бы какое-то время играть на сцене... скажем, около года.

– Так и будет. А я напишу для тебя пьесу.

– Замечательно! И я в ней сыграю. А потом, когда у нас будет больше денег, – во время подобных разговоров непременно делалась тактичная ссылка на скорую кончину старого Адама, – мы построим шикарный особняк, правда?

– Да, с собственными бассейнами.

– Их будут десятки. А еще собственные реки. Ох, хорошо бы иметь все это прямо сейчас!

По странному совпадению Энтони хотелось того же. Подобно ныряльщикам, они окунулись в темный водоворот толпы и, выплыв уже в районе прохладных Пятидесятих улиц, ленивым шагом направились к дому, полные романтических чувств друг к другу... оба прогуливались в одиночестве по погруженному в невозмутимое спокойствие саду, и каждого сопровождал обретенный в мечтах призрак.

Безмятежно-тихие дни плыли подобно лодкам по медленному течению рек. Весенние вечера, полные меланхолии, представляли прошлое в прекрасном свете с некоторым оттенком горечи, заставляя оглянуться назад и убедиться, что любовь, пережитая за множество прошлых лет, давно канула в Лету и умерла вместе с забытыми вальсами, звучавшими в ту пору. Самые трогательные, полные остроты моменты всегда случались, когда влюбленных разделяла какая-нибудь искусственно воздвигнутая преграда. В театре руки украдкой соприкасались в темноте для нежного пожатия, в многолюдных помещениях движением губ передавались слова, которые должны прочесть любимые глаза. Они не осознавали, что идут по стопам минувших и уже покрывшихся слоем пыли поколений, однако смутно догадывались, что если правда есть конец жизни, то счастье – одна из ее разновидностей, и нужно лелеять его краткие трепетные мгновения. А затем одной волшебной ночью на смену маю пришел июнь. Теперь оставалось всего шестнадцать дней... потом пятнадцать, четырнадцать...

Три отступления

Перед объявлением помолвки Энтони отправился в Тэрритаун навестить деда. С момента их последней встречи тот еще больше усох и поседел, не в силах устоять перед шутками, которое играет с людьми время, и встретил новость с глубоким скептицизмом.

– Так, значит, собрался жениться? – поинтересовался он с подозрительной кротостью и так долго кивал, что Энтони не на шутку встревожился. Не зная точных намерений деда, он все же предполагал, что значительная часть дедовских денег достанется ему. Разумеется, приличная сумма уйдет на благотворительность, ну и, конечно же, на проведение реформ в бизнесе.

– А работать ты собираешься?

– Собственно... – стараясь выиграть время, протянул несколько сбитый с толку Энтони. – Я же и так работаю. Сами знаете...

– Я имею в виду настоящее дело, – бесстрастным тоном пояснил Адам Пэтч.

– Пока не знаю точно, чем займусь. Ведь я, дедушка, не нищий, – с обидой заявил Энтони.

Старик слушал внука, прикрыв глаза, а затем почти извиняющимся тоном спросил:

– Сколько ты отложил за год?

– Пока ничего...

– Значит, если в одиночку ты как-то умудряешься прожить на свои средства, то, вероятно, рассчитываешь на чудо, которое поможет существовать на них вдвоем.

– У Глории есть собственные деньги. Достаточно для покупки одежды.

– Сколько?

Не обращая внимания на бестактность вопроса, Энтони ответил:

– Около ста долларов в месяц.

– То есть всего примерно семь с половиной тысяч в год. – Немного подумав, он ласково продолжил: – Что ж, немало. Если имеешь голову на плечах, вполне хватит. Однако вопрос в том, есть ли у тебя хоть капля здравого смысла, о котором я говорю.

– Полагаю, есть. – Энтони было стыдно, что приходится терпеть нотации старого ханжи, и в его следующих словах уже зазвучало холодное высокомерие: – Я прекрасно справлюсь. А вы, похоже, считаете меня ни на что не годным человеком. В любом случае я приехал сюда, только чтобы сообщить о предстоящей в июне свадьбе. Всего хорошего, сэр. – Отвернувшись от деда, он направился к двери, не зная, что впервые за все время сумел тому понравиться.

– Подожди! – крикнул вслед Адам Пэтч. – Хочу с тобой поговорить.

– В чем дело, сэр?

– Присядь. Останься на вечер.

Несколько смягчившись, Энтони снова занял прежнее место.

– Простите, сэр, но вечером я встречаюсь с Глорией.

– Как ее зовут?

– Глория Гилберт.

– Из Нью-Йорка? Одна из твоих знакомых?

– Она со Среднего Запада.

– А чем занимается ее отец?

– Работает в целлулоидной корпорации или тресте, что-то в этом роде. Они из Канзас-Сити.

– Свадьба будет там?

– Нет, чего ради? Мы думаем пожениться в Нью-Йорке, тихо, скромно.

– А что, если устроить свадьбу здесь?

Энтони пребывал в нерешительности. Предложение деда не слишком привлекало, и все же следовало проявить благоразумие и по возможности попытаться пробудить в старике личный интерес к их с Глорией супружеской жизни. Кроме того, Энтони слегка растрогался.

– Очень любезно с вашей стороны, дедушка, только ведь это доставит множество хлопот.

– Вся жизнь состоит из сплошных хлопот. И твой отец здесь женился, только в старом доме.

– Но мне казалось, он женился в Бостоне.

Адам Пэтч задумался.

– Ты прав. Он женился в Бостоне.

Энтони стало неловко за попытку поправить деда, и он тут же загладил оплошность:

– Я поговорю с Глорией. Лично мне предложение нравится, но вы же понимаете, нужно посоветоваться с Гилбертами.

Дед с глубоким вздохом прикрыл глаза и устроился поглубже в кресле.

– Торопишься? – спросил он уже другим тоном.

– Не очень.

– Интересно, – начал Адам, устремив спокойный подобревший взгляд на шелестящие за окнами кусты сирени. – Интересно, задумываешься ли ты когда-нибудь о будущем?

– Ну... иногда.

– А вот я много размышляю о том, что будет дальше. – Его глаза затуманились, но голос звучал отчетливо и уверенно. – И сегодня сидел здесь и думал, что нас ждет в будущем, и вдруг вспомнился один день почти шестьдесят пять лет назад, когда мы играли с младшей сестренкой Энни вон там, где сейчас стоит летний дом. – Старик показал на большой цветник, на глаза навернулись слезы, и голос дрогнул. – Мне приходят в голову разные мысли... по-моему, тебе следует больше думать о будущем. Нужно быть... более уравновешенным и целеустремленным... – он замолчал, подыскивая нужное слово, – проявлять больше трудолюбия, что ли...

Тут выражение его лица переменилось, захлопнувшись, словно капкан, и когда Адам Пэтч снова заговорил, от былой мягкости в голосе не осталось и следа.

– Кстати, я был всего на два года старше тебя, – проскрипел дед с хитрым смешком, – когда отправил в богадельню троих членов правления компании «Ренн и Хант».

Энтони вздрогнул, окончательно смутившись.

– Ладно, прощай, – неожиданно заявил Адам, – а то опоздаешь на поезд.

Энтони покидал дедовский дом с чувством величайшего облегчения, испытывая странную жалость к старику. И не из-за того, что богатство не могло вернуть «ни молодость, ни хорошее пищеварение», а потому, что он попросил Энтони устроить свадьбу у себя в доме, а еще потому, что дед забыл некоторые подробности, касающиеся свадьбы собственного сына, которые следовало помнить.

Ричард Кэрамел, являющийся одним из шаферов, в последние недели доставил Энтони и Глории немало неприятностей, постоянно перетягивая на себя всеобщее внимание. «Демонический любовник» вышел в свет в апреле и сразу же вмешался в плавное течение их романа, как вмешивался, можно сказать, во все, с чем соприкасался его автор. Произведение представляло собой в высшей степени самобытное и довольно витиеватое и затянутое описание похождения некоего донжуана из нью-йоркских трущоб. Как еще раньше отметили Энтони и Мори, а впоследствии и наиболее благосклонно настроенные критики, во всей Америке не нашлось писателя, который с такой мощью описывал полные первобытной грубости нравы этого общественного слоя.

Некоторое время книга лежала на полках, а потом неожиданно «пошла». Издания, сначала малым тиражом, а потом все больше и больше, следовали одно за другим чуть ли не каждую неделю. Представитель Армии спасения объявил книгу циничным искажением всех тенденций духовного подъема, которые имеют место среди обитателей «дна». Хитроумные рекламные агенты распустили не имеющий под собой почвы слух, что «Джипси» Смит возбуждает уголовное дело о клевете, так как один из главных героев романа является уродливой карикатурой на него самого. Книгу изъяли из публичной библиотеки в Берлингтоне, штат Айова, а некий обозреватель одной газеты на Среднем Западе намекнул, что Ричард Кэрамел находится в лечебнице с приступом белой горячки.

Автор «Демонического любовника» действительно проводил дни в состоянии восторженного помешательства. О чем бы ни шел разговор, три четверти времени отводилось его книге. Ричарду не терпелось ознакомить всех с «последними новостями». Он заходил в магазин и громким голосом заказывал несколько экземпляров с доставкой на дом, и все это делалось ради капли внимания со стороны продавца или покупателя. Он точно знал, в какой части страны продажи идут лучше всего и какие поправки он внес в каждое переиздание. При встрече с людьми, которые книги не читали, а случалось это чаще, чем хотелось, или вовсе о ней не слышали, Ричард погружался в глубокое уныние.

Таким образом, Энтони и Глория, обуреваемые завистью, пришли к естественному выводу, что Ричард Кэрамел превратился в страшного зануду, которого распирает тщеславие. К большой досаде Дика, Глория

публично хвасталась, что не читала «Демонического любовника» и не собирается этого делать, пока не прекратятся все споры по поводу романа. Собственно говоря, сейчас ей не хватало времени на чтение, так как словно из рога изобилия посыпались свадебные подарки, сначала тонким ручейком, превратившимся вскоре в бурную лавину. Они были разными, от безделушек, присланных забытыми друзьями семьи, до фотографий преданных забвению бедных родственников.

Мори подарил набор для вина тонкой работы, состоящий из двух серебряных бокалов, шейкера для коктейлей и нескольких отверток. Дик раскошелился на более традиционный подарок – чайный сервиз от Тиффани. Джозеф Блокмэн прислал простые изящные дорожные часы с открыткой. Даже Баундс подарил мундштук, чем растрогал Энтони до слез. Действительно, любое проявление чувств, не считая истерики, было вполне уместным для этих людей, сраженных видом дани, приносимой установленным традициям. Отдельная комната в отеле «Плаза» ломилась от подношений, присланных товарищами по Гарвардскому университету и компаньонами деда, памятных вещей о днях, проведенных Глорией в колледже Фармоувер, и довольно трогательных подарков от бывших поклонников. Последние сопровождались понятными лишь посвященным, полными меланхолической грусти открытками наподобие «Думал ли я...», «Разумеется, я желаю вам огромного счастья...» или даже «Когда вы получите это послание, я буду на пути в...».

Самый щедрый дар принес наиболее горькое разочарование – презент от Адама Пэтча в виде чека на пять тысяч долларов.

К большинству подарков Энтони не проявлял интереса, полагая, что теперь в течение последующих пятидесяти лет им придется следить за переменами в семейном статусе всех знакомых. Зато Глория бурно радовалась каждой вещи, разрывая упаковочную бумагу и копошась в стружках с хищной алчностью собаки, которая пытается вырыть из земли кость. Затаив дыхание, она хваталась за край ленты или металлическую кромку и наконец извлекала на свет весь предмет и принималась его придирчиво изучать, при этом ее серьезное лицо не выражало ничего, кроме сосредоточенного интереса.

– Взгляни, Энтони!

– Чертовски мило!

Ответ он получал только через час, когда Глория представляла скрупулезный отчет о своих впечатлениях относительно подарка, насколько бы он выиграл, если бы был меньше или больше размером, удивил ли ее, и если да, то до какой степени.

Миссис Гилберт без устали обставляла воображаемый дом молодых супругов, распределяя подарки по разным комнатам, сортируя их как «хорошие часы, но не самые лучшие» или «серебро на каждый день» и приводя Энтони и Глорию в смущение шутливыми намеками на комнату, которую называла детской. Миссис Гилберт обрадовалась чеку от старого Адама и впоследствии определила, что у него «по-настоящему древняя душа». Поскольку Адам Пэтч так и не решил, что она имеет в виду, его прогрессирующее старческое слабоумие или свои личные способности к ясновидению, нельзя сказать, что слова дамы доставили ему удовольствие. В разговоре с Энтони он всегда называл ее «старуха мать», будто миссис Гилберт была персонажем комедии, которую он уже неоднократно видел. Что касается Глории, он не мог прийти к определенному мнению. Девушка ему нравилась, но, по словам самой Глории, старик считал ее ветреной и потому опасался хвалить.

Пять дней! На лужайке в Тэрритауне уже строилась эстрада для танцев, и был заказан поезд, чтобы доставить гостей из Нью-Йорка и отвезти обратно.

Дневник

Глория уже облачилась в голубую шелковую пижаму и стояла у кровати, положив руку на выключатель с намерением погрузить комнату в темноту. Неожиданно она передумала и, выдвинув один из ящиков в столе, извлекла небольшую книжицу в черном переплете – дневник, который вела в течение семи лет. Многие записи, сделанные карандашом, читались с трудом, а в некоторых из них говорилось о давно забытых днях и ночах. Несмотря на старое как мир начало «Я хочу сохранить этот дневник для своих детей», его нельзя было назвать личным дневником в прямом смысле слова. И все же когда Глория переворачивала страницу за страницей, казалось, из-за наполовину стертых имен на нее смотрят глаза множества мужчин. Вот с этим она впервые уехала в Нью-Хейвен... 1908 год, ей тогда было шестнадцать

лет, и в Йельском университете вошли в моду накладные плечи. Ей льстило внимание знаменитого «нападающего Мишо», который «волочился» за ней весь вечер. Глория вздохнула, вспоминая атласное платье, как у взрослой дамы, которым так гордилась, и мелодию, что играл оркестр «Йама-йама, май йама-мэн» и «Джангл-таун». Как же давно это было! А сколько имен! Элтиндж Риардон, Джим Парсонз, «Кудряшка» Макгрегор, Кеннет Кауэн, Фрай «Рыбий Глаз», который покорила ее своей безобразной внешностью. Картер Керби... этот прислал подарок, и Тюдор Бэрд тоже; Марти Реффер, первый мужчина, в которого она была влюблена дольше одного дня, и Стюарт Холком, он увез Глорию в автомобиле и хотел насильно заставить выйти за него замуж. А Ларри Фенвик, которым Глория неизменно восхищалась с тех пор, когда однажды вечером тот заявил, что если она его не поцелует, то может убираться из машины и идти до дома пешком... Ах, какой список!

Однако уже устаревший. Сейчас она влюблена и настроена на вечную любовь, которая соберет в себе все лучшее от прежних романов. И все-таки ей было жаль тех мужчин и лунные ночи, и трепет, который тогда испытывала... и поцелуи. Прошрое, ее прошрое... Сколько в нем радости! Она действительно была невероятно счастлива.

Глория переворачивала страницу за страницей, лениво скользя глазами по разбросанным записям последних четырех месяцев. Несколько последних прочла внимательно.

Первое апреля. Знаю, Билл Карстейрс меня ненавидит, так как я вела себя весьма нелюбезно, только порой я не выношу, когда со мной сентиментальничают. Мы ехали в загородный клуб «Рокиер», а сквозь деревья пробивался восхитительный лунный свет. Мое серебристое платье изнашивается. Забавно, как забываются другие ночи в «Рокиере» – с Кеннетом Кауэном, когда я была в него так влюблена!

Третье апреля. После двух часов, проведенных со Шредером, у которого, как говорят, миллионное состояние, я решила, что ситуация, когда привязан к чему-то одному, меня изматывает, особенно если речь идет о мужчинах. Незачем себя мучить, клянусь, с сегодняшнего дня буду наслаждаться. Мы говорили о «любви». Как банально! Со сколькими же мужчинами я говорила о любви?

Одиннадцатое апреля. А ведь Пэтч сегодня позвонил! Месяц назад в ярости выбежал за дверь и клялся больше со мной не встречаться. Я постепенно перестаю верить в способность мужчин испытывать смертельную обиду.

Двадцатое апреля. Провела день с Энтони. Возможно, когда-нибудь выйду за него замуж. Мне по душе его мысли, он пробуждает все подлинное, что во мне есть. Около десяти заехал Блокмэн на новой машине и повез меня по Риверсайд-драйв. Сегодня он мне понравился, такой предупредительный. Понял, что я не настроена на разговор, и сам всю дорогу молчал.

Двадцать первое апреля. Проснулась с мыслями об Энтони, и, разумеется, он позвонил. Голос у него был такой нежный, что я ради него отменила свидание. Сегодня чувствую, что для него отреклась бы от чего угодно, включая Десять заповедей и саму себя. Он придет в восемь, я надену розовое платье и буду выглядеть чистой и неприступной.

На этом месте она остановилась, вспоминая, что в тот вечер после ухода Энтони разделась, дрожа от апрельского ветра, дующего в окно. И все же холода не ощущала, согретая пылающими в сердце проникновенными банальностями.

Следующая запись сделана несколькими днями позже.

Двадцать четвертое апреля. Хочу выйти замуж за Энтони, потому что мужья зачастую так и остаются «мужьями», а я должна выйти за возлюбленного. Существует четыре основных типа мужей:

(1) Муж, который любит сидеть дома по вечерам, не имеет порочных наклонностей и работает ради зарплаты. Крайне нежелательно!

(2) Первобытный повелитель, у которого главное предназначение жены – доставлять ему удовольствие. Этот тип считает всех хороших женщин «пустышками» и похож на павлина, затормозившего в развитии.

(3) Дальше следует обожатель, создающий из жены кумира и забывающий обо всем остальном. Такому типу в качестве жены

нужна вдохновенная актриса. Господи! Как же утомительно все время притворяться безгрешной!

(4) И Энтони... временами пылкий возлюбленный, у которого хватает здравого смысла понять, когда все прошло, и, главное, он понимает, что так и должно быть. И я хочу выйти за Энтони.

Какими навозными червями кажутся женщины, ползущие на брюхе по серой и безрадостной супружеской жизни! Брак существует не для того, чтобы превращать его в фон, на котором протекает жизнь, а вот ему самому необходим определенный антураж. Мое супружество будет необыкновенным, оно не может стать и не станет декорацией, а превратится в представление, живое, прекрасное и яркое, и декорациями для него будет весь мир. Отказываюсь посвятить свою жизнь потомству. Разумеется, все мы в долгу как перед своим поколением, так и нежеланными детьми. Что за участь – до непристойности растолстеть, утратить любовь к себе и сосредоточить все мысли на молоке, овсянке, выкармливании детей и пеленках... Насколько приятнее воображаемые детишки, милые крошечные создания, которые порхают (а в мечтах дети непременно порхают) на золотых крылышках...

Однако эти бедные крошки имеют мало общего с супружеской жизнью.

Седьмое июня. Вопрос нравственности. Не было ли ошибкой влюбить в себя Блокмэна? Потому что именно это я и сделала. Сегодня вечером он был нежно-печальным, и это оказалось так к месту, что у меня перехватило горло, а на глаза навернулись слезы. Но он – уже прошлое и посыпан лавандой, которой у меня в избытке.

Восьмое июня. А сегодня я пообещала больше не кусать губы. Что ж, не буду... только лучше бы он попросил меня отказаться от еды.

Пускаем пузыри, вот чем мы занимаемся, Энтони и я. Сегодня мы выдули таких красавцев, они лопаются, а мы пускаем все новые и новые, такие же огромные и красивые. Пока не закончилось мыло и вода.

На этой записи дневник обрывается. Глория искала глазами страницы с упоминанием восьмого июня 1912-го, 1910-го, 1907 года. Самая ранняя запись нацарапана округлым почерком шестнадцатилетней девочки. Это было имя «Боб Ламар» и еще одно

слово, разобрать которое не удавалось. Потом Глория поняла, что оно означает, и глаза затуманились слезами. Серо-голубым пятнышком расплылась запись о первом поцелуе, выцветшая, как тот сокровенный день на мокрой от дождя веранде семь лет назад. Казалось, вот сейчас вспомнится, что они тогда говорили, но ничего не вышло. Слезы полились ручьем, и она уже не видела страницу. Глория говорила себе, что плачет, потому что может вспомнить только дождь, мокрые цветы во дворе и запах сырой травы.

Затем она отыскала карандаш и, держа его в нетвердой руке, подчеркнула тремя параллельными линиями последнюю запись, написала крупными печатными буквами слово «КОНЕЦ», положила дневник обратно в ящик стола и нырнула в постель.

Дыхание пещеры

Дома после ужина в честь невесты Энтони выключил свет и, ощущая себя бесплотным и хрупким, как фарфоровая чаша, стоящая в ожидании на сервировочном столике, улегся спать. Ночь стояла теплая, и даже под легкой простыней было уютно. Сквозь открытое окно доносился едва уловимый, полный неясного ожидания шум, какой обычно слышится летом. Энтони думал об оставшихся позади годах юности, бессодержательных, но веселых и ярких. Прожитых в беспечном, лишенном убежденности скептицизме в отношении чувств, описанных людьми, которые давно превратились в прах. Теперь он понял, что есть нечто более возвышенное – слияние душ его и Глории. Ее сияющий огонь и чистота и являются тем живым материалом, из которого создается мертвая красота книг.

Из глубин ночи в комнату с высокими стенами шел настойчивый, растворяющийся в воздухе шум, будто город, словно разыгравшийся ребенок, подбрасывает вверх и снова ловит мяч. В Гарлеме, Бронксе, Грамерси-парке, в районе порта, в тесных гостиных и на посыпанных гравием, залитых лунным светом крышах этот звук издавали тысячи влюбленных, выплескивая его частицы в воздух. В синем сумраке летней ночи весь город играл с этим звуком, подбрасывая его вверх и призывая обратно, обещая, что совсем скоро жизнь станет прекрасной, как волшебная сказка, суля счастье и уже давая его этим обещанием.

Своей долговечностью нескончаемый гул дарил надежду на любовь. Можно ли совершить большее?..

Именно в этот момент из нежного зова ночи резким диссонансом прозвучала новая нота. Шум доносился со стороны заднего окна, футах в пятидесяти снизу, это был звук женского смеха. Сначала тихий, непрекращающийся, с легким повизгиванием. Наверное, служанка со своим дружкой, подумал Энтони. Потом смех зазвучал громче, стал истеричным, и тут на память пришла девушка, заходившаяся в приступе хохота, которую Энтони видел на представлении водевиля. Смех вдруг затих, прекратился, но тут же возобновился, уже со словами какой-то грубой шутки, после чего послышалась приглушенная возня, Энтони не мог разобрать. На мгновение все затихло, и Энтони уловил рокошующий мужской голос, потом все началось снова, без перерыва, поначалу вызывая раздражение, а потом непонятный страх. Он вздрогнул и, встав с кровати, подошел к окну. Напряженный сдавленный смех достиг кульминации и уже больше походил на крик. Потом он умолк, оставив после себя зияющую зловещей пустотой тишину, подобную бесконечному молчанию вечности. Постояв еще немного у окна, Энтони, расстроенный и потрясенный до глубины души, вернулся в постель, изо всех сил стараясь заглушить неожиданно возникшее чувство. Но что-то животное, скрывавшееся в этом разнузданном смехе, вцепилось в сознание, и впервые за четыре месяца вновь ожило отвращение и ужас перед всем, что представляет собой жизнь. В комнате стало душно, и Энтони захотелось вырваться наружу, на холодный обжигающий ветер, подняться высоко над городами и существовать обособленно и безмятежно, скрывшись в потайных уголках сознания. А жизнь – это тот безобразный, несмолкающий женский смех за окном.

– Господи! – воскликнул Энтони задыхаясь.

Зарывшись лицом в подушку, он тщетно старался сосредоточиться на деталях грядущего дня.

Утро

В серых сумерках Энтони обнаружил, что еще всего пять часов, и с раздражением пожалел о столь раннем пробуждении. Значит, на

свадьбе будет выглядеть измученным. И тут же позавидовал Глории, которая может скрыть усталость с помощью искусно нанесенной косметики.

В ванной комнате он принялся рассматривать себя в зеркало и обнаружил, что неестественно бледен, а на фоне белой кожи стало заметно множество мелких изъянов. Кроме того, за ночь отросла короткая щетина, и Энтони был вынужден признать, что его внешний вид производит весьма неблагоприятное впечатление: из зеркала смотрел измученный, не вполне здоровый человек.

На туалетном столике были разложены предметы, которые он тщательно пересчитывал, перебирая сделавшимися вдруг непослушными пальцами. Вот билеты в Калифорнию, книжка дорожных чеков, его часы, на которых время установлено с точностью до тридцати секунд, ключи от квартиры – только бы не забыть передать их Мори. И наконец, самое важное – кольцо, платиновое, украшенное по ободку мелкими изумрудами. Куплено по настоянию Глории, она всегда мечтала об обручальном кольце с изумрудами.

Это третий подарок, который ей преподнес Энтони. Первым стало кольцо для помолвки, а за ним последовал миниатюрный золотой портсигар. Теперь придется снабжать Глорию множеством вещей: покупать одежду и драгоценности, знакомить с друзьями и развлекать. Казалось нелепым, что с этого дня он должен оплачивать ее обеды и ужины, и выльется это в немалую сумму. Энтони вдруг подумал, что недооценил расходы на путешествие, возможно, следует обменять на наличные чек на более крупную сумму. Этот вопрос не давал покоя.

Затем неизбежность приближающегося события заставила отвести в сторону все мелочи. Вот он, этот день – всего полгода назад неожиданный и непрошенный, а сейчас разгорается золотым светом в выходящем на восток окне и танцует по ковру, будто солнце улыбается своей старой как мир, бесконечно повторяющейся шутке.

– Черт подери, – пробормотал с нервным смешком Энтони, – а я ведь уже, считай, женат!

Шаферы

Шестеро молодых людей, расположившихся в библиотеке Брюзги Пэтча, приходили во все более веселое расположение духа под

влиянием сухого шампанского «Момм», спрятанного в ведерках со льдом между книжными шкафами.

Первый молодой человек. Ей-богу! В следующей книге опишу сцену свадьбы, которая всех сразит наповал! Уж можете мне поверить.

Второй молодой человек. На днях познакомился с дебютанткой, она считает твою книгу очень сильной. Как правило, молоденькие девушки без ума от примитивной писанины.

Третий молодой человек. А где Энтони?

Четвертый молодой человек. Бродит по дому и разговаривает сам с собой.

Второй молодой человек. Боже правый! Видели вы священника? Что за странные зубы.

Пятый молодой человек. А он-то думает, что так и надо. Люди с золотыми зубами выглядят чудаковато.

Шестой молодой человек. А им так нравится. Мой зубной врач как-то рассказывал, что к нему пришла женщина и потребовала поставить две золотые коронки. Без всякой на то нужды, зубы у нее и так были хорошие.

Четвертый молодой человек. Слышал, у тебя вышла книга, Дики. Поздравляю!

Ди к (сдержанно). Благодарю.

Четвертый молодой человек (с невинным видом). И о чем она? Рассказни о колледже?

Ди к (еще сдержаннее). Нет, не рассказни о колледже.

Четвертый молодой человек. Жаль! Сто лет не выходило ни одной путной книги о Гарварде.

Ди к (с раздражением). Почему бы тебе не наверстать это упущение?

Третий молодой человек. Кажется, я вижу толпу гостей в «паккарде». Он только что свернул на подъездную дорогу.

Шестой молодой человек. Может, откроем по этому случаю еще пару бутылок?

Третий молодой человек. Я был потрясен, когда узнал, что старикан устраивает свадьбу со спиртным. Он же ярый сторонник «сухого закона».

Ч е т в е р т ы й м о л о д о й ч е л о в е к (*в волнении щелкает пальцами*). Черт возьми! Ведь знал, что непременно что-то забуду! Все время помнил, что надо надеть жилет.

Д и к. И что же ты забыл?

Ч е т в е р т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Вот, черт возьми, незадача!

Ш е с т о й м о л о д о й ч е л о в е к. Ну-ну, что за трагедия?

В т о р о й м о л о д о й ч е л о в е к. Так что же ты забыл, дорогу домой?

Д и к (*ядовито*). Он забыл сюжет своей книги о Гарварде.

Ч е т в е р т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Ошибаетесь, сэр. Я забыл подарок. О Господи! Забыл купить старине Энтони подарок. Все откладывал, откладывал – и, черт возьми, совсем из головы вылетело! Что теперь люди подумают!

Ш е с т о й м о л о д о й ч е л о в е к (*шутливо*). Вот, вероятно, почему свадьба задерживается.

Под общий смех Четвертый молодой человек нервно поглядывает на часы.

Ч е т в е р т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Право слово, какой же я осел!

В т о р о й м о л о д о й ч е л о в е к. Что скажете о подружке невесты, той, что строит из себя Нору Бэйес? Болтала без умолку, все говорила, как ей хочется, чтобы свадьба была в стиле рэгтайм. Кажется, ее зовут Хейнс или Хэмптон.

Д и к (*поспешно мобилизуя воображение*). Кейн, Мюриэл Кейн. В некотором роде это долг чести. Как-то она спасла Глорию, когда та тонула, уже точно не припомню, что там произошло.

В т о р о й м о л о д о й ч е л о в е к. И как она умудрилась не вилять бедрами при плавании? По-моему, в ее случае это невозможно. Налей-ка мне еще, будь другом. Мы только что имели со стариком долгую беседу о погоде.

М о р и. С кем? Со стариком Адамом?

В т о р о й м о л о д о й ч е л о в е к. Нет, с отцом невесты. Должно быть, он служит в бюро прогноза погоды.

Д и к. Не забывай, Отис, он мой дядя.

О т и с. А что? Вполне достойное занятие. (*Слышится смех.*)

Ш е с т о й м о л о д о й ч е л о в е к. А невеста – твоя кузина, верно?

Д и к. Да, Кейбл, кузина.

К е й б л. Она, безусловно, красавица, не то что ты, Дики. Держу пари, она заставит старину Энтони плясать под свою дудку.

М о р и. Почему все женихи получают звание «старина»? По-моему, женитьба – это ошибка молодости.

Д и к. Мори, ты профессиональный циник.

М о р и. Тогда ты – интеллектуальный плут!

П я т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Э, да тут сражение великих умов, Отис. Подбирай крохи, какие сумеешь.

Д и к. Сам ты плут! И вообще, что ты знаешь?

М о р и. А ты что знаешь?

Д и к. Спроси что хочешь. Из любой области знаний.

М о р и. Идет. Какой принцип лежит в основе биологии?

Д и к. Да ты сам не знаешь.

М о р и. Не увиливай от ответа!

Д и к. Ну, естественный отбор.

М о р и. Неверно.

Д и к. Ладно, сдаюсь.

М о р и. Онтогенез воспроизводит филогенез.

П я т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. Учись уму-разуму!

М о р и. Следующий вопрос. Какое влияние оказывают мыши на урожай клевера? (*Общий смех.*)

Ч е т в е р т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. А как влияют крысы на десять заповедей?

М о р и. Закрой рот, олух! Связь есть.

Д и к. И какая же?

М о р и (*на мгновение задумывается, приходя все в большее замешательство*). Погодите, дайте сообразить. Совсем вылетело из головы. Что-то связано с пчелами, которые питаются клевером.

Ч е т в е р т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. А клевер поедает мышей! Ха-ха!

М о р и (*нахмурившись*). Дайте минутку подумать.

Д и к (*внезапно выпрямляется на стуле*). Слушайте!

Из соседней комнаты слышатся громкие возбужденные голоса. Шестеро молодых людей дружно встают с места и поправляют галстуки.

Д и к (*авторитетно*). Пожалуй, нам следует присоединиться к этой салютной команде. Они собираются фотографироваться. Нет, это потом.

О т и с. Кейбл, ты берешь на себя поклонницу рэгтайма, подружку невесты.

Ч е т в е р т ы й м о л о д о й ч е л о в е к. О Господи, лучше бы я отослал подарок!

М о р и. Дайте подумать еще минутку, и я вспомню, какую роль играют мыши.

О т и с. В прошлом месяце я был шафером у старины Чарли Макинтайра и...

Все медленно движутся к двери, а громкие голоса в соседней комнате перерастают в галдеж, сквозь который прорываются жалобные стоны органа, принадлежащего Адаму Пэтчу, на котором репетируются вступительные аккорды.

Энтони

Пять сотен глаз сверлили его облаченную в визитку спину, и отблески солнца сверкали на неуместных в своей буржуазности зубах священника. Энтони с трудом сдерживал смех. Глория что-то говорила четким голосом, в котором звучала гордость, а он старался думать, что это событие означает крутой поворот в судьбе и каждое его мгновение наполнено важным смыслом, отныне его жизнь рассекается на два периода и сам облик окружающего мира меняется на глазах. Он пытался восстановить трепетное волнение десяти предыдущих недель, но все чувства угасли, и в то утро Энтони не испытывал даже обычной нервозности. Все событие слилось в единый гигантский отзвук прежних переживаний. А тут еще эти золотые зубы! Интересно, женат ли священник? А еще Энтони не давала покоя крамольная мысль: может ли священник совершить обряд собственного венчания?

Но стоило обнять Глорию, и душа Энтони откликнулась новой волной бурных переживаний. Кровь быстрее побежала по жилам.

Томное радостное удовлетворение снизошло приятным грузом, неся с собой чувство ответственности и обладания. Он был женат.

Глория

Так много самых разных эмоций переплелось в один клубок, что выделить какую-то одну не представлялось возможным! Она была готова разрыдаться от жалости к матери, которая сама тихо плакала за спиной, и над прелестью июньского солнца, льющего свой свет в окна. Осознанное восприятие покинуло Глорию, осталось лишь усиленное лихорадочным, безумным волнением чувство исключительной важности происходящего. А еще вера, неистовая и страстная, обжигающая, как молитва, что еще немного – и она навеки обретет благополучие и надежную защиту.

Однажды вечером они приехали в Санта-Барбару, и ночной портье в отеле «Лакфаддио» отказался их принять на том основании, что они не женаты.

Портье оценил красоту Глории и решил, что у такого дивного создания не может быть ничего общего с принципами нравственности.

Con Amore^[6]

Первые полгода... путешествие по Западу, долгие месяцы бесцельного блуждания по побережью Калифорнии и серый домик недалеко от Гринвича, в котором они жили, пока с наступлением поздней осени окрестный пейзаж не превратился в угрюмую картину. Те дни и те места стали свидетелями долгих часов, наполненных восторгом. Осталась в прошлом идиллия помолвки, от которой захватывало дух, уступив поначалу место более проникновенно-романтичным и страстным отношениям, но и они себя исчерпали. Умопомрачительная пастораль покинула, улетела к другим влюбленным; однажды Энтони и Глория огляделись по сторонам и увидели, что идиллии больше нет, а как и когда она исчезла, вряд ли и сами понимали. Если бы один из них потерял возлюбленного в те дни, утраченная любовь воплотилась бы в смутное неутоленное желание, преследующее всю жизнь. Но волшебство должно спешить дальше, а влюбленные остаются...

Итак, идиллия прошла, взяв непомерно высокую плату за юность. И наступил день, когда Глория обнаружила, что другие мужчины больше ее не утомляют и не вызывают раздражения. И Энтони вдруг понял, что снова может засиживаться допоздна по вечерам, обсуждая с Диком необъятные абстрактные темы, на которых некогда был сосредоточен весь его мир. Однако, осознавая, что уже вкусили все лучшее, что может дать любовь, они цеплялись за остатки. Теперь любви продляли жизнь и удерживали ночными разговорами, продолжающимися до той поры, когда время застывает на месте и разум уподобляется острию иглы, а заимствованные из снов картины становятся материей, из которой построена вся жизнь. Проникновенной близостью и добротой друг к другу, смеясь над тем, что оба считали нелепым, одинаковыми мыслями о том, что является благородным или достойным сожаления.

Но прежде всего это была пора открытий. Черты, которые они обнаруживали друг у друга, оказались в высшей степени разнообразными и запутанными, а кроме того, так обильно подслащенными любовью, что выглядели в то время не открытиями, а вполне допустимыми отдельными явлениями, на которые можно

закрыть глаза, а то и вовсе выбросить из головы. Так Энтони узнал, что живет с девушкой в высшей степени неуравновешенной, своевольной и эгоистичной. А Глория спустя месяц после свадьбы поняла, что ее муж – отчаянный трус, который боится миллиона призраков, созданных его же воображением. Воспринимала она поведение супруга по-разному, так как оно носило скачкообразный характер. Иногда его трусость становилась до неприличия откровенной, а затем меркла и исчезала совсем, будто являлась всего лишь плодом ее воображения. Реакция Глории была нехарактерной для представительниц ее пола: трусость супруга не вызывала у нее ни раздражения, ни преждевременного материнского чувства. Сама практически полностью лишенная чувства физического страха, она была не способна понять состояние мужа и потому прилагала все усилия, чтобы оправдать его страхи. И хотя Энтони вел себя как трус в минуты сильного волнения или в состоянии нервного напряжения, когда давал волю разыгравшемуся воображению, случались у него и порывы безрассудной храбрости, которые в те краткие мгновения вызывали у Глории чувство, близкое к восхищению. Была у Энтони и гордость, которая помогала сохранять хладнокровие, когда он знал, что на него смотрят люди.

Трусость поначалу проявилась в ряде обыденных случаев и объяснялась простой нервозностью – во время их первого путешествия в Чикаго он отчитал таксиста за слишком высокую скорость, а потом отказался повести Глорию в кафе, имеющее сомнительную репутацию, которое ей так хотелось посетить. Разумеется, таким поступкам находилось объяснение, не выходившее за рамки общепринятых правил, – ведь Энтони в первую очередь заботился о безопасности жены. Однако напряжение двигалось к кульминационной точке, тяжким грузом давя на Глорию и вызывая нешуточную тревогу. Впрочем, случай, происшедший в Сан-Франциско, когда они были женаты всего неделю, придал ситуации определенность.

Было за полночь, в комнате стояла непроглядная тьма. Глория уже дремала и, слыша рядом ровное дыхание Энтони, решила, что муж тоже спит. Вдруг он приподнялся, опираясь на локоть, и уставился в окно.

– Что случилось, милый?

– Ничего. – Он откинулся на подушку и повернулся к Глории. – Ничего, моя любимая жена.

– Не называй меня женой. Я – твоя возлюбленная. Твоя «вечная любовница», это ближе к действительности и гораздо больше мне по душе... Иди ко мне, – добавила она в порыве нежности. – Мне так сладко спится, когда ты в моих объятиях.

Понятие «прийти в объятия к Глории» имело вполне определенный смысл. Энтони должен был одной рукой обнять жену за плечи, затем сцепить обе руки у нее на груди, прижимаясь как можно ближе и создавая подобие колыбели для ее безмятежного сна. А у Энтони, привыкшего вертеться с боку на бок, после получаса неподвижности затекали руки. Он ждал, пока Глория заснет, а затем бережно перекатывал ее на другой край кровати и засыпал сам, привычно свернувшись калачиком.

Глория, получив полагающуюся порцию нежности, снова задремала. На дорожных часах, подаренных Блокмэном, прошло пять минут; вся комната с чужой безликой мебелью и гнетущим потолком, незаметно сливавшимся с невидимыми стенами, погрузилась в безмолвие. Вдруг что-то часто забарабанило по оконному стеклу; в замкнутом пространстве комнаты звук вышел отрывистым и громким.

Энтони вскочил с кровати и замер.

– Кто там?! – выкрикнул он полным ужаса голосом.

Глория лежала, затаившись, она уже проснулась, и сейчас ее занимал не столько дробный стук в окно, сколько застывшая фигура мужа, чей крик нарушил зловещую темноту.

Шум прекратился, и в комнате снова наступила тишина. Затем голос Энтони что-то сбивчиво забормотал в телефонную трубку.

– Кто-то только что пытался проникнуть в комнату! За окном кто-то есть! – Теперь его голос звучал настойчиво, однако в нем все еще слышался испуг. – Хорошо! Поторопитесь! – Он повесил трубку и застыл рядом с телефоном.

В коридоре послышалась суетливая возня, а затем раздался стук в дверь. Энтони пошел открывать. На пороге стоял взволнованный ночной портье, а у него за спиной топтались трое коридорных. Ночной портье сжимал двумя пальцами перьевую ручку, словно та была смертельным оружием, а один из коридорных прихватил телефонную

книгу и теперь робко на нее поглядывал. К компании присоединился срочно вызванный детектив, служивший при отеле, и вся компания разом ввалилась в номер.

Щелкнул выключатель, и комната озарилась светом. Глория, натянув на себя простыню, забилась в дальний уголок кровати и зажмурила глаза, отгораживаясь от ужаса, вызванного неожиданным вторжением. Потрясенное сознание жгла одна-единственная мысль: ее Энтони допустил непоправимую, позорную ошибку.

У окна послышался голос ночного портье, в котором к почтительности слуги примешивались назидательные нотки строгого учителя, отчитывающего нерадивого ученика.

– Да никого там нет! – объявил он решительно. – Да и кому там быть, ей-богу? Ведь до земли пятьдесят футов. Просто ветер стучал веткой по ставням.

– Ах да... – выдохнул Энтони.

И Глории стало жаль мужа до боли. Хотелось только одного: успокоить его, нежно прижав к себе, и попросить этих людей убраться восвояси. Ведь повод, который их сюда привел, вызывал отвращение. Но от стыда она не могла поднять головы. До ушей доносились обрывки фраз, извинения, обычные слова, которые говорят в подобных случаях, а один из коридорных не сдержался и сдавленно хихикнул.

– Я весь вечер был не в себе, страшно нервничал, – оправдывался Энтони. – И этот стук почему-то меня напугал. Я уже почти заснул.

– Понимаю-понимаю, – деликатно соглашался ночной портье, – и со мной такое случалось.

Дверь закрылась, свет погас, Энтони подошел на цыпочках к кровати и скользнул под одеяло. Глория, притворяясь спящей, тихо вздохнула и обняла мужа.

– Что там случилось, милый?

– Ничего, – откликнулся Энтони. В его голосе все еще слышалась дрожь. – Подумал, кто-то стоит под окном, выглянул, но никого не увидел, но стук не прекращался, вот я и позвонил вниз. Прости, если потревожил тебя, но я весь вечер сам не свой.

От этой лжи Глория внутренне содрогнулась. Энтони не только не выглянул в окно, но даже к нему не приблизился, а стоял рядом с кроватью и, трясясь от страха, названивал ночному портье.

– Ах, ну ладно, – вздохнула Глория. – Как спать-то хочется.

Около часа они лежали рядом без сна. Глория так сильно зажмурила глаза, что перед ними в сгущающемся розовато-лиловом пространстве поплыли синие круги. А Энтони смотрел невидящим взглядом в потолок.

И лишь по прошествии нескольких недель ночной инцидент извлекли на свет божий, сделав его предметом насмешек и шуток. У супругов появилась традиция, помогавшая преодолевать ночные страхи Энтони. Всякий раз, когда они накатывали, Глория обнимала мужа и нежно, словно колыбельную, ворковала: «Не дам в обиду моего Энтони. Никто не посмеет причинить ему зло».

И Энтони смеялся, будто они вместе развлекались шутливой игрой. Но для Глории это не было шуткой. Сначала наступило глубокое разочарование, за которым последовало состояние, когда приходилось сдерживать рвущуюся наружу раздражительность.

А чуть ли не главной ежедневной обязанностью Энтони стала необходимость обуздывать нрав жены, будь вспышка гнева вызвана отсутствием горячей воды для принятия ванны или перепалкой с супругом. В зависимости от обстоятельств следовало действовать так: где-то промолчать, проявить непреклонность, а в отдельных случаях и уступить или, при необходимости, заставить силой. Непомерная самовлюбленность Глории проявлялась в приступах ярости, сопровождающихся жестокими выходками. Благодаря своей смелости, избалованности, вызывающей возмущение, но достойной похвалы независимости суждений и, наконец, высокомерной уверенности, что она в жизни не встречала девушки красивее себя, Глория превратилась в убежденную последовательницу Ницше, успешно претворяющую его идеи в жизнь. Разумеется, все это приправлялось глубоко прочувствованной сентиментальной нотой.

Взять хотя бы пристрастия в еде. Глория привыкла к определенным блюдам и пребывала в твердой уверенности, что не может употреблять в пищу что-то иное. К позднему завтраку непременно подавался лимонад и сандвич с помидором, а легкий ленч состоял из помидора, но уже фаршированного. Глория не только требовала конкретные яства, но и приготовить их следовало определенным способом. Один из самых досадных моментов произошел в Лос-Анджелесе, во время первых двух недель свадебного путешествия. Незадачливый официант принес помидор, фаршированный не сельдереем, а салатом из курицы.

– Мы всегда так готовим, мадам, – оправдывался официант перед пылающими гневом серыми глазами.

Глория ничего не ответила, но когда он благоразумно ретировался, принялась колотить кулачками по столу так, что зазвенели серебро и фарфор.

– Бедняжка Глория, – опрометчиво рассмеялся Энтони, – никогда не можешь получить желаемое, да?

– Не могу есть эту дрянь! – вспыхнула она.

– Тогда опять позову официанта.

– Не вздумай! Этот проклятый дурак ничего не понимает!

– Ну, служащие отеля здесь не виноваты. Либо отошли блюдо назад, либо будь хорошей девочкой и скушай его...

– Заткнись! – оборвала мужа Глория.

– Зачем срывать на мне злость?

– Я и не срываю, – захныкала она. – Просто не могу это есть.

Чувствуя собственное бессилие, Энтони сдался.

– Пойдем в другое место, – предложил он.

– Не хочу никуда идти. Устала от беготни по кафе, где нельзя заказать нормальной еды.

– Когда это мы бегали по кафе?

– А в этом городе иначе нельзя, – упорствовала Глория.

Энтони, сбитый с толку, попробовал другой подход:

– Почему не попробовать? Наверняка не так противно, как ты вообразила.

– Да потому что я не-на-ви-жу курятину!

Глория принялась с отвращением ковырять вилкой злополучный помидор, и Энтони стал опасаться, что сейчас она станет расшвыривать в разные стороны его содержимое. Он понимал, что раздражение жены достигло предела, ибо заметил в ее глазах жгучую ненависть, направленную как на супруга, так и на любого, кто подвернется в данный момент под руку. В минуты гнева Глорию лучше не трогать.

И вдруг, к своему изумлению, он увидел, как она осторожно подносит ко рту вилку и пробует салат из курицы. С лица не исчезает хмурое выражение, и Энтони в тревоге безмолвно следит за каждым ее жестом, боясь даже дышать. Глория попробовала еще немного и тут же

приступила к еде. Энтони с трудом сдерживал смех, а когда заговорил, в его речи не прозвучало ни единого намека на салат с курицей.

Этот инцидент в различных вариациях, словно полная скорби fuga, преследовал Энтони в течение всего первого года супружества, всякий раз сбивая с толку и вызывая удручающее раздражение. Но еще более досадным оказался непримиримый конфликт характеров, поводом для которого послужили мешки с грязным бельем. Для Энтони эти стычки неизбежно заканчивались полным поражением.

Однажды в Коронадо, где они сделали самую длительную остановку во время свадебного путешествия и прожили более трех недель, Глория наряжалась к чаепитию, намереваясь предстать в полном блеске. Энтони, прослушав последние сводки о войне в Европе, поднялся наверх и, зайдя в комнату, поцеловал жену в напудренную шею. Затем он подошел к своему комоду с зеркалом и принялся выдвигать один за другим все ящики. Не найдя желаемого, он обратился к Незавершенному Шедевру:

– Глория, есть у нас чистые носовые платки?

В ответ Глория только покачала золотистой головкой:

– Ни единого. Я сама пользуюсь твоим.

– Полагаю, он был последним, – холодно усмехнулся Энтони.

– Правда? – Она обводила губы выразительным, но не бросающимся в глаза контуром.

– А разве белье из прачечной не принесли?

– Понятия не имею.

Энтони мгновение стоял в нерешительности, а потом, словно под действием внезапного озарения, открыл стенной шкаф. Его подозрения оправдались. На крючке висел синий мешок, который выдавали в отеле. Там находилось белье Энтони: он уложил все вещи сам. А на полу валялась впечатляющая груда дамского белья, чулок, платьев, ночных сорочек и пижам. Все это едва ли надели один раз, но, по твердому убеждению Глории, вещи нуждались в отправке в прачечную.

Энтони стоял возле шкафа, держа дверь нараспашку.

– Что это значит, Глория?

– А в чем дело?

Линия губ подправлялась и совершенствовалась, стремясь к достижению некоего загадочного результата; пенал с губной помадой не

дрогнул в руке, и Глория даже не удосужилась взглянуть в его сторону, являя собой полный триумф сосредоточенного внимания.

– Ты разве не сдавала белье в прачечную?

– А оно в шкафу?

– Именно так.

– Значит, не сдавала.

– Послушай, Глория, – начал Энтони, усаживаясь на кровать и стараясь встретиться в зеркале взглядом с женой, – ты действительно замечательный компаньон! После отъезда из Нью-Йорка я несколько раз сдавал белье в стирку, а неделю назад ты, для разнообразия, пообещала сделать это сама. И всего-то дел – затолкать свое барахло в мешок и вызвать горничную.

– К чему поднимать столько шума из-за грязного белья? – обиделась Глория. – Сейчас все сделаю.

– Я вовсе не собирался скандалить. Мне тоже неприятно, но когда не найти ни одного чистого носового платка, самое время принять какие-то меры.

Энтони считал свое поведение в высшей степени логичным, но на Глорию это не произвело должного впечатления. Отложив косметику в сторону, она повернулась к мужу спиной.

– Застегни-ка мне крючки, – попросила она. – Энтони, милый, я совсем забыла о белье. Честно, хотела отправить в стирку и сегодня же это сделаю. Не сердись на свою возлюбленную.

Энтони ничего не оставалось, как посадить ее к себе на колени и в поцелуе стереть помаду с губ.

– А я и не против, – с лучезарной улыбкой мурлыкала Глория, воплощая собой великодушие. – Разрешаю целовывать с меня помаду, когда пожелаешь.

Они спустились к чаю, купили в галантерейном магазине несколько носовых платков, и инцидент был предан забвению.

Однако двумя днями позже Энтони снова заглянул в стенной шкаф и обнаружил все тот же мешок, уныло свисающий с крючка, а разноцветная живописная груда под ним выросла до потрясающих воображение размеров.

– Глория! – крикнул Энтони.

– Ах! – В ее голосе слышалось неподдельное страдание. В отчаянии Энтони направился к телефону и вызвал горничную.

– Мне кажется, – он терял терпение, – ты отводишь мне роль лакея при своей особе.

Глория рассмеялась так заразительно, что Энтони, позабыв о бдительности, улыбнулся в ответ. Бедняга! Каким-то не поддающимся объяснению образом эта неосмотрительная улыбка сделала ее полной хозяйкой положения. С видом оскорбленной в лучших чувствах праведницы она решительно направилась к стенному шкафу и принялась с яростью заталкивать свое белье в мешок. Энтони молча наблюдал за женой, сгорая от стыда.

– Вот! – объявила Глория, давая понять, что до крови стерла себе пальцы непосильным трудом.

Тем не менее он решил, что преподал жене наглядный урок и инцидент можно считать исчерпанным. Однако это было только начало. Через довольно длительные промежутки времени груды грязного белья появлялись одна за другой, а в более короткие интервалы наблюдалась постоянная нехватка носовых платков, не говоря уже об отсутствии чистых носков, рубашек и прочих составляющих мужского и женского гардероба. В итоге Энтони понял, что либо должен отправлять белье в стирку сам, либо выдерживать словесные баталии с Глорией, которые принимали все более неприятный оборот.

Глория и генерал Ли

По пути на западное побережье супруги остановились на пару дней в Вашингтоне. С некоторой неприязнью прогуливались они при резком отталкивающем свете в атмосфере холодного равнодушия без свободы и лишенной подлинного величия помпезности. Вашингтон оставлял впечатление города тусклого и настороженного. На второй день они совершили опрометчивое путешествие в Арлингтон, где находится старый дом генерала Ли.

Автобус, который их вез, был набит разгоряченными, не слишком богатыми людьми, и Энтони, тонко чувствующий настроения жены, понимал, что надвигается буря. Гроза разразилась в зоопарке, где компания задержалась минут на десять. Весь зоопарк, казалось, пропитался запахом обезьян. Энтони только посмеивался, зато Глория призывала страшные проклятия на головы обезьян, а заодно, по злобе,

и на пассажиров автобуса вместе с их неумеренно потеющими отпрысками, которые стремглав бросились к обезьяньим клеткам.

Наконец автобус продолжил путь в Арлингтон и там встретил другие автобусы, и тут же образовалась толпа женщин и детей, оставляющая за собой шлейф из шелухи от арахисовых орехов по коридорам дома, где некогда обитал генерал Ли. В конце концов все сгрудилось в комнате, где генерал сочетался браком. На стене красовалась приятная для глаз табличка с надписью, сделанной крупными красными буквами: «Дамский туалет». Этот удар стал последней каплей и окончательно доконал Глорию.

– По-моему, омерзительное зрелище! – возмутилась она, кипя от ярости. – Кому пришло в голову пустить сюда этих людей?! Да еще поощрять их пакости, превращая такие дома в места для увеселительных прогулок.

– Ты не права, – возразил Энтони. – Если бы за старинными домами никто не следил, от них остались бы только руины.

– Ну и пусть! – воскликнула Глория, когда они подходили к просторной веранде с колоннами. – Думаешь, они сберегли здесь атмосферу 1860 года? Нет, это творение принадлежит году 1914-му.

– А разве тебе не хочется сохранить предметы старины?

– Но это же невозможно, Энтони! Все прекрасное растет и развивается до определенного предела, а потом наступает период разрушения и увядания, и в процессе разложения оно выдыхает из себя воспоминания. И когда какая-то отдельная эпоха разрушается в нашей памяти, принадлежащие ей предметы тоже должны истлеть, и таким образом они могут на какое-то время сохраниться в немногих сердцах, таких как мое, которое откликается на их зов. Взять хотя бы кладбище в Тэрритауне. Болваны, что тратят деньги на сохранение старины, испортили и его. Спящей Долины больше нет, и Вашингтон Ирвинг умер, а его книги год за годом истлевают в нашем сознании, теряя свою ценность. Так пусть разрушается старое кладбище, как и положено ему, да и всему остальному на свете. Старание удержать минувший век, регулярно подновляя то, что от него осталось, напоминает попытку продлить жизнь умирающему человеку с помощью стимуляторов.

– Значит, по-твоему, с уходом эпохи должны рассыпаться в прах и построенные в то время дома?

– Разумеется! Разве не утратило бы свою ценность письмо Китса, которое ты хранишь, если бы подпись обвели чернилами и подновили, чтобы продлить ее век? Именно из любви к прошлому мне хочется, чтобы этот дом помнил блистательную пору своей прекрасной юности. И я хочу, чтобы его лестницы скрипели под шагами женщин, одетых в юбки с кринолинами, и мужчин в сапогах со шпорами. А его превратили в шестидесятилетнюю старуху с толстым слоем белил и румян на лице. У этого дома больше нет права на столь процветающий вид. А генерал Ли не станет возражать, если из стен его дома будут время от времени выпадать кирпичи. И сколько из этих... этих животных, – она обвела вокруг себя рукой, – хоть что-нибудь извлекут из всех экскурсов в историю, путеводителей и отреставрированных стен? И многие ли из тех, кто считает, что для проявления уважения вполне достаточно разговаривать вполголоса и ходить на цыпочках, приехали бы сюда, окажись это путешествие связано хоть с самыми малыми хлопотами? Нет, мне хочется, чтобы здесь пахло магнолиями, а не арахисовыми орехами, а под моими туфлями поскрипывал тот же гравий, что под сапогами генерала Ли. Нет красоты без оттенка горечи, а терпкий привкус рожден чувством, что все в этом мире преходяще: люди, имена, книги, дома – все обречено обратиться в прах... ничто не вечно...

К ним подбежал маленький мальчик и с размаха швырнул полную пригоршню банановой кожуры в сторону Потомака.

Сентиментальность

Приезд Энтони и Глории в Нью-Йорк совпал с падением Льежа. Оглядываясь назад, эти шесть недель казались сказочно счастливыми. Подобно большинству молодых супружеских пар, они успели выяснить, что имеют множество общих навязчивых идей, причуд и странностей, и между ними установились в высшей степени доверительные отношения.

Однако часто стоило большого труда удержать разговор на уровне мирной дискуссии. Любые возражения оказывали на характер Глории пагубное действие. Всю свою жизнь она имела дело либо с людьми, уступающими в умственном отношении, либо с мужчинами, которые под действием грозной силы ее красоты не осмеливались

противоречить. А потому вполне естественно, что ее раздражало, когда Энтони стал нарушать заведенное правило, согласно которому только ее суждение признавалось безошибочным и окончательным.

Поначалу он не понимал, что это в определенной степени вытекает из ее «женского» образования, а отчасти является следствием красоты, и был склонен причислить жену и всех представительниц ее пола к созданиям явно и до странности ограниченным. Энтони выводило из себя полное отсутствие у Глории чувства справедливости, однако он установил, что если какой-либо предмет представляет для супруги интерес, ее ум устает не так быстро, как у него самого. Чего, по мнению Энтони, действительно не хватало уму Глории, так это педантичного чувства телеологии или предопределенности, что все на свете происходит в соответствии с точно установленным высшей силой порядком. Восприятия жизни как отдельного лоскутка, таинственным образом сочетающегося с остальными фрагментами пестрой мозаики. Однако через некоторое время он понял, что такое качество было бы совершенно неуместно применительно к Глории.

Самым замечательным из всего, что их объединяло, была почти сверхъестественная тяга понять сердцем друг друга. В день отъезда из отеля в Коронадо Глория, в процессе упаковывания вещей, села на одну из кроватей и стала горько плакать.

– Любимая... – Он уже обнимал Глорию, прислонив ее голову к плечу. – Что случилось, моя несравненная Глория? Расскажи.

– Мы уезжаем, – выдавила сквозь рыдания Глория. – Ах, Энтони, ведь это вроде как наш первый совместный дом. Вот две наши кровати, стоят рядышком и всегда будут ждать нас, а мы сюда больше не вернемся.

И, как бывало всегда, она разрывала на части сердце Энтони. В приливе сентиментальности он почувствовал, как на глаза сами собой наворачиваются слезы.

– Ну что ты, Глория, мы переедем в другой номер, и там будут стоять две другие кровати. А мы проведем вместе всю жизнь.

Она заговорила низким охрипшим голосом, и слова полились потоком:

– Но именно вот этих кроватей уже никогда не будет... никогда. Куда бы мы ни поехали, при любых переменах что-то теряется... что-

то остается позади. И уже ничего нельзя в точности повторить, вернуть, а здесь мы были с тобой так близки...

Он страстно прижал к себе жену, разглядев за ее сентиментальностью исполненное мудрости стремление удержать мгновение, и критиковать этот порыв желания не возникало, разве что упрекнуть за чрезмерную слезливость. Глория, эта бездельница, лелеющая собственные мечты, извлекает мучительно-горькую остроту из незабываемых событий юности и всей жизни.

Тем же днем, вернувшись с вокзала с билетами, он застал Глорию спящей на одной из кроватей, обняв рукой какой-то черный предмет, который он поначалу не мог распознать. Подойдя ближе, Энтони обнаружил, что это одна из его туфель, не первой новизны и не слишком чистая, но Глория прижималась к ней заплаканным лицом, и он понял ее древнее как мир откровенное послание. С исступленным восторгом Энтони будил Глорию, глядя, как она ему улыбается, робкая, но прекрасно осознающая тонкое изящество своих фантазий.

Не расценивая оба этих поступка как нечто в высшей степени значимое или брэнное, Энтони полагал, что их место там, где бьется сердце любви.

Серый дом

Миновав двадцатилетний рубеж, темп жизни неизменно начинает сбавлять скорость, и только человеку простодушному покажутся существенно важными те же ценности, что и десять лет назад. В тридцать лет шарманщик – это всего лишь побитый молью тип, который крутит ручку шарманки, а ведь когда-то он действительно был шарманщиком! Безошибочно узнаваемым клеймом, лежащим на человечестве, отмечена величественная беспристрастная красота, которую во всем ее равнодушном великолепии способна воспринимать только юность. Шелка и атлас, украшающие блистательный праздничный бал, его полное романтики веселье и беззаботный смех со временем изнашиваются и тускнеют. И вот уже в прорехи виден каркас, созданный рукой человека. Ах эта с незапамятных времен существующая рука! Полная трагизма, божественная пьеса превращается в вереницу речей, которую выдавил из себя обливающийся липким потом бессмертный плагиатор. А играют в ней люди, страдающие коликами, трусостью и порой не лишенные чувства отваги.

У Глории и Энтони этот период пришелся на первый год супружеской жизни, и мысль о сером домике настигла их в той стадии, когда шарманщик уже неторопливо претерпевал неотвратимые метаморфозы. Ей было двадцать три года, а ему – двадцать шесть.

Намерение обзавестись серым домиком поначалу носило чисто пасторальный характер. Первые две недели после возвращения из Калифорнии они провели в суете на квартире у Энтони, в гнетущей обстановке открытых чемоданов, избытка визитеров и неизменных мешков с бельем, которые надо отправить в прачечную. Они обсуждали с друзьями наиболее насущные проблемы будущего, а Дик и Мори, приняв глубокомысленно-торжественный вид, соглашались с их планами, пока Энтони зачитывал список, что следует сделать и где лучше жить.

– Хотелось бы свозить Глорию за границу, – сетовал он. – Если бы не проклятая война. А затем надо бы подыскать подходящее место в сельской местности, разумеется, недалеко от Нью-Йорка, где я могу писать... или заниматься каким-либо другим делом, которое выберу.

Глория рассмеялась.

– Вот умник! – обратилась она к Мори. – Делом, которое он выберет! А чем прикажете заниматься мне, пока он работает? Мори, будете выводить меня в свет, если Энтони надумает работать?

– Ну, работать я пока не собираюсь, – торопливо откликнулся Энтони.

Между супругами существовала негласная договоренность, что когда-нибудь в маячащем вдали будущем Энтони поступит на блистательную дипломатическую службу, и все главы государств и премьер-министры умрут от зависти, любуясь его красавицей женой.

– Ну вот, – беспомощно развела руками Глория. – Абсолютно ничего не понимаю. Мы все говорим и говорим, но так ни к чему и не пришли. Спрашиваем друзей, а они отвечают то, что нам хочется слышать. Хоть бы кто-нибудь о нас позаботился.

– А почему не проехаться по окрестностям, скажем, до Гринвича или куда-то еще? – предложил Ричард Кэрамел.

– Хорошо бы! – обрадовалась Глория, светлея лицом. – Думаете, там можно снять дом?

Дик только пожал плечами, а Мори рассмеялся.

– Вы двое приводите меня в умиление, – заявил он. – Потрясающая непрактичность! Стоит упомянуть какое-нибудь место, и уже предполагается, что мы тут же вытащим из карманов кипы фотографий бунгало, построенных в различных архитектурных стилях, какие только приемлемы для домов этого типа.

– Как раз этого я и не хочу! – капризно захныкала Глория. – Бунгало, в которых задыхаешься от жары, да еще с кучей ребятишек по соседству, а их папаша подстригает траву, облачившись в рубашку с засученными рукавами...

– Ради всего святого, Глория, – прервал ее изливания Мори, – никто не собирается запереть вас в бунгало. Господи, да кто вообще упомянул в разговоре слово «бунгало»? Только вы никогда не найдете подходящего места, если не поедите и хорошенько не поищите.

– А куда ехать? Вот вы говорите «езжайте и как следует поищите», а где искать?

Мори исполненным достоинства жестом обвел комнату рукой, похожей на большую кошачью лапу.

– Да где угодно, по всей округе. Хороших мест много.

– Благодарим.

– Послушайте! – Ричард Кэрамел лихо привел в действие свой желтый глаз. – Вся беда в том, что вы живете неорганизованно, без плана. Известно ли вам что-нибудь о штате Нью-Йорк? Помолчи, Энтони. Я разговариваю с Глорией.

– Ну, – подумав, призналась Глория, – два-три раза меня приглашали на семейные вечеринки в Порчестере, а еще в Коннектикуте... но это же не в штате Нью-Йорк, верно? И Морристаун тоже, – неуверенно протянула она.

В ответ раздался хохот.

– Боже правый! – возмутился Дик. – Морристаун, Глория, действительно не в штате Нью-Йорк, так же как и Санта-Барбара. А теперь послушайте. Для начала, если только вы не являетесь владельцами крупного состояния, не стоит принимать в расчет такие места, как Ньюпорт, Саутгемптон или Такседо. О них не может быть и речи.

Все присутствующие с серьезным видом согласились.

– Лично я терпеть не могу Нью-Джерси. Но ведь есть еще и север штата Нью-Йорк, за Такседо.

– Слишком холодно, – лаконично откликнулась Глория. – Меня туда как-то возили в автомобиле.

– Но, по-моему, между Нью-Йорком и Гринвичем полно городков наподобие рая, где можно купить небольшой серый домик и...

При этих словах Глория подпрыгнула от восторга. Впервые после возвращения из восточных штатов она знала, чего хочет.

– Да, разумеется! – воскликнула она. – Да-да! Именно серый домик, а вокруг – все белое, и много-много кленов, коричневых и золотистых, как на картине с октябрьским пейзажем, что я видела в галерее. А где его найти?

– На беду, я куда-то засунул список серых домиков в окружении кленов, но постараюсь его отыскать. А пока возьмите лист бумаги, напишите названия семи предполагаемых городков и каждый день отправляйтесь в один из них, и так всю неделю.

– О Господи! – запротестовала Глория, у которой от умственного напряжения случился упадок сил. – А почему не сделать это вам? Ненавижу поездку.

– Тогда наймите машину и...

– Устала от разговоров, – зевнула Глория. – Похоже, мы только тем и занимаемся, что обсуждаем, где нам жить.

– Тонкую натуру моей супруги утомляет процесс мышления, – иронично заметил Энтони. – Для восстановления измотанных нервов ей срочно требуется сандвич с помидором. Давайте сходим куда-нибудь и выпьем чая.

Разговор привел к плачевному результату: они восприняли совет Дика буквально и двумя днями позже отправились в Рай, где бродили в компании раздражительного агента по недвижимости, словно заплутавшие в лесу дети. Им показали дома за сотню в месяц, стоящие вплотную к другим домам за ту же сотню; затем они осмотрели дома, которые стояли отдельно и неизменно вызывали у супругов острую неприязнь. Однако они покорно подчинялись настойчивым предложениям агента взглянуть на плиту: «Вот это плита, где еще найдешь такую!» И трясли изо всей силы дверные косяки, и стучали по стенам: все эти действия, вероятно, преследовали цель доказать, что дом не рухнет сей же час, несмотря на то что создавал именно такое впечатление. Супруги заглядывали в окна и видели либо бездушную «коммерческую обстановку» в виде массивных стульев и жестких канапе, либо претендующие на создание домашнего уюта сентиментальные безделушки, оставшиеся от прежних лет: скрещенные теннисные ракетки, продавленные кушетки и наводящие тоску портреты гибсоновских девушек. С некоторым чувством вины они осмотрели несколько действительно хороших домов, надменных, полных холодного достоинства – но за триста долларов в месяц. Энтони и Глория уехали из Рая, предварительно выразив искреннюю благодарность агенту.

В переполненном вагоне поезда, следующего в Нью-Йорк, место за ними занял громогласно сопящий латиноамериканец, последние трапезы которого, несомненно, состояли исключительно из чеснока. Добравшись до своей квартиры, они испытали чувство невыразимого облегчения, готового обернуться истерикой. Глория тут же ринулась принимать горячую ванну в своей безупречной ванной комнате. В течение последующей недели при каждом упоминании о будущем жилье оба супруга демонстрировали полную несостоятельность.

В конце концов вопрос решился сам собой, причем неожиданно романтичным образом. Однажды пополудни Энтони влетел в

гостиную, буквально светясь осенившей его идеей.

– Вот оно! – радостно выкрикивал он, будто только что изловил мышь. – Мы покупаем автомобиль.

– Черт возьми! У нас и без того хлопот хватает.

– погоди, дай объяснить. Мы просто оставим вещи у Дика и просто забросим пару чемоданов в машину... ну, ту, которую купим. Если мы собираемся жить в деревне, без автомобиля все равно не обойтись. И просто направляемся в сторону Нью-Хейвена. Понимаешь, стоит отъехать подальше от Нью-Йорка, куда не добраться пригородным поездом, и арендная плата становится дешевле. И как только подыщем подходящий дом, тут же обоснуемся.

Без конца перемежая свою речь успокоительным словом «просто», Энтони снова пробудил у Глории впавший в летаргический сон энтузиазм. Он мерил комнату энергичными шагами, создавая обманчивое впечатление неумной деловитости, сметающей на своем пути все преграды.

– Решено, завтра покупаем автомобиль.

Неделю спустя проза жизни, вечно хромающая следом за мчащейся семимильными шагами фантазией, узрела супругов за пределами города в дешевом, но сверкающем двухместном автомобиле с открытым кузовом. И наблюдала, как они пробираются через хаотичную неразбериху Бронкса, а потом едут по обширной мрачной местности, где унылые сине-зеленые пустыри чередуются с пригородами, в которых бурлит уродливая повседневность. За пределы Нью-Йорка они выехали в одиннадцать, и уже давно минул полный жаркого блаженства полдень, когда машина лихо катила по Пелэму.

– Нет, это не населенные пункты, – презрительно процедила Глория, – а просто городские кварталы, которые равнодушно и бездумно расшвыряли по пустошам. Наверное, у всех здешних мужчин усы перепачканы кофе, который они второпях пьют по утрам.

– И играют в пинокль в пригородных поездах, которые везут их на работу и обратно.

– А что такое пинокль?

– Ну не воспринимай все так буквально. Почем мне знать? Но, помоему, эти люди просто обязаны в него играть.

– Мне нравится слово «пинокль». Звук похож на хруст пальцев или что-то в этом роде... Давай я сяду за руль.

Энтони бросил на жену подозрительный взгляд.

– Можешь поклясться, что хорошо водишь машину?

– С четырнадцати лет.

Энтони бережно затормозил у обочины, и они поменялись местами. В следующее мгновение машина со страшным скрежетом рванула с места под аккомпанемент звонкого смеха Глории, который не на шутку встревожил ее мужа и показался в высшей степени неприличным.

– Поехали! – взвизгнула Глория. – Ух ты!

Головы супругов откинулись назад, как у связанных одной ниточкой марионеток, и машина понеслась вперед, с ревом обогнув фургон молочника, что стоял на дороге. Водитель фургона вскочил на сиденье и что-то орал им вслед. Придерживаясь традиций, существующих на дороге с незапамятных времен, Энтони ответил парой метких фраз относительно грубого ремесла молочника, но тут же прекратил упражнения в остроумии, сосредоточив внимание на Глории. Он все больше убеждался, что допустил непростительную ошибку, позволив жене сесть за руль. Водителем она была весьма экстравагантным и в высшей степени неосмотрительным.

– Не забывай, – заметно нервничая, предупредил он Глорию. – Продавец сказал, первые пять тысяч нельзя ехать быстрее двадцати миль в час.

Глория коротко кивнула и чуть прибавила скорость, явно намереваясь как можно скорее преодолеть запретное расстояние. Немного подождав, Энтони сделал вторую попытку:

– Видишь тот знак? Хочешь, чтобы нас задержали?

– Ой, ради Бога! – раздраженно крикнула Глория. – Ты всегда преувеличиваешь!

– Но мне не хочется попасть под арест.

– А кто тебя арестовывает? Какой же ты настырный... повторяется история с лекарством от кашля, которое заставлял выпить вчера вечером.

– Для твоего же блага.

– Ха! Будто снова живу с мамочкой.

– Что ты такое говоришь?!

За поворотом показалась фигура полицейского и быстро исчезла из поля зрения.

– Видела? – требовательно спросил Энтони.

– Ох, ты выводишь меня из терпения! Ведь он нас не арестовал, так?

– Когда арестует, будет поздно, – с блеском парировал Энтони.

Ответ Глории был полон презрения и обиды:

– Эта старая колымага не выжимает и тридцати пяти миль.

– Она не старая.

– Да из нее уже и дух вон.

В тот день, помимо мешков с бельем и аппетита Глории, триаду поводов для раздора увенчал автомобиль. Энтони предупреждал жену о железнодорожных переездах, указывал на встречные машины и в конце концов добился своего: между городами Ларчмонт и Рай кипящая яростью, разобиженная Глория уступила руль и заняла место рядом с мужем.

Однако именно ее гневное молчание и помогло воплотить в жизнь абстрактный образ серого домика, так как на выезде из Рая Энтони, не выдержав гнетущей тишины, уныло покорился и руль снова оказался в руках у Глории. С немой мольбой в глазах смотрел он на Глорию, а та, мгновенно повеселев, обещала вести машину более осторожно. Но невоспитанный трамвай нахально отказывался съехать с рельсов, и Глории пришлось свернуть в боковую улочку. В тот день она так и не сумела выехать на Почтовый тракт. Улица, которую супруги ошибочно приняли за главную дорогу, утратила какое-либо с ней сходство, когда машина отъехала на пять миль от Кос-Коба. Вместо макадама появился гравий, вскоре сменившийся проселочной грязью. Хуже того, дорога стала сужаться, а по краям появились ряды кленов, а сквозь них просачивались лучи движущегося к западу солнца, которое производило бесконечные эксперименты с играющими на траве тенями.

– Вот мы и заблудились, – посетовал Энтони.

– Прочти этот знак!

– Мариэтта – пять миль. Что еще за Мариэтта?

– Никогда не слышала, но все равно едем дальше. Здесь не развернуться, а там, возможно, есть объездной путь на Почтовый тракт.

Дорога была изрыта колеями, то тут, то там выступали валуны. Мелькнули и исчезли три фермерских дома. Городок вынырнул

скоплением тусклых крыш, сгрудившихся вокруг высокой колокольни.

Потом Глория замешкалась на развилке, а когда определилась с выбором, было уже поздно: налетев на пожарный гидрант, она буквально вырвала из машины коробку передач.

Местный агент по продаже недвижимости показывал им серый домик уже в темноте. Энтони и Глория наткнулись на него западнее поселка, где он прислонился к небу, похожему на синий плащ, застегнутый на мелкие пуговички-звезды. Серый дом стоял здесь с тех пор, когда всех женщин, которые держали кошек, считали ведьмами, когда Пол Ревир делал вставные зубы в Бостоне, готовясь пробудить великих коммерсантов, а наши доблестные предки покидали Вашингтон. За время, прошедшее с той поры, укрепили балками ненадежный угол, переделали изнутри и отштукатурили, расширили, пристроив кухню и боковую веранду. А в остальном, не считая крыши кухни, которую какой-то развеселый олух покрыл красной жостью, дом хранил вызывающе колониальный вид.

– Каким ветром вас занесло в Мариэтту? – поинтересовался агент по продаже недвижимости тоном, в котором сквозили нотки подозрительности. Он как раз показывал супругам четыре просторные спальни, где так легко дышится.

– Машина сломалась, – пояснила Глория. – Я наехала на пожарный гидрант, и пришлось отбуксировать нас в гараж, а там мы и увидели вашу вывеску.

Агент кивнул, не в силах уразуметь стихийные действия супружеской пары. От манеры принимать серьезные решения без предварительного полугодового обдумывания и взвешивания всех мелочей отдавало чем-то безнравственным.

Тем же вечером они подписали договор об аренде и, полные ликования, вернулись на машине агента в охваченную дремотой старенькую гостиницу в Мариэтте. Она в силу ветхости не могла служить приютом даже для случайных непристойных шалостей и сопровождающего им веселья, характерных для сельских придорожных трактиров. Полночи Глория и Энтони пролежали без сна, строя планы дальнейшей жизни в сером домике. Энтони намеревался приступить к работе над своим трудом по истории, проявить небывалую прыть и снискать тем самым расположение цинично настроенного деда... А

когда починят машину, они обследуют окрестности и станут членами ближайшего «очень милого» клуба, где Глория сможет играть в гольф, пока Энтони будет заниматься работой. Разумеется, эта идея принадлежала Энтони. Что до Глории, она хотела только читать и предаваться мечтам, а еще – чтобы ангелоподобная служанка, которая пока обитает в неведомых краях, приносила сандвичи с помидорами и поила лимонадом. В промежутках между написанием параграфов Энтони придет поцеловать жену, а она будет нежиться в гамаке... Гамак! Стимул для новых мечтаний, созвучных с его воображаемым ритмом, когда он раскачивается на ветру, а волны солнечного света плывут по полю колышущейся пшеницы, или пыльная дорога, испещренная первыми каплями, постепенно темнеет под тихим летним дождем...

А еще гости... тут они долго спорили и оба старались проявить максимальную зрелость и дальновидность. Энтони настаивал, что гостей надо приглашать через уик-энд, так, «для разнообразия». Его слова спровоцировали сбивчивый и в высшей степени прочувствованный монолог. Неужели Энтони не хватает разнообразия в обществе Глории? И как он ни убеждал жену, что вполне хватает, она упорствовала в своих сомнениях... В конце концов разговор приобрел привычную монотонность: «А что потом? Чем мы займемся потом?»

– Ну, давай заведем собаку, – предложил Энтони.

– Не хочу. Лучше котеночка. – И Глория принялась с энтузиазмом и в мельчайших подробностях описывать историю жизни, привычки и вкусы кошки, которая когда-то у нее была. Слушая жену, Энтони сделал вывод, что это было существо с отвратительным нравом, лишенное какого бы то ни было обаяния и неспособное на привязанность.

Потом супруги уснули и пробудились за час до рассвета, а перед их ослепленным взором кружился в торжествующем танце призрак серого дома.

Душа Глории

Той осенью серый дом приветствовал их наплывом чувств, совсем не вязавшихся со склонным к цинизму почтенным возрастом. Конечно же, остались мешки с бельем, не отправленным в прачечную, и

придирки к еде со стороны Глории доставляли немало хлопот, осталась прежней склонность Энтони к болезненным размышлениям и его надуманная «нервозность», но случались и периоды нежданного безмятежного счастья. Сидя рядышком на веранде, они ждали, когда луна зальет серебристым сиянием фермерские уголья, переметнется в густой лес, а потом хлынет струящимся лучезарным потоком к их ногам. В такие лунные ночи лицо Глории светилось белизной, вызывающей сладкие воспоминания. И не стоило больших усилий сбросить установленные обыденностью шоры и заново открыть друг в друге те же романтические чувства, составлявшие суть их отношений в далеком, ушедшем в прошлое июне.

Однажды ночью, когда голова жены покоилась на груди у Энтони, а огоньки их сигарет светились дрожащими точками под куполом темноты, распростертым над кроватью, Глория впервые, обрывочными намеками, заговорила о мужчинах, которые на краткий миг прильнули к ее красоте.

– Ты когда-нибудь о них думаешь? – поинтересовался Энтони.

– Временами, когда что-то вызывает в памяти образ конкретного мужчины.

– И что тебе вспоминается, их поцелуи?

– Разное... Мужчины сильно отличаются от женщин.

– В чем именно?

– Во всем. Так сразу и не объяснить. Мужчины с вполне определенной устойчивой репутацией порой вели себя в моем обществе совсем по-иному. Известные своими буйствами грубияны проявляли удивительную нежность, ничем не примечательные ничтожные типы поражали преданностью и казались симпатичными. А как часто мужчины, считающиеся благородными и великодушными, совершали поступки, не имеющие ничего общего с этими качествами!..

– Например?

– Ну, был такой парень по имени Перси Уолкотт из Корнелла. В колледже он снискал репутацию настоящего героя. Отличный спортсмен, к тому же спас много людей во время пожара или что-то в этом роде. Но вскоре я обнаружила, что он просто опасен в своей глупости.

– Как это проявилось?

– По-моему, у парня было примитивное представление о женщине, «годящейся ему в жены», меня оно доводило до бешенства, и я не раз насмеялась над этой теорией. Перси требовалась девушка, которая ни с кем прежде не целовалась, любительница рукоделия и домоседка, лелеющая самолюбие супруга. Хотелось бы взглянуть на идиотку, что сидит дома, пока муженек пускается во все тяжкие на стороне с более бойкими особами.

– Остается только посочувствовать его жене.

– А мне таких не жаль. Подумай только, какой надо быть дурищей, чтобы не понять этого до свадьбы. Представление Перси об уважении к женщине заключается в том, чтобы не дать ей возможности проявить чувства. Со своими благими намерениями он безнадежно увяз в Средневековье.

– А как он относился к тебе?

– Вот об этом и хочу рассказать. Я уже говорила – или нет? – он был настоящим красавцем. Большие честные карие глаза и улыбка, глядя на которую не сомневаешься, что у ее обладателя сердце из чистого золота. В ту пору я была молода и доверчива и, решив, что Перси наделен достаточным тактом и деликатностью, однажды ночью наградила его пылким поцелуем. Мы катались после танцев в Хоумстеде возле Хот-Спрингс. Помнится, всю неделю стояла чудная погода. Роскошные деревья зеленой пеной покрывали равнину, а между ними поднимался утренний октябрьский туман, словно дым от костров, которым предстояло покрасить их в коричневый цвет.

– А что твой приятель с его принципами?

– Вероятно, поцеловав меня, он решил, что может позволить себе все остальное и что я не достойна уважения, как простушка Беатрис Фэрфакс, чей образ создала его фантазия.

– И чего же он добился?

– Немногого. Прежде чем Перси успел приступить к действиям, я столкнула его с дамбы высотой шестнадцать футов.

– Сильно ушибся? – со смехом спросил Энтони.

– Сломал руку и вывихнул лодыжку. Разнес эту историю по всему Хот-Спрингс, а когда рука зажила, один парень по имени Барли, которому я очень нравилась, подрался с Перси и сломал ее снова. Ох, сколько было шума! Он угрожал подать на Барли в суд, а люди видели,

как Барли – он сам из Джорджии – покупает в городе револьвер. Но еще до этого мама увезла меня обратно на Север, разумеется, против воли. Так что конец истории мне неизвестен, хотя я как-то встретила Барли в вестибюле особняка Вандербилта.

Энтони долго и громко смеялся над рассказом жены.

– Какой успех! Вероятно, мне полагается прийти в ярость из-за того, что ты целовалась с таким количеством мужчин, но не получается.

После слов мужа Глория села на кровати.

– Странно, но я уверена, что их поцелуи не оставили на мне следа, не запятнали неразборчивостью в отношениях. Хотя один мужчина как-то совершенно серьезно сказал, что ему противно думать обо мне как о доступном любому желающему стакане для питья в общественном месте.

– Вот наглец!

– А я только рассмеялась и сказала, что меня скорее следует считать круговой чашей, которая, переходя из рук в руки, не утрачивает своей ценности.

– В общем-то меня это мало тревожит... хотя, разумеется, обеспокоило бы, если бы ты позволила нечто большее, чем поцелуи. По-моему, ты не способна испытывать ревность, разве что из-за уязвленного самолюбия. А почему тебя не интересует, чем занимался я? Разве не хочется, чтобы я сохранил невинность?

– Все зависит от того, какой след оставили эти отношения. Я целовала мужчину, потому что он красив, или ярко светила луна, или просто на меня накатила сентиментальность и я расчувствовалась. Вот и все – не больше. Такие поцелуи не оставляют следа. А вот ты – другое дело, тебя воспоминания тревожат и не дают покоя.

– Неужели никого прежде не целовала, как меня?

– Нет, – просто ответила Глория. – Я же говорю, многие мужчины пытались... да мало ли что они пытались. Любая хорошенькая девушка проходит через это... Видишь ли, мне безразлично, сколько женщин у тебя было в прошлом, если отношения ограничивались простым удовлетворением физических потребностей. Но, пожалуй, я бы не вынесла мысли, что ты долгое время жил с другой женщиной или даже хотел жениться на какой-то девушке. Это меняет дело. Будут вспоминаться все интимные подробности, которые приглушают

чистоту и свежесть чувств, являющуюся в конечном итоге самой драгоценной составляющей любви.

Задыхаясь от восторга, Энтони привлек к себе жену и уложил рядом на подушку.

– Любимая, – прошептал он, – да разве я могу что-то помнить, кроме твоих чудесных поцелуев?

После этого признания послышался тихий, вкрадчивый голос Глории:

– Энтони, мне вдруг показалось, что кое-кто просто умирает от жажды.

Энтони коротко рассмеялся и со счастливой смущенной улыбкой выбрался из постели.

– И не забудь положить в воду маленький кусочек льда, – добавила Глория. – Как думаешь, могу я на это рассчитывать?

Глория всегда добавляла слово «маленький», когда просила об одолжении, так просьба звучала менее требовательно. Но Энтони снова рассмеялся. Размер и форма льда не имеют значения, ведь все равно придется спускаться за ним вниз на кухню... а по коридору вслед за ним несея голос Глории:

– И маленький крекер с капелькой джема...

– Черт возьми! – с восторгом выдохнул Энтони, не замечая грубости своих слов. – Она просто чудо, моя девочка! Этого у нее не отнять!

– Когда у нас появится малыш, – завела однажды разговор Глория – супруги уже решили, что произойдет это событие через три года, – я хочу, чтобы он был похож на тебя.

– Не считая ног, – хитро улыбнулся Энтони.

– Ну да, кроме ног. Ноги у него должны быть мои. Но все остальное – твое.

– И нос тоже?

Глория пребывала в нерешительности.

– Пожалуй, и нос тоже мой. Но глаза непременно как у тебя, а рот – мой. И овал лица – тоже. А еще с моими волосами он выглядел бы просто милашкой.

– Дорогая Глория, ты полностью завладела ребенком.

– Ну, я нечаянно! – весело прощептала она извиняющимся тоном.

– По крайней мере пусть у него останется хотя бы моя шея, – настаивал Энтони, с серьезным видом разглядывая себя в зеркало. – Сама говорила, что тебе нравится моя шея, потому что не выступает кадык, а кроме того, твоя шея слишком короткая.

– Неправда! – возмущенно воскликнула Глория, поворачиваясь к зеркалу. – Безупречная шея, в жизни не видала красивее.

– Нет, слишком короткая, – поддразнивал Энтони.

– Короткая? – В голосе Глории слышалось изумление, смешанное с досадой. – Короткая? Да ты сошел с ума! – Она принялась вытягивать шею и снова втягивать в плечи, желая убедиться, что шея обладает змеиной гибкостью. – И ты называешь это короткой шеей?

– Самой короткой из всех, что довелось видеть.

Впервые за многие недели глаза Глории наполнились слезами, а во взгляде отразилась непритворная боль.

– Ах, Энтони...

– Господи, Глория! – В смущении он подбежал к жене и обнял. – Ради Бога, не плачь! Ведь я только пошутил, неужели не поняла? Посмотри на меня, Глория! Любимая, да более красивой и длинной шеи я не встречал за всю жизнь. Честно!

Слезы сменились вымученной улыбкой.

– Нельзя так шутить. Давай лучше поговорим о м-малыше.

Энтони, меряя комнату шагами, разглагольствовал, словно готовил речь для диспута:

– Короче, мы можем завести двоих детей. Двоих совершенно не похожих друг на друга разумных детей. Один ребенок будет сочетать в себе все наши лучшие качества. Твое тело, мои глаза, мой образ мышления, твой ум... а во втором ребенке воплотятся все наши худшие черты: мое тело, твой характер и моя нерешительность.

– Мне нравится этот второй ребенок, – призналась Глория.

– На самом деле, – продолжил Энтони, – мне бы хотелось иметь две тройни, с разницей в возрасте один год, а потом экспериментировать с этими шестерыми мальчишками.

– Бедная я, – вставила Глория.

– Я бы отправил их получать образование в разные страны, по различным системам, а когда им исполнится двадцать три года, собрал бы всех вместе и посмотрел, что получилось.

– И пусть у всех будет моя шея, – подвела черту Глория.

Конец главы

Машину наконец отремонтировали, и она, проявляя изощренную мстительность, снова превратилась в извечное яблоко раздора. Кто сядет за руль? С какой скоростью следует ездить Глории? Решение этих двух вопросов и сопутствующие встречные обвинения занимали целые дни. Они посещали населенные пункты вдоль Почтового тракта: Рай, Портчестер и Гринвич, навещая друзей. В основном это были подруги Глории, которые находились на разных стадиях материнства и по этой и многим другим причинам доводили Глорию до нервного расстройства. В течение часа после каждого визита она яростно кусала пальцы и имела тенденцию вымещать свой гнев на Энтони.

– Ненавижу женщин! – кричала она, пребывая в относительно спокойном расположении духа. – О чем, скажите на милость, с ними говорить? Разве что обычные женские сплетни? Я восторгалась дюжиной младенцев, которых просто хотелось задушить! И каждая из этих женщин либо начинает ревновать мужа и подозревать во всех грехах, если он хорош собой, либо уже испытывает раздражение, если он не красавец.

– Неужели ты не собираешься общаться с женщинами?

– Не знаю. По-моему, они никогда не бывают чистыми. Нет, никогда. За исключением Констанс Шо... ну, помнишь, та самая миссис Мерриам, что навещала нас в прошлый вторник. Пожалуй, она единственная. Такая высокая, статная и выглядит очень свежо.

– А мне высокие женщины не нравятся.

Супруги побывали на нескольких танцевальных вечерах в местных клубах и решили, что этой осенью с них хватит «выходов в свет», даже если и возникнет такое желание. Энтони ненавидел гольф, да и Глория была к нему равнодушна. И хотя однажды вечером ей доставила удовольствие напряженная партия с участием студентов и радовало, что Энтони может гордиться красотой жены, от ее внимания не ускользнуло недовольство хозяйки вечера, некой миссис Грэнби. Дама не на шутку встревожилась, когда бывший однокурсник Энтони Алек Грэнби с энтузиазмом включился в соревнование. Грэнби больше не звонили, и хотя Глория только посмеивалась, такое отношение ее сильно задело.

– Понимаешь, – объясняла она Энтони, – не будь я замужем, мое поведение ни у кого бы не вызвало беспокойства. Но она насмотрелась фильмов и возомнила меня вампиром. Ведь чтобы эти люди были довольны и чувствовали себя спокойно, надо прилагать определенные усилия, а мне решительно не хочется... А смазливые первокурсники, что строят глазки и говорят идиотские комплименты! Нет, Энтони, я уже выросла из таких игр.

Светская жизнь в Мариэтте не отличалась разнообразием. Вокруг городка шестиугольником разместились полдюжины фермерских хозяйств, но они принадлежали древним старикам, которые выезжали в люди на задних сиденьях лимузинов, откуда виднелись только их седые взъерошенные головы, и поездки их, как правило, ограничивались вокзалом. Иногда их сопровождали столь же престарелые, раза в два более дородные жены. Жители городка принадлежали к удивительно неинтересному типу людей. Основную часть населения составляли старые девы, пределом фантазии которых являлись школьные праздники, а их унылые души напоминали малопривлекательную архитектуру белых англиканских церквей в трех епархиях Соединенных Штатов. Единственной местной жительницей, с которой супруги установили близкие отношения, стала широкоплечая и широкобедрая девушка-шведка, приходившая каждый день помогать по дому. Она была немногословной и трудолюбивой, и после того как Глория застала прислугу на кухне, когда та горько плакала, уронив лицо в сложенные на столе руки, она стала испытывать к шведке необъяснимый страх и перестала жаловаться на приготовленную еду. Благодаря невысказанному, таинственному горю девушка и прижилась в доме.

Склонность Глории верить в предчувствия и вспышки интереса ко всему загадочному и сверхъестественному стали для Энтони неожиданностью. Либо некий комплекс, должным образом и с соблюдением научных принципов сдерживаемый ее матерью-билфисткой, либо наследственная сверхчувствительность делали Глорию восприимчивой к любым намекам на потусторонние силы. Крайне недоверчивая ко всему, что касается мотивов, которыми руководствуются живые люди, она была склонна верить в любые невероятные происшествия, которые якобы являлись результатом своенравных выходов покойников. Страшный скрип, разносившийся

по старому дому по ночам, когда разыгрывался ветер, означал для Энтони вломившихся в дом грабителей с револьверами наготове. Глория же полагала, что это неугомонные злобные призраки ушедших в небытие поколений, которые хотят искупить не поддающееся искуплению смертельное проклятие, тяготеющее над древним, полным мрачных тайн жилищем. Однажды ночью их разбудили два громких удара, донесшихся снизу. Дрожа от страха, Энтони попытался установить их происхождение, но безрезультатно. Так они и пролежали без сна до рассвета, задавая друг другу экзаменационные вопросы по всемирной истории.

В октябре с двухнедельным визитом приехала Мюриэл. Глория позвонила ей по междугородному телефону, и мисс Кейн закончила разговор привычной фразой: «Здор-р-рово. Уже лечу!» Она привезла под мышкой дюжину пластинок с популярными песенками.

– Здесь в деревне вам непременно надо купить патефон, – заявила она. – Обычную маленькую виктролу. Они недорогие. Вот вдруг станет тоскливо на душе, а тут вам, пожалуйста, и Карузо, и Эл Джолсон.

Она удручала Энтони до умопомрачения разговорами, что «он первый умный мужчина, встретившийся на пути, и ее страшно утомили недалекие люди». Он не понимал, как мужчины могут влюбляться в таких женщин, и все же приходил к выводу, что, если судить беспристрастно, даже в Мюриэл можно рассмотреть определенную, вселяющую надежду нежность.

А Глория, рьяно демонстрировавшая свою любовь к Энтони, просто мурлыкала от радости.

И наконец, на полный нескончаемых речей и, по мнению Глории, наводящий тоску литературный уик-энд прибыл Ричард Кэрамел. Их дискуссии с Энтони продолжались, когда Глория уже давно спала сном младенца наверху.

– Странная штука этот успех и все, что с ним связано, – вещал Дик. – Еще до издания романа я безуспешно пытался продать несколько рассказов. А когда книга вышла в свет, немного подправил три рассказа и отдал в журнал, который раньше от них отказался. С тех пор я часто так делаю. Издатели не заплатят за книгу до зимы.

– Не дай себе пасть жертвой славы.

– Намекаешь, что я пишу ерунду? – заключил Дик. – Если имеется в виду преднамеренное переливание из пустого в порожнее, я этим не грешу. Но, пожалуй, я уже не так кропотлив и придирчив. Пишу теперь быстрее и не уделяю столько времени размышлениям. Наверное, из-за недостатка общения, после того как ты женился, а Мори уехал в Филадельфию. И нет уже прежних порывов честолюбия.

– Разве тебя это не тревожит?

– Неимоверно тревожит. Возникает состояние, которое я называю писательской лихорадкой, что, должно быть, сродни лихорадке охотничьей. Это некое литературное самоосмысление, и проявляется оно особенно сильно при попытках заставить себя писать. Но самые ужасные дни – это когда мне кажется, что писать я не умею. Тогда я задаю себе вопрос: а стоит ли вообще писать? То есть не являюсь ли я добившимся славы дешевым фигляром?..

– Мне нравится, когда ты так рассуждаешь, – признался Энтони, и в его голосе прозвучали забытые снисходительно-покровительственные нотки. – Опасался, что ты совсем одурел со своими литературными трудами. Вот как-то прочел совершенно отвратительное интервью, которое ты недавно дал...

Дик перебил с искаженным гримасой страдания лицом:

– Боже мой! Даже не напоминай! Его написала одна не в меру восторженная молодая особа. Все повторяла, что моя книга исполнена «силы», вот я и потерял голову и наделал множество необдуманых заявлений. Хотя некоторые были не лишены смысла, как тебе кажется?

– Да, те слова о мудром писателе, который пишет для молодых представителей своего поколения, критиков поколения грядущего и школьных учителей всех последующих поколений в целом.

– Но я действительно так считаю, – признался Ричард Кэрамел, светлея лицом. – Просто не следовало заявлять об этом публично.

В ноябре супруги переехали в квартиру Энтони, откуда совершали полные ликования вылазки на футбольные матчи Йель – Гарвард и Гарвард – Принстон, на каток возле церкви Святого Николая, обошли все театры и всевозможные увеселительные мероприятия, от незаметных танцевальных вечеринок до блистательных балов, которые так любила Глория. Они устраивались в домах, где под присмотром великана-мажордома расхаживали исполненные достоинства лакеи в напудренных париках на английский манер. Энтони и Глория

намеревались отправиться за границу в начале следующего года или когда закончится война. Энтони практически завершил очерк о двенадцатом веке в стиле Честертона, который хотел сделать вступлением к задуманной книге, а Глория тем временем провела всестороннее исследование рынка шубок из русских соболей. По всем признакам зима обещала много приятного, но тут демиург билфизма в середине декабря внезапно решил, что душа миссис Гилберт в своем нынешнем воплощении достаточно состарилась. Как следствие, Энтони повез убитую горем, бьющуюся в истерике Глорию в Канзас-Сити, где в соответствии с принятыми среди представителей рода человеческого обычаями отдали усопшей ужасную, потрясающую воображение дань.

В первый и последний раз в жизни мистер Гилберт представлял собой трогательную фигуру. Женщина, которую он сломил, заставляя обслуживать его тело и играть роль благодарной паствы для проповедей, по иронии судьбы его покинула – и именно в тот момент, когда он уже не смог бы достаточно долго ее выносить. Никогда больше он не получит возможности с таким упоением измываться над живой душой, изводя нелепыми капризами.

Глава вторая

Симпозиум

Глория усыпила разум Энтони. Она, казавшаяся самой мудрой и утонченной из женщин, повисла сверкающим занавесом на двери, закрыв доступ солнечному свету. В первые годы совместной жизни, которые, по мнению Энтони, неизменно несли на себе печать Глории, он видел солнце только сквозь расписанную причудливым рисунком портьеру.

Следующим летом их привело обратно в Мариэтту некое подобие утомленности своим образом жизни. Всю золотую, полную томной неги весну они без усталости колесили по побережью Калифорнии, порой присоединяясь к другим компаниям. Кочевали из Пасадены в Коронадо, а из Коронадо в Санта-Барбару без какой-либо видимой цели, не считая желания Глории танцевать под разную музыку или любоваться едва различимыми оттенками переменчивой глади моря. Прямо из Тихого океана поднимались в первозданном величии, приветствуя супругов, скалы и приютившиеся рядом такие же далекие от цивилизации гостиницы с примитивной обстановкой. Во время вечернего чая постоялец мог убить время на приютившемся поблизости сонном базарчике под крышей из ивовых прутьев. Он славился костюмами для игры в поло с символикой Саутгемптона и Лейк-Форест, Ньюпорта и Палм-Бич. И подобно волнам, которые, искрясь на солнце, встречаются с плеском в тихой бухте, супруги прибывались то к одной, то к другой компании, переезжали с места на место, непрестанно ведя беседы об удивительных иллюзорных развлечениях и праздниках, которые непременно ждут вот за этой зеленой плодородной долиной.

Курс простого здорового досуга, который не без удовольствия изучают самые достойные из мужчин. Похоже, они числятся в списке вечных кандидатов некой эфемерной организации «Фарфоровая чаша» или «Череп и кости», распространившейся по всему миру. Красота женщин превосходит средний уровень: хрупкого, но спортивного телосложения, они несколько глуповаты в качестве хозяек, но очаровательны как гости и украсят любую компанию. Со спокойной грацией они танцуют по своему выбору па в дурманящие часы вечернего чая, с достоинством выполняя движения, которые

превратили в уродливую карикатуру клерки и хористки по всей стране. И кажется насмешкой, что американцы, бесспорно, превзошли всех в этой изолированной, пользующейся самой дурной славой области искусства.

Беспечно протанцевав и вволю наплескавшись за щедрую на развлечения весну, Глория и Энтони в один прекрасный день обнаружили, что истратили слишком много денег. По этой причине пришлось на время удалиться от мирской суеты. Предлогом послужила «работа» Энтони. Сами не помня как, они возвратились в серый дом, уже ясно понимая, что до них здесь спали другие влюбленные, над лестничными перилами звучали другие имена и другие пары сидели на ступеньках веранды, любясь сероватой зеленью полей и чернеющей вдалеке полоской леса.

Энтони с виду не изменился, только стал более беспокойным и нервным и оживлялся лишь после нескольких коктейлей с виски. Совсем чуть-чуть, едва заметно он охладел к Глории. А Глория... в феврале ей исполнялось двадцать четыре года, и по этому поводу она пребывала в состоянии очаровательной в своей искренности паники. До тридцати остается всего шесть лет! Если бы она меньше любила Энтони, это ощущение улетающего времени выразилось бы во вновь проснувшемся интересе к другим мужчинам, в продуманном намерении зажечь мимолетную искру романтического чувства в каждом потенциальном поклоннике, который бросает украдкой взгляд через роскошно сервированный обеденный стол. Однажды она призналась Энтони:

– Знаешь, я чувствую, что если бы чего-то захотела, то просто бы взяла. Так я и думала всю жизнь, а получилось, что хочу только тебя, а для других желаний не осталось места.

Они ехали на восток по выжженной солнцем Индиане, и Глория, поняв, что случайно начатый разговор неожиданно принимает серьезный оборот, оторвала взгляд от своего любимого журнала о кино.

Энтони хмуро смотрел на дорогу из окна машины. Всякий раз, когда шоссе пересекала проселочная дорога, на ней возникал фермер со своим фургоном. Он лениво жевал соломинку и по всем признакам был тем же самым фермером, мимо которого они уже успели проехать

раз десять. Эдакий безмолвный мрачный символ. Энтони повернулся к жене, еще больше хмурясь.

– Ты меня расстраиваешь, – начал он, не скрывая неодобрения. – Я могу представить, что в определенной мимолетной ситуации желаю другую женщину, но чтобы быть с ней – нет, нельзя даже вообразить.

– А вот я, Энтони, чувствую по-другому. Не могу сопротивляться своим желаниям. Но я так устроена, что хочу только тебя и никого больше.

– И все-таки когда я думаю, что тебе случится кем-нибудь увлечься...

– Не будь идиотом! – рассердилась Глория. – В таких вещах не может быть случайностей. Нет, совершенно невозможно!

На этой выразительной ноте разговор закончился. Неизменная способность Энтони понимать ее чувства и делала Глорию счастливой рядом с мужем, как ни с одним другим мужчиной. Общение с ним определенно приносило радость – она любила Энтони. И лето начиналось совсем так же, как и в прошлом году.

Одна радикальная перемена, имеющая отношение к домашнему хозяйству, все же произошла. Невозмутимую скандинавскую девицу, чья аскетическая стряпня и язвительная манера прислуживать за столом так угнетали Глорию, сменил в высшей степени проворный японец по имени Таналахака. Впрочем, он признался, что откликается на любое имя, включающее два слога «Тана».

Тана был необычайно миниатюрным даже для японца и пребывал в наивной убежденности, что является человеком светским. В день приезда из «Японского агентства по найму надежной рабочей силы Р. Гузимоники» Тана призвал Энтони к себе в комнату, чтобы продемонстрировать сокровища, хранящиеся в его дорожном сундуке. Они состояли из обширной коллекции японских почтовых открыток, каждую из которых он намеревался описать хозяину во всех подробностях. С десяток из них носили порнографический характер и были явно американского происхождения, хотя изготовитель из скромности предпочел не упоминать имени и почтового адреса. Затем он извлек образцы собственного рукоделия: пару американских брюк, которые сшил сам, и два импозантного вида комплекта шелкового нижнего белья. О цели, для которой он их берег, Тана сообщил Энтони в доверительной беседе. Следующим экспонатом оказалась довольно

качественная копия с гравюры, изображающей Авраама Линкольна, причем Тана постарался придать лицу президента отчетливо выраженные японские черты. Последней извлекли на свет божий флейту: ее Тана также смастерил сам. Правда, флейта сломалась, но Тана вскоре собирался ее починить.

После соблюдения формальностей, продиктованных вежливостью, которая, по предположениям Энтони, являлась отличительной чертой японцев, Тана разразился длинной речью на ломаном английском языке относительно характера отношений между хозяином и слугой. Из этого монолога Энтони понял, что Тана работал в крупных поместьях и неизменно ссорился с другими слугами, так как те были недостаточно честными. Особенно подробно и долго обсуждалось слово «честный», после чего Энтони и Тана почувствовали некоторую досаду друг на друга, так как Энтони упорно настаивал, что японец произносит его как «шершни», и даже дошел до того, что принялся жужжать, уподобляясь пчеле, и размахивать руками, имитируя крылья.

После беседы, занявшей три четверти часа, Энтони был отпущен на свободу с любезными заверениями, что в дальнейшем им предстоит множество приятных разговоров, в ходе которых Тана поведаст, «как это делают в моей стране».

Вот таким потоком красноречия сопровождалось первое появление Таны в сером домике. И он выполнил все свои обещания. Несмотря на исключительную добросовестность и честность, японец оказался невообразимым занудой и, похоже, был не способен управлять своим языком, перескакивая по ходу речи с одной мысли на другую с выражением болезненной растерянности в узеньких карих глазках.

По воскресеньям и понедельникам после обеда он читал раздел комиксов в газетах. Одна картинка, изображавшая жизнерадостного японца-дворецкого, несказанно развеселила Тану, хотя он уверял, что персонаж, в котором Энтони отчетливо виделись азиатские черты, является настоящим американцем. Но главная трудность при чтении комиксов заключалась в другом. Когда Тана с помощью Энтони прочитывал подписи к трем последним картинкам и с сосредоточенностью, достойной человека, постигающего суть кантовских «Критик», старался уразуметь их смысл, он уже начисто забывал, о чем велась речь в подписях под первыми картинками.

В середине июня Энтони и Глория отпраздновали первую годовщину свадьбы, назначив друг другу «свидание». Энтони постучал в дверь, и она бросилась открывать. Супруги сидели рядом на кушетке, вспоминая имена, которые придумали друг для друга, представляющие собой новые сочетания старых как мир проявлений нежности. И все же этому свиданию не хватило восторженного, полного сожаления прощания с пожеланием спокойной ночи.

В конце июня Глория заглянула в глаза ужасу, нанесшему удар, который наполнил страхом безмятежно-ясную душу, состарив ее на несколько десятилетий. Потом его отголоски постепенно померкли и в конце концов исчезли в непроглядной тьме, откуда и выплыл кошмар, безжалостно унося с собой частицу юности.

С безошибочным чутьем он выбрал местом действия для драматической сцены маленькую железнодорожную станцию в жалкой деревушке недалеко от Портчестера. Пустынная, словно прерия, платформа была открыта лучам запыленного желтого солнца и взглядам представителей наиболее неприятного типа сельских жителей, которые, живя вблизи крупного города, успели нахвататься дешевого шика, не приобщив к нему культуру городской жизни. Свидетелями инцидента и стала дюжина этих красноглазых, похожих на вороньи пугала мужланов. Происшествие едва ли затронуло их невосприимчивый затуманенный разум и в целом было воспринято как грубая шутка, а если вдаваться в тонкости – как «срам». Тем не менее именно на этой платформе мир слегка поблек, утратив частицу своей яркой красоты.

В тот день Энтони проводил жаркие послеполуденные часы в обществе Эрика Мерриама за графином шотландского виски, пока Глория и Констанс Мерриам плавали и загорали на пляже одного из клубов. Правда, Констанс пряталась под полосатым зонтиком, а Глория, растянувшись на горячем песке, не удержалась от соблазна подставить солнцу ноги. Потом все четверо перекусили незатейливыми сэндвичами, и тут Глория, встав с места, постучала зонтиком по колену Энтони, желая привлечь его внимание.

– Милый, нам нужно идти.

– Прямо сейчас? – Он бросил на жену недовольный взгляд. В тот момент для него самым важным являлось пребывание в праздности на

тенистой веранде, попивая выдержанное шотландское виски, пока хозяин предается бесконечным воспоминаниям об эпизодах канувшей в Лету политической кампании.

– Нам действительно пора, – повторила Глория. – Можно взять такси и доехать до вокзала. Ну же, Энтони! – В ее голосе слышались властные нотки.

– Да нет, послушайте... – Мерриам потерял нить повествования и принялся выдвигать обычные в подобных случаях возражения. Попутно он наполнил стакан гостя очередной порцией виски с содовой, на поглощение которой ушло бы еще минут десять. Но, услышав от Глории настойчивое «нам пора», Энтони залпом осушил стакан, встал с места и с подчеркнутой любезностью раскланялся с хозяйкой.

– Похоже, нам и правда «пора», – заметил он с нескрываемой досадой.

Через минуту он уже шел за женой по садовой дорожке между высокими кустами роз, ее зонтик с тихим шуршанием скользил по сочной июньской листве. Какое пренебрежение к чувствам других людей! С этой мыслью Энтони следом за Глорией вышел на дорогу. Он выглядел обиженным ребенком. Глории не следовало прерывать абсолютно невинное и такое приятное времяпровождение. Виски одновременно успокоило и прояснило его неутомимый ум, и тут Энтони пришло в голову, что жена проделывает подобный трюк уже не в первый раз. Неужели всю жизнь придется прерывать доставляющее радость занятие, повинаясь удару зонтика или неодобрительному взгляду? Недовольство перерастало в злобу, которая все сильнее закипала в душе. Энтони молчал, с трудом подавляя желание обрушиться на жену с упреками. Перед гостиницей они нашли такси и в полном молчании поехали на станцию.

И тут Энтони понял, чего хочет. Продемонстрировать свою непреклонную волю этой равнодушной и черствой девчонке, одним мощным усилием обрести над ней власть, которая казалась сейчас такой желанной.

– Давай навестим Барнсов, – предложил он, не глядя на жену. – У меня нет желания ехать домой.

У миссис Барнс, урожденной Рейчел Джеррил, имелся летний домик в нескольких милях от Редгейта.

– Мы там были позавчера, – лаконично возразила Глория.

– А по-моему, они обрадуются. – Энтони чувствовал, что выразил свою мысль недостаточно решительно, и, собравшись с духом, упрямо продолжил: – Хочу повидаться с Барнсами. Не имею ни малейшего желания ехать домой.

– А у меня нет настроения для визита к Барнсам.

Они сердито смотрели друг на друга.

– Послушай, Энтони, – с раздражением сказала Глория, – сегодня воскресенье, и к ним, вероятно, приедут на ужин гости. С какой стати вваливаться к людям в дом в такой час?..

– Тогда почему мы не остались у Мерриамов? – вспыхнул он. – Зачем ехать домой, если мы так приятно проводили время? Мерриамы просили нас остаться на ужин.

– Им пришлось пригласить нас. Дай денег, и я куплю билеты на поезд.

– И не подумаю! Не собираюсь задыхаться в этом проклятом поезде.

Глория нетерпеливо топнула ногой.

– Энтони, ты ведешь себя как пьяный!

– Напротив, я абсолютно трезв.

Однако голос Энтони вдруг стал хриплым, и Глория поняла, что это неправда.

– Если ты трезв, дай денег на билеты.

Но разговаривать с ним в подобном тоне было уже бесполезно. Сознание Энтони сверлила одна мысль: Глория – эгоистка, всегда такой была и не прекратит свои выходки, если здесь и сейчас он не утвердится в качестве хозяина положения. И случай самый что ни на есть подходящий, ведь по глупой прихоти она лишила мужа удовольствия. Решимость крепла с каждой секундой, перерастая в тупую мрачную злобу.

– Я не сяду в поезд, – заявил Энтони дрожащим от гнева голосом. – Мы навестим Барнсов.

– Не хочу! – с досадой выкрикнула Глория. – В таком случае я поеду домой одна.

– Счастливого пути.

Ни слова не говоря, она направилась к билетной кассе, и тут Энтони вспомнил, что у Глории есть при себе сколько-то денег. И до

него дошло, что не такой он победы желал, не к тому стремился. Бросившись вслед за женой, он схватил ее за руку.

– Слушай меня! – задыхаясь, выдавил он. – Ты одна никуда не поедешь!

– Еще как поеду! Что ты делаешь, Энтони?! – воскликнула Глория, пытаясь вырваться, но Энтони только сильнее сжал руку, глядя на жену прищуренными, горящими злобой глазами. – Отпусти! – с яростью крикнула Глория. – Если осталась хоть капля порядочности!

– С какой стати? – Разумеется, он понимал с какой, но, подстрекаемый гордыней, к которой примешивалась неуверенность, считал, что непременно должен ее удержать.

– Я еду домой, понимаешь? И ты меня отпустишь!

– И не подумаю.

Глаза Глории горели гневом.

– Хочешь устроить здесь сцену?

– Сказал же: ты никуда не поедешь. Устал от твоего вечного эгоизма!

– Я всего лишь хочу домой. – Из глаз Глории выкатились две сердитые слезы.

– На сей раз будешь делать то, что говорю я.

Очень медленно ее фигура распрямилась, голова откинулась назад в жесте бесконечного презрения.

– Ненавижу тебя! – Тихие слова просачивались ядом сквозь крепко сжатые зубы. – Отпусти меня! Ох, как я тебя ненавижу! – Она снова попыталась вырваться, но теперь Энтони схватил ее за обе руки. – Ненавижу! Ненавижу!

Ярость жены поколебала решимость Энтони, но он понимал, что зашел слишком далеко и отступать поздно. Он всегда уступал Глории, и, похоже, в душе она презирала мужа. А сейчас она, конечно, испытывает ненависть, но потом станет восхищаться его силой и властью.

Приближающийся поезд дал предупредительный гудок, и тот с манерным переливом прокатился по сияющим голубым рельсам. Глория не оставляла попыток вырваться, и слетевшие с губ слова были древнее Книги Бытия.

– Скотина! – выкрикнула она сквозь рыдания. – Ах ты, скотина! Скотина!

Находившиеся на платформе предполагаемые пассажиры стали на них оборачиваться, бросая недоуменные взгляды. Отдаленный гул поезда становился все громче, перерастая в рев. Глория вырывалась с удвоенной яростью, а потом вдруг затихла и стояла, беспомощная и униженная, дрожа всем телом, с горящими обидой глазами. А поезд уже с грохотом подъезжал к станции.

– Окажись здесь хоть один мужчина, ты бы не посмел! Не посмел! Ах ты, трус! Какой же ты трус! Трус!

Энтони крепко держал ее, не произнося ни слова, смутно, как во сне, осознавая, что к нему обращены десятки застывших любопытных лиц. Послышались металлические удары станционного колокола, болью отозвавшиеся в ушах, и в воздух медленно взмыли клубы дыма. В облаках серого пара проплыл мимо ряд лиц, которые слились в расплывчатую массу, а потом и вовсе исчезли, и остались только падающие на рельсы косые лучи солнца, устремленные на восток, и удаляющийся, похожий на раскаты грома грохот поезда. Энтони отпустил руки жены. Он победил.

Теперь при желании можно и посмеяться. Испытание выдержано, и он утвердил свою волю, прибегнув к насилию. А после одержанной победы можно проявить снисходительность.

– Мы возьмем такси и вернемся в Мариэтту, – объявил он с удивительным хладнокровием.

Вместо ответа Глория схватила его руку и, поднеся ко рту, впиалась зубами в большой палец. Энтони едва почувствовал боль, и только увидев брызнувшую кровь, рассеянно вынул носовой платок и приложил к ране, полагая, что это тоже является частью триумфа. Поражение неизбежно требует мщения, а потому не заслуживает внимания. Глория горько рыдала без слез.

– Не поеду! Не поеду! Ты меня не заставишь! Ты... Ты убил всю любовь, что я к тебе испытывала, все уважение. И все, что еще во мне живет, умрет, прежде чем я сдвинусь с этого места! Если бы я только знала, что ты посмеешь поднять на меня руку...

– Ты поедешь со мной! – жестко заявил Энтони. – Даже если придется тащить силой.

Подозвав такси, он объяснил водителю, что хочет ехать в Мариэтту. Тот вышел из машины и распахнул дверцу. Повернувшись к жене, Энтони процедил сквозь зубы:

– Не соизволишь ли сесть? Или подсадить?

Со сдвленным криком боли и отчаяния Глория подчинилась и заняла место в машине.

Всю долгую дорогу в сгущающихся сумерках Глория сидела, забившись в дальний угол машины, и лишь изредка тихо всхлипывала. Энтони смотрел в окно, медленно переосмысливая значение инцидента на перроне. Что-то пошло не так. Слова, что напоследок выкрикнула Глория, словно ударили по струне, которая отозвалась посмертным эхом в его сердце, вызывая нелепую тревогу. Разумеется, он прав, но Глория сейчас похожа на маленькую обиженную девочку, такую трогательную, униженную и сломленную под тяжестью непосильного бремени. Рукава платья порваны, зонтик исчез, остался там, на платформе. Энтони вспомнил, что она надела новый костюм и еще утром, до отъезда из дома, так им гордилась... Интересно, видел ли кто-нибудь из знакомых сцену на перроне? А в ушах все звучали слова Глории: «Все, что во мне осталось, умрет...»

Замешательство усиливалось, а с ним росла и смутная тревога, которая вполне соответствовала настроению сжавшейся в клубочек Глории. Не той гордой Глории, которую он знал. Энтони сам себя спрашивал, не сон ли это. Он не верил, что Глория его разлюбит, – даже в мыслях не допускал. И все же в душу закрались сомнения, сумеет ли Глория, утратившая высокомерие и независимость, целомудренную самоуверенность и смелость, остаться девушкой, которой он восхищался, лучезарной женщиной, вся неповторимая прелесть которой в способности неизменно выходить победительницей, оставаясь самой собой.

Энтони еще был так пьян, что не понимал степени своего опьянения. Когда супруги наконец добрались до серого дома, он отправился к себе в комнату, а ум с угрюмым упорством безуспешно бился над вопросом, что же он все-таки натворил. Рухнув на кровать, Энтони впал в глубокое оцепенение.

Шел второй час ночи, и в доме стояла тишина. Вдруг Глория, ни на секунду не сомкнувшая глаз, проскользнула по коридору и распахнула дверь его комнаты. Энтони был настолько пьян, что не удосужился открыть окна, и воздух стал спертым от перегара. Она мгновение

постояла у кровати мужа, стройная, полная изящества и грации фигурка в шелковой пижаме мальчишеского фасона. Потом в порыве отчаяния упала на Энтони, едва не разбудив страстными объятиями, и, роняя слезы ему на грудь, с жаром воскликнула:

– О, Энтони, любимый, ты сам не понимаешь, что натворил!

А рано утром он пришел к Глории в комнату, опустился на колени рядом с кроватью и заплакал, как маленький мальчик, словно это ему разбили сердце.

– Прошлой ночью, – серьезно начала Глория, теребя волосы мужа, – я подумала, что та часть во мне, которую ты любил, которая действительно стоила, чтобы узнать ее лучше, вся гордость, вся страсть куда-то исчезли. Знаю, то, что осталось у меня в душе, будет всегда тебя любить, но не так, как раньше. К прежнему возврата нет.

И все-таки даже тогда Глория понимала, что постепенно все забудется, ведь в жизни всегда так бывает и она не сразу, но потихоньку стирает все ненужное из памяти. С того утра об инциденте больше не упоминали, а глубокую рану, что после него осталась, залечили чуткие руки Энтони. Если здесь и имел место триумф, то все лавры достались неведомой темной силе, ей же перепали плоды победы и извлеченный из нее опыт.

Любовь Глории к независимости, как случается со всеми искренними, имеющими глубокие корни порывами, поначалу была неосознанной. Однако когда Энтони, очарованный своим открытием, обратил внимание жены на эту черту ее характера, она мгновенно приобрела форму чуть ли не официального кодекса. Из слов Глории следовал вывод, что вся ее энергия и жизненная сила направлены на яростное утверждение негативного принципа «На все наплевать!».

«Мне нет дела ни до кого и ни до чего, – заявляла она, – кроме меня самой (и, как следствие, Энтони). Таково правило жизни, а если и нет, я все равно его бы придерживалась. Никто бы и пальцем ради меня не пошевелил, если бы это не доставляло удовольствия, и я не собираюсь что-то делать для этих людей».

Свой страстный монолог Глория произносила, стоя на веранде дома одной из самых очаровательных в Мариэтте дам, а по окончании, коротко вскрикнув, упала в обморок прямо на пол.

Хозяйка дома привела Глорию в чувство и отвезла домой в своей машине. Достойной всяческого уважения Глории пришло в голову, что она ждет ребенка.

Глория лежала внизу на шезлонге. За окном стоял теплый день, лениво лаская поздние розы у колонн веранды.

– Я постоянно думаю только о любви к тебе, – причитала Глория. – И так высоко ценю свое тело, потому что ты находишь его красивым. И вот это мое тело... которое принадлежит тебе... вдруг становится бесформенным и безобразным, это как? Невыносимо! Ах, Энтони, я ведь не боюсь боли...

Он, как мог, утешал жену, но безрезультатно. Глория продолжала стенания:

– А потом я, возможно, раздамся в бедрах, стану бледной, и пропадет вся моя свежесть, и волосы станут тусклыми и ломкими.

Энтони мерил комнату шагами, засунув руки в карманы.

– Ты уверена?

– Ничего не знаю. Ненавижу этих акушеров... или как там их называют. Я собиралась завести ребенка, но не сейчас.

– Ради Бога, только не надо отчаиваться и так сильно переживать.

Рыдания прекратились. Опустившиеся на комнату сумерки принесли умиротворение и немного успокоили Глорию.

– Включи свет, – попросила она умоляющим тоном. – Эти июньские дни такие короткие... в детстве они казались гораздо длиннее.

Загорелись лампочки, и за окном на улице словно опустился синий занавес из тончайшего шелка. Бледность Глории, ее пассивность, теперь уже без тени печали, пробудили в душе Энтони сочувствие.

– Ты хочешь, чтобы я родила ребенка? – вяло спросила она.

– Мне все равно. То есть совершенно безразлично. Если ты родишь ребенка, может быть, я обрадуюсь. Если нет – тоже хорошо.

– Хорошо бы ты принял какое-то решение, в ту или другую сторону!

– Полагаю, решение принимать тебе.

Глория смотрела на него с презрением, не удостоивая ответом.

– Вообрази, что из всех женщин на свете это страшное оскорбление выпало именно на твою долю?

– А хоть бы и так! – сердито выкрикнула Глория. – Для них здесь нет ничего унижительного, потому что только так можно оправдать их существование. Ни для чего другого они просто не годятся. А вот для меня это – действительно оскорбление!

– Послушай, Глория, что бы ты ни решила, я тебя поддержу, только, ради Бога, будь умницей.

– Ах, не читай мне мораль! – простонала она.

Супруги молча обменялись мимолетными полными взаимного раздражения взглядами, после чего Энтони, взяв с полки книгу, рухнул в кресло. Спустя полчаса напряженную тишину в комнате нарушил голос Глории, фимиамом разнесшийся в воздухе:

– Завтра навещу Констанс Мерриам.

– Прекрасно. А я съезжу в Тэрритаун повидаться с дедом.

– Понимаешь, – продолжила Глория, – ведь дело вовсе не в страхе, просто я остаюсь верной себе, ты же понимаешь.

– Понимаю, – согласился Энтони.

Практичные люди

Адам Пэтч, пылающий праведным гневом, направленным против германцев, кормился военными сводками. Стены кабинета были обклеены истыканными булавами картами, а все столы завалены атласами, чтобы они всегда находились под рукой. Здесь же лежали «История мировых войн в фотографиях», официальные бюллетени и «Личные впечатления» военных корреспондентов, а также рядовых Х, У и Z. Секретарь деда Эдвард Шаттлуорт, в свое время практиковавший в ирландской общине в Хобокене в качестве лекаря, исцеляющего все недуги джином, также проникся святым негодованием к врагу. Во время визита Энтони он неоднократно появлялся в кабинете со свежими материалами в руках. Старик с неумейной яростью набрасывался на каждую газету и, вырезав заметки, которые казались наиболее достойными внимания, отправлял их в одну из раздувшихся до невероятных размеров папок.

– Ну и чем же ты занимался все это время? – ласково поинтересовался он. – Ничем? Так я и думал. Все лето собирался к тебе заехать.

– Я писал. Помните, прислал вам очерк, тот самый, что потом продал «Флорентайн» прошлой зимой?

– Очерк? Никакого очерка мне ты не присылал.

– Да нет же, присылал. Мы вместе его обсуждали.

Адам Пэтч только покачал головой:

– Мне ты ничего не присылал. Вероятно, собирался послать, но он так и не дошел до адресата.

– Но, дедушка, вы же его прочли, – уже с раздражением настаивал Энтони. – Прочли и раскритиковали.

И тут старик вдруг вспомнил, но ничем себя не выдал, и только чуть приоткрылся старческий рот, обнажая серые десны. Устремив на Энтони древний как мир взгляд зеленых глаз, он колебался между намерением признать ошибку и желанием ее скрыть.

– Стало быть, занимаешься литературой? – торопливо начал он. – Ну а почему не поехать в Европу и не написать об этих германцах? Напиши что-нибудь стоящее о том, что происходит на самом деле, то, что смогут читать люди.

– Стать военным корреспондентом не так просто, – возразил Энтони. – Нужно, чтобы одна из газет захотела купить материал. А для поездки в качестве внештатного корреспондента у меня нет денег.

– А я отправлю тебя за свой счет, – неожиданно предложил дед. – Собственным корреспондентом любой газеты, которую выберешь.

Предложение старика Пэтча как громом поразило Энтони и одновременно пробудило интерес.

– Н-ну, не знаю.

Придется покинуть Глорию, которая любит его всем сердцем и стала неотъемлемой частью жизни. К тому же она беременна. Нет, это нереально... И тем не менее Энтони уже представил себя в мундире цвета хаки, опирающегося, как все военные корреспонденты, на массивную трость, и непременно с портфелем под мышкой, на манер англичан.

– Хотелось бы обдумать это предложение, – честно признался он. – Очень великодушно с вашей стороны. Я все взвешу и сообщу вам.

Процесс обдумывания занимал мысли по дороге в Нью-Йорк. Энтони переживал один из моментов прозрения, которые нисходят на всех мужчин, находящихся под влиянием сильной, горячо любимой женщины. В такие мгновения перед их взором предстает мир людей

более решительных и жестких, выросших в более суровых условиях, готовых противостоять как понятиям отвлеченным, так и сражаться на настоящей войне. В этом мире руки Глории означают всего лишь пылкие объятия случайной любовницы, которые не вызывают страсти и быстро забываются.

Неведомые доселе плоды воображения преследовали Энтони и когда он садился на Центральном вокзале в поезд на Мариэтту. В вагоне было многолюдно, но Энтони удалось занять последнее свободное место. Прошло некоторое время, прежде чем он удосужился взглянуть на сидящего рядом мужчину. Увидев резко очерченный подбородок с тяжелой челюстью, массивный нос и маленькие припухшие глазки, Энтони тут же узнал в соседе Джозефа Блокмэна.

Оба одновременно привстали с места, испытывая некоторое смущение, обменялись вялым рукопожатием и в завершение ритуала изобразили некое подобие дружеского смеха.

– Да, – начал Энтони без особого воодушевления, – давно мы с вами не встречались. – И, тут же пожалев о сорвавшихся с языка словах, продолжил: – Не знал, что вы живете по этому направлению.

Однако Блокмэн, предупреждая дальнейшие расспросы, любезно осведомился:

– Как поживает ваша супруга?

– Замечательно. А как вы?

– Превосходно. – Тон, каким Блокмэн произнес это слово, лишь усилил его величие и значимость.

Энтони казалось, что за прошедший год у Блокмэна невероятно выросло чувство собственного достоинства. Исчезла суетливость, и он создавал впечатление человека, наконец добившегося в жизни чего-то стоящего. Кроме того, одежда больше не поражала пестротой, игривые яркие галстуки сменила солидная темная гамма, правая рука, на которой некогда сверкали два крупных перстня, была лишена каких-либо украшений и даже явных следов маникюра.

Достоинство проявлялось во всем внешнем облике. Пропала аура успешного коммивояжера, нарочито заискивающие манеры, худшей формой проявления которых является готовность поддержать непристойную шутку в вагоне для курящих. Возникло чувство, что осчастливившее своим перстом финансовое благополучие сделало Блокмэна надменным, а пренебрежение, с которым прежде его

принимали в обществе, научило сдержанности. Но что бы ни придавало ему веса, помимо внушительной комплекции, Энтони больше не испытывал в присутствии этого человека подобного случаю превосходства.

– Помните Ричарда Кэрамела? По-моему, вы как-то с ним встречались.

– Помню. Он еще писал книгу.

– И продал ее для сценария. Книгу передали некому сценаристу по имени Джордан. Ну, Дик договорился с одним бюро, чтобы ему присылали вырезки с рецензиями, и просто был вне себя от ярости, когда узнал, что половина кинообозревателей говорит о яркой мощи «Демонического любовника», приписывая авторство Джордану и ни словом не упоминая старину Дика. Можно подумать, этот тип Джордан сам придумал сюжет и написал книгу.

– Большинство контрактов предусматривает упоминание имени первоначального автора в любой платной рекламе. А Кэрамел по-прежнему пишет?

– Да, он усердно трудится над рассказами.

– Превосходно... превосходно... А вы часто ездите этим поездом?

– Примерно раз в неделю. Мы живем в Мариэтте.

– В самом деле? Ну и ну! Я и сам живу в Кос-Кобе. Совсем недавно купил там дом. От вас до меня всего пять миль.

– Вы должны непременно нас навестить, – предложил Энтони, удивляясь собственной любезности. – Глория, несомненно, обрадуется встрече со старым другом. Я объясню, как нас найти. Мы здесь уже второй год.

– Благодарю. – И, словно отплачивая ответной любезностью, Блокмэн поинтересовался: – А как поживает дедушка?

– Хорошо. Сегодня я у него обедал.

– Выдающаяся личность, – серьезно констатировал Блокмэн. – Замечательный образец настоящего американца.

Торжество апатии

Жену Энтони нашел в гамаке на веранде, сладострастно поглощающую сэндвич с помидором и лимонад. Она вела оживленную беседу с Таной на одну из замысловатых тем, которых у японца имелось в избытке.

– В моей старане... – Мгновенно узнал Энтони любимое японцем вступление. – Люди все время кушать рис... потому что нет... Нельзя кушать чего нет. – Если бы не ярко выраженные национальные черты, можно было подумать, что все сведения о родине Тана черпает из американских учебников географии для начальных школ.

После того как уроженца Востока вынудили прервать словоизлияния и выдворили на кухню, Энтони вопросительно взглянул на жену.

– Все обошлось, – объявила Глория с сияющей улыбкой. – И я удивлена даже больше, чем ты.

– Точно?

– Да! Точнее не бывает!

Оба бурно радовались вновь обретенной возможности ни за что не отвечать. Затем Энтони рассказал жене о предложении поехать за границу и что ему чуть ли не стыдно ответить отказом.

– А ты что скажешь? Только честно.

– Но, Энтони! – В глазах Глории застыл испуг. – Ты и правда хочешь ехать? Без меня?

Энтони поник лицом. Услышав вопрос жены, он понял, что уже слишком поздно. Вокруг него обвилились нежные, душащие в объятиях руки Глории, ведь свой выбор он сделал год назад в номере отеля «Плаза». А сейчас имеет дело с пережитком тех лет, когда в голову еще приходили подобные мечты.

– Что ты, Глория! – лгал он в порыве озарения. – Разумеется, нет! Я вот думал, что ты могла бы поехать сестрой милосердия или еще кем-нибудь. – Тут же мелькнула мысль, приходил ли деду в голову такой поворот дела.

Глория улыбнулась, и Энтони в который раз удивился, как она прекрасна, изумительная девушка сказочной свежести с такими ясными и искренними глазами. Глория с поразительной живостью

ухватила за предложение и, подняв его над головой, словно сотворенное своими руками солнце, грелась в его лучах. И, не теряя времени, набросала краткий план их удивительных совместных приключений на войне.

После позднего ужина, пресытившись разговорами, она начала зевать. Желание что-либо обсуждать пропало, и Глория, растянувшись на кушетке, до полуночи читала «Пенрод». Энтони же, после того как отнес жену на руках в спальню, как и полагается романтическому влюбленному, еще долго бодрствовал, обдумывая события прошедшего дня, испытывая при этом легкую злость на Глорию и неудовлетворенность.

– Ну и что мне теперь делать? – завел он разговор за завтраком. – Вот мы уже год женаты, а все бестолково суедемся и даже досуг свой организовать не умеем.

– Да, тебе непременно надо найти занятие, – согласилась Глория, которая с утра пребывала в добродушном и разговорчивом настроении. Подобные беседы были не в новинку, но, поскольку главная роль в них отводилась Энтони, Глория старалась их избегать.

– Не то чтобы меня терзали угрызения совести по поводу работы, – продолжал Энтони. – Но любимый дедушка может умереть завтра – или с тем же успехом прожить еще лет десять. А мы, тратя больше, чем позволяет доход, приобрели всего лишь машину, на которой ездят фермеры, да кое-что из одежды. Платим за квартиру, в которой прожили всего три месяца, и снимаем этот домик в глухой провинции. Часто нам становится скучно, но мы и пальцем не пошевелим, чтобы познакомиться с кем-нибудь, помимо толпы, все лето слоняющейся по Калифорнии в спортивных костюмах, в ожидании смерти одного из родственников.

– Как сильно ты изменился! – заметила Глория. – А ведь когда-то сам говорил, что не понимаешь, почему американец не способен с изяществом предаваться лени.

– Черт побери, тогда я не был женат! И ум работал в полную силу, а сейчас крутится и крутится, как шестеренка, которой не за что зацепиться. И вообще я считаю, что если бы не встретил тебя, то сумел бы чего-то добиться в жизни. Но с тобой праздное времяпровождение приобретает такое очарование...

– Ах, значит, во всем виновата я?!

– Я не то имел в виду, ты же знаешь. Но мне уже скоро двадцать семь и...

– Ох, – с досадой перебила Глория, – ты наводишь на меня тоску! Говоришь так, будто я возражала против твоей работы или мешала!

– Глория, я просто размышлял! Неужели нельзя обсудить...

– А по-моему, у тебя должно хватить силы воли решить...

– ...обсудить с тобой без этих...

– ...решить свои проблемы, не тревожа меня. Ты много говоришь о необходимости работать. Вот я могу спокойно тратить больше денег, но я же не жалею. Работаешь ты или нет, я все равно тебя люблю.

Ее последние слова упали мягким пушистым снежком на промерзшую землю, но в тот момент супруги не прислушивались к словам друг друга. Оба занимались утверждением своей позиции, на которую наводили глянец, стараясь придать безупречный вид.

– Но я же работал. – Со стороны Энтони было опрометчиво выдвигать это прибереженное про запас оправдание. Глория рассмеялась, не то шутливо веселясь, не то издеваясь. Склонность мужа к софистике вызвала негодование, и в то же время она восхищалась беззаботностью Энтони. И никогда бы не поставила ему в вину праздное времяпровождение, пока делалось это искренне, с твердым убеждением, что ни одно занятие не стоит того, чтобы на него тратились силы.

– Работа! – фыркнула Глория. – Ах ты, бедняжка! Обманщик! Работа – это наведение порядка на письменном столе с последующей установкой лампы. Потом затачиваются карандаши, и то и дело слышишь: «Глория, прекрати петь! И убери отсюда этого проклятого Тану!» Или вот еще: «Давай я прочту тебе вступление. Я не скоро закончу. Не жди, ложись спать». И чрезмерное потребление чая и кофе. На этом дело и заканчивается. А через час карандаш уже не скрипит, ты достал книгу и что-то «ищешь». Потом начинаешь читать, зеваешь... И наконец ложишься спать и без конца ворочаешься в кровати, так как накачался кофеином и уснуть не можешь. Спустя пару недель спектакль повторяется.

Энтони стоило большого труда сохранить жалкие остатки достоинства.

– Ну, ты, мягко говоря, преувеличиваешь. Ведь прекрасно знаешь, что я продал очерк во «Флорентайн», и он вызвал большой интерес,

учитывая тираж «Флорентайн». И кроме того, Глория, ты сама видела, как я сидел до пяти утра, когда заканчивал работу над очерком.

Глория погрузилась в молчание, бросая мужу спасительную веревку. Если он не самоубийца, то вешаться не станет, а ухватится за ее конец.

– Во всяком случае, – вяло подвел итог Энтони, – мне действительно хочется поработать военным корреспондентом.

Глория полностью соглашалась с мужем. Оба были озабочены, их желания совпадали, и они с жаром уверяли в этом друг друга. Вечер закончился на прочувствованной ноте. Говорили о прелестях досуга, плохом здоровье Адама Пэтча и любви во что бы то ни стало.

– Энтони! – неделю спустя окликнула мужа сверху Глория. – К нам кто-то приехал.

Энтони лежал, развалившись в гамаке, на залитой пятнами солнечного света южной веранде. Машина иностранной марки, большая и внушительная, припала к земле у края дорожки, как зловещий гигантский жук. Энтони приветствовал мужчину в мягком костюме из чесучи и кепке в тон.

– Здравствуйте, Пэтч. Вот проезжал мимо и решил заглянуть.

Это был Блокмэн, как всегда ставший за это время чуточку импозантнее, с более утонченными интонациями в речи и более убедительной непринужденностью манер.

– Рад вас видеть. – Энтони повысил голос и крикнул в направлении увитого виноградом окна: – Глория! У нас гость!

– Я принимаю ванну, – любезно откликнулась Глория.

Оба мужчины с улыбкой признали неоспоримость такого алиби.

– Она сейчас спустится. Пойдемте на боковую веранду. Хотите выпить? Глория вечно сидит в ванной. Сегодня уже третий раз.

– Жаль, что она живет не в Саунде.

– Мы не можем себе позволить такую роскошь.

Из уст внука Адама Пэтча Блокмэн воспринял фразу как обычную шутку. Через четверть часа, которую мужчины провели, состязаясь в остроумии, появилась Глория, свежая, в накрахмаленном желтом наряде, наполняя все вокруг жизнерадостной энергией.

– Хочу произвести сенсацию в кинематографе, – заявила она. – Слышала, Мэри Пикфорд получает миллион долларов в год.

– А знаете, у вас бы получилось, – поддержал Блокмэн. – Помоему, вы бы прекрасно смотрелись на экране.

– Ты позволишь, Энтони? Если буду играть целомудренных девушек?

Беседа продолжалась в высокопарной манере, а Энтони в душе изумлялся, что его с Блокмэном эта девушка когда-то возбуждала и будоражила душу, как никто другой на свете. И вот сейчас все трое сидят рядом, напоминая не в меру добросовестно смазанные механизмы. И нет ни противоречий, ни страха, ни восторга, просто густо покрытые эмалью крошечные фигурки, надежно укрывшиеся за своими радостями в мире, где война и смерть, тупость и доблестная жестокость окутывают континент дымными клубами кошмара.

Вот сейчас Энтони позовет Тану, и они станут вливать в себя несущую радость утонченную отраву, которая ненадолго вернет радостное волнение детства. Когда каждое лицо в толпе несет обещание прекрасных и значительных событий, которые происходят где-то во имя великой и светлой цели... Жизнь ограничилась этим летним днем, легким ветерком, что играет кружевным воротничком на платье Глории, медленно накатывающей на веранду сонливостью... Казалось, все они застыли в нестерпимой неподвижности, отгородившись от какого бы то ни было романтического чувства, требующего действия. Даже красоте Глории не хватало бушующих страстей, остроты и обреченности...

– В любой день на будущей неделе, – обращался Блокмэн к Глории. – Вот, возьмите визитную карточку. Вам всего лишь устроят пробы, на которые уйдет около трехсот футов пленки, а уж потом сообщат результат.

– А что, если в среду?

– Прекрасно, в среду. Просто позвоните мне, и я сам схожу с вами...

Блокмэн поднялся с места, обменялся с Энтони коротким рукопожатием, и вот его автомобиль уже несется пыльным облаком по дороге. Энтони в растерянности обратился к жене:

– Что это значит, Глория?

– Ты ведь не возражаешь, если я пройду пробы? Энтони, ведь это всего лишь пробы! Все равно надо ехать в город в среду.

– Несусветная глупость! Ты ведь не собираешься сниматься в кино, болтаться целый день по студии с толпой статистов...

– А вот Мэри Пикфорд болтается!

– Не всем удастся стать Мэри Пикфорд.

– Не понимаю твоих возражений против проб...

– Тем не менее я возражаю. Терпеть не могу актеров.

– Ох, ты наводишь на меня тоску. Неужели думаешь, я с восторгом провожу весь день в полудреме на этой проклятой веранде?

– Была бы в восторге, если бы меня любила...

– Разумеется, я тебя люблю, – нетерпеливо перебила Глория, придумывая на ходу продолжение. – Именно поэтому не имею сил смотреть, как ты губишь себя, маясь от безделья, и все время твердишь, что должен работать. Может быть, если я временно займусь делом, мой пример подстегнет и тебя.

– Это всего лишь твоя неумная жажда острых ощущений.

– Возможно, ты прав! Только жажда-то вполне естественная, верно?

– Вот что я тебе скажу. Если надумаешь сниматься в кино, я уеду в Европу.

– Вот и езжай! Останавливать не стану!

В подтверждение своих слов Глория залилась разрывающими сердце слезами. Вместе они, словно готовые к бою армии, выстраивали свои чувства и отношения, облачая их в слова, поцелуи, проявления нежности, подкрепляя процесс самобичеванием. И ни к чему не пришли. Как и следовало ожидать, как всегда и случалось. В конце концов, в бурном порыве чувств, своим размахом делающих честь Гаргантюа, оба сели за стол и написали письма: Энтони – деду, а Глория – Джозефу Блокмену. Апатия праздновала полную победу.

Однажды в начале июля Энтони вернулся во второй половине дня из Нью-Йорка и окликнул Глорию. Не получив ответа, он решил, что жена спит, и отправился в буфетную комнату с намерением подкрепиться маленьким сандвичем, которые всегда готовились про запас. По пути он обнаружил Тану, восседающего за кухонным столом над грудой хлама, в которой виднелись коробки из-под сигар, ножи, карандаши, крышки от консервных банок и клочки бумаги с искусно выполненными рисунками и чертежами.

– Какого дьявола ты здесь делаешь? – с подозрением осведомился Энтони.

Тана расплылся в любезной улыбке.

– Я покажу, – с воодушевлением начал он. – Я расскажу...

– Мастерить собачью будку?

– Нет, са. – Лицо Таны снова озарила улыбка. – Делаю писчая масина.

– Пишущую машинку?

– Да, са. Резу в кровати и думаю, думаю про писчая масинка.

– Значит, надеешься ее соорудить?

– Подоздите, я сказу.

Энтони, дожевывая сэндвич, облокотился на раковину, а Тана несколько раз открыл и закрыл рот, словно проверяя его способность к действию, и внезапно затараторил:

– Я думар... писчая масинка... много-много-много стучек... ох, много-много-много...

– Понятно. Много клавишей.

– Не-е-е? Да, кравиши. Много-много-много буква. «Эй», «Би», «Си».

– Ты абсолютно прав.

– Подоздите, я сказу. – Японец принялся почесывать лицо в невероятном усилии выразить свою мысль. – Я думар, много сров – конец один. Вот «нг».

– Верно. Таких слов полно.

– Вот я дераю писчая масинка... Чтобы быстро, не так много буквы...

– Блестящая мысль, Тана! Это сэкономит время, а ты заработаешь целое состояние. Нажимаешь одну клавишу и сразу печатаешь «инг». Надеюсь, тебе удастся сделать такую машинку.

Тана пренебрежительно хмыкнул.

– Подоздите, я сказу...

– А где миссис Пэтч?

– Ушра. Подоздите, я сказу... – Он снова принялся чесать лицо. – Моя писчая масинка...

– Где она?

– Здесь... Я дерай. – Японец показал на кучу хлама на столе.

– Я говорю о миссис Пэтч.

– Ушра. Сказара, вернется пять часов, – утешил Тана.

– Поехала в поселок?

– Нет. Ушра до завтра. С мистер Брокмэн.

Энтони вздрогнул.

– Как, уехала с мистером Блокмэном?

– Вернется пять часов.

Ни слова не говоря, Энтони вышел из кухни, а вслед неся вопль безутешного Таны: «Я скажу!» Вот, значит, как себе представляет Глория острые ощущения, черт возьми! Пальцы сами собой сжались в кулаки, и через мгновение он уже достиг высшей степени негодования. Приоткрыв дверь, Энтони выглянул на улицу – в поле зрения не наблюдалось ни одной машины, а часы уже показывали без четырех минут пять. Подстегиваемый яростью, он устремился к краю тропинки – на милью вокруг, до самого поворота, дорога была пустынной. Разве что... нет, это просто фермерская колымага. Затем, в унижительной погоне за остатками достоинства, он бросился под защиту родных стен столь же стремительно, как их покинул.

Меряя шагами гостиную, Энтони приступил к репетиции обвинительной речи, предназначавшейся для Глории, когда та вернется.

«Значит, это и есть любовь!» – начнет он. Нет, не годится! Похоже на избитую фразу «Значит, это и есть Париж!». Нужно с достоинством продемонстрировать обиду, глубокую печаль или что там еще... «Так вот ты чем занимаешься, пока я день-деньской бегаю по душному городу, улаживая дела! Неудивительно, что я не имею возможности писать! И не могу ни на секунду оставить тебя без присмотра!» – теперь надо развить тему и подойти к главному. «Вот что я скажу, – продолжал воображаемую речь Энтони, – я скажу...» – он вдруг запнулся, неожиданно уловив в своих словах до боли знакомые ноты, и сразу же понял, что это Тана со своим извечным «я скажу».

Однако Энтони не рассмеялся и даже не подумал, что выглядит глупо. В его не на шутку разыгравшемся воображении уже пробило шесть, а потом семь и восемь часов. А Глории все нет! Блокмэн, увидев, что она скучает и не слишком счастлива, уговорил ее уехать вместе в Калифорнию...

У парадного входа слышался шум, а затем голос Глории весело крикнул: «Эй, Энтони!» Дрожа всем телом, он поднялся с места,

ощущая приятную слабость в ногах, и с радостью наблюдал, как Глория легко порхает по дорожке. Блокмэн шел следом с кепкой в руке.

– Любимый! – воскликнула Глория. – Мы совершили самую увлекательную прогулку по штату Нью-Йорк!

– Мне пора домой, – торопливо сообщил Блокмэн. – Жаль, что вас не оказалось дома, когда я заехал.

– И я сожалею, – сухо откликнулся Энтони.

Блокмэн уехал, а Энтони пребывал в нерешительности. Сковавший сердце страх пропал, и все же он чувствовал, что сейчас вполне уместно выразить некоторый протест. Сомнения разрешила Глория.

– Я знала, ты не станешь возражать. Он явился как раз перед обедом и сказал, что должен ехать в Гаррисон по делам, и пригласил меня составить компанию. Ах, Энтони, он выглядел таким одиноким. А я зато всю дорогу вела машину.

Энтони с безучастным видом упал в кресло. Его ум утомился без видимой причины и потерял ко всему интерес, устал от бремени, которое окружающий мир, не спросив, то и дело взваливал на плечи. И в этой ситуации он, как всегда случалось, проявил себя беспомощным неудачником. Относясь к типу личностей, которые, несмотря на многословие, не умеют выразиться внятно, Энтони, казалось, унаследовал необъятную традицию человеческой несостоятельности... а еще сознание смерти.

– Что ж, поступай как знаешь, – отозвался он наконец.

В подобных ситуациях следует проявлять широту взглядов, и Глория, молодая и красивая, должна пользоваться привилегиями в разумных пределах. И все-таки Энтони выводила из терпения неспособность смириться с этим фактом.

Зима

Она перевернулась на спину и лежала без движения на широкой кровати, наблюдая, как изящный лучик февральского солнца с трудом пробивается сквозь окно в свинцовом переплете. Некоторое время Глория не могла точно определить, где находится, или вспомнить события вчерашнего и позавчерашнего дня. Потом память, подобно раскачивающемуся маятнику, стала отбивать такты повествования, с каждым взмахом выпуская на свободу определенный, наполненный событиями отрезок времени, пока перед мысленным взором Глории не предстала вся ее жизнь.

Теперь она слышала тяжелое дыхание лежащего рядом Энтони, чувствовала запах виски и сигаретного дыма и обнаружила, что тело не желает слушаться. Стоило пошевелиться, и движение, результатом которого является распределяющееся по всему телу напряжение, не получалось. Теперь оно стоило огромного усилия нервной системы, будто Глории приходилось всякий раз подвергать себя гипнозу, чтобы осуществить совершенно невыполнимое действие.

В ванной комнате она почистила зубы, желая избавиться от мерзкого привкуса во рту, а потом вернулась в спальню, прислушиваясь, как у входной двери гремит ключами Баундс.

– Энтони, просыпайся! – решительно потребовала она.

А потом забралась к нему под бок и закрыла глаза.

Пожалуй, последнее, что помнила Глория, был разговор с мистером и миссис Лейси.

– Уверены, что не нужно вызвать такси? – спросила миссис Лейси, и Энтони ответил, что они прекрасно доберутся пешком, прогуляются по Пятой авеню. Затем супруги дружно сделали необдуманную попытку откланяться и в следующее мгновение, непонятно как, рухнули на целую батарею пустых бутылок из-под молока, стоявших за дверью. Их было не менее тридцати, с разинутыми горлышками притаившихся в темноте. И Глория не могла найти разумного объяснения их неносному присутствию. Возможно, бутылки привлекло звучащее в доме Лейси пение, и они сбежались поглазеть на веселье. Одним словом, Глория и Энтони едва выбрались из этой

передраги и с трудом встали на ноги. А проклятые бутылки все катались...

В конце концов им удалось поймать такси.

– У меня не работает счетчик, и поездка обойдется в полтора доллара, – заявил таксист.

– Что ж, – парировал Энтони, – я молодой Пэки Макфарленд. А ну, выходи из машины, и я вышибу из тебя дух!

После этих слов таксист уехал, оставив их на улице. Должно быть, им подвернулось другое такси, ведь как-то же они добрались до своей квартиры...

– Который час? – Энтони сидел в кровати, устремив на жену остекленевший совиный взгляд.

Вопрос явно носил риторический характер. Чего ради Глория должна знать, который сейчас час?

– Ой, ей-богу, как же мне паршиво! – вяло пробормотал Энтони. Обмякнув всем телом, он снова рухнул на подушку. – Ох, зовите сюда старуху с косой!

– Послушай, Энтони, а как мы в конце концов добрались вчера до дома?

– Такси.

– А!.. – И после короткой паузы: – Ты донес меня до кровати?

– Понятия не имею. Кажется, это ты уложила меня в постель. Какой сегодня день?

– Вторник.

– Вторник? Хорошо бы. Ведь в среду я должен приступить к работе в этой идиотской конторе. Надо туда явиться в девять или в какую-то еще совершенно возмутительную рань.

– Спроси у Баундса, – слабым голосом предложила Глория.

– Баундс! – позвал Энтони.

Бодрый, трезвый как стеклышко – голос из мира, который они, казалось, два дня назад покинули навсегда, – Баундс протопал по коридору частыми шагами, и его силуэт возник в полутьме дверного проема.

– Какой сегодня день, Баундс?

– Полагаю, двадцать второе февраля, сэр.

– Я про день недели.

– Вторник, сэр.

– Благодарю.

– Подавать завтрак, сэр? – осведомился Баундс после короткой паузы.

– Да. И слушайте, Баундс, принесите сначала кувшин с водой и поставьте здесь, рядом с кроватью. Что-то хочется пить.

Баундс, являя собой пример трезвого достоинства, удалился в коридор.

– День рождения Линкольна, – сообщил без особого энтузиазма Энтони. – Или День святого Валентина, или еще кого-нибудь. Когда началась эта безумная вакханалия?

– В воскресенье вечером.

– Вероятно, после вечерней молитвы? – язвительно предположил Энтони.

– Мы разъезжали по всему городу на нескольких такси, а Мори сидел рядом с водителем. Неужели не помнишь? Потом приехали домой, и он захотел зажарить бекон... Вышел из кухни с обугленными остатками в руках и утверждал, что бекон зажарен до ставшей притчей во языцех корочки.

Они оба неожиданно, хоть и с некоторым трудом, рассмеялись и, лежа рядышком, принялись восстанавливать в памяти цепочку событий, оборвавшуюся этим неприветливым беспорядочным утром.

Уже почти четыре месяца как супруги переехали в Нью-Йорк, когда в конце октября жить в деревне стало слишком холодно. От путешествия по Калифорнии в этом году отказались, отчасти из-за недостатка средств, а еще из-за планов отправиться за границу, если все-таки зимой закончится тянущаяся уже второй год война. В последнее время их доход утратил былую эластичность и никак не желал растягиваться для покрытия расходов на веселые причуды и экстравагантные забавы. Энтони без видимого результата часами ломал голову над исписанным цифрами блокнотом. Составлял изумительную в своей практичности финансовую смету, обеспечивающую широкие возможности для «развлечений, путешествий и тому подобного», безуспешно стараясь пропорционально распределить прошлые затраты.

Энтони помнил времена, когда, отправляясь на пирушку с двумя лучшими друзьями, именно они с Мори оплачивали львиную долю расходов. Покупали билеты в театр или спорили между собой за

столом, кому платить за ужин. И это принималось как должное. Дику с его простодушием и огромным объемом информации о своей персоне отводилась роль забавного мальчика-подростка, придворного шута при их королевских величествах. Теперь ситуация изменилась, и именно Дик всегда был при деньгах, а Энтони приходилось ограничивать себя в развлечениях, не считая случайных, полных подогретого вином разгульного веселья вечеринок. На следующее утро, под презрительным взглядом Глории, в котором сквозило отвращение, он торжественно произносил извечную фразу: «В следующий раз надо вести себя более осмотрительно».

За два года со дня публикации «Демонического любовника» Дик заработал более двадцати пяти тысяч долларов, причем большую часть получил недавно, когда благодаря ненасытной жадности киномельцов до увлекательных сценариев гонорары автора рассказов достигли беспрецедентных цифр. За каждое свое творение Дик получал семьсот долларов, по тем временам солидный заработок для молодого человека, не достигнувшего тридцатилетнего возраста. Еще тысячу платили, если рассказ подходил для киносценария и в нем было «достаточно действия», то есть стрельбы, поцелуев и принесенных жертв. Рассказы были разными, написаны живым языком, и во всех неизменно просматривалось подсказанное природной интуицией мастерство. Но ни один из них не мог соперничать по выразительности с «Демоническим любовником», а некоторые Энтони считал низкопробной дешევкой. Дик с суровым видом вещал, что эти произведения призваны расширить его читательскую аудиторию. Кто рискнет оспорить факт, что достигнувшие истинного признания писатели, от Шекспира до Марка Твена, адресовали свои шедевры не только избранным, но и широкой публике? Несмотря на возражения со стороны Энтони и Мори, Глория посоветовала ему продолжать в том же духе и зарабатывать по возможности больше денег. Ведь только они и имеют цену при любых обстоятельствах...

Мори, успевший слегка раздобыть и приобрести некоторую слащавость в манерах, уехал работать в Филадельфию. Пару раз в месяц он навещался в Нью-Йорк, и тогда все четверо отправлялись по знакомому маршруту: прямо с ужина в театр, а оттуда в «Фролик». Или, по настоянию любопытной Глории, в один из погребков Гринич-

Виллидж, пользующийся громкой, хотя и мимолетной славой пристанища для представителей «нового направления в поэзии».

В январе, после многочисленных монологов, предназначенных для ушей хранящей молчание супруги, Энтони решил «подыскать какое-нибудь занятие», хотя бы на зиму. Хотелось доставить удовольствие деду и заодно выяснить, как ему самому понравится работать. После нескольких пробных полуофициальных звонков стало ясно, что работодателей не слишком интересует молодой человек, который желает потрудиться пару месяцев интереса ради. Как внука Адама Пэтча его повсюду принимали с подчеркнутой любезностью, но старик давно отошел от дел. Его звездный час сначала как угнетателя, а потом вдохновителя человечества на борьбу со злом пришелся на последние двадцать лет перед уходом на покой. Энтони даже встретил несколько молодых людей, пребывавших в твердой уверенности, что Адам Пэтч скончался много лет тому назад.

В конце концов Энтони пришел к деду за советом, и тот рекомендовал поработать на рынке ценных бумаг в качестве агента по продажам. Предложение показалось скучным, но в результате Энтони решил последовать совету старика Пэтча. Ловкие манипуляции с деньгами имеют прелесть при любых обстоятельствах, тогда как всякий вид производства навеивает нестерпимую скуку. Подумывал он и о работе газетчика, однако потом решил, что ее график не подходит женатому человеку. Предаваясь сладостным мечтам, Энтони видел себя в разных обликах. Например, редактором блестящего еженедельника вроде «Меркюр де Франс» на американский манер. Или купающимся в лучах славы продюсером сатирической комедии, а то и музыкального ревю в парижском стиле. Однако для доступа в упомянутые гильдии требовалось знать определенные профессиональные секреты, которые люди постигают, продвигаясь окольными путями писательского или актерского труда. Не приобретя такого опыта, получить работу в журнале не представлялось возможным.

Таким образом, с помощью написанного дедом письма он проник в американскую святыню, где за чистым столом восседал президент компании «Уилсон, Химер и Харди», и вышел оттуда работающим человеком. Приступить к работе предстояло двадцать третьего февраля.

В честь этого знаменательного события и была запланирована двухдневная пирушка после заявления Энтони, что по причине устройства на работу всю неделю придется рано ложиться спать. Мори Ноубл прибыл из Филадельфии, чтобы встретиться с одним человеком на Уолл-стрит (с которым он, кстати, так и не повидался), а Ричарда Кэрамела уговорили присоединиться к всеобщему веселью с помощью убедительных аргументов и обмана. В понедельник днем компания снизошла до какой-то модной свадьбы с обилием спиртного, а вечером наступила развязка. Глория, превысив обычную норму из четырех точно рассчитанных коктейлей, устроила разудалую вакханалию, какой друзья в жизни не видели, проявив при этом удивительное знание балетных па и песенок, которым, по ее собственному признанию, научилась у кухарки, будучи невинной семнадцатилетней девушкой. В течение вечера она по просьбам зрителей исполняла их несколько раз и так самозабвенно, что Энтони вовсе не испытывал раздражения, от души радуясь новому источнику увеселения. Остались в памяти и другие незабываемые моменты. Взять, к примеру, долгий разговор между Мори и усопшим крабом, которого он держал на весу за ус, пытаясь выяснить, знаком ли тот с биномом Ньютона. Была еще и упомянутая выше гонка на двух такси, где в качестве зрителей выступали незыблемо-внушительные тени Пятой авеню и которая после беспорядочного блуждания завершилась бегством в сумрак Центрального парка. В завершение Энтони и Глория нанесли визит одной зажигательной молодой супружеской паре, тем самым Лейси, где и рухнули на груду пустых молочных бутылок.

И вот теперь предстоит провести утро за подсчетом чеков, обналиченных в клубах, магазинах и ресторанах. Выветрить застоявшийся запах вина и сигарет из просторной голубой гостиной, собрать осколки стекла и вывести пятна на обивке диванов и кресел. Да, не забыть сказать Баундсу, чтобы отнес почистить костюмы и платья. И наконец, вытащить свои все еще задыхающиеся от лихорадочного возбуждения тела и поникшие удрученные души на морозный февральский воздух, чтобы вдохнуть в них жизнь, дабы завтра утром в девять часов компания «Уилсон, Химер и Харди» получила возможность воспользоваться услугами молодого энергичного сотрудника.

– А помнишь, – вещал из ванной комнаты Энтони, – как Мори вышел на углу Сотой и Десятой улиц и стал изображать из себя регулировщика? Одни машины пропускал, а другие заворачивал назад! Люди, должно быть, решили, что он частный детектив.

Каждое воспоминание вызывало у обоих приступ безудержного смеха. перевозбужденные нервы реагировали одинаково остро и на радость, и на горе.

Глядя в зеркало, Глория удивлялась великолепному цвету и свежести лица. Похоже, никогда в жизни она не выглядела так замечательно, хотя сильно беспокоил желудок и раскалывалась голова.

Неспешно потянулся день. Энтони взял такси, намереваясь заехать к брокеру и взять займы денег под долговое обязательство. Неожиданно он обнаружил, что в кармане всего два доллара. Они, безусловно, уйдут на оплату такси, но именно сегодня Энтони чувствовал, что просто не в состоянии путешествовать на метро. А следовательно, когда счетчик достигнет предельной отметки, придется выгружаться из машины и тащиться пешком.

С этой мыслью Энтони окунулся в привычные фантазии... В мечтах он обнаружил, что счетчик щелкает слишком быстро. Мошенник-водитель, разумеется, подстроил это специально. С невозмутимым видом он добрался до нужного места и небрежно вручил шоферу сумму, которую действительно должен заплатить. Парень выразил желание подраться, но прежде чем успел поднять руку, Энтони сразил его одним сокрушительным ударом. А когда мерзавец все же встал на ноги, Энтони быстро отступил в сторону и окончательно уложил его наземь коротким ударом в висок.

И вот Энтони уже в суде. Судья приговорил его к штрафу в пять долларов, но денег при себе нет. Примет ли суд чек? Но ведь его здесь не знают. Правда, личность можно легко установить, позвонив на квартиру.

...так и поступают. Да, у телефона миссис Энтони Пэтч, но откуда ей знать, что упомянутый человек ее муж? Да, откуда? Пусть сержант спросит, помнит ли она бутылки из-под молока...

Энтони торопливо наклонился вперед и постучал в стекло. Такси еще только проезжало Бруклинский мост, а счетчик уже показывал доллар и восемьдесят центов. О чаевых меньше десяти процентов не могло быть и речи.

Ближе к вечеру он вернулся домой. Глория тоже отсутствовала почти весь день, делая покупки, а теперь спала, свернувшись калачиком в уголке дивана, не выпуская из рук свое приобретение. Ее лицо хранило безмятежное, как у ребенка, выражение, а сверток, что она прижимала к груди, оказался куклой, играющей роль безотказно действующего целительного бальзама для растревоженного детского сердечка Глории.

Судьба

С этой пирушки, а в частности, с роли, которую сыграла на ней Глория, начались решительные перемены, коснувшиеся всего образа жизни супругов. Впечатляющая позиция плевать на все за одну ночь превратилась из обычного догмата, взятого на вооружение Глорией, в главное утешение и оправдание своих действий, а также последствий, к которым они ведут. Не огорчаться, не издавать ни стопа жалобы и раскаяния, жить в соответствии с четким кодексом чести по отношению друг к другу и с жаром и настойчивостью, на которые только способны, ловить моменты счастья.

– Энтони, всем на нас наплевать, кроме нас самих, – сказала как-то Глория мужу. – Смешно делать вид, будто я чувствую себя чем-то обязанной этому миру и меня волнует, что думают обо мне люди. Да мне просто безразлично, и все тут. Еще в детстве, в школе танцев, матери всех девочек, которые не вызывали всеобщего восхищения, как я, вечно перемывали мне кости, и с тех пор воспринимаю любую критику как проявление зависти.

Поводом для разговора послужила ночная вечеринка в «Буль-Миш», где Констанс Мерриам увидела Глорию в развеселой компании из четырех человек и на правах «старой школьной подруги» не поленилась пригласить ее на следующий день в гости, чтобы в красках описать, как ужасно смотрелась непристойная сцена со стороны.

– А я сказала, что при всем желании не могла ее наблюдать, – делилась Глория с мужем. – Эрик Мерриам – облагороженная разновидность Перси Уолкотта, ну, помнишь, тот парень из Хот-Спрингс, я о нем рассказывала. В его представлении уважение к Констанс заключается в том, чтобы держать ее взаперти за шитьем или книгой и заставлять возиться с младенцем. Ну или предаваться другим невинным развлечениям, пока супруг бежит на очередную пирушку, где смертельной скукой и не пахнет.

– Ты ей прямо так и сказала?

– Разумеется. Да еще добавила, что причина ее возмущения кроется в зависти: ведь я провожу время гораздо веселее.

Энтони одобрял Глорию и страшно гордился, что в любой компании она неизменно затмевает всех присутствующих дам, а

мужчины радостно собираются вокруг нее шумной толпой, только чтобы насладиться красотой и теплом живой энергии, не претендуя ни на что большее.

Такие вечеринки постепенно сделались для них главным источником развлечений. Все еще влюбленные и проявляющие живой интерес друг к другу, они с приближением весны тем не менее обнаружили, что сидеть дома по вечерам надоело. Книги казались далекими от действительности, прежнее очарование уединения давно пропало, и теперь супруги предпочитали скучать на глупой комедии или ужинать с наименее интересными из своих знакомых, при условии достаточного количества коктейлей, чтобы беседа не стала абсолютно невыносимой. Разношерстная компания молодых женатых мужчин, с которыми Энтони и Глория дружили еще в школе или колледже, а также обширный круг холостяков подсознательно вспоминали о них всякий раз, когда хотелось ярких ощущений. А потому редкий день в квартире не раздавался телефонный звонок и кто-нибудь непременно интересовался: «Кстати, что вы делаете сегодня вечером?» Жены, как правило, побаивались Глорию. Легкость, с которой она становилась центром всеобщего внимания, невинная, но причиняющая беспокойство манера завоевывать симпатию их мужей вызывали подспудно глубокое недоверие, которое только усиливалось из-за нежелания Глории сблизиться с кем-либо из женщин, несмотря на их попытки.

В назначенное время в среду Энтони явился в импозантную контору компании «Уилсон, Химер и Харди», где выслушал расплывчатые наставления от энергичного молодого человека примерно одних с ним лет по имени Калер, на голове которого красовался вызывающе взбитый чуб соломенного цвета. Он представился помощником секретаря, всем видом давая понять, что этой должностью награждают за выдающиеся способности.

— Здесь вы найдете два типа людей, — доверительно сообщил он. — Тех, что становятся помощниками секретаря или казначеями и включаются в каталог фирмы до тридцати лет, и тех, чье имя попадает туда в сорок пять. Так вот, последние остаются там до конца жизни.

— А как насчет человека, попавшего в него в тридцать лет? — вежливо поинтересовался Энтони.

– Ну, он поднимется сюда. – Калер указал на список помощников вице-президентов в том же каталоге. – А возможно, он станет президентом или секретарем, или казначеем.

– А вон те?

– Те? О, это попечители, люди с капиталом.

– Понятно.

– Некоторые считают, – развивал свою мысль Калер, – что успешное начало карьеры зависит от того, получили вы образование в колледже или нет, но они ошибаются.

– Понятно.

– Вот я, например, закончил Бакли, выпуск 1911 года, но когда пришел на Уолл-стрит, очень скоро понял, что нужны-то мне вовсе не бредни, которым учили в колледже. Да, много пришлось выкинуть из головы всякой ерунды.

До Энтони все не доходило, какой такой «ерунде» обучался Калер в Бакли в 1911 году, и в продолжение всего разговора в голове вертелась неотвязная мысль, что это некий вид рукоделия.

– Видите вон того человека? – Калер указал на моложавого мужчину с красивой сединой, письменный стол которого находился за загородкой из красного дерева. – Мистер Эллинджер, первый вице-президент. Всюду побывал и все повидал, имеет прекрасное образование.

Энтони тщетно старался проникнуться романтикой финансового дела и представлял мистера Эллинджера исключительно в роли одного из покупателей собраний сочинений Теккерея, Бальзака и Гиббона в красивых кожаных переплетах, выстроившихся рядами на полках книжных магазинов.

В течение сырого, наводящего уныние марта его обучали ремеслу торговли ценными бумагами. Энтони, не слишком жаждая овладеть этим искусством, мог рассмотреть в царящей вокруг суеи и неразберихе лишь напрасное стремление к достижению некой неясной цели, осязаемым подтверждением которой служили только особняки конкурентов, мистера Фрика и мистера Карнеги, на Пятой авеню. Казалось невероятным, что эти напыщенные вице-президенты и попечители на самом деле могли быть отцами «лучших ребят», которых Энтони знал по Гарварду.

Обедал он наверху, в столовой для сотрудников компании, терзаясь подозрением, что его все время стараются взбодрить. В первую неделю пребывания на службе вызывало недоумение поведение сотрудников. Десятки молодых клерков, весьма проворных, не вызывающих нареканий и получивших образование в колледже, жили радужной мечтой вписать свое имя на заветный кусочек картона, прежде чем перевалят роковой тридцатилетний рубеж. Разговоры велись о повседневной работе и неизменно сводились к одной теме. Обсуждалось, каким образом мистер Уилсон сколотил капитал и какие средства использовали для достижения той же цели мистер Химер и мистер Харди. Пересказывались избитые, но всякий раз с восторгом встречаемые истории, как некий мясник, бармен или – ей-богу, не поверите, какой-то паршивый посыльный! – в мгновение ока нажили на Уолл-стрит огромные состояния. Затем заводился разговор о текущей игре на бирже, что разумнее: гнаться за сотней тысяч долларов в год или довольствоваться двадцатью? В прошлом году один из помощников секретаря вложил все сбережения в акции «Бетлехем стил», и повесть о его блистательном пути к нынешнему величию, о том, с каким надменным видом он отказался в январе от должности, а также о символизирующем полный триумф дворце, что сейчас строится в Калифорнии, стала излюбленной темой для обсуждения. Само имя этого человека приобрело магический смысл, воплотив в себе чаяния всех добропорядочных американцев. О нем тоже рассказывались истории, как однажды кто-то из вице-президентов посоветовал продать акции, а он – ей-богу! – придерживал их до конца да еще прикупал. И вот теперь смотрите, каких высот достиг!

В этом, безусловно, и заключался смысл жизни. Впереди всех ждет слепящий глаза успех, что пророчит велеречивая гадалка-цыганка, помогая смириться с жалким жалованьем и невозможностью конечного триумфа, которую легко доказать путем простых арифметических действий.

Такая позиция наполняла душу Энтони отвращением. Он понимал: для продвижения в компании нужно сделаться одержимым идеей успеха и ограничить ею все свои стремления. У Энтони также создалось впечатление, что главной чертой людей, занимающих высшие должности, была вера в глубокий смысл своей деятельности, которая и лежит в основе существования всего человечества. При

прочих равных условиях самонадеянность и умение извлекать выгоду при любых обстоятельствах неизменно одерживали победу над истинным знанием дела. Однако также не вызывало сомнений, что львиная доля работы, требующей высокой квалификации, выполняется ближе к дну, а потому прилагались соответствующие усилия, чтобы не дать хорошим специалистам оттуда подняться.

Решимости Энтони проводить в течение рабочей недели все вечера дома хватило ненадолго. По утрам он, как правило, являлся в контору с разламывающейся от тошнотворной боли головой, а в ушах, словно эхо из преисподней, звучал гул переполненной подземки.

Потом он неожиданно бросил работу. Как-то в понедельник просто остался лежать в постели, а вечером, страдая очередным приступом угрюмого отчаяния, которые периодически на него накатывали, написал и отправил письмо мистеру Уилсону, признаваясь, что не считает себя пригодным для подобной работы. Глория, вернувшись из театра с Ричардом Кэрамелом, нашла его в шезлонге. Энтони в молчании тупо уставился в потолок, и за всю супружескую жизнь Глория не видела его таким удрученным и подавленным.

Ей хотелось, чтобы муж начал жаловаться, тогда можно обрушиться на него с полными горечи упреками, так как Глория была не на шутку раздосадована. Но Энтони лежал такой потерянный, что ей стало его жалко. Опустившись на колени, Глория гладила мужа по голове, приговаривая, что его уход не имеет никакого значения, да и вообще все не важно, пока они любят друг друга. Как и в первый год совместной жизни, Энтони, отзываясь на прикосновение прохладной руки, на нежный, как дыхание, голос, ласкающий слух, почти развеселился и принялся обсуждать с женой планы на будущее. А перед тем как лечь спать, даже пожалел про себя, что поспешил отправить письмо об отставке.

– Даже когда все вокруг кажется мерзким, нельзя доверять первому впечатлению, – убеждала Глория. – Имеет значение только результат всех твоих суждений, собранных воедино.

В середине апреля пришло письмо из Мариэтты от агента по продаже недвижимости, где предлагалось снять серый домик еще на год, но уже за чуть более высокую арендную плату. К письму прилагался договор об аренде, на котором требовалось поставить свои подписи. В течение недели и письмо, и договор валялись у Энтони на

письменном столе. Супруги не собирались возвращаться в Мариэтту, им там надоело, а минувшее лето прошло в невероятной скуке. Кроме того, машина превратилась в гремющую грудку металла удручающего вида, а покупка новой была неразумной с финансовой точки зрения.

Однако в процессе длившейся четыре дня очередной разнузданной пирушки, в которой на разных этапах приняли участие более дюжины человек, они таки подписали договор. И, к своему ужасу, обнаружили, что не только подписали, но и тотчас отослали агенту по продаже недвижимости, словно услышали приглушенный зловещий зов серого дома, жадно облизывающегося в предвкушении сожрать свою жертву.

– Энтони, а где договор об аренде? – с тревогой в голосе поинтересовалась в воскресенье Глория, с больной головой, но успевшая достаточно протрезветь, чтобы адекватно воспринимать действительность. – Где ты его оставил? Он же лежал здесь!

Внезапно до нее дошло, где находится договор. Вспомнила попойку у них дома на пике разухабистого веселья, комнату, полную мужчин, которым, даже не пребывая они в столь приподнятом настроении, не было ни малейшего дела до Энтони и Глории. Хвастливую болтовню Энтони о выдающихся достоинствах и заманчивой уединенности их серого домика, который так далеко от другого жилья, что можно шуметь, сколько душа пожелает. Потом приехал в гости Дик и с воодушевлением заорал, что это лучший домик, о каком можно только мечтать, и они будут полными идиотами, если не снимут его еще на одно лето. Не составило труда вообразить, как душно и пусто будет в городе летом и какая благоуханная отрада ждет их в Мариэтте. Схватив договор, Энтони стал в исступлении им размахивать под молчаливое одобрение Глории. Затем во время последнего приступа говорливости супруги окончательно утвердились в своей решимости, а гости обменялись торжественными рукопожатиями, обещая прибыть с визитом. Вот тогда-то и случилось непоправимое...

– Энтони! – воскликнула Глория. – Мы его подписали и отправили!

– Что?

– Договор об аренде!

– Какого черта?!

– Ох, Энтони!

В ее голосе звучало неподдельное горе. На все лето, на целую вечность, они выстроили себе темницу. Этот шаг подрубил корни, на которых держались остатки стабильности. Энтони думал, что можно договориться с агентом, ведь им больше не по карману двойная арендная плата. Кроме того, отъезд в Мариэтту означал отказ от квартиры, его идеальной квартиры с изысканной ванной и комнатами, для которых Энтони сам покупал мебель и портьеры. Жилище, больше всего соответствующее его представлению о «домашнем очаге» и хранящее воспоминания четырех ярких лет.

Но с агентом по продаже недвижимости не договорились и вообще ничего не уладили. В подавленном состоянии, ни словом не обмолвившись о необходимости смириться и использовать ситуацию наилучшим образом, и даже отказавшись от традиционного, годившегося на все случаи жизни постулата «а мне наплевать», супруги вернулись в дом, которому, как теперь стало известно, не нужна ни любовь, ни юность. Он лишь сберег обрывки горьких воспоминаний, которыми уже никогда не смогут поделиться друг с другом.

Зловещее лето

Тем летом в доме поселился ужас. Он явился вместе с Глорией и Энтони и повис мрачной пеленой, постепенно расползаясь от комнат внизу по узким лестницам вверх, пока не придавил тяжким грузом сон супругов. Энтони и Глория возненавидели уединение. Ее спальня, еще недавно казавшаяся полной юной розовой нежности, что сочеталась с пастельными тонами белья, небрежно разбросанного по стульям и кровати, теперь будто нашептывала шелестом штор:

– Ах, моя прекрасная юная госпожа, ты не первая, чье утонченное изящество увяло здесь, под лучами летнего солнца... Целые поколения нелюбимых женщин наряжались перед этим же зеркалом ради влюбленного взгляда неотесанных деревенских кавалеров. Но мужланы оставляли без внимания их ухищрения... Юность зашла в твою комнату в нежнейших голубых одеждах, а вышла в сером саване отчаяния. И долгими ночами множество девушек лежали без сна вот на этом самом месте, где стоит кровать, изливая во мрак ночи свои страдания.

В конце концов Глория собрала всю одежду и косметику и бесславно бежала из спальни, заявив, что будет теперь жить с Энтони, и оправдывая свой поступок сломанной сеткой на окне, через которую проникают насекомые. Ее спальню отдали в распоряжение не склонных к сентиментальности гостей, а хозяева одевались и спали в комнате Энтони, которую Глория называла «благополучной», будто присутствие мужа отгоняло тревожные тени прошлого, которые, возможно, нашли приют в ее стенах.

Различие между «благополучным» и «неблагополучным», давно определенное коротко и ясно на основании их жизненного опыта, было восстановлено в ином виде. По настоянию Глории любой гость в сером доме обязан нести на себе печать «благополучия». Если речь шла о девушке, это означало одно из двух: либо не вызывающая нареканий простушка, либо, если упомянутые качества отсутствуют, обладательница твердого характера и негибкой воли. Помимо прежнего скептицизма в отношении представительниц своего пола, теперь Глорию тревожил вопрос, насколько они чисты. Под «нечистотой» подразумевались абсолютно разные понятия, включая недостаток гордости, отсутствие силы духа и, главное, окружающая женщину атмосфера неразборчивости и распущенности, которую Глория безошибочно определяла.

– Женщины с легкостью влезают в грязь, гораздо легче мужчин. Если только девушка не слишком молода и отважна, ее падению неизбежно сопутствуют истеричные животные потребности, грязные и не лишенные коварства. Мужчины совсем другие. Полагаю, вот почему одним из популярнейших персонажей в романах является элегантный мужчина, смело отправляющийся в лапы к дьяволу.

Глории нравились многие представители сильного пола, особенно те, кто выказывал по отношению к ней искреннюю почтительность и не упускал случая развлечь. Однако часто, осененная вспышкой проницательности, она заявляла Энтони, что кто-то из друзей просто его использует, а следовательно, лучше не иметь с ним дела. Энтони по привычке возражал, настаивая, что «обвиняемый» относится к разряду «благополучных», но впоследствии оказывалось, что суждения жены более верные. Несколько раз это подтвердилось с особой наглядностью, когда Энтони остался в одиночестве с пачкой ресторанных счетов, которые следовало оплатить.

Скорее из страха перед одиночеством, чем из желания окунуться в досадную суету очередной пирушки, они каждый уик-энд приглашали в дом гостей, а зачастую и среди недели. В выходные дни вечеринки не отличались разнообразием. Когда приглашались трое или четверо мужчин, считалось вполне уместным начать с выпивки, после чего следовали шумный ужин и поездка в местный клуб «Крэdl-Бич». Энтони и Глория стали его членами, так как клуб, пусть и не из самых модных, оказался достаточно дешевым и оживленным, а в их случае без такого заведения было просто не обойтись.

Кроме того, никого не интересовало, чем вы там занимаетесь, и пока Пэтчи и их гости не выходили за разумные пределы и не слишком шумели, законодатели общественного мнения в «Крэdl-Бич» смотрели сквозь пальцы на веселящуюся в зале Глорию, которая принимала в течение вечера коктейль за коктейлем.

Суббота обычно заканчивалась чарующей суматохой, и часто возникала необходимость помочь отяжелевшим от выпивки гостям добраться до постели. Воскресенье несло с собой нью-йоркские газеты и тихое утро, посвященное восстановлению сил на веранде. Во второй половине дня в воскресенье прощались с одним или парой гостей, которым требовалось вернуться в город, а те, кто оставался до следующего дня, снова приступали к поглощению спиртного, и завершалось все шумным вечерним пиршеством.

Преданный Тана, педант по натуре и мастер на все руки, последовал за хозяевами. Самые частые гости установили определенную традицию в отношениях с японцем. Однажды Мори Ноубл заявил, что его настоящее имя – Танненбаум, а сам он германский шпион, которого забросили в страну для распространения тевтонской пропаганды по округу Уэстчестер. После этого из Филадельфии сбито́му с толку азиату стали приходить загадочные письма, адресованные лейтенанту Эмилю Танненбауму. В них содержалось несколько шифровок с подписью «Генеральный штаб» и два столбца витиеватых якобы японских иероглифов. Энтони без тени улыбки на лице вручал письма Тане, и адресат долгие часы корпел на кухне над посланиями, с серьезным видом заявляя, что состоящие из перпендикулярных линий символы не только не похожи на японские иероглифы, но и вообще таковыми не являются.

Глория невзлюбила японца с того дня, когда неожиданно вернулась из поселка и застала его за изучением газет, полуразвалившимся на кровати Энтони. Под действием неведомого инстинкта слуги обожали Энтони и терпеть не могли Глорию, и Тана не являлся исключением из правила. Однако он испытывал отчаянный страх перед хозяйкой и проявлял свою неприязнь только в моменты угрюмого настроения, обращаясь к Энтони с замечаниями, явно предназначенными для ушей его супруги.

– Что миз Пэтс хочет узинать? – спрашивал он, глядя на хозяина. Или начинал туманно намекать на нестерпимый эгоизм отдельных «американцев», и по его виду можно было безошибочно определить, кто именно из «американцев» имеется в виду.

Но Пэтчи не рискнули уволить японца. Подобный шаг претил их пассивности, и они терпели Тану и принимали как плохую погоду, телесные недуги и волю Всевышнего, как мирились со всем, включая самих себя.

Во тьме

Как-то знойным июльским днем из Нью-Йорка позвонил Ричард Кэрамел и объявил, что они с Мори едут в гости и везут с собой приятеля. Друзья появились около пяти, в легком подпитии, а сопровождал их низенький коренастый мужчина лет тридцати пяти, представленный как мистер Джо Халл, один из лучших людей, с которыми доводилось встречаться Энтони и Глории.

Лицо Джо Халла покрывала соломенного цвета щетина, яростно пробивавшаяся сквозь кожу, а его голос представлял собой нечто среднее между басом-профундо и хриплым шепотом. Энтони помог Мори отнести наверх чемоданы и зашел вслед за другом в комнату, тщательно прикрыв дверь.

– Кто этот тип? – потребовал он объяснений.

Мори радостно хохотнул:

– Кто, Халл? О, все в порядке, он «благополучный».

– Не сомневаюсь, но что он собой представляет?

– Халл? Просто славный малый. Настоящий принц. – Мори снова хохотнул, сопровождая свои действия умильными кошачьими ужимками. Энтони не мог сообразить, как поступить: разделить веселье приятеля или нахмурить брови?

– Мне он кажется странным. И одет как-то чуждаковато. – Он немного помолчал. – Подозреваю, вы оба подцепили его где-то прошлой ночью.

– Не смейся! – возмутился Мори. – Да нет же, я сто лет с ним знаком.

Однако поскольку он завершил свою речь очередной серией смешков, Энтони был вынужден огрызнуться:

– Черта с два!

Позже, перед самым ужином, пока Мори и Дик что-то шумно обсуждали, а Джо Халл молча слушал, время от времени отхлебывая из своего стакана, Глория увлекла мужа в столовую.

– Не нравится мне этот тип Халл, – заявила она. – Пусть моется в ванной Таны.

– Но я же не могу ему так прямо сказать.

– А я не желаю, чтобы он пользовался нашей ванной.

- По-моему, он глуповат.
- А эти жуткие белые туфли, похожие на перчатки! Сквозь них видно все пальцы. Фу! Да кто он вообще?
- Спроси что-нибудь полегче.
- Ну, со стороны твоих друзей большая наглость притащить его к нам в дом. Здесь не приют для потерпевших крушение матросов!
- Они, когда звонили, были уже под мухой. Мори сказал, что празднуют со вчерашнего дня.

Глория сердито встряхнула головой и, ни слова не говоря, вернулась на веранду. Энтони понимал, что жена пытается избавиться от сомнений и получить удовольствие от вечера.

День выдался тропический, и даже в поздних сумерках с иссушенной дороги накатывали подрагивающие, словно желе, волны душного жара. Небо было безоблачным, но вдали за лесом, по направлению к Саунду, слышались слабые раскаты грома. Тана объявил, что ужин готов, и мужчины, сняв с разрешения Глории пиджаки, зашли в дом.

Мори затянул песенку, присутствующие дружно подхватили и исполняли ее, пока ели первое блюдо. Плод фантазии Мори состоял всего из двух строчек и пелся на мотив «Милой Дейзи»:

Страшная паника нас обуяла,
Силу моральную подло украла!

Каждый повтор встречали восторженными воплями и продолжительными аплодисментами.

– Не хмурься, Глория! – весело крикнул Мори. – Похоже, ты сегодня не в духе!

– Ничего подобного, – солгала Глория.

– Эй, Танненбаум! – крикнул он через плечо. – Я тебе налил, иди сюда!

Глория попыталась остановить его руку.

– Пожалуйста, Мори, прекрати!

– А в чем дело? Может, после ужина он сыграет нам на флейте. Эй, Тана!

Тана, ухмыляясь, унес свой стакан на кухню. Через пару минут Мори налил ему еще один.

– Не хмурься, Глория! – снова выкрикнул он. – Ради всех святых, давайте развеселим Глорию!

– Любимая, выпей еще стаканчик, – уговаривал Энтони.

– Ну, пожалуйста!

– Не хмурься, Глория! – с развязным видом поддержал Джо Халл.

Неуместное обращение по имени покорило Глорию. Она осмотрелась по сторонам, желая выяснить, заметил ли кто-нибудь из присутствующих эту вопиющую бестактность. Ее имя, так легко сорвавшееся с губ человека, к которому она испытывала глубокую неприязнь, резануло слух. Минуту спустя она заметила, как Джо Халл снова наполнил стакан Таны, и гнев, подогреваемый действием алкоголя, усилился.

– ...и вот однажды, – разглагольствовал Мори, – часа в два ночи отправились мы с Питером Грэнби в турецкие бани в Бостоне. Там никого не было, кроме хозяина. Мы запихали его в сортир и заперли дверь. Потом притащился какой-то тип, попариться, видите ли, захотел. Решил, что мы массажисты, ну ей-богу! Мы его схватили и зашвырнули прямо в одежде в бассейн. А потом вытащили, уложили на скамью и отхлестали так, что он синяками пошел. «Полегче, ребята! – пищал он. – Полегче!»

«Неужели это Мори?» – думала Глория. В устах кого-то другого эта история ее бы позабавила, но Мори, человек тонких чувств, воплощение тактичности и предупредительности...

Страшная паника нас обуяла,
Силу-у-у-у...

Удар грома заглушил конец песенки. Глория вздрогнула и хотела допить содержимое бокала, но вдруг почувствовала тошноту и поставила бокал на место. Ужин закончился, и все отправились в гостиную, прихватив с собой несколько бутылок и графинов. Кто-то закрыл дверь на веранду, чтобы не было сквозняка, и вскоре и без того спертый воздух оплели щупальца сигарного дыма.

– Лейтенант Танненбаум, сюда! – И снова место Мори занял какой-то оборотень. – Неси флейту!

Энтони и Мори устремились на кухню, а Ричард Кэрамел завел патефон и подошел к Глории.

– Потанцуй со знаменитым кузеном.

– У меня нет желания танцевать.

– Тогда я понесу тебя на руках.

Будто выполняя исключительно важное дело, Дик схватил ее толстенькими ручками и тяжело затрусил по комнате.

– Отпусти! У меня кружится голова! – требовала Глория.

Кузен, словно мешок, бросил ее на диван и с воплями «Тана! Тана» бросился на кухню.

И вдруг Глория почувствовала, как кто-то без предупреждения поднимает ее с дивана. Джо Халл держал ее на руках и, пьяно кривляясь, пытался подражать Дику.

– Отпустите меня! – приказала Глория.

Пьяная ухмылка и покрытый желтой щетиной подбородок у самого ее лица вызвали неопишное отвращение.

– Немедленно!

– Страшная паника... – завел он и тут же умолк, так как рука Глории, стремительно описав дугу, впечаталась в щеку. Халл тут же ее отпустил, и Глория упала на пол, попутно ударившись плечом о стол.

Потом комната наполнилась мужчинами и табачным дымом. Тана в белом пиджаке едва держался на ногах, и Мори его поддерживал под руки. На своей флейте японец выдувал дикую смесь звуков, известную, по утверждению Энтони, как японская дорожная песня. Джо Халл нашел коробку со свечами и принялся ими жонглировать, выкрикивая: «Одной меньше!», всякий раз, когда ронял свечу. Дик танцевал сам с собой, кружа в затейливом вихре по комнате. Глории казалось, что все вокруг шатается, проваливаясь сквозь пересекающиеся размытые голубые плоскости в гротескный четырехмерный круговорот.

А за окном началась буря. В промежутках между ударами грома слышался шум ударяющихся о стены дома веток и дробь, выбиваемая дождем по жестяной крыше кухни. Без конца сверкали молнии, за которыми следовали оглушительные раскаты, словно из раскаленной добела печи выпадали тяжелые чугунные болванки. Глория видела, как дождь хлещет в три открытых окна, но не имела силы встать и закрыть их...

Вот она уже в коридоре. Пожелала всем спокойной ночи, но никто не услышал и не ответил. На мгновение показалось, что незнакомая фигура следит за ней, перегнувшись через перила, но заставить себя

вернуться в гостиную Глория не могла. Лучше сойти с ума, чем смотреть на это неистовое безумие... Поднявшись наверх, она принялась шарить рукой в поисках выключателя, но в потемках его никак не удавалось нащупать. И только очередная вспышка молнии осветила кнопку на стене, но тут комната снова погрузилась во мрак, и она ускользнула из-под непослушных пальцев. В темноте Глория стащила с себя платье и нижнюю юбку и упала без сил на не успевшую промокнуть половину кровати.

Она закрыла глаза. Снизу доносились громкие голоса пьяных мужчин, слышался дребезжащий звон разбитого стекла, потом еще... бормотание сменилось фальшивым нестройным пением...

Впоследствии, собирая воедино отдельные обрывки той ночи, Глория подсчитала, что пролежала так около двух часов. Она была в сознании и даже понимала, что прошло довольно много времени. Галдеж внизу стал затихать, а гроза ушла на запад, оставив за собой шлейф тяжелого и безжизненного, как душа Глории, гула, который впитывался в напоенные влагой поля. Какое-то время слышался ленивый шум дождя и вой ветра, а потом за окном наступила тишина, нарушаемая лишь робким постукиванием капель и шелестом мокрого плюща, трущегося о подоконник. Глория находилась в состоянии полудремы и не могла ни уснуть, ни окончательно пробудиться... неотступно преследовало желание избавиться от тяжести, давившей на грудь. Она чувствовала, что стоит заплакать, и тяжесть исчезнет, и изо всех сил сжимала веки, пытаясь вызвать спазм в горле... но напрасно...

Кап! Кап! Кап! Звук не вызывал неприятных ощущений, словно прохладный весенний дождь времен детства. После него на заднем дворе оставалась такая замечательная, радующая глаз грязь. А еще дождь поливал садик, где Глория вскапывала землю маленькой лопаткой и рыхлила такими же миниатюрными граблями и мотыгой. Кап, ка-а-ап! Совсем как в те дни, когда дождик лился с золотистых небес, которые таяли в наступающих сумерках, бросив наискосок последний сияющий сноп солнечного света в гущу влажных зеленых деревьев. Такая чистая, ясная прохлада... а в самом центре вселенной, среди потоков ливня стоит мама, надежная, сильная и совсем не промокшая. Глории страстно хотелось, чтобы мать оказалась рядом, но она умерла, ушла навеки, невозможно ни увидеть, ни дотронуться. А

невидимая тяжесть все сильнее давит на грудь... Ох, как невыносимо тяжело!

Глория замерла. Кто-то подошел к двери и молча ее разглядывал, слегка покачиваясь. Она различила очертания фигуры, отчетливо вырисовывающейся на фоне непонятого, едва заметного свечения. Не было слышно ни звука, только заполнившее все пространство великое безмолвие, прекратился даже стук капель. Остался лишь покачивающийся в дверном проеме силуэт, таящий едва уловимую угрозу, скрытое под глянцем уродство, как оспины, проступающие сквозь толстый слой пудры. И все-таки ее измученное отчаявшееся сердце бешено билось, сотрясая грудь и вселяя уверенность, что в ней еще теплится искра жизни...

Прошла минута или затянувшаяся до бесконечности череда минут, и расплывчатое пятно стало обретать четкие формы под взглядом Глории, с детской настырностью всматривающейся в затаившийся у двери мрак. В следующее мгновение почудилось, что невероятная сила уничтожит ее, вышвырнет из мира живых... но потом фигура у двери – а теперь она видела, что это Халл, – медленно повернулась и, по-прежнему покачиваясь, отступила назад и исчезла, будто растворилась в непонятном свечении, из которого и возникла.

По жилам вновь заструилась кровь, возвращая к жизни. Резкий толчок заставил Глорию сесть в кровати. Постепенно передвигая тело, она наконец коснулась ногами пола. Теперь она знает, что надо делать, и немедленно, пока не стало слишком поздно. Нужно бежать из дома в сырую прохладу ночи, почувствовать шелест мокрой травы у ног и живительную влагу на лбу.

Глория машинально натянула платье и принялась рыться в стенном шкафу в поисках шляпки. Она должна покинуть этот дом, где бродит что-то непонятное, камнем давящее на грудь, или, того хуже, превращается в раскачивающиеся во мраке фигуры призраков. В панике она принялась надевать непослушными руками пальто и уже засунула их в рукава, когда внизу на лестнице послышались шаги Энтони. Медлить нельзя, муж может помешать, ведь даже Энтони является частью непосильной тяжести и наполненного злом дома, по которому расползается сгущающаяся тьма...

Скорее в коридор... Спускаясь по лестнице через черный ход, Глория услышала голос Энтони, доносившийся из спальни, которую

она только что покинула:

– Глория! Глория!

Но она уже добралась до кухни и, открыв дверь, выскользнула в ночь. Порыв ветра окатил дождем капель с мокрого дерева, и Глория радостно размазывала их по лицу горячими ладонями.

– Глория! Глория!

Голос доносился откуда-то издалека, заглушаемый оставшимися позади стенами. Обогнув дом, она направилась вдоль тропинки к проезжей дороге. Свернула на обочину и с чувством, близким к ликование, стала осторожно передвигаться в темноте по травяному ковру.

– Глория!

Она побежала, споткнулась о вырванный ветром сук. Теперь голос раздавался с улицы. Энтони, обнаружив, что в спальне пусто, вышел на веранду. Но нечто неведомое гнало Глорию вперед, оно осталось там, с Энтони, а ей предстоит бегство под унылым гнетущим небом, прорываясь сквозь подкарауливающее впереди безмолвие, что вдруг превратилось в реально осязаемую преграду.

Примерно полмили она шла вдоль смутно вырисовывающейся в темноте дороги, минула заброшенный амбар, неясный черный силуэт которого возвышался предзнаменованием беды. Кроме него, между серым домом и Мариэттой не было ни одной постройки. Добравшись до развилки, Глория пошла по дороге, ведущей в лес, и побежала между двух стен из покрытых листьями ветвей, почти смыкающихся высоко над головой. Вдруг впереди на дороге показалась тонкая серебристая полоса, словно кто-то уронил в грязь сверкающий меч. Приблизившись, она радостно вскрикнула – перед ней лежала заполненная водой колея. Взглянув на небо, Глория увидела просвет и поняла, что вошла луна.

– Глория!

Она вздрогнула. Энтони отстал всего футов на двести.

– Глория, подожди меня!

Глория плотно сжала губы, чтобы не закричать, и только ускорила шаг. Вскоре лес закончился, скатившись с дороги, будто черный чулок с ноги. Впереди, в трех минутах ходьбы, возникло подвешенное в бескрайнем пространстве изящное переплетение сверкающих линий и блесток, сходящихся равномерными волнами в невидимой точке.

Внезапно Глория поняла, как поступит. Переплетение оказалось огромным каскадом проводов, которые, подобно лапам паука с зеленым горящим глазом на будке с коммутационным устройством, простирались над рекой и вместе с железнодорожным мостом уходили к станции. Станция! А там поезд, который увезет от проклятого места.

– Глория! Это я, Энтони! Глория, я не стану тебя задерживать! Ради Бога, где ты?

Она не откликнулась и бросилась бежать, придерживаясь нагорной стороны дороги, перепрыгивая через светящиеся в темноте призрачным золотом бесформенные лужи. Резко свернув влево, Глория помчалась по узкой гужевой дороге, обогнула лежащую на пути темную грудку, похожую на человеческое тело. С одинокого дерева уныло ухнула сова, и Глория невольно подняла голову. Прямо перед ней виднелась эстакада с лесенкой, ведущая к железнодорожному мосту. Станция находилась за рекой.

Раздался еще один звук, напугавший Глорию, это был тоскливый гудок приближающегося поезда, и почти одновременно с ним до слуха донесся теперь уже далекий приглушенный зов:

– Глория! Глория!

Энтони, должно быть, шел по главной дороге. Глория рассмеялась с озорным злорадством. Ей удалось ускользнуть, и теперь есть время переждать, пока пройдет поезд.

Снова послышался гудок, совсем рядом, а потом, без предварительного грохота и лязга, из-за поворота на высокую насыпь вынырнуло темной волной длинное туловище и, не издавая никаких звуков, кроме свиста рассекаемого воздуха и похожего на тиканье часов перестука рельсов, понеслось к мосту. Это был электропоезд. Между двумя яркими пятнами синего света над локомотивом образовалась потрескивающая искрящаяся полоска, которая, подобно дрожащему огоньку лампы рядом с покойником, осветила на мгновение ряды деревьев. Глория инстинктивно перешла на дальнюю сторону дороги. Свет был чуть теплым, как кровь... Перестук слился в равномерный гул, и поезд, упруго растягиваясь, пронесся мимо. Вот он с грохотом въехал на мост, состязаясь с мертвенно-бледным лучом прожектора, упавшим на погруженную в торжественное безмолвие реку. Потом состав стремительно сжался, всасывая в себя весь шум, и

вскоре слышалось только раскатистое эхо, затихающее на дальнем берегу.

На промокшую землю снова напознала тишина, начал накрапывать дождик, и вдруг на Глорию обрушился ливень, выводя ее из похожего на транс оцепенения, вызванного зрелищем проходящего поезда. Она побежала по склону к берегу и стала взбираться по железной лесенке на мост, вспомнив, что именно этого ей всегда и хотелось. Совсем скоро она получит новые острые ощущения при переходе реки по настилу менее метра шириной, проложенному рядом с рельсами.

Есть! Вот так-то лучше! Она добралась до верха, и окрестности предстали в виде плавно чередующихся кругов на открытой местности, испещренных отдельными редкими рядами деревьев или разбросанными, как заплаты, рощами, что спят в холодном сиянии луны. Справа от Глории, в полумиле вниз по реке, которая уходила вдаль за лунным светом, словно поблескивающий липкий след улитки, подмигивали разбросанные огни Мариэтты. Не далее чем в двух сотнях ярдов, там, где заканчивается мост, находилось приземистое здание станции, освещаемое единственным тусклым фонарем. Тяжесть спала. Верхушки деревьев внизу баюкали юные звездочки, навевая полную сновидений дрему. Глория широко раскинула руки, радуясь свободе. Вот чего ей хотелось: забраться высоко-высоко и стоять одной среди прохлады.

– Глория!

Словно испуганный ребенок, она устремилась вприпрыжку по настилу, воодушевленная ощущением собственной легкости. Теперь пусть приходит – она больше не испытывает страха. Только сначала надо добраться до станции, так как это является частью игры. Глория была счастлива. Сорванную с головы шляпку она крепко сжимала в руках, короткие завитки волос за ушами подпрыгивали вверх-вниз, и казалось, что никогда снова она уже не почувствует себя такой юной. Но сегодня ее ночь, и весь мир принадлежит ей. Сойдя с настила, Глория торжествующе рассмеялась, а потом добралась до деревянной платформы и радостно уселась рядом со столбом, подпирающим крышу навеса.

– Я здесь! – крикнула она, веселая и беззаботная, как ликующая утренняя заря. – Я здесь! Энтони, милый, бедный мой старичок! Ты так за меня переживал!..

– Глория! – Добежав до платформы, он бросился к жене. – С тобой ничего не случилось?

Подойдя ближе, он опустился на колени и обнял Глорию.

– Все хорошо.

– А что произошло? Почему ты убежала? – с тревогой в голосе расспрашивал он.

– Пришлось спасаться бегством. Там что-то было. – Она замолчала, и вновь зарождающаяся тревога хлыстом стегнула по сознанию. – Что-то на мне сидело... вот здесь. – Она приложила руку к груди. – И я была вынуждена от него бежать.

– Что ты имеешь в виду, когда говоришь «это»?

– Не знаю... тот тип, Халл...

– Он тебя побеспокоил?

– Он приходил в мою комнату, пьяный. Думаю, в тот момент у меня помутился рассудок.

– Глория, любимая...

Она устало положила голову на плечо мужу.

– Давай вернемся, – предложил Энтони.

Глория вздрогнула.

– Ах нет! Не могу. Оно снова явится и усядется на грудь. – Ее голос сорвался на крик, горестно повисший в тишине. – Ну, то самое!..

– Ну-ну, успокойся, – утешал ее Энтони, крепче прижимая к себе. – Поступим как пожелаешь. А чего тебе хочется? Просто посидеть здесь?

– Хочу... хочу уехать.

– Куда?

– Куда глаза глядят.

– Ей-богу, Глория! – воскликнул он. – Да ты все еще пьяна!

– Нет, и весь вечер была трезвой. Я поднялась наверх... не знаю, наверное, через полчаса после ужина... Ой!

Энтони нечаянно задел ее правое плечо.

– Больно. Я где-то ушиблась. Не помню... кто-то меня схватил, а потом уронил.

– Глория, пойдем домой. Уже поздно, и на улице такая сырость...

– Не могу, – жалобно всхлипнула она. – Ох, Энтони, даже не проси! Завтра приду. Ты иди домой, а я подожду поезда. Поеду в отель...

– И я с тобой.

– Нет, не надо. Мне надо побыть одной. Хочется спать... ох, как хочется спать. А завтра, когда ты выветришь из дома запах виски и сигарет, наведешь порядок и уберется этот Халл, тогда я вернусь. А если пойду с тобой сейчас, то оно... ох! – Глория закрыла глаза рукой. И Энтони понял всю тщетность попыток убедить жену вернуться.

– Когда ты ушла, я был абсолютно трезв, – оправдывался он. – Дик уснул в шезлонге, а мы с Мори что-то обсуждали. А этот тип, Халл, где-то бродил. Потом я вдруг понял, что уже несколько часов тебя не видел, и поднялся наверх...

Он замолчал, так как из темноты раздалось громогласное приветствие:

– Эй вы там, привет!

Глория вскочила на ноги, и Энтони вслед за ней.

– Голос Мори! – взволнованно воскликнула она. – Если с ними Халл, пусть убираются, не подпускай их!

– Кто там? – выкрикнул в темноту Энтони.

– Всего лишь Дик и Мори, – дружно успокоили два голоса.

– А где Халл?

– Спит. Вырубился.

На платформе показались два неясных силуэта.

– Какой черт занес вас с Глорией сюда? – поинтересовался Ричард Кэрамел, плохо соображая спросонья.

– А вас чего ради принесло?

Мори рассмеялся в ответ:

– Будь я проклят, если знаю! Мы пошли за тобой и здорово натерпелись, пока догнали. Я слышал, как ты вышел на веранду и стал звать Глорию. Вот и пришлось будить Кэрамела. Стоило большого труда вдолбить ему в голову: уж коли здесь организуется поисковая экспедиция, непременно следует принять участие. Но Дик только был помехой в пути, то и дело усаживался прямо на дорогу и спрашивал, что, собственно, происходит. Мы напали на твой след по восхитительному аромату «Канадского клуба».

Под навесом платформы послышались нервные смешки.

– Как же вы все-таки нас отыскиали?

– Ну, шли за тобой по шоссе, а потом вдруг потеряли. Похоже, ты свернул на гужевую дорогу. Через некоторое время кто-то нас окликнул и поинтересовался, не ищем ли мы молодую девушку. Мы

подошли ближе и увидели маленького, дрожащего всем телом старичка, который сидел на поваленном дереве, как сказочный персонаж. «Она свернула вон туда, – объяснил старичок. – Чуть на меня не наступила, так торопилась. А потом мимо пробежал какой-то тип в коротких штанах для гольфа. Так за ней и припустился. А еще швырнул мне вот это», – старик помахал долларовой купюрой.

– Ах, бедный старичок! – воскликнула, растрогавшись, Глория.

– Я бросил ему еще доллар и пошел дальше, хотя старикашка уговаривал остаться и рассказать, в чем дело.

– Бедный старичок, – горестно повторила Глория.

Дик с сонным видом уселся на кстатн подвернувшийся ящик.

– Ну и что теперь? – осведомился он со стоическим смирением.

– Глория сильно расстроена, – пояснил Энтони, – и мы с ней отправимся в город следующим поездом.

Мори извлек из кармана расписание поездов.

– Зажги спичку.

В темноте вспыхнул слабый огонек, освещая четыре лица, таких нелепых и совсем не похожих на себя в безмолвии ночи.

– Так, давай посмотрим. Два, два тридцать... нет, это вечером. Ей-богу, вам не сесть на поезд до половины шестого.

Энтони замялся.

– Ну, – неуверенно пробормотал он, – мы решили остаться здесь и ждать поезда, а вы можете вернуться и лечь спать.

– И ты иди с ними, Энтони, – принялась упрашивать Глория. – Хочу, чтобы ты поспал, любимый. Ты сегодня весь день такой бледный, точно привидение.

– С чего ты взяла, маленькая дурочка?..

Дик зевнул:

– Прекрасно. Раз вы остаетесь, то и мы тоже.

Выйдя из-под навеса, он устремил взгляд в небеса.

– Довольно славная ночка, в конце концов. Звезды сияют и все такое прочее. И с каким тонким вкусом подобран их ассортимент.

– Давайте посмотрим. – Глория двинулась за Диком, и остальные последовали ее примеру. – Посидим здесь, – предложила она. – Мне так больше нравится.

Энтони с Диком превратили длинный ящик в подобие спинки, а потом отыскивали достаточно сухую доску, чтобы Глория могла сесть.

Энтони пристроился рядом, а Дик не без труда взгромоздился на бочку из-под яблок.

– Тана уснул в гамаке на веранде, – сообщил он. – Мы отнесли его на кухню и положили рядом с плитой, чтоб просох. Он насквозь промок.

– Ах, этот ужасный маленький японец! – вздохнула Глория.

– Как поживаете? – раздался сверху зычный замогильный голос.

Все подняли головы и с изумлением обнаружили, что Мори неведомым образом забрался на крышу навеса и сидит, свесив ноги через край, вырисовываясь на фоне звездного неба, как тень фантастической химеры.

– Должно быть, именно для таких случаев, – неторопливо начал он, и его слова, казалось, струились вниз с невероятной высоты, мягко утверждаясь на головах слушателей, – обитающие на этой земле праведники украшают железную дорогу рекламными щитами с написанными красными и желтыми буквами утверждениями, что «Иисус Христос есть Бог». И помещают их рядом с весьма уместными заявлениями типа «Виски “Гантерс” – здорово».

Послышался тихий смех, и три головы внизу остались поднятыми вверх.

– Полагаю, следует поведать вам историю моего развития, – продолжал Мори, – под этими язвительно усмехающимися созвездиями.

– Давай! Просим!

– Думаете, действительно стоит?

Слушатели застыли в предвкушении, а рассказчик послал задумчивый зевон улыбающейся белой луне.

– Итак, во времена детства я предавался молитвам. Запоминал молитвы на случай будущих грехов. За один год скопил про запас тысячу девятьсот молитв. «Сон безмятежен и мирен мне даруй».

– Брось сигаретку, – пробормотал кто-то.

Небольшая пачка коснулась платформы одновременно с громогласной командой:

– Тихо! Я намереваюсь избавиться от бремени незабываемых наблюдений, хранимых для темноты, царящей на этой земле, и сияния, озаряющего эти небеса.

Внизу зажженная спичка переходила от сигареты к сигарете, а голос сверху продолжал:

– Я поднаторел в искусстве дурачить Господа. Молился после каждого прегрешения, пока в конце концов для меня перестало существовать различие между молитвой и проступком. Искренне верил, что если человек восклицает «О Господи!», когда на него падает нестерпимый шкаф, это служит доказательством глубоко укоренившейся в его сердце веры. Потом я пошел в школу. В течение четырнадцати лет полсотни серьезных честных людей, показывая на кремниевое ружье, заявляли: «Вот стоящая вещь. А эти новые винтовки – всего лишь не очень умная поверхностная имитация». Они ругали книги, которые я читал, и мои мысли, называя их безнравственными; потом мода изменилась, и они ругали те же предметы и понятия, называя их «замысловатыми».

Для своих лет я оказался юношей весьма сообразительным и, отринув преподавателей, перекинулся на поэтов, вслушиваясь в лирический тенор Суинберна и драматический тенор Шелли, внимая изумительного диапазона баритону Шекспира, басу Теннисона, который порой срывался на фальцет, и басом-профундо Мильтона и Марло. Вникал в непринужденный говор Браунинга, пафосную декламацию Байрона и занудное гудение Вордсворта. Во всяком случае, мне это не повредило. Я узнал кое-что о красоте, вполне достаточно, чтобы понять: она не имеет ничего общего с истиной. Более того, обнаружил, что никакой великой литературной традиции не существует, а есть только традиция чреватой важными последствиями гибели любой литературной традиции.

Потом я повзрослел и уже не воспринимал очарование сладостных иллюзий. Мой разум огрубел, а глаза сделались нестерпимо зоркими. Жизнь бурлила подобно морю вокруг моего островка, и вдруг я обнаружил, что уже плыву.

Переходный период прошел незаметно – все это уже давно меня поджидало. С виду безобидная, но коварная западня для всякого. А что же я? Нет, я не делал попыток соблазнить жену дворника и не бегал нагишом по улицам, демонстрируя половую зрелость. Ведь не страсть правит миром, эта роль отведена одеждам, в которые она наряжается. Я заскучал, вот и все. Скука, которая является еще одним названием, а зачастую и маской для жизнелюбия, стала подсознательным мотивом

всех моих действий. Красота осталась позади. Понимаете? Я повзрослел. – Мори ненадолго умолк. – Завершение учебы в школе и колледже. Далее следует часть вторая...

По трем огонькам сигарет можно было определить местонахождение слушателей. Глория полулежала на коленях у Энтони, а он так крепко сжал жену в объятиях, что ей были отчетливо слышны удары сердца. Ричард Кэрамел, примостившийся на бочке из-под яблок, время от времени пробовал пошевелиться, сопровождая свои действия тихим урчанием.

– Итак, я стал взрослым, окунулся в мир джаза и тут же испытал сильнейшее смятение. Жизнь нависла надо мной подобно забывшей о нравственности школьной учительнице, внося поправки в мое упорядоченное мышление. Но я, придерживаясь ложной веры в силу разума, продвигался вперед. Прочел Смита, который глумился над милосердием, настаивая, что именно осмеяние и есть наивысшая форма самовыражения. И вот уже Смит, подменив собой милосердие, заслоняет мне свет. И я прочел Джонса, который так ловко отверг индивидуализм. И нате вам! Джонс так и стоит у меня на пути. Я не думал сам, а являлся полем боя для мыслей множества других людей. Или, скорее, напоминал одну из тех пленительных, но немощных стран, по которым разгуливают, извлекая выгоду, великие державы.

И вот я достиг зрелости, пребывая под впечатлением, что набираюсь опыта, который направит мою жизнь прямо к счастью. Действительно, я овладел не таким уж редкостным искусством мысленно решать все вопросы задолго до того, как они возникнут в жизни. Но от ударов судьбы и прочих передрыг это не уберегло.

Однако, отведав последнее из вышеупомянутых блюд, я вскоре был сыт по горло. «Ага! – сказал я себе. – Опыт не стоит затраченных усилий. Он не сваливается на голову, пока ты пребываешь в счастливом бездействии. Нет, это высокая стена, и предстоит немало трудов, чтобы на нее взобраться». И тогда я облачился в неуязвимый, как мне думалось, скептицизм, решив, что на этом процесс моего развития завершен. Но было уже слишком поздно. По возможности обезопасив себя отказом от новых отношений со скорбным, обреченным на гибель человечеством, я запутался во всем остальном. Принимал борьбу с любовью за борьбу с одиночеством, а борьбу с жизнью – за борьбу со смертью...

Он замолчал, подчеркивая значимость последнего умозаключения, и через некоторое время, зевнув, продолжил исповедь:

– Полагаю, вторая фаза моего образования и развития началась с жестокого разочарования, ибо меня использовали против воли для достижения непонятной цели, о конечном результате которой я не имел представления. Если таковой результат вообще существовал. Передо мной снова встал трудный выбор. Школьная учительница заявила: «Играем в футбол и ни в какую другую игру. Не хочешь в футбол, вообще ни во что не будешь играть».

И что мне оставалось? На игру отводится так мало времени!

Видите ли, я понимал, что нас лишают даже того слабого утешения, что испытывает, поднимаясь с коленей, являющийся плодом воображения некий игрок команды. Думаете, я ухватился за этот пессимизм, как за сладостно-сентиментальное средство, которое наводит тоску не больше, чем понурый осенний день, проведенный у камина? Нет, ничего подобного не произошло. Слишком горяча еще была кровь, слишком много оставалось во мне жизненной силы.

Ибо я считал, что для человека не существует конечной цели. Человек затеял нелепое, заводящее в тупик сражение с природой, той самой природой, которая посредством божественного в своем величии случая вознесла нас до высот, с которых мы можем бросать ей вызов. Она изобрела способы избавить человечество от худших его представителей, давая возможность остальным осуществить ее возвышенные или, скажем, более занятные, хотя все еще неосознанные и второстепенные намерения. А мы, побуждаемые высочайшими дарами просвещения, стали искать пути, как ее перехитрить. В этой республике я наблюдал, как черное смешивается с белым, а в Европе происходит экономическая катастрофа во имя спасения трех-четырех пораженных болезнью, бездарно управляемых народов от единственной власти, способной обеспечить материальное процветание.

Мы создаем Христа, который может исцелить прокаженного, а сейчас потомки этого прокаженного становятся солью земли. Если кто-нибудь сумеет извлечь из этого урок, что ж, желаю удачи.

– Как бы там ни было, из жизни можно извлечь лишь один-единственный урок, – вмешалась Глория без намерения возразить, а просто с грустью констатируя факт.

– И какой же? – оживился Мори.

– Что из нее вообще невозможно извлечь урока.

После короткой паузы Мори изрек:

– Юная Глория, прекрасная, чуждая милосердию дама. Первая, кто взглянул на мир со всеобъемлющей искушенностью, к которой всячески стремлюсь я, которой никогда не достигнуть Энтони, а Дику ни за что не осмыслить в полной мере.

С бочки донеслось сердитое ворчание. Энтони успел привыкнуть к темноте и отчетливо видел, как вспыхнул желтый глаз Ричарда Кэрамела и каким обиженным сделалось его лицо.

– Сумасшедший! Из твоего же заявления выходит, что я уже должен приобрести некий опыт, просто делая попытку.

– Какую попытку?! – в неистовстве выкрикнул Мори. – Попытку пронзить тьму политического идеализма безумным, обреченным на провал стремлением к правде? День за днем пассивно сидеть на жестком стуле, бесконечно далеко от реальной жизни, и смотреть на виднеющуюся сквозь деревья верхушку церковного шпиля, пытаюсь окончательно и на все времена провести различие между познаваемым и тем, что познать нельзя? Выхватить кусок действительности, покрыть глянцем, извлеченным из собственной души, чтобы восполнить те невыразимые качества, которыми он обладает в жизни и которые утрачиваются при переносе на бумагу или холст? Годами изнурять себя работой в лаборатории среди колесиков и пробирок ради единственной капли истины, да и та носит относительный характер...

– А ты пробовал?

Мори задумался, а когда ответил, в его словах слышалась усталость, горькой нотой задержавшаяся на мгновение в сознании троих слушателей, прежде чем взлететь вверх, подобно пузырьку воздуха, устремляющегося к луне.

– Нет, это не для меня, – тихо откликнулся он. – Я родился с усталостью в душе, но со свойственным всем матерям умом, даром, которым наделены такие женщины, как Глория. И несмотря на то что я говорил и слушал, на напрасное ожидание вечной всеобщности, которая, казалось, лежит за каждым доводом и предположением, я никуда не добавил от себя ни йоты.

Глухой звук, слышавшийся уже несколько мгновений, материализовался в горестное мычание коровы-великанши и похожую

на жемчужину точку прожектора. На сей раз с грохотом и стонами состав тащил за собой паровоз. Не прекращая громогласных стенаний, он пронесся мимо, обдав платформу дождем брызг и кусочками шлака.

– Ни йоты! – И снова голос Мори будто обрушился на слушателей с большой высоты. – Как немощен разум с его продвижением мелкими шажками, нерешительностью, метаниями взад-вперед и гибельными ретирадами! Он всего лишь орудие обстоятельств. Некоторые утверждают, что вселенную построил разум. Куда там! Он не создал даже парового двигателя! Паровой двигатель – детище обстоятельств, а разум – всего лишь складная линейка, которой мы измеряем бесчисленные достижения обстоятельств.

Я мог бы сослаться на современную философию, но, насколько известно, через пятьдесят лет мы, возможно, станем свидетелями, как неприятие, которым одержимы нынешние мыслители, превратится в свою противоположность, победу Христа над Анатолем Франсом... – Мгновение он находился в нерешительности, а потом продолжил свою мысль: – Но я не сомневаюсь в огромной важности, которую для себя представляю, и в необходимости самому признать эту важность... то есть уверен во всех тех вещах, со знанием которых родилась мудрая прелестная Глория, да еще в бесполезности мучительных попыток постигнуть что-либо еще.

Итак, я начал рассказывать о процессе своего развития и обучения, верно? Но я ничему не научился, да и о себе узнал немного. А если бы и узнал, то умер бы с плотно сжатыми губами и надетым на авторучку колпачком, как, впрочем, и поступают мудрейшие с тех пор... да, со времен провала одного дела... кстати сказать, дела довольно необычного. Оно имело отношение к неким скептикам, что считали себя дальновидными, совсем как мы с вами. Позвольте поведать эту историю в качестве вечерней молитвы, пока вы еще не отошли ко сну.

Давным-давно все люди на свете, наделенные великим умом и гениальностью, приняли одну веру, точнее сказать – безверие. Но их тревожила мысль, что по прошествии нескольких лет после смерти им припишут множество разных вероисповеданий, культов и пророчеств, о которых они и не помышляли. И вот они решили между собой: «Давайте соберемся и напишем великую книгу, которая будет жить вечно, высмеивая людское легковерие. Уговорим самых искусных в любовных стихах поэтов описать плотские радости и убедим наших

здравомыслящих журналистов внести свой вклад в виде нескольких знаменитых любовных историй. Мы включим в книгу все самые нелепые сплетни, что сейчас в ходу среди людей. Отыщем самого сообразительного из ныне здравствующих сатириков и попросим из всех божеств, которым поклоняется человечество, создать образ одного божества. Бога, превосходящего величию всех прежних идолов и в то же время наделенного такими человеческими слабостями, что он станет притчей во языцех и поводом для насмешек во всем мире. Припишем ему все остроты и забавные случаи, суетное тщеславие и гневные выходки, в которых он, как будут думать, не отказывает себе ради развлечения. Одним словом, чтобы люди читали нашу книгу и размышляли о ней, и тогда в мире исчезнут сумасбродство и бессмыслица.

И наконец, давайте позаботимся о достоинствах стиля, которыми должна обладать книга, чтобы она жила вечно, как свидетельство нашего глубокого скептицизма и всеобъемлющей иронии».

Так они и поступили и перешли в мир иной.

А книга осталась навеки, так прекрасно она написана и изумляет фантазией и выдумками, что ей подарили те великие, гениальные умы. Они не потрудились дать книге название, но после их смерти она получила известность как Библия.

Мори закончил рассказ, и все молчали, будто околдованные влажной истомой, дремлющей в ночном воздухе.

– Я уже упоминал, что повествую историю моего развития. Однако виски с содовой успело выветриться, да и ночь на исходе. Совсем скоро повсюду начнется ужасающая трескотня: на деревьях, в домах и двух маленьких магазинчиках за станцией. В течение нескольких часов вся земля будет занята бессмысленной беготней... Ну да ладно, – закончил он со смешком, – хвала Господу, мы четверо можем обрести вечный покой с чувством, что после нас этот мир стал чуточку лучше.

Поднялся легкий ветерок, порывы которого несли слабое дуновение жизни, затихая на фоне утреннего неба.

– Твои рассуждения становятся беспорядочными и неубедительными, – сонно пробормотал Энтони. – Ты ждал одного из тех моментов чудесного озарения, с помощью которого высказываешь свои самые блистательные и содержательные умозаключения в

обстановке, идеально подходящей для философской беседы. А тем временем Глория продемонстрировала дальновидную отстраненность, погрузившись в сон. Могу это утверждать с точностью, принимая во внимание факт, что она изловчилась сосредоточить весь свой вес на моем разбитом усталостью теле.

– Я заставил вас скучать? – обиженно поинтересовался Мори, с некоторым беспокойством заглядывая под навес.

– Нет, ты нас разочаровал. Выпустил столько стрел, а попал ли хоть в одну пташку?

– Пташек я оставляю Дику, – поспешно откликнулся Мори. – Моя речь беспорядочна и состоит из отдельных, не связанных между собой фрагментов.

– Меня тебе не расшевелить, – буркнул Дик. – Ум мой занят вещами земными и насущными. Слишком сильно желание принять горячую ванну, чтобы беспокоиться о смысле своей профессии и решать, какая часть человечества является фигурами, достойными жалости или презрения.

Рассвет напомнил о себе светлым пятном на востоке за рекой и прерывистым птичьим чириканьем, доносящимся с соседних деревьев.

– Без четверти пять, – вздохнул Дик. – Ждать почти час. Смотрите, двое уже отошли ко сну. – Он указал на Энтони, который смежил веки. – Сон семейства Пэтчей...

Но прошло минут пять, и, несмотря на набирающее силу птичье щебетание, его голова упала на грудь, качнулась раз, другой, третий...

Только Мори Ноубл остался бодрствовать, сидя на крыше станционного навеса. Широко раскрытые глаза с усталой сосредоточенностью всматривались в зарождающееся вдалеке утро. Он думал о призрачности идей, угасающем сиянии бытия и навязчивых мыслишках, что настырно заползали в жизнь, словно крысы в разрушенный дом. В данный момент Мори не утруждал себя переживаниями. В понедельник утром начнется работа, а чуть позже придет девушка, принадлежащая к другому классу, для которой он является смыслом жизни. И именно это ближе всего сердцу. На фоне удивительно яркого своеобразия грядущего дня казалась верхом самонадеянности некогда предпринятая попытка осуществлять мыслительный процесс с помощью такого хилого и ущербного орудия, как человеческий разум.

Взошло солнце, устремляя на землю сияющие потоки тепла; повсюду бурлила жизнь, шумно суежилась вокруг, как рой мух... Запыхтел клубами черного дыма паровоз, послышался отрывистый окрик «По вагонам!», за которым последовал звон колокола. Мори, смущаясь, заметил на себе любопытные взгляды пассажиров поезда, развозившего молоко. Потом услышал, как спорят Энтони и Глория, решая, ехать ли им в город вместе. Шумные возражения напоследок – и она уехала одна, а трое мужчин, бледные, похожие на привидений, одиноко стояли на платформе, слушая, как чумазый угольщик, что ехал в кузове грузовика, хриплым голосом воспекает летнее утро.

Глава третья

Сломанная лютня

Август, половина восьмого вечера. Окна гостиной в сером доме распахнуты настежь. Терпеливо ждут, когда затхлый от спиртного перегара и табачного дыма воздух вытеснит из помещения сонливая свежесть напоенных теплом поздних сумерек. Запах тронутых увяданием цветов, такой нежный и едва уловимый, будто уже намекает на недалекий конец лета, что наступит в положенный срок. Но август настойчиво заявляет о себе многоголосым стрекотанием сверчков у боковой веранды, а их собрат, которому удалось пробраться в дом и надежно укрыться за книжным шкафом, время от времени громко извещает о своей исключительной сообразительности и неукротимой энергии.

В комнате царит страшный беспорядок. На столе стоит блюдо с фруктами, они настоящие, но выглядят как муляж. Вокруг него выстроилась угрожающего вида батарея графинов, бокалов и переполненных пепельниц. Из них еще поднимаются волнистые струйки дыма, растворяющиеся в спертom воздухе. Не хватает только черепа для полного сходства с достойной почитания литографией. В свое время она являлась неотъемлемой принадлежностью любого богемного «логова», с благоговейным восторгом изображая детали, дополняющие представление о разгульной жизни.

Через некоторое время в радостную арию суперсверчка вклинивается диссонансом новый звук – тоскливый вопль флейты, отверстия которой перебирают неуверенные пальцы. Совершенно ясно, что музыкант упражняется, а не играет для публики, так как время от времени неровная трель обрывается и после короткой паузы, заполненной невнятным бормотанием, мелодия звучит заново.

Как раз перед седьмым фальстартом нестройная разноголосица обогащается третьим звуком. К дому подъезжает такси. После минутной тишины снова слышится рев двигателя. Шумное отбытие такси почти заглушает шорох шагов по посыпанной гравием дорожке. По всему дому разносится надрывный вопль звонка.

Из кухни выходит маленький усталый японец, торопливо застегивая на ходу пиджак из белой парусины, какие носит прислуга. Он открывает парадную дверь, затянутую сеткой, и впускает красивого

молодого человека лет тридцати, одежда которого свидетельствует о неких благих намерениях, свойственных людям на службе у человечества. Благонамеренностью дышит и весь его облик. Он окидывает комнату взглядом, в котором любопытство смешано с непоколебимым оптимизмом. При виде Т а н ы в его глазах отражается титаническое напряжение, вызванное намерением вразумить безбожника-азиата. Зовут молодого человека Ф р е д е р и к Э. П э р а м о р. Он учился с Энтони в Гарвардском университете, и из-за одинаковых первых букв в фамилии в аудитории их постоянно усаживали рядом. Поверхностное знакомство имело продолжение, но после окончания учебы они ни разу не встречались.

Тем не менее П э р а м о р заходит в комнату с видом человека, намеревающегося остаться на весь вечер.

Т а н а отвечает на вопросы гостя.

Т а н а (*с заискивающей улыбкой*). Уехари гостиниса ужинать. Назад через порчаса. Уехари поровина седьмого.

П э р а м о р (*рассматривая бокалы на столе*). У них гости?

Т а н а. Да, гости. Миста Кэрамел, миста и мисса Барнс, мисс Кейн, все тут.

П э р а м о р. Понятно. (*С добродушным видом.*) Похоже, они славно порезвились. Да, так и есть.

Т а н а. Не понимая.

П э р а м о р. Покутили на славу.

Т а н а. Да-да, пири, много-много пири.

П э р а м о р (*деликатно меняя тему разговора*). Когда я стоял у двери, из дома доносились звуки музыки. Мне не слышалось?

Т а н а (*сдавленно хихикая*). Да, я играть.

П э р а м о р. На одном из японских инструментов?

Ясно, что он является подписчиком журнала «Нэшнл джиографик».

Т а н а. Я играй японский фре-е-ейта. Японский фре-е-ейта.

П э р а м о р. И какую песню ты наигрывал? Какая-нибудь японская мелодия?

Т а н а (*морщит лоб от неимоверного напряжения*). Я играй песня поезд. Как у вас? Зерезнодородная песня. Так говорят в моя старана.

Как поезд. Ухо-о-одит. Знасит, свисток. Поехари. Идее-е-ет. У-у-у-у. Осень красивая песня в моя старана. Дети поют.

П э р а м о р. Действительно, очень приятная мелодия.

В этот момент совершенно очевидно, что лишь огромное усилие воли удерживает Тану от желания немедленно броситься наверх и принести открытки, включая те шесть, напечатанных в США.

Т а н а. Сдерать зентремена коктейр?

П э р а м о р. Нет, благодарю. Не употребляю. (*Улыбается.*)

Тана удаляется на кухню, оставив дверь слегка приоткрытой. Неожиданно сквозь щель снова доносится мотив японской дорожной песни. На сей раз это не просто упражнения, а полная силы вдохновенная игра. Раздается телефонный звонок. Тана поглощен музыкой и не отвечает. Трубку снимает Пэрамор.

П э р а м о р. Алло... Да... Нет, его нет дома, но он вот-вот вернется. Что? Баттеруорт? Алло! Я не расслышал имя... Алло, алло, алло! А?

Телефон упорно отказывается воспроизводить членораздельные звуки. Пэрамор кладет трубку на рычаг.

В этот момент вновь звучит тема подъезжающего к дому такси, а вместе с ней появляется еще один молодой человек с чемоданом в руках. Он открывает парадную дверь без предварительного звонка.

М о р и (*уже в прихожей*). Эй, Энтони! Ау! (*Заходит в зал и видит Пэрамора.*) Добрый вечер.

П э р а м о р (*всматриваясь в его лицо*). Неужели... Уж не Мори ли Ноубл?

М о р и. Он самый. (*Подходит ближе и протягивает руку.*) Как дела, старина? Сто лет не виделись.

Лицо Пэрамора вызывает смутные ассоциации с Гарвардом, но Мори не уверен в своих предположениях. Если он когда и знал имя, то давно забыл. Пэрамор проявляет достойное похвалы понимание ситуации и с тактичным великодушием спасает положение.

П э р а м о р. Неужели забыли Фреда Пэрамора? Мы вместе изучали историю в классе Анка Роберта.

М о р и. Разве можно забыть? Анк, то есть Фред... Фред был... То есть Анк был потрясающий старикан, да?

П э р а м о р (*шутливо кивает*). Да, замечательный старик. Во всех отношениях замечательный.

М о р и (*после короткой паузы*). Да, был... А где же Энтони?

П э р а м о р. Слуга-японец сказал, что он уехал ужинать в какую-то гостиницу.

М о р и (*глядя на часы*). Давно?

П э р а м о р. Полагаю, да. Японец говорит, они скоро вернутся.

М о р и. А не выпить ли нам пока?

П э р а м о р. Нет, благодарю. Я не употребляю. (*Улыбается.*)

М о р и. Не возражаете, если я выпью? (*Зевая, наливает себе из бутылки.*) А чем вы занимались после колледжа?

П э р а м о р. О, много чем. Вел очень активную жизнь. Где только не побывал. (*Его тон подразумевает все, что угодно, от охоты на львов до организованной преступности.*)

М о р и. А в Европе бывали?

П э р а м о р. К сожалению, не бывал.

М о р и. Думаю, мы все туда скоро отправимся.

П э р а м о р. Вы действительно так считаете?

М о р и. Разумеется! Страну два года кормят сенсациями, вот народ и забеспокоился. Всем не терпится поразвлечься.

П э р а м о р. Значит, вы не верите, что на карту поставлены идеалы?

М о р и. Какие там идеалы. Иногда люди испытывают потребность в острых ощущениях.

П э р а м о р (*сосредоточенно*). Все это очень интересно, то, что вы говорите. А я вот беседовал с одним человеком, который там побывал...

В течение следовавшего монолога, который читатель дополнит сам фразами наподобие «Видел своими глазами», «Великий дух Франции» и «Спасение цивилизации», Мори сидит с полуопущенными веками, явно испытывая скуку.

М о р и (*при первой подвернувшейся возможности*). Кстати, известно ли вам, что в доме германский шпион?

П э р а м о р (*опасливо улыбаясь*). Вы серьезно?

М о р и. Абсолютно серьезно. Считаю своим долгом вас предупредить.

П э р а м о р (*поверил*). Гувернантка?

М о р и (*шепчет, показывая большим пальцем в сторону кухни*). Тана! Это не настоящее имя. Мне известно, что он регулярно получает почту на имя лейтенанта Эмиля Танненбаума.

П э р а м о р (*стараясь выглядеть снисходительно*). Вы меня разыгрываете?

М о р и. Возможно, я обвиняю его зря. Но вы так и не рассказали, чем занимаетесь?

П э р а м о р. Ну, вообще-то я пишу.

М о р и. Беллетристику?

П э р а м о р. Нет, документальную литературу.

М о р и. А что это такое? Художественный вымысел, основанный на фактах?

П э р а м о р. О, я ограничиваюсь одними фактами. Много работаю в системе социального обслуживания.

М о р и. А!

Его взгляд становится подозрительным. С таким же успехом Пэрмор мог назваться карманником-любителем.

П э р а м о р. В настоящее время я занимаюсь социальным обслуживанием в Стэмфорде. И только на прошлой неделе узнал от кого-то, что Энтони Пэтч живет по соседству.

Беседу прерывает доносящийся с улицы шум, который можно безошибочно определить как разговор представителей обоих полов, перемежающийся смехом. В комнату толпой заходят Э н т о н и, Г л о р и я, Р и ч а р д К э р а м е л, М ю р и э л К е й н, Р е й ч е л Б а р н с и Р о д м а н Б а р н с, ее муж. Вновь прибывшие дружно бросаются к Мори и отвечают невпопад «Чудесно!» на его обращенное ко всей компании приветствие. Тем временем Энтони направляется к гостю.

Э н т о н и. Вот, черт возьми, не ожидал! Здравствуй. Страшно рад тебя видеть.

П э р а м о р. А уж я-то как рад встрече, Энтони. Я обосновался в Стэмфорде, вот и решил к тебе заехать. *(Шаловливо.)* Мы вечно вынуждены работать до седьмого пота, а стало быть, имеем право отдохнуть пару часиков.

Энтони тщетно старается вспомнить имя гостя. Это стоит неимоверного напряжения сродни родовым потугам. Наконец память разрешается от бремени коротким словом «Фред», и Энтони поспешно строит предложение «Рад встрече, Фред!». Вся компания умолкает, ожидая, когда представят гостя. Мори может прийти на выручку, но предпочитает наблюдать за сценой с нескрываемым злорадством.

Э н т о н и *(в отчаянии)*. Леди и джентльмены, знакомьтесь, это... Это Фред.

М ю р и э л *(с легкомысленной любезностью)*. Привет, Фред!

Ричард Кэрамел и Пэрамор называют друг друга по имени, как добрые приятели. Последний припоминает, что Дик был на курсе одним из тех, кто ни разу не удостоил его беседы. Дик по глупости считает, что ранее встречался с Пэрамором в доме у Энтони.

Три молодые дамы поднимаются вверх.

М о р и *(вполголоса Дику)*. Не виделся с Мюриэл со свадьбы Энтони.

Д и к. Она сейчас в расцвете, а ее последнее любимое изречение: «Я же говорила!»

Энтони некоторое время мучительно подыскивает темы для разговора с Пэрамором и наконец делает попытку привлечь к беседе остальных гостей, предлагая всем выпить.

М о р и. Я успел хорошенько причаститься к этой бутылки. Начал с градусов и закончил названием завода. *(Показывает вышеназванные слова на этикетке.)*

Э н т о н и *(обращаясь к Пэрамору)*. Невозможно угадать, когда эта парочка снова нагрянет в дом. Попрощался с ними как-то в пять вечера, а они, дьявол их заberi, опять заявили в два ночи. Наняли в

Нью-Йорке большой автомобиль для туристических поездок, который довез их до самого порога, и вывалились оттуда, разумеется, пьяные вдрызг.

Пэрамор с почтительным восторгом рассматривает обложку книги, которую держит в руках. Мори и Дик переглядываются между собой.

Д и к (*с простодушным видом обращается к Пэрамору*). Вы работаете в городе?

П э р а м о р. Нет, в поселении на Лэрд-стрит в Стэмфорде. (*Обращается к Энтони.*) Ты и представить не можешь, какая страшная нищета в этих городишках в Коннектикуте. Итальянцы и другие иммигранты. В основном католики, а потому очень сложно найти с ними общий язык.

Э н т о н и (*вежливо*). Высокий уровень преступности?

П э р а м о р. Не столько преступности, сколько невежества и грязи.

М о р и. По-моему, всех невежд и грязнуль следует немедленно подвергать казни на электрическом стуле. Что до преступников – я за них горой... существенно разнообразят жизнь, придают некую остроту. Только вот беда, если заниматься истреблением невежества, начать придется с первых семейств в стране, потом взяться за дельцов кинобизнеса и наконец добраться до конгресса и духовенства.

П э р а м о р (*с натянутой улыбкой*). Я имел в виду более фундаментальное невежество... взять хотя бы язык.

М о р и (*глубокомысленно*). Да, тяжело. Бедняги даже не могут следить за новинками поэзии.

П э р а м о р. Только проработав в поселении несколько месяцев, начинаешь понимать весь ужас сложившейся ситуации. Как сказал наш секретарь в одной из бесед, если не мыть руки, грязи под ногтями не видно. Разумеется, мы уже привлекаем большое внимание общественности.

М о р и (*грубо*). Как сказал бы ваш секретарь, если набить в камин бумаги, несколько секунд она будет ярко гореть.

В этот момент к компании, в сопровождении двух подруг, присоединяется Г л о р и я. Она искусно подкрашена и жаждет

всеобщего восхищения и развлечений. Некоторое время ведется обрывочный разговор. Глория отзывает Энтони в сторонку.

Г л о р и я. Энтони, пожалуйста, не пей много.

Э н т о н и. А что?

Г л о р и я. Потому что, напившись, ты становишься ужасно глупым.

Э н т о н и. О господи! Что на сей раз?

Г л о р и я (*после короткой паузы, во время которой она холодно смотрит в глаза мужу*). Вопросов несколько. Прежде всего почему ты упорно оплачиваешь все расходы? У обоих джентльменов денег побольше, чем у тебя!

Э н т о н и. Но, Глория, они же мои гости!

Г л о р и я. Это не повод платить за бутылку шампанского, которую разбила Рейчел Барнс. Дик попытался оплатить второй счет за такси, но ты не позволил.

Э н т о н и. Но, Глория...

Г л о р и я. Когда нам постоянно приходится продавать облигации, чтобы уладить счета, самое время отказаться от щедрых жестов. Кроме того, не стоит уделять так много внимания Рейчел Барнс. Ее мужу твоё поведение нравится не больше, чем мне!

Э н т о н и. Но, Глория...

Г л о р и я (*сердито передразнивает*). Но Глория! Этим летом подобные вещи случаются слишком уж часто – с каждой хорошенькой женщиной, что попадает тебе на глаза. Это уже входит в привычку, и я не собираюсь терпеть подобное безобразие! Желаешь заводить любовные интрижки на стороне? Что ж, отплачу тебе той же монетой. (*Потом, будто ее внезапно осенило.*) Да, кстати, этот Фред не окажется еще одним Джо Халлом?

Э н т о н и. О господи! Да нет же! Наверное, он явился кланчить денег для своей паствы и хочет, чтобы я попросил их у деда.

Глория отворачивается от крайне удрученного Энтони и возвращается к гостям. Всех присутствующих к девяти часам вечера можно разделить на две группы: тех, кто пил без перерыва, и тех, кто пил мало или не употреблял спиртного вообще. Во второй группе оказываются супруги Барнсы, Мюриэл и Фредерик Пэрамор.

М ю р и э л. Жаль, я не умею писать. Столько мыслей в голове, но, как ни стараюсь, не могу облечь их в слова.

Д и к. Совсем как Голиаф. «Понимаю, что чувствует Давид, а выразить словами не могу». Его высказывание филистимляне тут же сделали своим девизом.

М ю р и э л. Что-то до меня не доходит. Наверное, глупею к старости.

Г л о р и я (*шаткой походкой бродит среди гостей, как захмелевший ангел*). Если кому-то хочется поесть, в столовой еще остались пирожные.

М о р и. Ненавижу викторианские завитушки, которыми их снабдили.

М ю р и э л (*с неумной веселостью*). Ну, я скажу, вы и нализались, Мори.

Грудь Мюриэл по-прежнему подобна мостовой. Девушка с готовностью подставляет ее под копыта проезжих жеребцов, надеясь, что их железные подковы высекут хотя бы искру романтической страсти среди всеобщего мрака...

Супруги Барнсы и Пэрамор заняты беседой на высоконравственную тему. Обсуждаемый предмет столь возвышен, что мистер Барнс уже в течение нескольких минут пытается ускользнуть на территорию, более подверженную пороку, которая находится в районе дивана. Трудно назвать причины, задерживающие Пэрамора в сером доме. Возможно, это обычная вежливость или праздное любопытство. Не исключено, что он намерен написать впоследствии социологический отчет и с этой целью анализирует процесс разложения американского обществ.

М о р и. Фред, полагаю, вы человек широких взглядов.

П э р а м о р. Так оно и есть.

М ю р и э л. И я тоже. В моем понимании все религии равны и все такое.

П э р а м о р. В каждой религии есть что-то хорошее.

М ю р и э л. Я католичка, но честно признаюсь – не слишком ревностная.

П э р а м о р (*проявляя недюжинное терпение*). Католическая религия очень... очень влиятельная религия.

М о р и. Ну, человек таких широких взглядов просто обязан испытать бурю возвышенных чувств и прилив оптимизм, что таит в себе этот коктейль.

П э р а м о р (с вызывающим видом берет бокал). Благодарю. Пожалуй, попробую... один.

М о р и. Один? Неслыханное безобразие! У нас тут встреча выпускников тысяча девятьсот десятого года, а ты не желаешь хотя бы для приличия малость набраться. Ну же, смелее!

Выпьем за здоровье короля Карла,
Выпьем за здоровье короля Карла,
Кубок скорее неси...

Пэрамор с воодушевлением подпевает.

М о р и. Наполни бокал, Фредерик! Ведь хорошо известно, что все в мире подчиняется велению природы, а тебя она решила сотворить отъявленным пьяницей.

П э р а м о р. Если человек умеет пить, как истинный джентльмен...

М о р и. А что такое джентльмен?

Э н т о н и. Кто никогда не вкалывает булавки под лацкан пиджака.

М о р и. Чепуха! Социальный статус человека определяется количеством хлеба, который он съедает в сэндвиче.

Д и к. Кто предпочитает первое издание книги последнему выпуску газеты.

Р е й ч е л. И ни при каких обстоятельствах не создает впечатления наркомана.

М о р и. Американец, способный поставить на место дворецкого-англичанина и убедить, что именно он и является джентльменом.

М ю р и э л. Человек из хорошей семьи, который закончил Йель, Гарвард или Принстон, при деньгах, искусный танцор и все такое.

М о р и. Наконец-то мы слышим идеальное определение! Кардинал Ньюмен о таком и мечтать не смеет.

П э р а м о р. Полагаю, этот вопрос нужно рассматривать в более широком смысле. Не Авраам ли Линкольн сказал, что джентльмен – это тот, кто никогда не причинит боли ближнему?

М о р и. Думаю, слова принадлежат генералу Людендорфу.

П э р а м о р. Вы, разумеется, шутите.

М о р и. Выпей-ка еще.

П э р а м о р. Мне больше не стоит. (*Понизив голос, шепчет, чтобы никто не услышал, кроме Мори.*) Должен признаться, это всего третий бокал в моей жизни. Ну, что теперь скажете?

Дик заводит патефон. Мюриэл тут же вскакивает с места и начинает раскачиваться из стороны в сторону. Она сгибает руки в локтях, выставя их вперед, как рыбы плавники.

М ю р и э л. Ах, давайте уберем ковры и потанцуем!

Услышав это предложение, Энтони и Глория в душе стонут, но кисло улыбаются, выражая согласие.

М ю р и э л. Ну же, лентяи! Поднимайтесь и двигайте мебель.

Д и к. Подождите, дайте допить.

М о р и (*полон решимости осуществить свои намерения в отношении Пэрамора*). Слушайте меня! Давайте наполним бокалы, выпьем, а потом и потанцуем.

Волна протеста разбивается, столкнувшись со скалой, коей является неумолимый Мори.

М ю р и э л. Ну вот, теперь у меня голова идет кругом.

Р е й ч е л (*тихим голосом обращается к Энтони*). Глория просила держаться от меня подальше?

Э н т о н и (*сконфуженно*). Нет, что вы! И речи не было.

Рейчел одаривает его загадочной улыбкой. За два года ее красота приобрела холодную элегантность.

М о р и (*поднимая бокал*). Выпьем за поражение демократии и падение христианства.

М ю р и э л. Да ну вас!

Она бросает на Мори насмешливо-осуждающий взгляд, а затем выпивает содержимое бокала. Все пьют, испытывая при этом разную степень затруднения.

М ю р и э л. Очистить пол!

Энтони и Глория понимают, что испытания не избежать, смиряются и включаются в работу. Передвигаются столы, громоздятся друг на друга стулья, скатываются ковры и бьются лампочки. Наконец мебель свалена вдоль стен безобразными грудами, и в центре комнаты освобождается площадка футов в восемь.

М ю р и э л. Ах, включите музыку!

М о р и. Тана исполнит любовную песню специалиста по глазам, уху, горлу и носу.

Среди некоторого замешательства, вызванного уходом Таны на покой, ведутся необходимые приготовления к спектаклю. Облаченного в пижаму Т а н у с флейтой в руке заворачивают в стеганое одеяло и водружают в кресло, которое стоит на столе. Японец представляет собой смехотворное зрелище. Пэрамор уже заметно опьянел и настолько захвачен представлением, что это лишь усиливает эффект. Он самозабвенно копирует жесты персонажей из комиксов и даже позволяет себе время от времени икать.

П э р а м о р (*обращается к Глории*). Не желаете со мной потанцевать?

Г л о р и я. Нет, сэр! Хочу исполнить лебединый танец. А вы умеете?

П э р а м о р. Конечно. Умею все танцы.

Г л о р и я. Прекрасно. Идите с того конца комнаты, а я – вот с этого.

М ю р и э л. Поехали!

И тут из бутылок начинает расползаться во все стороны затаившееся до поры до времени безумие. Тана бродит по извилистым лабиринтам дорожной песни, заунывное «тутл-тут-тут» сливается с тоскливыми каденциями «Бедняжка бабочка (тинк-атинк) замерла на цветке», которые льются из патефона. Обессиленный от смеха, Мюриэл только отчаянно цепляется за Барнса. А тот танцует с мрачной стойкостью армейского офицера, топчась на одном месте без тени

улыбки на лице. Энтони вслушивается в шепот Рейчел, стараясь не привлечь внимания Глории...

Но абсурдное, невероятное в своей театральности событие уже вот-вот свершится. Один из тех случаев, когда жизнь вдруг решает подражать литературным образцам самого низкого пошиба. Пэрамор старается превзойти Глорию и, когда шабаш достигает апогея, начинает кружиться по комнате. Он все кружится, кружится, кружится, стремительнее и стремительнее... спотыкается, умудряется устоять на ногах и снова спотыкается, а затем падает в направлении коридора... и едва не оказывается в объятиях старого А д а м а П э т ч а, чье появление осталось незамеченным среди царящего в комнате столпотворения.

Адам Пэтч очень бледен. Он опирается на трость. Человек, который его сопровождает, не кто иной, как Э д в а р д Ш а т т л у о р т, и именно он хватает Пэрамора за плечо, изменяя траекторию его свободного полета и отводя удар от почтенного филантропа.

Промежуток времени, потребовавшийся для установления тишины, которая опускается на комнату подобно чудовищному занавесу, вероятно, длится минуты две. Хотя по их прошествии продолжает издавать квакающие звуки патефон, а ноты дорожной японской песни падают каплями из флейты Таны. Из девяти присутствующих только Барнс, Пэрамор и Тана не знакомы с личностью вновь прибывшего. И ни одному из девяти не ведомо, что сегодня утром Адам Пэтч сделал взнос в размере пятидесяти тысяч долларов, которые пойдут на дело запрещения спиртных напитков во всей стране.

Честь нарушить сгущающуюся тишину принадлежит Пэрамору. И он изрекает совершенно немислимую фразу, которая, подобно морскому приливу, возносит его на вершину безнравственности.

П э р а м о р (*торопливо отползая на четвереньках в сторону кухни*). Я не гость... Я тут на работе.

И снова комната погружается в тишину. На сей раз гнетущую и еще больше утяжеленную передающимися друг другу дурными предчувствиями. Рейчел не выдерживает и нервно хихикает. Дик осознает, что без конца повторяет строчку из Суинберна, которая по

нелепому совпадению подходит к сложившейся ситуации: «Один цветок, поблекший, бездыханный».

...Среди всеобщего молчания слышится голос Энтони, трезвый и сдавленный. Он что-то говорит Адаму Пэтчу. Потом и он умолкает.

Ш а т т л у о р т (с жаром). Ваш дедушка решил, что ему следует приехать и взглянуть на дом. Я позвонил из Рая и предупредил.

Во время очередной паузы раздаются короткие сдавленные вздохи неизвестного происхождения. Энтони стоит бледный как мел. Глория, приоткрыв рот, смотрит остановившимся, полным ужаса взором на старика. Никто не улыбается. Ой ли? Или все-таки у Брюзги Пэтча чуть вздрагивают губы, обнажая два ровных ряда редких зубов? Тихо, но отчетливо он произносит четыре слова.

А д а м П э т ч. Теперь едем обратно, Шаттлуорт.

И все. Старик поворачивается и, опираясь на трость, проходит по коридору. Потом выходит через парадную дверь. Его неуверенные шаги, словно посланное дьяволом предзнаменование беды, шуршат по посыпанной гравием дорожке, освещенной сиянием августовской луны.

Ретроспектива

Оказавшись в отчаянной ситуации, супруги напоминали пару золотых рыбок в аквариуме, из которого вылили всю воду, и теперь они даже не могут подплыть друг к другу.

В мае Глории исполнилось двадцать шесть лет. По ее словам, она всего лишь стремилась как можно дольше оставаться юной красавицей, веселой, счастливой и беззаботной, иметь деньги и любовь. Одним словом, хотела того же, что и большинство женщин, только ее желания выражались ярче и с большей страстностью. Уже пошел третий год после замужества. Поначалу дни протекали в ничем не омраченном взаимопонимании, которое порой переходило в исступленную восторженность и рождало чувство гордости за обладание любимым человеком. Случались и короткие периоды

неприязни, и невнимательность, но уже к полудню от них не оставалось и следа. Так продолжалось полгода.

Потом безмятежная радость померкла, подернулась налетом скуки, и очень редко, при вспышках ревности или после вынужденной разлуки возвращалась прежняя страсть с бурей чувств и неизменным единением двух душ.

Теперь Глория могла в течение целого дня испытывать ненависть к мужу и злиться без видимой причины всю неделю. На смену любви и чувству близости пришли взаимные упреки, которым всячески потворствовали, превращая чуть ли не в развлечение. Случалось, вечером, отходя ко сну, они старались вспомнить, кто первым затеял ссору и кому наутро полагается чувствовать себя обиженным. К концу второго года супружеской жизни в их отношениях появились две новые особенности. Глория вдруг поняла, что Энтони может проявлять полное безразличие, которое носило мимолетный характер, будто в полудреме, от которой, впрочем, уже нельзя пробудить нежным словом, прошептаным на ухо, или особенной, только для него предназначенной улыбкой. Случались дни, когда казалось, что муж задыхается от ее ласк. Все происходящие перемены Глория замечала, но никогда в этом себе не признавалась.

А совсем недавно осознала, что, несмотря на обожание, ревность, готовность рабски подчиняться мужу и гордость за него, она испытывает к Энтони глубокое презрение. И презрение как-то незаметно стало примешиваться ко всем остальным чувствам... Все это называлось любовью, жизненно важной женской иллюзией, которая избрала своим объектом Энтони одним апрельским вечером много месяцев назад.

Что до Энтони, то, невзирая на упомянутые перемены, только Глория по-прежнему занимала главное место в его жизни. Потеряй он сейчас жену, и утрата сломила бы его, превратив в горемыку, который до конца дней живет слезливыми воспоминаниями. Теперь он редко проводил наедине с Глорией целый день и больше не получал удовольствия от ее компании. Все чаще Энтони предпочитал присутствие третьих лиц. Случались моменты, когда он чувствовал, что если не останется один, то просто сойдет с ума. А несколько раз испытывал настоящую ненависть к жене. Находясь под хмельком, он мог ненадолго увлечься другими женщинами. Пока это были всего

лишь всплески чувственности, стремящейся к новым ощущениям, которые легко подавлялись.

Той весной и летом они мечтали о будущем счастье, как отправятся в путешествие по южным краям, а потом возвратятся в роскошный особняк к предполагаемым идиллическим детям. Затем Энтони займется дипломатией или политикой, где свершит нечто замечательное и важное, и в конце концов они станут седовласой парой (с изумительно красивой сединой на шелковистых волосах), купаясь в лучах безоблачной славы, почитаемые буржуазией страны...

Обычно подобные разговоры начинались со слов «когда мы получим свои деньги»; все надежды основывались именно на мечтах, а не на реальной жизни, которая не приносила удовлетворения и становилась все более беспорядочной. Хмурым утром, когда шутки прошлой ночи воспринимались как непристойность, лишенная остроумия и достоинства, они все еще могли извлечь на свет божий общие надежды, перебрать их, а потом, улыбнувшись друг другу, решить все сомнения лаконичной, но искренней фразой, которой Глория, следуя учению Ницше, выражала протест: «А, все равно!»

Положение дел ощутимо ухудшалось. Все чаще вставал вопрос денег, принимая все более угрожающий характер и усиливая раздражение; пришло понимание, что спиртное стало неотъемлемой частью увеселений – вполне обычное явление для британской аристократии лет сто назад, но вызывающее некоторую тревогу в обществе, настойчиво стремящемся к умеренности и благоразумию. Кроме того, они оба слегка ослабли духом, и это выражалось не столько в поступках, сколько в отношении к окружающему миру, которое претерпело едва уловимые изменения. Так, у Глории зародилась одна особенность характера, до недавнего времени совершенно ненужная. Пока в виде незавершенного эскиза, но уже можно было безошибочно определить, что это совесть, всегда вызывавшая у нее стойкое отвращение. Это событие совпало с медленным угасанием физической отваги.

И вот в то августовское утро после неожиданного визита Адама Пэтча они проснулись с подступающей к горлу тошнотой, разбитые и разочарованные в жизни, способные испытывать только одно всепоглощающее чувство – страх.

Паника

– Ну и что дальше? – Энтони сидел в кровати и смотрел сверху вниз на жену. Уголки губ удрученно опущены, голос глухой и вымученный.

Вместо ответа Глория поднесла ко рту руку и принялась сосредоточенно грызть палец.

– Доигрались, – продолжил он после недолгого молчания. Глория по-прежнему не отвечала, и это начинало раздражать. – Почему ты молчишь?

– А что ты хочешь от меня услышать?

– Твое мнение.

– Его нет.

– Тогда прекрати кусать палец!

Последовала короткая сбивчивая перепалка, в ходе которой выяснялось, способна ли Глория вообще составить свое мнение. Для Энтони было очень важно, чтобы жена громко высказалась по поводу случившейся прошлой ночью катастрофы. Ее молчание расценивалось как попытка возложить всю ответственность на него. Глория же, в свою очередь, не видела необходимости в словах, а создавшаяся ситуация просто требовала, чтобы она грызла палец, как нервное дитя.

– Нужно уладить с дедом это проклятое недоразумение, – заявил Энтони, стараясь скрыть растерянность за показной уверенностью. Новое, едва зародившееся чувство уважения выразилось словом «дед» вместо привычного «дедушка».

– Ничего не выйдет, – категорично заявила Глория. – Ни сейчас, ни потом. Он не простит тебя до конца жизни.

– Возможно, и не простит, – с несчастным видом согласился Энтони. – И все-таки можно попытаться как-то реабилитировать себя. Дать обещание исправиться, ну и все в таком роде...

– Он выглядит больным, – перебила Глория. – Весь мучнисто-бледный.

– Он и правда болен. Я же говорил об этом еще три месяца назад.

– Лучше бы он умер на прошлой неделе! – с обидой выпалила Глория. – Бесчувственный старый дурак!

Ни один из них даже не улыбнулся.

– Послушай, что я тебе скажу, – продолжила Глория уже спокойнее, – если еще раз замечу, что ты любезничаешь с другой женщиной, как вчера с Рейчел Барнс, я тебя брошу. Просто возьму и уйду, вот так! Не собираюсь терпеть подобные мерзости!

Энтони не на шутку струсил.

– Не говори глупости! – запротестовал он. – Ты же знаешь, для меня на свете не существует других женщин, кроме тебя. Просто не существует, милая...

Его попытка сыграть на струнах нежности бесславно провалилась – на переднем плане с новой силой обозначилась куда более серьезная угроза.

– А что, если поехать к нему, – рассуждал Энтони, – и покаяться, употребив подходящие цитаты из Библии? Якобы я слишком долго блуждал в потемках, встав на несправедливый путь. И вот наконец прозрел и увидел свет... – Он оборвал свою речь и с капризным видом глянул на жену. – Интересно, как бы он поступил?

– Не знаю.

Глорию мучил вопрос, хватит ли у их гостей сообразительности и такта уехать сразу после завтрака.

Прошла неделя, а Энтони все никак не мог собраться с мужеством и нанести визит в Тэрритаун. Сама перспектива этого путешествия вызывала отвращение, и если бы не постоянное давление со стороны жены, он ни за что бы туда не поехал. Однако за последние три года ослабла не только его воля, но и способность сопротивляться настойчивым просьбам. Глория заставила мужа поехать в Тэрритаун, заявив, что вполне достаточно выждать неделю и дать время, чтобы гнев деда остыл. Ждать дольше – непростительная ошибка, которая даст старику лишний шанс укрепиться в своем враждебном чувстве к внуку.

Дрожа от страха, он пустился в путь... и зря потратил время. Адаму Пэтчу нездоровилось, о чем не преминул сообщить кипящий негодованием Шаттлуорт. Были даны четкие распоряжения никого не пускать к больному. Под мстительным взглядом бывшего врача, считавшего джин панацеей от всех бед, Энтони сдал позиции. Чуть ли не крадучись он шел к такси и только в поезде вновь обрел толику собственного достоинства, с мальчишеской радостью убегая к своим

сказочным замкам, которые сулили утешение, по-прежнему сияя в воображении манящими высокими башнями.

Энтони вернулся в Мариэтту, где Глория встретила его презрительной насмешкой. Почему он не прорвался к деду силой? Она сама именно так бы и поступила.

Супруги стали обдумывать письмо к старику и после многочисленных поправок наконец написали и отправили адресату. В письме наряду с извинениями предпринимались нелепые попытки оправдаться. Ответа не последовало.

И вот наступил сентябрьский день, когда солнце чередуется с дождем. Только солнце больше не грело, а дождь не приносил свежести. В тот день супруги покинули серый дом, который видел расцвет их любви. Четыре дорожных сундука и три угрожающего вида корзины возвышались посреди пустой комнаты, где два года назад они предавались томной неге и мечтали, далекие от суеты окружающего мира и всем довольные. Комната откликнулась гулким эхом. Глория, одетая в новое коричневое платье, отороченное мехом, сидела на сундуке и молчала, а Энтони нервно расхаживал взад-вперед и курил в ожидании грузовика, который должен отвезти вещи в город.

– Что это? – требовательным голосом спросила Глория, указывая на альбомы, лежавшие поверх корзины.

– Моя старая коллекция марок, – робко признался Энтони. – Забыл упаковать.

– Энтони, но ведь глупо таскать их за собой.

– Ну, я их просматривал прошлой весной, когда мы уезжали из квартиры, и решил не сдавать на хранение.

– Неужели нельзя это продать? Или у нас мало хлама?

– Прости, – покорно откликнулся он.

К порогу с грохотом подкатил грузовик. Глория с вызовом погрозила пустым стенам кулачком.

– Как я рада, что уезжаю! – выкрикнула она. – Господи, как же я ненавижу этот дом!

Итак, блистательная красавица отправилась в Нью-Йорк в сопровождении мужа. И прямо в поезде, уносившем их от серого дома, супруги затеяли ссору. Горькие упреки Глории сыпались с той же

неотвратимой частотой и регулярностью, что и станции, которые мелькали за окном.

– Ну не сердись, – жалобным голосом упрашивал Энтони. – Ведь, в конце концов, у нас ничего не осталось, кроме друг друга.

– Большую часть времени мы лишены и этого! – выкрикнула Глория.

– Когда же такое было?

– Много раз, начиная со случая на платформе в Редгейте.

– Уж не хочешь ли сказать...

– Не хочу, – холодно перебила Глория. – Не хочу копаться в прошлом. Было и прошло, но, уходя, что-то с собой унесло.

Она оборвала речь на полуслове. Энтони тоже сидел молча, растерянный и подавленный. Проносились друг за другом однообразные серые станции: Мамаронек, Ларчмонт, Рай, Пелэм, между которыми разбросаны унылые пустоши, безрезультатно претендующие на звание сельского пейзажа. Энтони вспомнил, как однажды летним утром они выехали из Нью-Йорка и отправились на поиски счастья. Возможно, они и не надеялись его найти, и все же сам процесс поиска оказался самым счастливым временем в жизни. Получается, что жизнь – это определенный подбор декораций вокруг каждого человека, и если его нет, наступает катастрофа. Нет ни отдыха, ни покоя. Он потратил много времени, стремясь плыть по течению и предаваться мечтам. Только никому еще не удавалось уберечься от водоворота, где все мечты превращаются в причудливые кошмары, вызванные неуверенностью и сожалениями.

Пелэм! В Пелэме они поссорились, потому что Глории захотелось сесть за руль. Когда она нажала ножкой на педаль газа, машина резко рванула вперед, а их головы дружно откинулись назад, как у двух марионеток, связанных одной ниточкой.

Бронкс... скопление домов, поблескивающих под солнцем, которое, прорываясь сквозь необъятные сияющие небеса, роняет потоки света на улицы. Нью-Йорк Энтони считал своим домом. Город роскоши и тайны, бессмысленных надежд и причудливых мечтаний. Здесь, на окраинах, в холодных лучах заката высились нелепые оштукатуренные дворцы и, зависнув на мгновение в застывшем нереальном мире, ускользали вдаль, уступая место неразберихе на Гарлем-Ривер. В сгущающихся сумерках поезд проезжал мимо оживленных, исходящих

потом улиц Верхнего Ист-Сайда. И каждая, мелькнув за окном вагона, словно промежуток между спицами гигантского колеса, как сокровенную тайну открывала жизнерадостную красочную картину с неугомонными ребятишками из бедных семей. Собравшись стайками, дети копошились, будто муравьи на дорожках, посыпанных красным песком. Из окон многоквартирных домов, что сдаются в аренду, выглядывали их тучные луноликие матери, словно плеяды звезд на убогом в своей нищете небосклоне. Женщины, своим несовершенством напоминающие неограниченные драгоценные камни, женщины, уподобившиеся овощам, женщины, похожие на огромные мешки с омерзительно грязным бельем.

– Мне нравятся эти улицы, – будто размышляя вслух, произнес Энтони. – Возникает чувство, что здесь идет спектакль, поставленный специально для меня. Но стоит пройти мимо, и все прекратят прыгать и веселиться. Станут печальными, вспомнив о своей бедности, а потом с поникшими головами разбредутся по домам. Подобное ощущение часто возникает за границей, а на родине – очень редко.

Внизу, на оживленной улице с высокими домами он прочел на вывесках магазинов с десятков еврейских фамилий. В дверях каждого магазинчика стоял темноволосый маленький человечек, пристально наблюдающий за прохожими. В его глазах светились подозрительность, гордыня, алчность и изворотливый ясный ум. Нью-Йорк... Энтони уже не мог представить его без этих людей, постепенно расплзающихся по городу. Маленькие магазинчики росли, расширялись, сливались и переезжали. Распространяясь во всех направлениях, следили хищным ястребиным взором за бурлящей вокруг жизнью, не упуская ни одной самой мелкой детали с поистине пчелиной кропотливостью. Зрелище впечатляло и впоследствии обещало стать грандиозной картиной.

Голос Глории ворвался в его размышления и, как ни странно, прозвучал им в унисон:

– Интересно, где провел это лето Блокмэн?

Квартира

После свойственной юности уверенности наступает неимоверно запутанный и сложный период. У продавца газированной воды этот период так короток, что проходит почти незаметно. Люди, занимающие более высокие ступени на общественной лестнице, стараются как можно дольше сберечь все тонкости отношений и «непрактичные» представления о честности и порядочности. Но к тридцати годам это занятие становится слишком обременительным, и все, что казалось до сих пор неизбежным и сбивающим с толку, постепенно отходит на задний план, приобретая все более расплывчатые очертания. Наползает повседневность и, подобно сумеркам, спускающимся на суровый ландшафт, сглаживает резкие линии и делает картину приемлемой. В своем запутанном многообразии жизнь неуловимо переменчива, и всякий раз, когда наносится урон жизненным силам, происходит пересмотр ценностей. И вот уже кажется, что нельзя извлечь урока из прошлого, чтобы идти с ним дальше в будущее, и тогда утрачивается способность к душевным порывам, нас уже невозможно ни в чем убедить, и не интересно, где находится тонкая грань между моралью и безнравственностью. Понятие честности заменяется общепринятыми правилами поведения, и стабильность ценится выше романтических чувств, а мы сами неосознанно превращаемся в прагматиков. И лишь очень немногим суждено и дальше копать в разнообразных нюансах человеческих отношений, но и они занимаются этим лишь в специально отведенные часы.

Энтони Пэтч перестал быть личностью с авантюрным, пытливым складом ума и превратился в человека, находящегося во власти предрассудков и предубеждений, со страстным стремлением к безмятежному душевному покою. Постепенное перерождение происходило в течение последних семи лет и ускорилось чередой опасений и страхов, хищно впившихся в сознание. В первую очередь возникло чувство потери, всегда дремавшее в сердце и пробудившееся в силу создавшихся обстоятельств и положения, в котором он оказался. В минуты, когда Энтони чувствовал себя особенно незащищенным и уязвимым, его преследовала мысль, что жизнь в конечном итоге,

возможно, не лишена смысла. Перешагнув двадцатилетний рубеж, Энтони первое время по-прежнему считал бесполезными все попытки что-либо изменить и видел великую мудрость в отрицании. Уверенность подкреплялась философскими учениями, которыми он неизменно восхищался. А кроме того, общением с Мори Ноублом и впоследствии с женой. И все же возникали ситуации – как, например, перед первой встречей с Глорией или после предложения деда отправиться в Европу военным корреспондентом, – когда неудовлетворенность едва не толкнула его на созидательный шаг.

Однажды, перед окончательным отъездом из Мариэтты, небрежно перелистывая «Бюллетень выпускников Гарварда», Энтони наткнулся на колонку, где говорилось о достижениях его ровесников, окончивших университет около шести лет назад. Действительно, большинство из них занимались бизнесом, а несколько человек приобщали язычников в Китае или Америке к расплывчатым догмам протестантизма; но, как выяснилось, были и такие, чья созидательная деятельность не имела ничего общего ни с синекурами, ни с повседневной рутинной. Например, Келвин Бойд. Едва закончив медицинский колледж, он открыл новое средство для лечения тифа, а потом отправился за океан, где пытался смягчить последствия отдельных цивилизованных санкций, которые великие державы применили к Сербии. Был еще Юджин Бронсон, чьи статьи в «Нью демокраси» характеризовали его как человека с мышлением, выходящим за рамки пошлых понятий современности и повсеместно распространенной истерии. Студента по имени Дейли однажды выгнали с факультета некоего респектабельного университета за пропаганду марксистских доктрин в аудитории. В искусстве, науке и политике Энтони находил достойных представителей своего поколения. Даже футболист, квотербек Северенс, проявил истинное мужество и без лишнего шума отдал жизнь, сражаясь в рядах Иностранного легиона на реке Эна.

Энтони отложил в сторону журнал и некоторое время размышлял о судьбе этих совершенно разных людей. В дни былой непорочности он стал бы до конца отстаивать свою точку зрения. Пребывая, подобно Эпикуру, в счастливой равнодушной отрешенности, он принялся бы выкрикивать, что бороться – значит верить, а вера устанавливает для человека ограничительные рамки. И пристрастился бы ходить в церковь, так как перспектива бессмертия доставляла радость, и с

таким же успехом мог бы заняться кожевенным делом, потому что жестокая конкуренция не позволяет предаваться печали. Но сейчас у него не было таких утонченных моральных принципов. Этой осенью, на двадцать девятом году жизни, у Энтони появилась склонность закрывать свой разум для многих вещей, не заниматься глубоким исследованием мотивов и первопричин. Вместо этого возникло страстное стремление защититься от окружающего мира и себя самого. Он ненавидел одиночество, но, как уже упоминалось, зачастую боялся оставаться и вдвоем с Глорией.

Из-за пропасти, разверзшейся перед Энтони в результате визита деда и отказа от привычного образа жизни, что он вел в последнее время, возникла необходимость осмотреться в этом городе, который неожиданно стал враждебным, поискать друзей и окружения, где ему некогда жилось так уютно и безопасно. Первым шагом стала отчаянная попытка вернуть свою прежнюю квартиру.

Весной 1912 года Энтони подписал договор об аренде на четыре года, при условии выплачивать по семьсот долларов в год, с правом возобновления. Договор истек в мае прошлого года. Когда Энтони в первый раз снял эти комнаты, он сумел рассмотреть их глубоко скрытые возможности и указал в договоре, что они вместе с хозяином дома затратят некоторые средства на придание квартире более респектабельного вида. За истекшие четыре года арендная плата выросла, и когда прошлой весной Энтони отложил возобновление договора, домовладелец, некий мистер Зоженберг, быстро смекнул, что может получить гораздо больше за эту теперь привлекательную во всех отношениях квартиру. Соответственно, когда в сентябре Энтони заговорил об интересующем его предмете, мистер Зоженберг предложил возобновить договор на три года с арендной платой две с половиной тысячи долларов в год. Энтони счел это предложение возмутительным. Оно означало, что более трети дохода супругов уйдет на оплату жилья. Тщетно он доказывал домовладельцу, что квартира стала такой заманчивой исключительно благодаря его деньгам и идеям.

Тщетно предлагал он две тысячи в год, а потом и две двести, хотя мог с трудом позволить себе эту сумму. Мистер Зоженберг стоял на своем. Оказывается, на квартиру претендуют еще два джентльмена, ибо в настоящее время именно такое жилье пользуется самым высоким

спросом, и чего ради отдавать квартиру мистеру Пэтчу в ущерб своим интересам? Кроме того, раньше он об этом никогда не упоминал, но от других жильцов поступали жалобы на шум среди ночи, громкое пение, танцы и все такое прочее.

Кипя от возмущения, Энтони поспешил в отель «Ритц», чтобы поведать жене о крушении своих надежд.

– Так и вижу, как ты позволяешь окунать себя носом в грязь! – обрушилась на мужа Глория.

– Что я мог возразить?

– Нужно было сказать, кто он есть на самом деле. Я бы такого не стерпела. И ни один человек в мире не стал бы мириться с подобным унижением! Ты просто разрешаешь людям топтать себя ногами, дурачить, шантажировать, помыкать, как маленьким глупым мальчиком. Какая нелепость!

– Ох, ради всех святых, не выходи из себя.

– Ладно, Энтони, только какой же ты все-таки осел!

– Возможно. В любом случае мы не можем позволить себе такую квартиру, хотя это все равно дешевле, чем жить в «Ритце».

– Ты же сам настоял, чтобы мы поселились здесь.

– Да, потому что понимаю, как унижительно для тебя жить в дешевом отеле.

– Разумеется, унижительно!

– Как бы там ни было, нам надо подыскивать жилье.

– Какую плату мы можем себе позволить? – поинтересовалась Глория.

– Видишь ли, мы даже можем заплатить цену, что просит домовладелец, если опять продадим облигации, но вчера вечером мы договорились, что пока я не найду определенного занятия, мы...

– Все это мне давно известно, а сейчас интересует, сколько мы в состоянии заплатить непосредственно из дохода.

– Считается, что на жилье не полагается тратить больше четверти.

– И что представляет собой эта четверть?

– Сто пятьдесят долларов в месяц.

– Уж не хочешь ли сказать, что у нас всего шестьсот долларов в месяц? – В ее голосе сквозили испуганные нотки.

– А ты как думала?! – огрызнулся Энтони. – Или решила, что мы можем тратить более двенадцати тысяч в год, не залезая в основной

капитал?

– Я знала, что мы продали облигации, но неужели потратили так много? И как только умудрились? – Теперь в ее голосе слышался неприкрытый страх.

– погоди, сейчас загляну в счетные книги, что велась с такой скрупулезностью, – съязвил Энтони и тут же продолжил: – Две арендные платы все это время, одежда, путешествия... только представь, каждая весна в Калифорнии обходилась в четыре тысячи долларов. А этот чертов автомобиль, он с самого начала был сплошной тратой денег. А все пирушки, развлечения... да что там, какая теперь разница?

Оба не на шутку встревожились и приуныли. В пересказе для Глории ситуация выглядела еще более удручающей, чем когда Энтони впервые открыл ее для себя.

– Нужно достать денег, – неожиданно заявила Глория.

– Еще бы! Ясно как день.

– Надо снова попытаться встретиться с дедом.

– Так и поступлю.

– Когда?

– Когда мы устроимся.

Это событие произошло неделей позже. Супруги сняли маленькую квартиру на Пятьдесят седьмой улице за сто пятьдесят долларов в месяц. Она находилась в многоквартирном доме из белого камня и состояла из спальни, гостиной, крошечной кухоньки и ванной. Хотя комнаты оказались слишком маленькими и не представлялось возможным разместить даже лучшую мебель Энтони, они были новенькими, чистыми и светлыми и даже не лишены некоторого очарования. Баундс уехал за океан, записавшись в британскую армию, а вместо него появилась сухопарая ширококостная ирландка, чьи услуги приходилось терпеть, не испытывая особой радости. Глория в очередной раз прониклась к прислуге ненавистью по причине, что та, подавая завтрак, неизменно восхваляла достоинства ирландского политического движения «Шинн Фейн». Однако супруги поклялись никогда впредь не нанимать японцев, а найти слугу-англичанина на данный момент было очень трудно. Как и Баундс, ирландка готовила только завтрак, а обедать и ужинать приходилось в ресторанах и отелях.

В конечном итоге нестись в Тэрритаун во весь опор заставило появившееся в нескольких нью-йоркских газетах сообщение, что Адам Пэтч, мультимиллионер, филантроп, всеми почитаемый подвижник, серьезно болен и надежды на выздоровление нет.

Котенок

Повидаться с дедом Энтони не удалось. Доктора запретили больному разговаривать, сообщил мистер Шаттлуорт и любезно предложил взять любое послание, которое Энтони, возможно, пожелает передать Адаму Пэтчу через секретаря, когда позволит здоровье дедушки. Из недвусмысленных намеков Энтони лишь утвердился в грустной догадке, что присутствие внука-расточителя у постели умирающего в высшей степени нежелательно. Во время беседы Энтони, памятуя о полученных от Глории наставлениях, попробовал прошмыгнуть мимо дедовского секретаря, но Шаттлуорт с улыбкой расправил крепкие плечи, и он понял всю тщетность своей попытки. Жалкий и запуганный, он вернулся в Нью-Йорк, где супруги провели полную тревоги неделю. Незначительный инцидент, случившийся как-то вечером, показал, как напряжены у них нервы.

Как-то раз они возвращались домой после ужина, и Энтони заметил бродячую кошку, крадущуюся вдоль ограды.

– Стоит увидеть кошку, и тут же возникает желание пнуть ее ногой, – лениво сообщил он.

– А я люблю кошек.

– Как-то раз я поддался этому желанию.

– И когда же?

– О, много лет назад, задолго до знакомства с тобой. Однажды вечером, в антракте между действиями. Стоял чудесный вечер, как сейчас, я был слегка навеселе – это был вообще один из первых случаев, когда я здорово выпил, – пояснил он. – Маленькая бродяжка искала место для ночлега, а я был в паршивом настроении, вот и вздумалось ее пнуть...

– Бедненькая! – воскликнула Глория, искренне принимая к сердцу рассказ мужа.

Вдохновленный собственным красноречием, он продолжил повествование.

– Да, это было гадко с моей стороны, – признался он. – Маленькая тварюшка посмотрела так жалобно, будто надеялась, что я возьму ее с собой и стану заботиться. Это был всего лишь котенок, и не успел он опомниться, как огромная ножища обрушилась на его хилую спинку...

– Ах! – В голосе Глории слышалась боль.

– Ночь стояла такая холодная! – не унимался Энтони, придавая голосу заунывное звучание. – Думаю, котенок ждал, что его приласкают, а получил только боль и страдания...

Он резко оборвал свое сказание – Глория сотрясалась от рыданий. Они уже добрались до дома, и когда зашли в квартиру, жена рухнула на диван и плакала так горько, будто Энтони поразил ее в самое сердце.

– Бедный маленький котеночек! – жалобно повторяла Глория. – Бедный крошка. Так холодно...

– Глория...

– Не подходи ко мне! Пожалуйста, не подходи! Ты убил маленького пушистого котеночка.

Растрогавшись до глубины души, Энтони опустился на колени рядом с Глорией.

– Любимая, – начал он, – Глория, милая, здесь нет ни слова правды. Я все выдумал.

Но Глория не поверила. В самих подробностях повествования таилось нечто, заставившее ее проплакать весь вечер, пока не сморил сон, – о котенке, об Энтони, о себе, а также горечи и боли, которыми наполнен жестокий окружающий мир.

Кончина американского моралиста

Старик Адам умер в конце ноября в полночь, с благочестивой хвалой Господу на иссохших устах. Он, выслушавший столько лести, сам отошел в мир иной, улеживая Всемогущую Абстрактную Силу, которую, как полагал, имел неосторожность разгневать в распутные годы юности. Было объявлено, что покойный установил с Богом нечто вроде перемирия, условия которого не предавались гласности, хотя подразумевалось, что речь идет о крупной сумме наличными. Во всех газетах опубликовали его биографию, а в двух – поместили передовицы, посвященные безукоризненной репутации и многочисленным достоинствам покойного, а также роли в драме под

названием «Индустриализация», вместе с которой он вырос. Сдержанно коснулись реформ, которые Адам Пэтч финансировал. Вновь воскресили память о Комстоке и Катоне-Цензоре, чьи худосочные призраки маршировали парадным шагом по газетным колонкам.

В каждой газете упоминалось, что у усопшего остался единственный внук Энтони Комсток Пэтч, проживающий в Нью-Йорке.

Похороны состоялись на кладбище в Тэрритауне, на участке, выкупленном семьей. Энтони и Глория ехали в первом экипаже и были слишком встревожены, чтобы осознать нелепость своего положения. Оба отчаянно старались рассмотреть на лицах слуг, остававшихся рядом с покойным до конца, предзнаменование грядущего богатства.

Из приличия они выждали наполненную безумием неделю, и, не получив никаких уведомлений, Энтони позвонил адвокату деда. Мистера Бретта не оказалось на месте, его ожидали через полчаса. Энтони оставил свой номер телефона.

Шел последний день ноября, прохладный и хрустящий, с блеклым солнцем, безрадостно заглядывающим в окна. Пока супруги ждали телефонного звонка, делая вид, что заняты чтением, атмосфера в комнате и снаружи, казалось, переполнилась предчувствием плачевного обмана, сулящего крушение надежд. После бесконечно долгого ожидания наконец зазвонил телефон, и Энтони, вздрогнув, вскочил с места.

– Алло... – Его голос звучал глухо и напряженно. – Да, я просил перезвонить. Кто говорит? Да... Речь идет об имуществе. Естественно, меня это интересует, и я не получил информации относительно прочтения завещания... Решил, что, вероятно, у вас нет моего адреса... Что?... Да...

Глория упала на колени. Паузы в речи Энтони ложились жгутами на артерию, перекрывая доступ крови к сердцу. Она вдруг поняла, что беспомощно крутит большие пуговицы на бархатной подушке. Потом послышалось:

– Все это очень и очень странно... да, странно. Нет даже... упоминания... или указания какой-либо причины?

Его голос стал слабым и далеким. Глория выдохнула слабый вскрик со всхлипом.

– Да, понимаю... Хорошо, благодарю... Благодарю...

Раздался щелчок положенной на рычаг трубки. Глория, потупившись, смотрела в пол, на ноги Энтони, нарушающие рисунок из солнечных пятен на ковре. Потом поднялась с места и перевела пристальный сумрачный взгляд на мужа. И в этот момент вокруг нее обвились руки Энтони.

– Любимая моя, – хрипло шептал Энтони. – Старик таки это сделал. Черт бы его побрал!

На следующий день

– Кто наследники? – спросил мистер Хейт. – Понимаете, при столь скудных сведениях о деле...

Мистер Хейт был высоким сутулым мужчиной с нависающими на глаза бровями. Его порекомендовали Энтони как изворотливого адвоката с цепкой хваткой.

– Могу рассказать лишь в общих чертах, – признался Энтони. – Человек по имени Шаттлуорт, который являлся в некотором роде любимцем покойного, занимался всеми делами как администратор, за исключением непосредственных завещательных отказов движимости в благотворительных целях, пособий для слуг и двух родственников из Айдахо.

– В какой степени родства они находятся с покойным?

– В третьем или четвертом колене. Я о них даже не слышал.

Мистер Хейт с глубокомысленным видом кивнул.

– Значит, вы намерены опротестовать условия завещания?

– Да, полагаю, что так, – в растерянности признался Энтони. – Хочу выбрать самый обнадеживающий вариант... Вот именно об этом и прошу вас рассказать.

– Хотите отложить утверждение завещания судом?

Энтони беспомощно тряхнул головой.

– Вы ставите меня в тупик. Не имею ни малейшего понятия, что такое «утверждение завещания». Хочу всего лишь получить свою долю наследства.

– Тогда расскажите о деле во всех подробностях. Например, известна ли вам причина, которая заставила завещателя лишить вас наследства?

– Ну да, – приступил к объяснениям Энтони. – Понимаете, он всю жизнь был сторонником духовных реформ и тому подобное...

– Понимаю, – откликнулся мистер Хейт без тени улыбки.

– Думаю, он всегда выражал недовольство по моему поводу. Видите ли, я не стал заниматься бизнесом. Однако не сомневаюсь, что до прошлого лета я числился среди бенефициариев. Мы с женой арендовали дом в Мариэтте, и однажды вечером деду взбрело в голову явиться в гости. В общем, веселая вечеринка шла полным ходом, а старик нагрязнул без предупреждения. Ну, хватило одного взгляда. Да еще этот тип Шаттлуорт, что ошивался рядом. Оба тут же развернулись и понеслись назад в Тэрритаун. После того случая дед не ответил ни на одно из писем и не допустил к себе.

– Покойный был сторонником «сухого закона», не так ли?

– Всё сразу. Настоящий религиозный фанатик.

– Как долго до смерти составлено завещание, лишаящее вас наследства?

– Недавно. Наверное, в августе.

– И вы полагаете, что прямой причиной, по которой покойный лишил вас доли наследства, явилось недовольство вашим поведением?

– Да.

Мистер Хейт задумался. На каком основании Энтони может опротестовать завещание?

– А нельзя ли это связать со злоупотреблением влиянием?

– Злоупотребление влиянием в корыстных целях является одним из оснований. Однако его труднее всего доказать. Вам придется убедить суд, что на покойного оказывалось давление, в результате которого он был доведен до такого состояния, что распорядился собственностью вопреки своим намерениям...

– Хорошо, предположим, этот тип Шаттлуорт притащил деда в Мариэтту, так как предполагал, что именно в это время там празднуется некое торжество?

– Это никак не повлияет на ход дела. Существует четкое различие между советом и влиянием. И вам придется доказывать, что секретарь действовал со злым умыслом. Я предлагаю другой путь. Завещанию автоматически отказывается в утверждении в случае невменяемости завещателя, алкоголизма, – тут Энтони невольно улыбнулся, – или слабоумия как следствия старческого возраста.

– Нет, – тут же возразил Энтони, – его личный врач, который является одним из бенефициариев, подтвердит, что покойный не страдал слабоумием. Да так оно и есть. Дело в том, что, вероятно, он распорядился своими деньгами, как хотел, и это полностью соответствует принципам, которыми он руководствовался всю свою жизнь.

– Понимаете, слабоумие во многом схоже со злоупотреблением влиянием, в обоих случаях подразумевается, что имуществом распорядились не так, как изначально предполагалось. Самым распространенным основанием является принуждение, то есть оказание физического воздействия.

Энтони только покачал в ответ головой:

– Боюсь, это маловероятно. Злоупотребление влиянием мне больше по душе.

После дальнейшего обсуждения дела, технические детали которого Энтони был не в состоянии уразуметь, он нанял мистера Хейта в качестве своего адвоката. Мистер Хейт предложил организовать встречу с Шаттлуортом, который вместе с Уилсоном, Химером и Харди являлся душеприказчиком. Договорились, что Энтони придет на этой неделе через несколько дней.

Поступили сведения, что состояние покойного составляет около сорока миллионов долларов. Самая крупная сумма, завещанная одному лицу, которым являлся Шаттлуорт, равнялась одному миллиону долларов. Кроме того, он получал ежегодное жалованье в тридцать тысяч как распорядитель тридцатимиллионного доверительного фонда, выделенного для помощи благотворительным и реформаторским организациям на усмотрение вышеупомянутого Шаттлуорта. Оставшиеся девять миллионов были в разных долях распределены между двумя родственниками из Айдахо и двадцатью пятью другими бенефициариями: друзьями, секретарями, прислугой и служащими, которые в тот или иной период времени заслужили благосклонность Адама Пэтча.

В конце второй недели мистер Хейт за предварительный гонорар в пятнадцать тысяч начал готовиться к опротестованию завещания.

Зима разочарований

Супруги не успели прожить в маленькой квартирке на Пятьдесят седьмой улице и двух месяцев, как она приобрела едва уловимый, но физически ощутимый налет, определявший атмосферу серого дома в Мариэтте. Повсюду чувствовался застоялый запах табака, потому что оба непрестанно курили. Табаком пропитались одежда, одеяла, шторы и испачканные пеплом ковры. К этому добавлялся затхлый винный дух, неизбежно ассоциирующийся с втопанной в грязь красотой и омерзительными воспоминаниями о попойках. Отвратительный запах давал о себе знать с особой силой возле серванта, на котором выстроились стеклянные бокалы. А в гостиной стол красного дерева пестрел белыми пятнами от следов, оставленных теми же бокалами. Пирушек устраивалось великое множество. Гости ломали мебель и били посуду, их рвало в ванной комнате Глории, они проливали вино и устраивали невероятный беспорядок на крошечной кухоньке.

Все это превратилось в неотъемлемую часть существования супругов. Несмотря на решения, которые принимались по понедельникам, приближающийся уик-энд по молчаливому обоюдному согласию подразумевалось ознаменовать очередным нечестивым весельем. Наступала суббота, и один из них без предварительных обсуждений брал телефонную трубку и звонил кому-нибудь из привычного окружения, состоящего из ненадежных и легкомысленных приятелей, с предложением встретиться. И только когда вся компания была в сборе, а на столе расставлены графины, Энтони небрежно бросал: «Пожалуй, и я выпью с вами один бокал».

Потом Энтони и Глория отключались на два дня. И только позже, встречая унылый похмельный рассвет, вспоминали, что были самыми одиозными фигурами в самой шумной и привлекающей всеобщее внимание компании в «Буль-Миш», «Клаб-Рамэ» или иных местах отдыха, где не обращают особого внимания на буйства посетителей. Вскоре выяснялось, что они ухитрились промотать восемьдесят или девяносто долларов, сами не понимая, как это случилось, и неизменно объясняя этот факт вечной бедностью «приятелей», которые их сопровождали.

Наиболее искренние из друзей все чаще высказывали прямо на вечеринках свои сомнения, предрекая супругам печальный конец, который неизбежно наступит, когда Глория утратит красоту, а Энтони – замечательную фигуру. Слухи о приснопамятной летней попойке в Мариэтте, прерванной появлением Адама Пэтча, просочились наружу во всех пикантных деталях. «Мюриэл не собиралась откровенничать с первым встречным, – убеждала Глория мужа. – Только ей всегда кажется, что каждый, кому она доверилась, и есть тот самый человек, с которым хотелось поделиться новостью». Окутанная прозрачной вуалью, история заняла заметное место среди городских сплетен. Когда условия завещания Адама Пэтча предали гласности, а в газетах стали появляться сообщения о судебном процессе, затеянном Энтони, повествование обросло множеством новых подробностей, казавшихся ему в высшей степени унижительными. Со всех сторон до супругов доходили слухи об их беспутной жизни, которые, по правде сказать, нельзя было назвать безосновательными. Однако они явно грешили обилием нелепостей и злобных выпадов.

Внешних признаков старения не наблюдалось. Глория в двадцать шесть лет все еще выглядела на двадцать. Свежее юное лицо по-прежнему оставалось изумительной оправой для лучистых глаз; по-девичьи сияющие волосы слегка потемнели и вместо цвета спелой пшеницы приобрели красновато-коричневый оттенок старого золота. Стройное тело неизменно наводило на мысль о нимфе, кружащейся в танце в орфических рощах. Когда Глория проходила по вестибюлю отеля или между рядами в театре, десятки мужских глаз завороченно смотрели ей вслед. Мужчины искали с ней знакомства, пребывая в состоянии длительного искреннего восхищения, неизменно влюблялись и начинали оказывать знаки внимания, так как Глория до сих пор являлась существом, поражающим воображение окружающих невероятной утонченной красотой. И Энтони, в свою очередь, пожалуй, выиграл, а не потерял во внешности. На его лице появилась едва уловимая трагическая тень, составляющая романтический контраст с безукоризненно опрятным обликом.

В начале зимы, когда все разговоры сводились к возможному вступлению Америки в войну, а Энтони, искренне желая заняться писательским трудом, делал отчаянные попытки на этом поприще, в Нью-Йорк приехала Мюриэл Кейн и не замедлила явиться в гости к

Пэтчам. Как и Глория, она ничуть не изменилась внешне, знала все модные словечки, танцевала новые танцы и рассуждала о самых популярных песенках и пьесах с тем же жаром, что и в первый сезон в Нью-Йорке, прибыв туда без определенной цели. Напускная застенчивость демонстрировалась всякий раз на новый лад и, увы, по-прежнему безрезультатно. Одежда отличалась экстравагантностью, а черные волосы теперь были коротко подстрижены, как у Глории.

– Я приехала на зимний студенческий бал в Нью-Хейвене, – объявила Мюриэл, открывая восхитительную тайну. Она была старше всех юношей, учившихся в колледже, но, несмотря на это, каким-то образом умудрялась получать приглашения, лелея в душе надежду, что во время очередного бала завяжется флирт, который приведет ее к романтическому алтарю любви.

– Где же ты была? – поинтересовался Энтони, явно забавляясь беседой.

– В Хот-Спрингс. Этой осенью там было просто здорово... столько мужчин!

– Ты влюблена, Мюриэл?

– А что ты подразумеваешь под словом «любовь»? – Это был риторический вопрос года. – Хочу вам кое-что сказать, – резко переменяла тему Мюриэл. – Понимаю, дело не мое, но считаю своим долгом предупредить: вам обоим пора остепениться.

– Но мы уже давно остепенились.

– Как же! – лукаво усмехнулась она. – Куда ни пойдешь, только и разговоров, что о шальных выходках супругов Пэтчей. А знаете, как приходилось несладко, когда я была вынуждена вас защищать?..

– Не стоило беспокоиться, – холодно откликнулась Глория.

– Послушай, Глория, – принялась увещевать Мюриэл. – Ты же знаешь, я одна из твоих самых близких подруг.

Глория хранила молчание, и Мюриэл продолжила:

– Дело вовсе не в том, что женщина пьет, но ведь Глория такая красавица, многие знают ее в лицо, ее поведение бросается в глаза, давая пищу разным пересудам...

– Так, и какие последние сплетни? – требовательно спросила Глория, под натиском любопытства отодвинув на задний план чувство собственного достоинства.

– Ну, например, что та пирушка в Мариэтте убила деда Энтони.

Супруги мгновенно напряглись, охваченные досадой.

– Но это же возмутительно.

– Однако именно так и говорят, – настаивала Мюриэл.

Энтони беспокойно заходил по комнате.

– Полная нелепость! – негодовал он. – Те же люди, что приходят к нам на вечеринки, рассказывают эту историю как анекдот, и в результате она возвращается к нам в таком непристойном виде.

Глория теребила пальцами выбившийся из прически рыжеватый локон. Мюриэл облизнула губы, задев кончиком языка вуаль, готовясь высказать следующее замечание:

– Вам следует завести ребенка.

Глория с измученным видом воздела глаза к потолку.

– Мы не можем себе этого позволить.

– Все жители трущоб имеют детей, – торжествующе провозгласила Мюриэл.

Энтони и Глория обменялись улыбками. Они дошли до той стадии яростных ссор, после которых никогда не наступает окончательное примирение. Конфликты тлеют слабым огоньком и время от времени вспыхивают снова или угасают от полного безразличия. Однако визит Мюриэл на время объединил супругов. Замечания об их беспорядочной жизни, поступающие от третьих лиц, служили толчком к сплочению перед враждебным миром. Правда, теперь этот порыв к воссоединению крайне редко возникал по причине духовной близости.

Энтони обнаружил, что проводит параллель между собственным существованием и жизнью ночного лифтера в их доме, бледного человека лет шестидесяти с неряшливой бородой, который создавал впечатление человека, знававшего лучшие времена. Возможно, именно благодаря этому качеству ему и удалось сохранить за собой место. Жалкая запоминающаяся фигура лифтера являла собой символ неудачника. Энтони без тени юмора вспомнил избитую шутку, где говорилось, что карьера лифтера – это череда взлетов и падений. Как бы там ни было, но это была жизнь в замкнутом пространстве, наполненная беспросветным унынием. Всякий раз заходя в кабину лифта, Энтони, затаив дыхание, ждал, когда старик скажет неизменное: «Похоже, сегодня будет светить солнышко». И Энтони думал, как мало радости получает лифтер от дождика и солнечного света, запертый в клетке с видом на прокуренный вестибюль без окон.

Фигура, окутанная мраком. Уход лифтера из жизни, которая так несправедливо и подло с ним обошлась, стал трагедией. Однажды ночью в дом проникли трое вооруженных юнцов, связали его и бросили на груды угля в подвале, а сами отправились в комнату, где хранились вещи квартиросъемщиков. Когда на следующее утро лифтера нашел дворник, тот совсем окоченел от холода и через четыре дня умер от пневмонии.

Его место занял бойкий негр из Мартиники с нелепым британским акцентом и грубыми манерами. Энтони его сразу невзлюбил. Кончина старика лифтера подействовала на него примерно так же, как в свое время история с котенком на Глорию. Она напомнила о жестокости жизни вообще и, как следствие, о преумножающихся печалях и горестях его собственного существования.

Энтони занялся писательским делом – наконец всерьез. Он навестил Дика и битый час слушал наставления относительно тонкостей ремесла, к которому до сих пор относился с высокомерным презрением. Деньги нужно было добыть немедленно. Каждый месяц приходилось продавать облигации, чтобы оплатить счета. Дик высказался откровенно и без обиняков.

– Пока статьи по вопросам литературы печатаются в малоизвестных журналах, не заработаешь даже на оплату квартиры. Разумеется, если человек наделен юмористическим даром, обладает какими-то особыми познаниями и информацией или у него интересная биография, есть шанс разбогатеть. Но для тебя единственный выход – беллетристика. Говоришь, деньги нужны прямо сейчас?

– Позарез.

– Так вот, за роман получишь не раньше чем через полтора года. Попробуй писать пользующиеся спросом рассказы. Да, кстати, если они не поразят читателя блистательным мастерством, пусть будут по крайней мере веселыми и развлекательными, то есть сыграют роль тяжелой артиллерии, которая пробьет дорогу к деньгам.

Энтони вспомнил последние шедевры Дика, появляющиеся в популярных еженедельниках. Как правило, они посвящались несуразным выходкам карикатурных персонажей с опилками вместо мозгов, которые, как уверяли публику, и представляют нью-йоркское общество. Обычно сюжет вертелся вокруг чисто технических вопросов, связанных с девственностью героини, а в качестве приправы

предлагались колкие намеки социологического характера, наподобие «штутовских ужимок четырехсот бездельников».

– А как же твои рассказы?.. – не сдержавшись, упрекнул Энтони.

– О, это совсем другое дело, – отстаивал свою позицию Дик. – Видишь ли, я пользуюсь определенной репутацией, и люди ждут, что я затрону глобальные вопросы.

Энтони внутренне содрогнулся, поняв из слов приятеля, как низко пал Ричард Кэрамел. Неужели Дик искренне верит, что вышедшие из-под его пера поражающие нелепостью недавние творения так же хороши, как и первый роман?

По возвращении домой Энтони засел за работу. И вскоре обнаружил, что сохранять оптимизм – дело непростое. После полудюжины неудачных попыток он отправился в публичную библиотеку и в течение недели штудировал подшивки популярных журналов. Основательно подковавшись, Энтони наконец завершил первый рассказ «Судьбоносный диктофон». В основу легло одно из немногих впечатлений, сохранившихся от прошлогоднего шестинедельного пребывания на Уолл-стрит. Веселая сказочная история о молодом служащем, который случайно напел на диктофон изумительную мелодию. Кассета попала в руки брата босса, известного постановщика музыкальных комедий, но тут же была потеряна. Основная часть рассказа посвящалась поискам утраченной кассеты, которые завершились женитьбой благородного юноши (успевшего стать процветающим композитором) на мисс Руни, добропорядочной стенографистке, сочетающей в себе в равных долях достоинства Жанны д'Арк и Флоренс Найтингейл.

Энтони казалось, что журналы и ждут чтива подобного рода. В качестве главных героев он предложил типичных представителей окрашенного в розово-голубые тона литературного мира, окунув их в слащавый сюжет, который не вызвал бы несварения ни у одного желудка в Мариэтте. Рукопись напечатали через два интервала, как рекомендовала брошюра «Легкий путь к писательскому успеху» Р. Меггса Уиддлстейна. Автор убеждал честолюбивого водопроводчика в нецелесообразности трудиться до седьмого пота, если, освоив курс из шести уроков, можно заработать по меньшей мере тысячу долларов в месяц.

Энтони прочел рассказ скучающей Глории и, добившись от нее старого как мир заверения «это лучше большинства ерунды, что сейчас печатают», смеха ради подписался псевдонимом «Жиль де Сад». Приложив конверт для ответа, он отправил пакет со своим творением в редакцию одного из журналов.

После титанических усилий, затраченных при написании первого произведения, Энтони решил не начинать новый рассказ, пока не получит известий о судьбе первого. Дик предполагал, что можно заработать долларов двести. Если по какой-либо причине рассказ не примут, редактор, без сомнения, сообщит в письме, какие нужно внести изменения и поправки.

– Самый отвратительный образец литературного творчества из всех, что существуют на свете, – охарактеризовал Энтони свой труд.

Редактор, по-видимому, полностью разделял его мнение и вернул рукопись с письменным отказом от публикации. Тогда Энтони разослал ее в разные журналы и принялся за второй рассказ под названием «Открытая дверца», который написал за три дня. Главной темой стал оккультизм. Отдаляющаяся друг от друга супружеская пара воссоединяется благодаря стараниям медиума, встреченного на эстрадном представлении.

Всего их насчитывалось шесть. Шесть убогих, вызывающих жалость попыток «написать хоть что-нибудь», предпринятых человеком, который никогда прежде вообще не занимался всерьез писательским трудом. В рассказах не было ни искры жизненной правды, а красоты стиля и таланта – не больше, чем в обычной газетной колонке. За время странствий по разным журналам они получили тридцать одно уведомление с отказом, которые ложились надгробными плитами на уподобившиеся трупам пакеты, сваленные у двери.

В середине января умер отец Глории, и снова пришлось поехать в Канзас-Сити – безрадостное путешествие, так как Глория была поглощена своими мыслями, но не о кончине отца, а о матери. После выяснения финансовых дел Рассела Гилберта супруги стали обладателями примерно трех тысяч долларов и большого количества мебели, которая хранилась на складе, так как покойный провел последние дни жизни в небольшом отеле. В результате его смерти

Энтони сделал еще одно открытие, касающееся Глории. На обратном пути она, к удивлению мужа, проявила себя сторонницей билфизма.

– Как же так, Глория! – недоумевал Энтони. – Неужели ты серьезно хочешь сказать, что веришь в эту чушь?!

– А что такого? – с вызовом воскликнула Глория.

– Потому что все это выдумки. Ведь ты агностик чистой воды. Всегда смеялась над ортодоксальными течениями в христианстве. И вдруг заявляешь, что веришь в такую глупость, как перевоплощение.

– А если и верю? Я слушала, как ты, Мори и другие люди, к эрудиции которых испытываю хоть долю уважения, утверждают, что жизнь, какой мы ее видим, совершенно лишена смысла. Но мне всегда казалось, что если я неосознанно постигну что-нибудь еще здесь, в этом мире, она может стать не такой уж бессмысленной.

– Ничего ты не постигаешь, а только утомляешься. И если уж непременно нужно обрести веру, смягчающую ужасы бытия, выбери такую, что взывает к разуму, а не будоражит воображение истеричных дамочек. Человек твоего склада ничего не принимает на веру без соответствующих наглядных доказательств.

– Да плевать мне на правду, просто хочется счастья.

– Ну, если ты обладаешь достаточным здравомыслием, то должна понять, что второе является следствием первого. И только простачки позволяют ввести себя в заблуждение подобным умственным мусором.

– Мне все равно, – упорствовала Глория. – А кроме того, я никому не навязываю никаких доктрин.

На этом разговор себя исчерпал, но впоследствии Энтони не раз к нему возвращался. Склонность к древним верованиям вызывала тревогу. Разумеется, Глория усвоила их от матери, и теперь они проявились в извечном обличье образа мыслей, полученного при рождении.

В марте, после стоившей больших расходов бессмысленной недели в Хот-Спрингс, они вернулись в Нью-Йорк, и Энтони возобновил бесплодные попытки преуспеть на литературном поприще. Когда обоим супругам стало ясно, что беллетристика не принесет избавления от бед, их вера друг в друга стала стремительно таять, а вместе с ней покидало и мужество. Между Энтони и Глорией непрестанно шла запутанная, трудная для понимания борьба. Все попытки сократить расходы глушила полная бездеятельность, и к марту они снова

цеплялись за любой предлог, чтобы устроить очередную вечеринку. С заносчивым безрассудством Глория предлагала взять все деньги и прокутить одним махом. Все лучше, чем наблюдать, как они тают по каплям.

– Глория, тебе развлечения нужны не меньше, чем мне.

– Дело не во мне. Я живу в соответствии со своими принципами. Пока молода, нужно пользоваться каждой минутой и веселиться на всю катушку.

– А что потом?

– А потом – хоть трава не расти.

– Да нет же, придется задуматься.

– Возможно, но тогда уже ничего не изменишь. Вот и буду себя утешать, что славно провела время.

– Да все останется по-прежнему. В конце концов, мы действительно повеселились на славу и от души покуролесили, а вот теперь настал час расплаты.

Тем не менее деньги продолжали таять. Два дня неумного веселья сменялись безысходной двухдневной тоской, и этот цикл повторялся без конца с завидным постоянством. Внезапные моменты просветления, когда таковые имели место, вызывали у Энтони всплеск трудолюбия, а Глория, раздражительная и скучающая, лежала целый день в постели и с отрешенным видом жевала пальцы. Вскоре назначалась встреча с кем-нибудь из приятелей, а потом... Да разве не все равно? Эта ночь с ее блеском, отключение от тревог и ощущение, что если жизнь и лишена содержания, то в любом случае в высшей степени романтична! Вино придавало геройский вид их несостоятельности.

Тем временем судебный процесс неторопливо продвигался вперед, с бесконечными допросами свидетелей и выстраиванием доказательств. Предварительное судебное рассмотрение дела о разделе наследства было закончено, и мистер Хейт не видел причин, которые могут помешать слушанию до наступления лета.

В конце марта в Нью-Йорк приехал Блокмэн. Почти год он провел в Англии, занимаясь делами «Филмз пар экселенс». Процесс его рафинирования шел полным ходом. При каждой встрече он одевался чуть лучше, интонации речи становились все приятнее, а в манерах

появилась уверенность, что все прекрасное на свете принадлежит ему по естественному и неотъемлемому праву. Блокмэн навестил супругов, пробыв у них всего час, в течение которого говорил главным образом о войне, и ушел, пообещав заглянуть снова. Во время второго визита Энтони не оказалось дома, но когда он вернулся после полудня домой, его встретила поглощенная своими мыслями, взволнованная Глория.

– Энтони, – начала она, – ты все еще возражаешь, если я стану сниматься в кино?

Энтони всем сердцем противился затее жены. При малейшей угрозе потерять Глорию ее присутствие, пусть и не представляющее теперь особой ценности, тут же превращалось в насущную необходимость.

– Ах, Глория!

– Блокхед обещал оказать содействие. Только начинать надо прямо сейчас, если я вообще собираюсь чем-то заняться. В кино спрос только на молодых женщин. Подумай о деньгах, Энтони!

– Для тебя это выход. А как быть со мной?

– Неужели еще не понял, что все мое принадлежит и тебе?

– Ужасная профессия! – возмущился добродетельный Энтони, проявляя завидную осмотрительность. – А какое там кошмарное сборище! И вообще мне надоело, что этот тип Блокмэн является сюда и везде сует свой нос. Ненавижу все эти театральные фокусы.

– При чем здесь театр? Ничего общего!

– А мне что прикажешь делать? Носиться за женой по всей стране? Жить за твой счет?

– Тогда зарабатывай сам.

Беседа вылилась в одну из самых ожесточенных ссор в их жизни. После последующего за ней примирения и неминуемого периода духовной апатии Глория поняла, что муж вытряхнул душу из ее плана сниматься в кино, попросту лишил его жизни. Ни один из супругов и словом не обмолвился, что Блокмэн определенно руководствовался корыстными целями, хотя оба понимали, что именно это и стало главной причиной возражений со стороны Энтони.

В апреле объявили войну Германии. Вильсон и его кабинет, который своим отсутствием индивидуальности до странности напоминал двенадцать апостолов, спустили с цепи изголодавшихся псов войны. Пресса захлебывалась от истеричных воплей по поводу

зловещей морали, зловещей философии и не менее зловещей музыки, созданной тевтонским характером. Кто мнил себя людьми широкого образа мыслей, делали изящную оговорку: мол, всему виной германское правительство. Остальные постепенно скатывались до непристойного состояния, вызывающего тошноту. Любой песенке, где звучало слово «мать» или «кайзер», был обеспечен огромный успех. Наконец появилась общая тема для разговоров, и почти всем она доставляла удовольствие, будто предложили роли в пьесе, полной мрачного романтизма.

Энтони, Мори и Дик послали прошения о зачислении в Корпус подготовки офицеров, и двое последних расхаживали повсюду в неимоверно приподнятом настроении, чувствуя себя рыцарями без страха и упрека. Они болтали друг с другом, как студенты колледжа, утверждали, что только война оправдывает существование аристократии, создавая в воображении некую немислимую офицерскую касту, состоящую главным образом из лучших выпускников трех или четырех университетов на восточном побережье. И Глории казалось, что в свете предчувствия грядущих бед, лавиной растекающегося по всей стране, даже Энтони приобрел некий новый романтический шарм.

Солдат Десятого пехотного полка, прибывшего в Нью-Йорк из Панама, охваченные патриотическими настроениями граждане водили из одного питейного заведения в другое, вызывая у военных огромное недоумение и замешательство. Впервые за долгие годы на улицах стали замечать курсантов и выпускников военного училища в Уэст-Пойнте, и складывалось общее мнение, что все идет замечательно, но и вполтину не так блестяще, как будет совсем скоро. Люди вокруг казались славными ребятами, а каждый народ – великим, – разумеется, за исключением германцев. Изгоям и козлам отпущения всех сословий достаточно было облачиться в мундир, и им прощались все грехи. Их встречали радостными приветствиями и оплакивали родственники, бывшие друзья и совсем незнакомые люди.

К несчастью, некий щуплый въедливый врач решил, что у Энтони имеются проблемы с кровяным давлением. Будучи человеком добросовестным и ответственным, он не имел права послать его в Корпус подготовки офицеров.

Сломанная лютня

Третью годовщину свадьбы не праздновали, она вообще прошла незамеченной. Наступили оттепели, постепенно растапливаясь в лето, которое, постепенно закипая, становилось все жарче и наконец вырвалось на свободу. В июле завещание представили для утверждения. После опротестования судья по делам о наследстве отправил его на исследование перед передачей в суд. Слушание отложили до сентября по моральным соображениям, в связи с возникновением трудностей при составлении списка беспристрастных присяжных. К огромному разочарованию Энтони, приговор в конце концов был вынесен в пользу завещателя, после чего мистер Хейт возбудил апелляционный иск против Эдварда Шаттлуорта.

Лето увядало, а Энтони с Глорией предавались мечтам. Строили планы на будущее, когда получат деньги, решали, куда поедут после войны. Между супругами «снова установилось согласие». Оба жили в предвкушении лучших времен и надежде, что их любовь, подобно птице феникс, возродится из пепла и обретет новую жизнь в своем укутанном непостижимой тайной пристанище.

Ранней осенью Энтони призвали на службу, и осматривавший его врач ни словом не упомянул о низком давлении. Однажды ночью Энтони сообщил Глории о своем желании погибнуть на войне. Признание было бесцельным и грустным. Как всегда, супруги жалели друг друга, но опять не по делу и в неподходящее время...

Они решили, что пока Глория не поедет на юг в учебный лагерь, куда направили часть Энтони. Она останется в Нью-Йорке, чтобы «квартира не простаивала зря», будет экономить деньги и следить за продвижением дела, которое увязло в отделе апелляций. По словам мистера Хейта, все сроки давно истекли.

Их последний разговор едва не превратился в бессмысленный спор о рациональном распределении доходов. Каждый был без колебаний готов отказаться от своей доли в пользу другого. В суете и неразберихе, что наполнили жизнь супругов, Энтони прибыл октябрьским вечером на Центральный вокзал для отправки в учебный лагерь. И появление Глории в последнюю минуту выглядело вполне естественным. Она лишь успела встретиться с мужем взглядом поверх множества голов, слившихся в толпу. В тусклом свете огней на

станционных перекрытиях их глаза устремились навстречу друг другу над охваченной истерикой толпой, с ее отвратительными рыданиями и запахом нищих женщин. Должно быть, Энтони и Глория вспомнили о боли, что причинили друг другу, и каждый винил себя в сотворении мрачного безысходного лабиринта, по которому приходится блуждать в темноте. И вот уже расстояние, их разделявшее, оказалось так велико, что не стало видно застывших в глазах слез.

Книга третья

Глава первая

Вопрос цивилизации

Повинуясь безумной команде, исходящей из невидимого источника, Энтони пробрался в вагон. Не давала покоя мысль, что впервые за три года он расстанется с Глорией дольше чем на одну ночь. Необратимость этого события отзывалась в душе тоской. Ведь сейчас он покидает свою чистую прелестную девочку.

По мнению Энтони, они пришли к наиболее разумному решению финансового вопроса: Глории полагалось триста семьдесят пять долларов в месяц, не слишком много, если учесть, что более половины этой суммы уходит на оплату квартиры. Себе он оставил пятьдесят долларов в дополнение к жалованью, так как считал, что больше солдату и не потребуется. Едой, одеждой и жильем его обеспечат, а общественных обязательств у рядового нет.

В вагоне собралось полно народу, и от горячего дыхания воздух успел стать спертым. Это был один из вагонов, известный как «туристический». Дешевая подделка под пульмановский, с голыми полами и ненадежными плетеными сиденьями, которые давно нуждались в чистке. Тем не менее Энтони обрадовался и вздохнул с облегчением. Он подозревал, что отправится в путешествие на юг в товарном вагоне, в одном конце которого стоят восемь лошадей, а в другом – сорок человек. Энтони так часто слышал рассказы о вагонах с надписью «40 человек, 8 лошадей», что они перепутались в голове и приобрели некий зловещий оттенок.

Пробираясь по проходу с вещевым мешком на плече, болтающимся, как чудовищная синяя колбаса, он не обнаружил ни одного свободного места. Но тут взгляд упал на единственный просвет, оккупированный в данный момент ногами смуглолицего коротышки-сицилийца. Сам парень нахлобучил на глаза шляпу и, приняв воинственный вид, пристроился в уголке. Когда Энтони остановился рядом, сицилиец бросил на него сердитый взгляд, явно намереваясь запугать. Должно быть, он таким образом защищался от всеобщей, принявшей гигантские размеры уравниловки. В ответ на отрывистое: «Здесь занято?» – сицилиец очень медленно поднял ноги, будто они сделаны из бьющегося материала, и осторожно переместил на пол, не спуская глаз с Энтони. А тот тем временем уселся и расстегнул

воротничок мундира, выданного в Кэмп-Аптоне днем раньше. Френч натирал под мышками.

Не успел Энтони рассмотреть ближайших соседей, как в головном конце вагона появился молоденький младший лейтенант и с беспечным видом понесся по проходу, выкрикивая противным въедливым голосом:

- В вагоне не курить! Не курить! Ребята, в вагоне не курить!
- Вот те на!
- Ну, ей-богу!
- Как это не курить?
- Эй, парень, вернись, давай поговорим!
- Что за фокусы?

Две-три сигареты вылетели за окно, остальные остались у владельцев, только их предусмотрительно убрали с глаз долой. Время от времени слышались реплики, полные бравады, насмешки и юмора, в котором чувствовалась покорность судьбе, но вскоре они растаяли в установившейся в вагоне безразличной тишине.

Вдруг заговорил один из четверых обитателей купе, где находился Энтони.

– Прощай, свобода! – угрюмо изрек он. – Прощай, вольная жизнь! Будем собачонками на побегушках у офицера.

Энтони посмотрел на соседа. Это был высокий ирландец с безразлично-презрительным выражением лица. Его взгляд задержался на Энтони, будто в ожидании ответа, и скользнул дальше. Встретившись глазами с дерзким итальянцем, он испустил глухой стон и, смачно плюнув на пол, снова погрузился в гордое молчание.

Спустя несколько минут дверь опять распахнулась, и легкое дуновение зефира, по-видимому, сопутствующее младшему лейтенанту на службе, снова занесло его в вагон. На сей раз звучали иные речи:

– Все в порядке, ребята! Курите сколько хотите! Виноват, ребята! Все в порядке – курите. Виноват!

Теперь Энтони хорошенько его рассмотрел. Совсем молодой, худенький, но уже с признаками увядания, он походил на собственные усы. Эдакая огромная, блестящая на солнце охапка соломы. Подбородок чуть скошен, но дефект компенсируется полным величия и весьма неубедительным суровым взглядом, который Энтони

предстояло наблюдать на лицах многих молодых офицеров в течение всего следующего года.

Тут же все принялись курить, даже если поначалу не собирались этого делать. Сигарета Энтони внесла свою лепту в сизую завесу окислившегося воздуха, которая прокатывалась переливчатыми клубами взад-вперед по вагону в такт движению поезда. Разговоры, стихшие в промежутке между оставившими неизгладимое впечатление визитами молодого офицера, снова как бы нехотя оживали. Сидевшие через проход соседи стали проводить неуклюжие эксперименты с плетеными сиденьями, пытаясь обеспечить себе относительный комфорт. Без особого энтузиазма началась игра в карты и привлекла нескольких зрителей, усевшихся на поручни сидений. Через некоторое время в сознание Энтони проник неумолкающий, надоедливый звук – дерзкий коротышка-сицилиец уснул, и процесс этот проходил весьма шумно. Созерцание скопившейся вокруг живой протоплазмы, разумность которой можно признать лишь с большой натяжкой, вызывало тоску. Запертую в вагон по непостижимым законам цивилизованного мира, ее везли непонятно куда, для неясных свершений, без всякой цели и смысла, не думая о последствиях. Вдохнув, Энтони открыл газету, которую сам не помнил, когда купил, и приступил к чтению в тусклом свете желтой лампочки.

Десять часов сердито врезались в одиннадцать, время сбилось в запутанный клубок и замедлило свой бег. Неожиданно поезд остановился посреди погруженной в темноту сельской местности, время от времени производя короткие обманные рывки и хрипло высвистывая некую хвалебную песнь в глухую октябрьскую ночь. Энтони прочел газету от корки до корки, включая передовицу, комиксы и посвященные войне стихи. Вдруг его взгляд упал на колонку, озаглавленную «Шекспирвилль, Канзас». Оказывается, торговая палата Шекспирвилля недавно затеяла энергичные дебаты, в ходе которых решалось, как лучше называть американских солдат: «Сэмми» или «Сражающиеся христиане»? От этого известия у Энтони пропал дар речи. Уронив газету, он зевнул и пустил свои мысли в свободный полет. Задумался, почему опоздала Глория. Казалось, произошло это так давно, и одиночество отозвалось в сердце острой болью. Энтони пытался представить, как жена рассматривает свое новое положение и какое место в ее мыслях отведено мужу. Эти размышления повергли

еще в более глубокое уныние, и Энтони снова открыл газету и углубился в чтение.

Члены торговой палаты Шекспирвилля остановили свой выбор на «Солдатах свободы».

* * *

Две ночи и два дня тряслись они в поезде, движущемся на юг. Время от времени он делал загадочные, не поддающиеся объяснению остановки среди местности, явно представлявшей собой высохшие пустоши, а затем с напыщенным видом пролетал мимо крупных городов, притворяясь, что страшно торопится. Прихоти поезда стали для Энтони предзнаменованием грядущих причуд всего армейского начальства.

На бесплодных пустошах им приносили из багажного вагона бобы с беконом, которые Энтони поначалу не мог взять в рот, а потому приходилось довольствоваться скудным ужином в виде молочного шоколада, выданного в одной из деревенских лавок. Но уже на второй день угощение из багажного вагона стало казаться на удивление аппетитным. Утром третьего дня поползли слухи, что примерно через час поезд прибудет к месту назначения в лагерь Кэмп-Хукер.

В вагоне стояла нестерпимая жара, и все сняли френчи. В окна пробивалось солнце, усталое и древнее, желтое, как пергамент, во время движения поезда оно расплывалось, теряя форму. Солнце пыталось проникнуть в вагон ликующими квадратами окон, но получались лишь бесформенные аляповатые мазки. Зрелище вызывало отвращение своим однообразием, и Энтони не на шутку встревожился, что превратится в ось вращения для всех этих неуместных лесопилок, деревьев и телеграфных столбов, вертевшихся вокруг с безумной скоростью. А за окном солнце рассыпалось тяжеловесным тремоло над дорогами цвета оливок и коричнево-желтыми хлопковыми полями. Вдали виднелась неровная полоска леса, в которую местами вклинивались серые скалы. Вдоль железнодорожного полотна встречались редко разбросанные кое-как залатанные убогие лачуги. Между ними то тут, то там мелькала фигура одного из представителей апатичного и медлительного населения Южной Каролины или бесцельно шатающегося темнокожего с угрюмым растерянным взглядом.

Потом лес отступил, и поезд выкатил на широкую равнину, похожую на запеченную корочку гигантского пирога, посыпанную, словно сахаром, бесчисленными палатками, которые расположились в виде геометрических фигур. Поезд нерешительно остановился, солнце, телеграфные столбы и деревья постепенно приобрели привычные очертания, и окружающий мир плавно вкатился обратно в повседневность, в центре которой оказался Энтони Пэтч. Усталые потные люди вывалили из вагона, ловя ноздрями незабываемый аромат, которым пропитаны все постоянно действующие военные лагеря, – запах гниющих отходов.

Лагерь Кэмп-Хукер представлял собой удивительно живописную и впечатляющую картину, при виде которой возникало предположение, что перед вами горняцкий поселок, построенный в 1870 году, а от роду ему – две недели. Лагерь состоял из деревянных лачуг и грязно-белых палаток, что соединялись между собой дорогами, а также утопанных учебных плацев, обсаженных по периметру деревьями. Тут и там виднелись зеленые домики «Союза христианской молодежи», малопривлекательные оазисы с удушливым запахом мокрого фланелевого белья и наглухо закрытых телефонных будок. Напротив каждого домика обычно располагалась войсковая лавка, где кипела жизнь под вялым руководством одного из офицеров. Благодаря мотоциклу с коляской он, как правило, ухитрялся превратить очередной наряд в приятное времяпровождение с радующими душу беседами.

По пыльным дорогам сновали солдаты квартирмейстерской службы, тоже на мотоциклах с колясками. Разъезжали генералы в выделенных правительством автомобилях, делая время от времени остановки, чтобы скомандовать «смирно!» утратившему бдительность наряду, испепелить грозным взглядом капитанов, марширующих во главе своих рот, с подобающей помпезностью задать темп вычурной игре в показуху, которая восторженно велась по всей стране.

Первую неделю после прибытия к месту службы заполнили прививки, медосмотры и начальная строевая подготовка. В конце каждого дня Энтони чувствовал себя совершенно измотанным. Общительный беззаботный сержант-снабженец выдал ему ботинки не того размера, и в результате ноги так распухли, что последние часы перед отбоем превратились в настоящую пытку. Впервые в жизни, в

промежутке между обедом и сигналом на вечернюю подготовку, он бросался в койку, с каждой секундой погружаясь все глубже в ее бездны, и немедленно засыпал. Шум и смех вокруг тускнели и блекли и уже воспринимались как дремотное летнее жужжание. Утром Энтони просыпался с болью во всем одеревенелом теле, опустошенный, словно выходец с того света, и спешил на улицу, чтобы встретиться с такими же призрачными фигурами, которые копошились на дорожках между палатками. А сигнальная труба, захлебываясь, изрыгала в серые небеса визгливые хриплые звуки.

Энтони определили в не полностью укомплектованную пехотную роту численностью около ста человек. После неизменного завтрака, состоящего из жирного бекона, остывшего тоста и хлопьев, вся сотня устремлялась в отхожие места, которые, хотя и содержались в надлежащем порядке, напоминали туалеты в дешевых гостиницах, и пребывание там вызывало самые неприятные ощущения. Потом неровным строем шли на поле – прихрамывающий человек слева нелепыми движениями мешает вялым попыткам Энтони держать шаг. Взводный сержант, как правило, либо свирепствует, чтобы произвести впечатление на офицеров и запугать новобранцев, либо скрывается невдалеке от беговой дорожки, умудряясь не участвовать в тренировках и не привлекать к своей персоне лишний раз ненужного внимания начальства.

Добежав до спортивных площадок, снимали рубашки и немедленно приступали к зарядке. За весь день это было единственное занятие, доставлявшее Энтони удовольствие. Лейтенант Кретчинг, под предводительством которого проходила эта буффонада, был человеком мускулистым и жилистым, и Энтони добросовестно копировал его движения с чувством, что делает нечто полезное для здоровья. Остальные офицеры и сержанты слонялись среди новобранцев с видом зловредных проказливых школьников. Собирались стайкой возле какого-нибудь бедолаги, не владеющего своим телом, и начинали давать сбивающие с толку рекомендации и команды. Обнаружив особо безнадёжный, недокормленный экземпляр, они задерживались на полчаса, упражняясь между собой в язвительных замечаниях и насмешках.

Особую досаду вызывал низкорослый офицер по фамилии Хопкинс, который служил сержантом в регулярной армии. Войну он

воспринимал как ниспосланный богами дар осуществить возмездие. Главной темой для разглагольствований становились «салаги», неспособные в полной мере оценить, сколь серьезной и ответственной является воинская служба. Он свято верил, что достиг высот нынешнего положения исключительно благодаря дальновидности, бесстрашию и оперативности. Хопкинс добросовестно копировал все проявления деспотизма и жестокости офицеров, под началом которых ему когда-либо доводилось служить. Угрюмое выражение словно примерзло к лицу. Прежде чем дать рядовому увольнительную в город, Хопкинс с глубокомысленным видом взвешивал последствия его отсутствия для роты, всей армии и благополучного развития военного дела в мировом масштабе.

Белокурый, туповатый и флегматичный сержант Кретчинг занудливо знакомил Энтони с командами «смирно!», «направо!», «кругом!» и «вольно!». Главным недостатком сержанта была забывчивость. Стоя перед строем и объясняя очередную тонкость военного искусства, он мог пять минут держать роту по команде «смирно!». В результате лишь новобранцы, находившиеся в центре, понимали, о чем идет речь. У их товарищей, стоявших на обоих флангах, все силы тратились на смотрение в одну точку прямо перед собой.

Занятия продолжались до полудня и заключались в зазубривании весьма далеких от жизни деталей, и хотя Энтони понимал, что все сведения имеют отношение к военной логике, такое положение дел его сильно раздражало. Так же, как абсурдная ситуация с не соответствующим норме кровяным давлением, совершенно неприемлемым для офицера и нисколько не мешающим рядовому солдату исполнять свои обязанности. Иногда после прослушивания затянувшейся обличительной речи, касающейся скучного и нелепого предмета, известного как «воинский этикет», в душу Энтони закрадывались крамольные подозрения. И скрытая цель войны виделась в том, чтобы дать возможность офицерам регулярной армии – людям с интеллектом и стремлениями под стать школьникам – проявить себя, поучаствовав в настоящей бойне. И вот по иронии судьбы Энтони пал жертвой Хопкинса, который терпеливо ждал этого момента двадцать лет!

Из троих соседей по палатке – парень с унылым лицом из Теннесси, отказывавшийся от воинской службы по убеждению совести, грузный трусоватый поляк и полный презрения к миру кельт, с которым Энтони сидел рядом в поезде, – двое последних вечерами писали бесконечные послания домой. А ирландец, сидя у входа в палатку, насвистывал с десяток однообразных пронзительных птичьих трелей. И вовсе не в поисках развлечений, а из стремления на часок избавиться от их общества, Энтони в конце недели, когда сняли карантин, направился в город. Он сел в одно из маршрутных такси, что ходили по лагерю каждый вечер, и спустя полчаса сошел возле отеля «Стоунуолл» на сонной от зноя главной улице.

В сгущающихся сумерках город приобрел неожиданное очарование. По тротуарам расхаживали слишком ярко накрашенные девушки в кричащих одеждах. Они оживленно переговаривались грудными напевными голосами. Здесь же десятки таксистов атаковали проходящих мимо офицеров, выкрикивая вслед: «Лейтенант, отвезу куда прикажете!» Среди этого многолюдья, раболепно шаркая ногами, шли вереницей одетые в лохмотья негры. Энтони неторопливо брел в налитом жарой полумраке, впервые за долгие годы ощущая томное, сладострастное дыхание Юга. Оно накатывало волнами полного жаркой неги воздуха, убаюкивая сознание и на время приглушая понятие времени.

Он успел пройти квартал, как вдруг откуда-то снизу, у самого локтя, раздался грубый окрик:

– Вас разве не научили отдавать честь офицерам?

Энтони в растерянности смотрел на обращающегося к нему человека, тучного черноволосого капитана, который сверлил его гневным взглядом выпученных карих глаз.

– Смир-рна! – Команда возымела действие оглушительного раската грома. Несколько прохожих остановились и с интересом наблюдали за сценой. Какая-то девушка с томным взглядом, одетая в сиреневое платье, захихикала на пару с подружкой.

Энтони вытянулся по стойке «смирно».

– Из какого полка и роты?

Энтони ответил.

– Запомните, встретив на улице офицера, вы обязаны подтянуться и приветствовать его, как полагается по уставу!

- Хорошо!
- Надо отвечать «Так точно, сэр!».
- Так точно, сэр!

Дородный офицер что-то буркнул и, резко развернувшись, пошел своей дорогой. С минуту постояв, Энтони тоже двинулся дальше, но город уже утратил экзотическую праздность, и из окутывающего его полумрака вдруг ушло волшебство. Внутренним взглядом он оценивал всю недостойность и унижительность своего положения. Энтони испытывал ненависть к попавшемуся на пути офицеру и ко всем офицерам вообще. Жизнь казалась невыносимой.

Пройдя полквартала, он заметил, что девушка в сиреновом платье, которая хихикала над его конфузом, идет вместе с подругой впереди, шагах в десяти. Несколько раз она оборачивалась, и ее большие глаза, которые казались того же цвета, что и платье, искрились веселыми смешинками.

На углу девушки замешкались, и перед Энтони встал выбор: составить им компанию или, не замечая, пройти мимо. Он обогнал подруг, задумался и в конце концов сбавил шаг. В следующее мгновение веселая парочка снова с ним поравнялась, буквально покатываясь со смеха. Но не назойливо-резкого, как у участниц этой хорошо знакомой комедии в Нью-Йорке, а приглушенно-нежного, залиvistого, словно бьющее через край веселье, вызванное остроумной шуткой, предметом которой он, сам того не ведая, стал.

– Здравствуйте, – приветствовал Энтони девушек.

Ее глаза казались бархатистыми, как полумрак улицы. То ли действительно фиолетовые, то ли к их густой синеве примешиваются серые тени сумерек?

– Приятный вечер, – неуверенно продолжил Энтони.

– Точно, – откликнулась вторая девушка.

– Ну, для вас-то он оказался не слишком приятным, – вздохнула подруга в сиреновом платье. Ее голос гармонировал с южной ночью, как и сонный ветерок, шевеливший широкие поля шляпы.

– Не мог упустить шанс порисоваться, – заметил Энтони с презрительным смешком.

– Определенно, – согласилась девушка.

Завернув за угол, они неспешно побрели по боковой улочке, словно привязанные к невидимому буксиру. В этом городе казалось вполне

естественным вот так свернуть за угол и идти без цели неведомо куда, ни о чем не думая... Погруженная в темноту улочка походила на неожиданно появившийся отросток растения, уводивший в мир изгородей из шиповника и тихих домиков, притаившихся вдали от центра.

– Куда направляетесь? – вежливо поинтересовался Энтони.

– Просто гуляем. – Ответ можно было расценить по-разному: как оправдание, намек или обычное разъяснение.

– Позвольте составить вам компанию?

– Да, пожалуйста.

Непривычная манера разговаривать давала свои преимущества. Энтони не мог определить поговору, к какому сословию принадлежит житель Юга. В Нью-Йорке девица из низших слоев общества поражала грубостью, и общение с ней не доставляло радости, разве что глядя сквозь розовые очки пьяного угара.

Темнота, сгущаясь, напозала на всю компанию. Разговаривали мало. Энтони задавал ни к чему не обязывающие вопросы, а подруги, как свойственно жителям провинции, не отличались многословностью. Они прошли один поворот, потом следующий. Посреди квартала остановились у фонарного столба.

– Я здесь живу, – пояснила вторая девушка.

– А я – через несколько кварталов, – откликнулась ее подруга в сиреновом платье.

– Разрешите проводить вас до дома?

– До угла, если желаете.

Вторая девушка отступила на несколько шагов назад. Энтони галантно приподнял фуражку.

– Вам полагается взять под козырек, – рассмеялась девушка в сиреновом платье. – Как всем солдатам.

– Непременно научусь, – с серьезным видом заверил Энтони.

– Ну ладно, – сказала вторая девушка и, немного помедлив, добавила: – Позвони мне завтра, Дот. – Она вышла из желтого круга света.

Энтони и Дот в полном молчании прошли три квартала и остановились у ветхого дома. Здесь она жила. Возле деревянной калитки Дот задержалась.

– Что ж, спасибо.

– А вам непременно надо домой так рано?

– В общем, да.

– А нельзя еще немного погулять?

Дороти смотрела на Энтони спокойным, ничего не выражающим взглядом.

– Мы с вами даже не знакомы.

– Еще не поздно, – рассмеялся Энтони.

– Пожалуй, мне пора.

– Мы могли бы прогуляться, а потом сходить в кино.

– Хорошо бы.

– И я проводил бы вас домой. Времени достаточно. В лагерь я должен вернуться к одиннадцати.

Стояла такая темень, что Энтони едва мог ее разглядеть: только колышущееся на ветру платье и светящиеся озорным блеском глаза.

– Почему вы не хотите... Дот? Неужели не любите кино? Пойдемте.

Дот покачала головой:

– Пожалуй, не стоит.

Энтони нравилась Дот, и он понимал, что та нарочно медлит с ответом, стараясь произвести впечатление. Он подошел ближе и взял ее за руку.

– А если мы вернемся к десяти, согласны? Просто сходим в кино?

– Ну, так и быть...

Рука об руку они отправились обратно к центру города вдоль подернутой дымкой плохо освещенной улицы. Мальчишка-негр, продающий газеты, предлагал экстренный выпуск в характерной для местных торговцев манере с мягкой модуляцией в голосе, который звучал музыкально, как песня.

Дот

Роман Энтони с Дороти Рейкрофт стал неизбежным следствием растущего небрежения к себе. Энтони приходил к ней не из желания обладать предметом своих вожделений и не из растерянности перед личностью более энергичной и напористой, как произошло четыре года назад при знакомстве с Глорией. Просто соскользнул в любовную связь из-за неспособности принимать конкретные решения. Энтони не

мог сказать «нет!» ни мужчине, ни женщине; он был одинаково покладист и уступчив и с человеком, просящим займы денег, и с соблазнительницей. Он вообще редко принимал решения, а когда подобное все же случалось, это были близкие к истеричности порывы в состоянии паники, нахлынувшей после пробуждения от неотступного кошмара.

Слабость, которой он потворствовал в данном случае, вызывалась стремлением к острым ощущениям, необходимостью получить некий стимул извне. Впервые за четыре года он снова почувствовал способность к самовыражению. Эта девушка сулила покой, и часы, проводимые каждый вечер в ее обществе, смягчали нездоровые и, как всегда, бесплодные скачки воображения. Энтони превратился в настоящего труса – стал рабом многочисленных беспорядочно блуждающих мыслей, которые вырвались на волю после краха искренней привязанности к Глории. Именно это чувство, словно тюремщик, караулило его несостоятельность, не позволяя сбежать из темницы.

В тот первый вечер, когда они стояли у калитки, Энтони поцеловал Дороти и назначил свидание в следующую субботу. Потом вернулся в лагерь и при свете тайком зажженной лампы написал длинное письмо Глории, страстное, полное мрачной сентиментальности, воспоминаний о благоухающих цветах и искренней, переполняющей душу нежности. Все это Энтони познал снова на краткое мгновение, что длился взаимный поцелуй под роскошной южной луной всего час назад.

В субботу вечером Дот ждала у входа в кинотеатр «Бижу». Как и в минувшую среду, на ней было надето платье из тончайшей сиреневой ткани органди. Правда, его предварительно постирали и накрахмалили, и теперь оно выглядело свежим, без единой лишней складочки. При дневном свете первое впечатление Энтони подтвердилось: Дот обладала своеобразным очарованием с оттенком незавершенности, как эскиз к портрету. Чистенькая, с мелкими неправильными, но выразительными и гармонирующими между собой чертами лица, она напоминала темный маленький недолговечный цветок. И все же Энтони полагал, что открыл в Дот некую духовную замкнутость и силу, которую девушка черпала, пассивно принимая все, что происходит вокруг. Впрочем, здесь он ошибался.

Дороти Рейкрофт исполнилось девятнадцать лет. Ее отец держал маленький, приносящий скромный доход магазинчик. Дот окончила среднюю школу одной из четырех худших учениц в классе, за два дня до смерти отца. В школе ее репутация оказалась подмоченной. По сути дела, поведение на пикнике, который и дал пищу слухам, можно назвать обычной неосмотрительностью, так как Дот сохранила девственность в течение всего последующего года. Парень работал продавцом в одном из магазинов на Джексон-стрит и на следующий день после того случая неожиданно отбыл в Нью-Йорк. Он уже давно туда собирался, но медлил, намереваясь довести до конца любовное приключение.

Спустя некоторое время Дот рассказала о своем романе подруге и потом, наблюдая, как та удаляется по сонной, залитой солнцем пыльной улице, вдруг в момент озарения поняла, что ее тайна теперь является всеобщим достоянием. И все же, поделившись с подругой, она почувствовала себя гораздо лучше, хотя и испытывала некоторую горечь и максимально приблизилась к тому образу, что ей приписывала молва. Потом Дот сошлась со следующим мужчиной, уже не скрывая намерения снова доставить себе удовольствие. Так и пошло. Девушка не была слабой, потому что внутренний голос об этом молчал, не была она и сильной, так как не знала, что для некоторых поступков, которые совершает, требуется храбрость. Дороти никому не бросала вызов, не приспособливалась и не шла на компромисс.

Чувство юмора у Дот отсутствовало, но его заменяло счастливое чутье, благодаря которому в обществе мужчин она смеялась именно там, где требовалось. Определенных намерений девушка не имела, но порой втайне жалела, что неблагоприятная репутация мешает обеспечить себе надежный тыл. Открыто эта тема не обсуждалась, и никаких разоблачений не делалось: мать следила лишь за тем, чтобы дочь каждое утро вовремя встала и отправилась в ювелирный магазин, где зарабатывала четырнадцать долларов в неделю. Однако некоторые парни, которых Дот знала по школе, прогуливаясь в обществе «приличных девушек», стали отворачиваться и делать вид, что с ней не знакомы. Подобные случаи ранили самолюбие, и по возвращении домой Дот плакала.

Помимо продавца с Джексон-стрит, в жизни Дот встретилось еще двое мужчин. Первый – морской офицер, который проезжал через

городок в самом начале войны. Прислонившись к колонне отеля «Стоунуолл», он присматривал девушку на ночь, и в это время мимо проходила Дот. Морской офицер провел в городе четыре дня. Дот, решив, что любит его, выплеснула все неистовство первой страсти, которая изначально предназначалась трусливо сбежавшему продавцу. Морская форма – а в то время она встречалась не так уж часто – возымела свое магическое действие. Офицер уехал, надавав сбивчивых обещаний, и, уже оказавшись в поезде, тихо радовался, что не назвал своего настоящего имени.

Последовавшая за этим депрессия толкнула Дот в объятия Сайруса Филдинга, сына местного продавца одежды и тканей, который однажды окликнул девушку из окна родстера, когда та шла по тротуару. Дот знала его по имени и, если бы занимала более высокую ступеньку в обществе, познакомилась бы с Сайрусом раньше. Теперь она опустилась чуть ниже, но, как бы там ни было, молодые люди встретились. Через месяц Сайрус уехал в учебные лагеря, немного испуганный их близостью и испытывая некоторое облегчение при мысли, что Дот не питала к нему глубоких чувств и что она вообще не из тех, кто забивает себе подобными вещами голову. Дот придавала этой связи романтический окрас и, теша самолюбие, убеждала себя, что обоих мужчин отняла война. Она говорила себе, что вполне могла бы выйти замуж за морского офицера. Тем не менее девушку беспокоило, что за восемь месяцев у нее сменилось трое мужчин. С чувством скорее похожим на страх, чем на удивление, она думала, что уподобится одной из «скверных девиц» с Джексон-стрит. Вместе с хихикающими подружками с жевательной резинкой во рту Дот смотрела на них с благоговейным ужасом всего три года назад.

Некоторое время Дот старалась вести себя более благоразумно. Она позволяла мужчинам «знакомиться» и целовать себя, а иногда допускала и другие вольности, но ее трио пока никем не пополнилось. По прошествии нескольких месяцев решимость или одолевавшие страхи существенно ослабли. Дот стала беспокойной, в полудреме наблюдая, как вместе с ускользающими летними месяцами мимо проходит жизнь. Солдаты, которые попадались на пути, либо были во всех отношениях ниже и примитивнее, либо, но уже не так очевидно для Дот, значительно превосходили по положению в обществе. В этом

случае ее просто стремились использовать. Грубые неотесанные янки, расхаживающие толпами по улицам... А потом она встретила Энтони.

В памятный первый вечер он воспринимался всего лишь как симпатичное печальное лицо, приятный голос, средство убить час-другой, но, придя на свидание в субботу, Дот присмотрелась внимательнее. И Энтони ей понравился. В его лице девушка, как в зеркале, неосознанно видела отражение собственных трагедий.

Снова ходили в кино и бродили по тенистым улицам, наполненным разнообразными запахами, на сей раз держась за руки. Разговаривали приглушенными голосами. Пройдя через калитку, они направились к маленькому крыльцу.

– Можно мне ненадолго остаться?

– Ш-ш! – прошептала Дот. – Надо вести себя тихо. Мама еще не спит, читает свои «Пикантные истории».

В подтверждение Энтони услышал тихий шелест переворачиваемой страницы. Сквозь щели жалюзи пробивались горизонтальные полосы света, которые падали параллельными линиями на юбку Дот. На улице стояла тишина, и только компания, расположившаяся на крыльце в доме напротив, время от времени заводила тихими голосами шутливую песенку:

А когда проснешься утром,
Всех хорошеньких лошадок
Ты получишь вдруг в подарок...

Потом, будто специально дожидаясь на соседней крыше их прихода, неожиданно проскользнула сквозь виноградные лозы луна, и лицо девушки стало цвета белой розы.

Память озарилась яркой вспышкой, и перед закрытыми глазами сформировалась картина, отчетливая, как стоп-кадр на киноплёнке, – по-весеннему теплая ночь с оттепелью, случившаяся среди зимы пять лет назад и уже полузабытая. Другое лицо, сияющее в свете фонаря, похожее на цветок и переменчивое, как звезды...

Ах, *la belle dame sans merci*, чуждая милосердия дама, живущая в его сердце, заявила о себе ускользающим великолепием темных глаз в «Ритц-Карлтоне», мимолетным взглядом из экипажа, проезжающего по Булонскому лесу! Но те ночи были лишь куплетом песни, всплывшим в памяти лучезарным сиянием. А здесь лишь слабое

дуновение ветерка да иллюзии – вечный дар в предвкушении романтической любви.

Колдовские чары развеялись, рассыпавшиеся осколки звезд снова стали светом фонаря, пение на улице превратилось в монотонное жужжание, сквозь которое проступало хныкающее стрекотание цикад в траве. Сдерживая вдох, Энтони поцеловал ее пылающие губы, а руки Дот уже обвились вокруг плеч.

Воин во всеоружии

Иссушенные недели одну за другой уносило ветром, и дальность совершаемых Энтони вылазок увеличивалась по мере постижения особенностей лагерной жизни и окружающей обстановки. Впервые в жизни он близко общался с официантами, которым раньше давал чаевые, с водителями, что снимали перед ним фуражку, плотниками, водопроводчиками, парикмахерами и фермерами, которые удостоивались мимолетного внимания при раболепном исполнении своих служебных обязанностей. За два месяца, прожитых в лагере, он не разговаривал ни с одним человеком дольше десяти минут кряду.

В послужном списке в графе «род занятий» значилось «студент», хотя при заполнении первой анкеты Энтони опрометчиво написал «литератор». Однако на вопросы сослуживцев он обычно отвечал, что работал в банке. Если бы он сказал правду и признался, что вообще ни дня не работал, его бы заподозрили в принадлежности к классу тунеядцев.

Сержант взвода Поп Доннелли имел неряшливый вид и относился к категории «старых служак», изнуренных пьянством. В прошлом он числился завсегдатаем гауптвахты, где провел долгие недели, но недавно благодаря нехватке инструкторов строевой подготовки вознесся до нынешних высот. Его лицо, изрытое оспинами, словно снарядами, вызывало ассоциации с аэрофотосъемкой «поля боя при пункте “N”». Раз в неделю сержант напивался виски в центре города, затем тихо возвращался в лагерь и падал на койку. Во время утренней побудки Доннелли присоединялся к роте, напоминая внешним обликом посмертную гипсовую маску.

Он пребывал в поразительном заблуждении, что ловко «дурачит» правительство. Восемнадцать лет сержант состоял на службе за

мизерное жалованье, но совсем скоро он выйдет в отставку (здесь Доннелли обычно хитро подмигивал) и получит внушительный ежемесячный доход в размере пятидесяти пяти долларов. Такой исход расценивался как замечательная шутка, которую славный воин сыграл с десятками людей, подвергавших его, сельского паренька из Джорджии, издевательствам и унижению с девятнадцатилетнего возраста.

В данный момент в роте имелось в наличии всего два лейтенанта: Хопкинс и всеобщий любимец Кретчинг. Последнего считали славным парнем и отличным командиром, пока год спустя он не исчез, прихватив тысячу сто долларов из общего котла. Как многих обожаемых народом предводителей, отыскать его оказалось делом весьма хлопотным.

И наконец, был еще капитан Даннинг, местный божок в недолговечном, но вполне самостоятельном и независимом микромире. Он числился офицером запаса и слыл человеком нервным, энергичным и восторженным. Это последнее качество часто обретало материальное воплощение в виде небольшого количества пены в уголках рта. Подобно многим руководителям, капитан видел своих подопечных только с лицевой стороны, и, на его оптимистичный взгляд, вверенная рота являлась отличной боевой единицей, именно такой, какая и требуется на этой замечательной войне. Несмотря на все заботы и погруженность в работу, он переживал лучший период в своей жизни.

Батисте, коротышка-сицилиец из поезда, столкнулся с Даннингом на второй неделе муштры. Капитан неоднократно приказывал новобранцам являться на утреннее построение чисто выбритыми. И вот однажды выявилось вопиющее нарушение установленного для всех правила – несомненно, здесь не обошлось без происков тевтонов: за прошедшую ночь четверо новоиспеченных военнослужащих успели обрасти щетиной. То обстоятельство, что трое из них были знакомы лишь с азами английского языка, лишний раз подтверждало необходимость преподать наглядный урок. Итак, капитан Даннинг, не колеблясь, отправил парикмахера-добровольца обратно в роту за бритвой, после чего во имя сохранения демократии со щек троих итальянцев и одного поляка соскоблили всухую всю замеченную растительность.

За пределами мирка, в котором жила рота, время от времени появлялся полковник, тучный мужчина с неровными зубами. Верхом на красивой лошади вороной масти он разъезжал кругами по батальонному плацу. Полковник был выпускником Уэст-Пойнта и из всех сил старался выглядеть истинным джентльменом. Безвкусно одетая супруга как нельзя лучше соответствовала неказистому уму мужа, который большую часть времени проводил в городе, пользуясь всеми благами, что обеспечивал выросший в последнее время престиж армии. Наконец, существовал еще и генерал. Этот колесил по лагерным дорогам с личным штандартом, возвещающим о появлении важного начальства. Фигура столь суровая и недоступная в своем великолепии, что понять ее значение не представлялось возможным.

Декабрь. Холодный пронизывающий ветер по ночам и сырое промозглое утро на плацу. Жара давно спала, и Энтони обнаружил у себя возрастающую способность получать радость от жизни. Непривычно обновленный телом, он ни о чем не тревожился и в данный период существовал с чувством некой животной удовлетворенности. Не то чтобы Глория или та часть жизни, что она занимала, реже приходили на ум, просто с каждым днем ее образ становился менее реальным, утрачивая живые краски. В течение недели велась страстная переписка на грани истерики, потом, по молчаливой договоренности, стали писать дважды, а вскоре всего раз в неделю. Глория сетовала на скуку и, если бригада Энтони надолго задержится в лагере, собиралась приехать к мужу. Мистер Хейт намеревался представить более убедительное письменное изложение дела с привлечением фактов и документов, чем он первоначально предполагал. Однако адвокат считал, что рассматриваемое в апелляционном порядке дело решится не раньше конца весны. В Нью-Йорк приехала Мюриэл и теперь работает в Красном Кресте. Они часто проводят время вместе. Как отнесется Энтони к ее желанию тоже поработать в Красном Кресте? Вот только говорят, что, возможно, придется обтирать спиртом негров. После этого сообщения патриотический порыв Глории несколько угас. В городе полно военных, и она уже встретила многих парней, с которыми не виделась сто лет...

Энтони не хотел, чтобы жена приезжала на Юг, убеждая себя, что на то есть множество причин. Им нужно отдохнуть друг от друга. В городе Глория умрет со скуки, ведь видеться супруги смогут лишь по несколько часов в сутки. Но в глубине души он боялся, что главной причиной является влечение к Дороти. Фактически Энтони жил в постоянном страхе, что Глория, случайно или руководствуясь определенной целью, узнает о его связи. К концу второй недели запутанная ситуация стала причинять страдания по поводу супружеской неверности. Тем не менее в конце каждого дня Энтони, не в силах сопротивляться соблазну, словно его влекла непреодолимая сила, выходил из палатки и шел к телефонной будке в доме, где обосновались молодые христиане.

– Дот!

– Да?

– Сегодня вечером, пожалуй, смогу приехать.

– Как я рада!

– Хочешь несколько часов выслушивать при свете звезд потоки моего изумительного красноречия?

– Ой, какой ты смешной...

В памяти вдруг всплыл эпизод пятилетней давности и образ Джеральдин. А потом...

– Приеду около восьми.

В семь он уже садился в маршрутное такси, едущее в город, где сотни девушек-южанок ждали своих возлюбленных на залитых лунным светом верандах. Энтони уже предвкушал теплые долгие поцелуи и удивленно-безмятежный взгляд, который ему дарили. В глазах Дот читалось чувство, близкое к обожанию, которого Энтони прежде ни в ком не вызывал. С Глорией они были равны, отдавая друг другу без благодарности или каких-либо обязательств. А для этой девушки любая ласка становилась неоценимым благодеянием. Тихонько всхлипывая, Дот призналась, что Энтони у нее не первый и прежде в ее жизни присутствовал другой мужчина. Энтони решил, что это увлечение было коротким и давно забылось.

Действительно, во всем, что касалось ее самой, Дороти не лгала. Она забыла продавца, морского офицера и сына торговца одеждой. Из памяти стерлась яркость пережитых чувств, в чем, собственно, и заключается смысл истинного забвения. Девушка знала, что когда-то в

подернутом туманной дымкой прошлом она кому-то принадлежала... но все это происходило будто бы во сне.

Почти каждый вечер Энтони отправлялся в город. Проводить время на веранде стало слишком холодно, и мать Дороти уступила крошечную гостиную, украшенную десятками литографий в дешевеньких рамках и метрами декоративной бахромы. Воздух в комнате был тяжелым от двадцатилетнего соседства с кухней. Они разводили огонь в камине, а потом Дот с неутомимой радостью предавалась любви. Каждый вечер в десять часов она провожала Энтони до двери – черные волосы растрепаны, бледное лицо без косметики выглядит еще блее при свете луны. Обычно улица серебрилась ясным сиянием, время от времени начинался тихий теплый дождик, который, казалось, из-за лени так и не доберется до земли.

– Скажи, что любишь меня, – шептала девушка.

– Ну конечно, милая моя малышка.

– Разве я ребенок? – В голосе Дот слышалась задумчивость.

– Совсем дитя.

Она кое-что слышала о Глории, и мысли о другой женщине причиняли боль, вот Дороти и представляла соперницу высокомерной холодной гордячкой. Она решила, что Глория старше мужа и любви между супругами никогда не было. Иногда Дот давала волю фантазии и мечтала, что после войны Энтони получит развод и они поженятся. Однако никогда в разговоре не касалась этой темы, сама не понимая причины. Как и сослуживцы, Дот пребывала в уверенности, что Энтони работал банковским клерком, достойным уважения и бедным.

– Милый, будь у меня деньги, я бы отдала тебе все до цента... Хорошо бы иметь тысяч пятьдесят.

– Да, сумма приличная, – соглашался Энтони.

В своем послании в тот день Глория писала: «Полагаю, если нас устроит миллион, лучше сообщить об этом мистеру Хейту и пусть улаживает дело исходя из этой суммы. Только страшно жаль упустить...»

– ...и мы могли бы купить автомобиль! – задыхаясь от восторга, восклицала Дот.

Впечатляющее событие

Капитан Даннинг с гордостью считал себя знатоком людских душ. Через полчаса после встречи он обычно причислял любого человека к одной из не поддающихся пониманию категорий: замечательный человек, хороший малый, смышленный парень, теоретик, поэт и «никчемный». Однажды в начале февраля Энтони получил приказ явиться в палатку, где находилась ротная канцелярия, дабы предстать перед очами капитана.

– Пэтч, – начал он нравоучительным тоном, – я наблюдаю за вами уже несколько недель.

Энтони вытянулся в струнку, не смея шелохнуться.

– И я считаю, у вас имеются задатки хорошего солдата.

Он выдержал паузу, чтобы остыл вызванный его словами румянец, и продолжил речь, насупив брови:

– Это не детские игрушки.

– Никак нет, сэр, – меланхолично согласился Энтони.

– Это мужская игра, и нам нужны лидеры. – Тут наступила стремительная, как кавалерийский наскок, кульминация: – Пэтч, я намерен произвести вас в капралы.

Ошарашивающая новость заставила Энтони слегка отшатнуться назад. Значит, ему суждено стать одним из двухсот пятидесяти тысяч, кому оказано столь безграничное доверие. Теперь можно выкрикивать знакомую фразу «За мной!» семи другим перепуганным сослуживцам.

– Кажется, вы получили образование, – заметил капитан Даннинг.

– Так точно, сэр!

– Вот это хорошо, очень хорошо. Образование – великая вещь, только не следует забивать им голову. Продолжайте в том же духе, и из вас получится отличный солдат.

С еще звучавшими в ушах напутственными словами капитана капрал Пэтч повернулся через правое плечо кругом и покинул палатку.

Разговор позабавил Энтони и в то же время натолкнул на мысль, что в звании сержанта жизнь для него станет куда приятнее, а если попадется менее привередливый врач, то можно подумать и о чине офицерском. Сама служба, не имеющая ничего общего с хваленной армейской доблестью, его интересовала мало. Готовясь к проверке, мундир приводят в порядок не для того, чтобы выглядеть хорошо, а чтобы не ударить в грязь лицом.

Однако уже к исходу короткой бесснежной зимы, что запомнилась сырыми промозглыми ночами и прохладными дождливыми днями, Энтони сам удивился, как быстро втянулся в армейский уклад. Он – солдат, а все остальные – гражданские, и мир в первую очередь делится на эти две категории.

Энтони пришел к заключению, что представители четко выраженных каст, например, военные, делят всех людей на два вида: своих и чужих. Так, для священника существует духовенство и миряне. В глазах католика мир состоит из католиков и представителей остальных вероисповеданий. Для негра – из чернокожих и белых, а для заключенного – из оказавшихся в тюрьме и гуляющих на воле. С точки зрения больного человека, все люди либо страдают какой-нибудь хворью, либо здоровы. И вот, ни разу в жизни не задумываясь об этом факте, Энтони успел побывать гражданским лицом, мирянином, не-католиком, не-иудеем, представителем белой расы, свободным и здоровым...

Американские войска хлынули потоком во французские и британские окопы, и Энтони стал находить в списках убитых, раненых и пропавших без вести, публикуемых в газете «Армия и флот», имена бывших выпускников Гарварда. Однако, несмотря на проливаемую кровь и пот, ситуация оставалась неизменной, и в обозримом будущем войне не было видно конца и края. В старинных хрониках правый фланг армии неизменно побеждал левый фланг противника, а левый фланг, в свою очередь, терпел поражение от правого фланга вражеской армии. После этого наемники обращались в бегство. Как же все бесхитростно и просто складывалось в те далекие времена, будто по заранее намеченному плану.

Глория писала, что много читает, и высказывала сожаления, что они так запутали свою жизнь. Заняться было нечем, и она проводила время, фантазируя, как их отношения могли сложиться по-другому. Окружающий мир представлялся зыбким и непрочным – а ведь всего несколько лет назад в ее маленьких ручках находились все нити...

В июне ее письма стали торопливыми и приходили реже. Глория вдруг перестала упоминать о намерении приехать на юг.

Поражение

С наступлением марта в окрестностях зацвели жасмин и нарциссы, а в теплой траве появились полянки, усеянные фиалками. Впоследствии Энтони вспоминал один день, полный волшебной юной прелести. Он стоял в стрелковой ячейке, отмечая мишени, и вдруг взялся декламировать «Атланту в Каледоне» находившемуся поблизости недоумевающему поляку. Его голос смешивался со свистом пролетающих над головой пуль и их ударами о мишень.

Когда гончие псы весны...

Спэнг!

Припустились по следу зимы...

Фр-р-р!

Мать всех месяцев...

Хей!

Приготовиться! Мишень три!

Городские улицы вновь погрузились в ленивую дремоту, и Энтони вместе с Дот бродили по собственным следам, оставшимся с прошлой осени. Он стал вдруг испытывать усыпляющую привязанность к Югу, тому, что скорее напоминал Алжир, чем Италию. Югу, который с угасающим желанием направляет вас назад, над головами бесчисленных минувших поколений, к некому теплomu первозданному пространству, где нет ни страданий, ни забот, ни чаяний. Здесь в каждом голосе слышится понимание и сердечность. Будто уговаривают: «Жизнь играет со всеми нами одну и ту же прелестную мучительную шутку». Пленительные в своей печали каденции, достигнув наивысшей точки, обрываются на недопетой ноте.

Энтони нравилась парикмахерская, которую он регулярно посещал.

– Привет, капрал! – встречал его бледный чахлый юноша и начинал брить. А потом бесконечно долго водил прохладной вибрирующей машинкой по голове, жаждущей продолжения ритуала. Энтони нравилось и в «Джонсонс гарденс». Они с Дот ходили туда танцевать, и негр с трагическим лицом выводил на саксофоне мелодии, до боли бередающие душу. И вдруг безвкусно разукрашенный зал превращался в зачарованные джунгли, наполненные варварскими ритмами и смехом с привкусом дыма, а пределом всех мечтаний и чаяний становилось

желание забыть о бессодержательном течении времени, вслушиваясь в тихое дыхание и шепот Дороти.

В характере Дороти просматривался налет грусти, осознанное стремление отстраниться от всего, кроме приятных мелочей, что дарит жизнь. Ее фиалковые глаза могли часами сохранять бездумное отрешенное выражение, и тогда Дот напоминала пригревшуюся на солнце кошку. Энтони терялся в догадках, что думает об их отношениях усталая, апатичная мать Дороти и представляет ли она даже в моменты самого циничного настроения их истинный характер.

В воскресные дни Энтони и Дороти гуляли по окрестностям, присаживаясь на сухой мох, росший по опушкам леса. Здесь собирались стайками птицы, цвели фиалки и белый кизил. Покрытые росой деревья сияли хрустальной прохладой, не ведая о поджидающем за пределами леса изнуряющем зное. И Энтони произносил сбивчивые речи, ленивые монологи, вел бессмысленный разговор, не нуждающийся в ответах собеседника.

* * *

Июль обрушился испепеляющей жарой. Капитан Даннинг получил приказ откомандировать одного из солдат для обучения кузнечному делу. Полк постоянно пополнялся до численности, предусмотренной в военное время, и все ветераны были нужны в качестве инструкторов по строевой подготовке. В результате выбор капитана пал на коротышку Батисте, которого капитан мог принести в жертву с наименьшим ущербом для дела. Итальянец никогда в жизни не имел дела с лошадьми, а его страх перед животными лишь усугубил положение. Однажды он пришел в ротную канцелярию и заявил Даннингу о своем желании умереть, если его не освободят от ненавистной обязанности. Батисте жаловался, что лошади его лягают, и называл себя никудышным работником. В конце концов сицилиец упал на колени и принялся умолять Даннинга на смеси ломаного английского и библейского итальянского избавить его от нестерпимой муки. Три ночи он не спал, а когда удавалось вздремнуть, тут же являлись чудовищные жеребцы, становящиеся на дыбы.

Капитан Даннинг одернул ротного писаря, который не к месту расхохотался, слушая сетования Батисте, и пообещал итальянцу подумать, чем можно помочь. Однако, рассмотрев все возможные

варианты, капитан пришел к выводу, что не может пожертвовать более ценным солдатом. А дела коротышки Батисте шли все хуже. Казалось, лошади догадываются о его страхе и не упускают случая воспользоваться к своей выгоде. Две недели спустя огромная вороная кобыла проломила итальянцу копытом череп, когда тот попытался вывести ее из стойла.

В середине июля поползли слухи, а потом вышел приказ о смене лагеря. Бригаду перебрасывали в пустые казармы в ста милях к югу, где ее предполагалось укомплектовать до дивизии. Сначала солдаты решили, что их отправляют в окопы, и весь вечер небольшие компании расхаживали по центральному проходу между палаток, хвастливо перекликаясь между собой: «Ну, ясное дело!» Когда правда просочилась наружу, ее с негодованием отвергли, как отговорку скрыть истинное место назначения. Солдаты упивались чувством собственной значимости и в тот вечер сообщили городским подружкам, что отправляются на фронт, «разделаться с германцами». Немного побродив по лагерю вместе с несколькими группами сослуживцев, Энтони сел в маршрутное такси и поехал в город, чтобы сообщить Дороти о своем отъезде.

Она ждала на темной террасе, одетая в дешевенькое белое платье, подчеркивающее юность и нежные черты лица.

– Ох, милый, – прошептала Дот, – как долго я тебя ждала. Весь день.

– Мне надо тебе кое-что сказать.

Девушка усадила его рядом на качалку, не замечая угрюмого тона.

– Скажи.

– На следующей неделе мы уезжаем.

Руки, готовые обнять Энтони за плечи, застыли в воздухе, подбородок вздернулся, и когда Дот заговорила, в ее голосе уже не слышалось прежней мягкости:

– Уезжаете во Францию!

– Нет, нам повезло чуть меньше. Отбываем в какой-то чертов лагерь в штате Миссисипи.

Девушка закрыла глаза, и Энтони увидел, как дрожат ее веки.

– Милая малышка Дот, жизнь дьявольски тяжелая штука.

Дороти рыдала у него на плече.

– Так чертовски тяжела, так тяжела, – бездумно повторял он. – Все бьет да колотит, пока боль от ударов не становится такой сильной, что хуже уже и не бывает. И вот это самое последнее и гадкое, что она с нами делает.

Обезумев от горя, Дороти прижала его к груди.

– Господи! – шептала она потерянно. – Ты не можешь от меня уехать. Я умру.

Энтони начинал понимать, что его отъезд не удастся представить как безликий удар судьбы. Он стал девушке слишком близок и теперь не находил ничего лучшего, как повторять:

– Бедная малышка Дот, бедная малышка.

– И что будет потом? – устало выдохнула она.

– Ты о чем?

– В тебе вся моя жизнь, понятно? Если скажешь, я умру здесь, на месте, возьму нож и убью себя. Ты не можешь меня бросить.

Тон, которым говорила Дороти, напугал Энтони.

– В жизни всякое случается, – промямлил он бесцветным голосом.

– Тогда я поеду с тобой. – По щекам Дороти катились слезы, губы горестно вздрагивали, в глазах застыл страх.

– Милая, – расчувствовавшись, бормотал Энтони, – милая девочка. Неужели ты не видишь, что мы просто на время откладываем неизбежное? Через несколько месяцев нас отправят во Францию...

Девушка отстранилась от Энтони и, сжав кулачки, подняла лицо к небу.

– Мне хочется умереть, – четко произнесла она, и каждое слово, тщательно взвешенное, шло из самого сердца.

– Дот, – лепетал Энтони, испытывая неловкость, – все забудется. Утрата приобретает особую сладость. Уж я-то знаю, потому что однажды страстно желал и получил желаемое. То единственное, что мне было нужно, Дот. И вот когда я получил свое сокровище, оно обратилось в прах прямо у меня в руках.

– Понятно.

Окунувшись в свои мысли, Энтони продолжал:

– Я часто думаю, что если бы не получил тогда желаемого, вся жизнь могла бы пойти по-другому. Возможно, у меня появились бы идеи, которые я бы затем обнародовал, и получил бы радость от работы, потешил свое тщеславие успехом. Полагаю, в определенный

момент я мог добиться чего угодно, в разумных пределах, но мне страстно хотелось лишь одного. Боже мой! И я извлек урок, что в жизни вообще ничего нельзя иметь. Ничего! Потому что желание просто нас дурачит, играет злую шутку. Как солнечный луч, скользящий по комнате. Вот он задерживается на самом никчемном предмете и золотит своим светом, а мы, несчастные безумцы, стремимся схватить вожделенный дар... но когда это удастся, солнечный лучик перебрасывается на что-нибудь другое, а в руках остается дешевая безделушка, только блеск, что так манил, уже пропал... – Энтони, смутившись, оборвал свою речь.

Девушка встала с качалки, слезы на глазах высохли, и теперь она обрывала листья с виноградной лозы.

– Дот...

– Уходи, – холодно откликнулась она.

– Что такое? Почему?

– Мне не нужны слова. Если для меня нет ничего другого, лучше уйди.

– Но почему, Дот...

– То, что для меня означает смерть, для тебя – поток пустых слов. Ты так красиво их связываешь между собой.

– Прости, но я говорил о тебе, Дот.

– Уходи отсюда.

Он подошел ближе, протянул руки, чтобы обнять, но девушка остановила его.

– Не хочешь взять меня с собой, – произнесла она ровным голосом. – Может, встретишься с той... той девушкой. – Она не могла себя заставить произнести слово «жена». – Откуда мне знать? Что ж, ты больше не мой парень, а раз так – уходи.

На краткое мгновение, пока Энтони прислушивался к предостерегающему голосу разума и боролся с чувствами, настало подходящее время сделать решительный шаг, руководствуясь здравым смыслом. Но он медлил. А потом накатил волна усталости. Слишком поздно... все слишком поздно. Долгие годы он жил в придуманном мире, основывая решения на чувствах, изменчивых, как вода. А эта девочка в белом платье одержала победу и сейчас, на фоне строгой гармоничности своих желаний, выглядит едва ли не красавицей. Казалось, пламя, пылающее во мраке израненного сердца, окружает ее

сияющим ореолом. Глубоко запрятанная, не подававшая признаков жизни гордость сделала Дот бесконечно далекой и помогла добиться поставленной цели.

– Дот, я не то хотел сказать... Не думай, что я такой бессердечный.

– Какая разница?..

Энтони обдало жаром, отозвавшись резкой болью внутри. Он стоял перед Дот, обессиленный и беспомощный.

– Поедем со мной, Дот... моя верная малышка Дот. Едем, разве я могу тебя оставить?..

Дот с рыданием бросилась Энтони на шею и повисла всей тяжестью, а в это время луна в своем неутомимом старании заgrimировать дурной цвет лица бренного мира щедро поливала запретным медом сонную улицу.

Катастрофа

Начало сентября в лагере Кэмп-Бун, штат Миссисипи. Кишащая насекомыми тьма ударяется о москитную сетку, под защитой которой Энтони делает очередную попытку написать письмо. Из соседней палатки доносятся обрывочные фразы игроков в покер, а снаружи кто-то бродит по дорожке, мурлыча под нос бессмысленную песенку о Кэти.

Сделав над собой усилие, Энтони оперся на локти и, не выпуская из рук карандаш, устремил взгляд на чистый лист бумаги. Затем без всякого вступления написал: «Не возьму в толк, что происходит, Глория. Две недели от тебя ни строчки, и вполне естественно, что я беспокоюсь...»

Сердито хмыкнув, он отшвырнул листок и начал заново: «Не знаю, что и подумать, Глория. Твое последнее письмо, короткое, равнодушное, где нет ни слова о любви или хотя бы внятного рассказа, чем ты сейчас занимаешься, пришло две недели назад. И мое недоумение вполне естественно. Если в твоём сердце теплится хоть искра прежней любви, по крайней мере избавь меня от лишних волнений...».

Он снова скомкал листок и в сердцах выбросил в прореху на палатке, тут же сообразив, что утром придется его подобрать.

Желание писать окончательно пропало. Энтони не мог вложить в строки ни капли теплоты – только неотступно преследующую ревность и подозрения. С середины лета настрой писем Глории все более заметно менялся. Поначалу Энтони не обратил на это внимания. Он так привык к безликим обращениям «любимый» и «милый», обильно разбросанным по посланиям Глории, что не придавал значения их наличию или отсутствию. Но в последние две недели Энтони все больше утверждался в подозрении, что дело нечисто.

Он отправил жене телеграмму, в которой сообщал, что сдал экзамены для учебы в Корпусе по подготовке офицеров и предполагает вскоре отправиться в Джорджию. Она не ответила. Энтони послал еще одну телеграмму и, не получив ни слова в ответ, стал себя убеждать, что Глории нет в городе. Однако неотвязная мысль, что она никуда не уезжала, не давала покоя, а вслед за ней стали преследовать безумные

фантазии. Допустим, Глория, вечно скучающая и неудовлетворенная, нашла кого-нибудь, как, впрочем, поступил он сам. Мысль ужасала своей реальностью. Ведь, свято веря в непорочность и порядочность жены, он позволил себе такое пренебрежительное отношение в последний год. А теперь, когда в душу закрались сомнения, вновь ожили прежние приступы мучительной ярости, которые испытывает собственник, только стали они в тысячу раз сильнее. Действительно, чему удивляться, если Глория снова влюбилась?

Вспомнилось заявление Глории, что если она чего-то пожелает, то просто возьмет и останется при этом незапятнанной, так как действует исключительно ради собственного удовольствия. Ибо в расчет принимаются только поступки, оставляющие след в душе и сознании, а ее реакция будет чисто мужской: насыщение, которое сменяется легкой неприязнью.

Но так было в начале супружеской жизни. Потом, обнаружив в себе способность ревновать Энтони, Глория, по крайней мере внешне, изменила мнение. Другие мужчины для нее не существовали, это Энтони знал наверняка. Поняв, что разборчивость всегда будет служить для нее сдерживающим фактором, Энтони расслабился и уже не прилагал усилий, чтобы сохранить всю полноту любви Глории, которая в конечном итоге и являлась краеугольным камнем их отношений.

Между тем Энтони все лето оплачивал расходы Дот и снял для нее меблированную комнату в центре города. Для этой цели приходилось постоянно обращаться к брокеру за деньгами. Дот скрывала свое намерение последовать за Энтони и за день до отправки его бригады оставила матери записку, в которой сообщала, что уезжает в Нью-Йорк. Вечером следующего дня Энтони навестил их, якобы желая повидаться с Дот. Миссис Рейкрофт пребывала в полном смятении, а в гостиной сидел полицейский. Последовал допрос, из которого Энтони удалось выпутаться с трудом.

В сентябре, с возникновением подозрений по поводу неверности Глории, компания Дот поначалу стала утомлять, а потом сделалась и вовсе невыносимой. Энтони раздражался и нервничал из-за недосыпания, а сердце заходило от страха и дурных предчувствий. Три дня назад он пошел к капитану Даннингу и попросил разрешения на отпуск, однако получил любезный отказ. Дивизию отправляли за

океан, а Энтони – лишь в Корпус по подготовке офицеров, и все положенные отпуска должны достаться людям, покидающим страну.

Получив отказ, Энтони направился на телеграф с намерением попросить Глорию приехать на Юг. У самой двери его охватило отчаяние, и он отказался от этой затеи, понимая всю ее нелепость. Потом весь вечер ушел на ссору с Дот, и в лагерь он вернулся раздраженный, угрюмый и злой на весь белый свет. Произошла неприятная сцена, в разгар которой он стремительно ретировался. В данный момент Энтони не слишком задумывался, как поступить с Дот, так как все мысли занимало приводящее в уныние молчание жены...

Полог палатки неожиданно откинулся, образуя треугольник, и на фоне ночи появилась темноволосая голова.

– Сержант Пэтч? – спросил голос с итальянским акцентом, и Энтони, взглянув на пряжку, понял, что это дежурный по штабу.

– Да, в чем дело?

– Десять минут назад в штаб звонила дама. Говорит, ей надо с вами поговорить. Очень срочно.

Энтони откинул москитную сетку и встал. Возможно, по телефону передали телеграмму от Глории.

– Просила вас позвать. В десять позвонит снова.

– Хорошо, благодарю. – Энтони взял фуражку и уже в следующую секунду шагнул рядом с дежурным в жаркой удушливой темноте. В казарме, где размещался штаб, он козырнул сонному офицеру.

– Присаживайтесь и подождите, – небрежно предложил лейтенант. – Девушке прямо-таки невтерпеж с вами побеседовать.

Все надежды Энтони разом рухнули.

– Благодарю, сэр. – Когда на стене задребезжал телефон, он уже знал, кто звонит.

– Это Дот, – послышался дрожащий голос. – Мне надо с тобой увидеться.

– Дот, я же сказал, что несколько дней не смогу выбраться.

– Мы должны встретиться сегодня вечером. Это очень важно.

– Уже слишком поздно, – холодно возразил он. – Десять часов, а мне нужно быть в лагере в одиннадцать.

– Ну ладно. – В эти два слова было вложено столько отчаяния, что Энтони почувствовал угрызения совести.

– Что случилось?

– Хочу с тобой попрощаться.

– Ну не будь же такой идиоткой! – воскликнул Энтони, но настроение у него поднялось. Вот удача, если она уедет из города сегодня же вечером! Какой тяжкий камень свалится с души. Но в трубку сказал: – Пожалуй, до завтра тебе все равно не уехать.

Краешком глаза он видел, как дежурный офицер бросает на него насмешливые взгляды. Потом словно гром среди ясного неба прозвучали слова Дот:

– Нет, я «исчезну» не так, как ты думаешь.

Пальцы намертво вцепились в телефонную трубку. Энтони чувствовал, как тепло вытекает из тела и нервы превращаются в ледышки.

– Что?!

В ответ прерывистый голос пролепетал:

– Прощай... ах, прощай!

Клик! Со сдавленным рыданием она бросила трубку. Энтони выбежал из штаба. На улице, в свете звезд, свисающих серебряными кисточками среди деревьев в рощице, он остановился, не зная, на что решиться. Неужели девчонка и правда покончит с собой? Вот дурочка! Сердце переполняла жгучая ненависть к Дот. Придя к такому финалу, он теперь и сам не понимал, как ввязался в эту запутанную историю, уродливое переплетение горестных тревог и боли.

Энтони опомнился и огляделся по сторонам. Он медленно брел, не разбирая дороги, в сотый раз повторяя про себя, что для беспокойства нет причин. Сейчас лучше всего вернуться в палатку и уснуть. Господи, как хочется спать! Дадут ли ему когда-нибудь снова выспаться? В голове шумело, и мысли путались. Дойдя до шоссе, он развернулся и побежал, но не в расположение роты, а в противоположную сторону. Сейчас солдаты возвращаются из города, и можно поймать такси. В следующее мгновение из-за поворота показались два желтых глаза. В отчаянии Энтони ринулся на их свет.

– Такси! Такси! – Машина оказалась пустым «фордом». – Мне надо в город.

– Обойдется в доллар.

– Идет. Только поскорее...

Время тянулось бесконечно долго. Наконец он взбежал на крыльцо погруженного в темноту ветхого домика. Ворвался внутрь и едва не

сшиб с ног необъятных размеров негритянку, важно шествующую по коридору со свечой в руках.

– Где моя жена? – выкрикнул он задыхаясь.

– Легла спать.

Перепрыгивая через три ступеньки, он взлетел наверх, побежал по скрипучим половицам коридора. В темной комнате царила тишина. Дрожащими пальцами Энтони чиркнул спичкой – два широко раскрытых глаза смотрели на него из сбившегося в ком белья на кровати.

– Ах, я знала, что ты придешь, – отрывисто пробормотала Дот.

Внутри у Энтони все похолодело от злости.

– Значит, это очередная игра, чтобы вытащить меня сюда, и я влип в неприятную историю! – выкрикнул он в гневе.

Дот смотрела на него жалобным взглядом.

– Мне надо было тебя увидеть. Иначе я бы умерла. О, мне необходимо было с тобой встретиться...

Энтони присел на кровать и только тихо качал головой.

– Скверный поступок, – принялся он убеждать Дот, бессознательно копируя Глорию. – Ты же знаешь, я не заслуживаю подобного отношения.

– Придвинься ближе. – Что бы ни говорил Энтони, Дот была счастлива. Значит, она ему не безразлична. Девушка привлекла его к себе.

– О Господи! – беспомощно выдохнул Энтони. Неумолимой волной накатила усталость, и гнев угас, пропал, испарился. Внезапно силы иссякли, и он, всхлипывая, упал на кровать рядом с Дот.

– Не плачь, любимый, – умоляла она. – О, только не плачь!

Прижав голову Энтони к груди, Дот принялась его утешать, и слезы радости смешивались со слезами горечи. Пальцы Дот ласково перебирали его темные волосы.

– Я такая дурочка, – бормотала она прерывистым шепотом, – но я тебя люблю, а когда ты со мной холоден, то кажется, что жить дальше нет смысла.

В конце концов, здесь покой. Тихая комнатка с запахом пудры и духов, нежная рука Дот, словно теплый ветерок, гладит волосы, у уха слышится ее мерное дыхание. На мгновение Энтони показалось, что

рядом Глория, будто он отдыхает в самом чудесном и защищенном от бед доме из всех, что знал.

Прошло некоторое время. Из коридора донесся бой часов. Энтони вскочил на ноги и взглянул на фосфоресцирующие стрелки наручных часов, что показывали полночь.

Он с трудом нашел такси, водитель которого согласился ехать в столь поздний час за город. Поторапливая таксиста, Энтони обдумывал, как бы лучше проникнуть на территорию лагеря. В последнее время он уже несколько раз опаздывал и понимал, что если снова попадется, его фамилию вычеркнут из списка кандидатов в офицеры. Не лучше ли отпустить такси и попытаться проскользнуть в темноте мимо часового? Однако офицеры зачастую приезжают в лагерь после полуночи...

– Стоять! – донесся односложный окрик из ярко-желтого света фар, падающего на неровную дорогу. Таксист нажал на тормоз, и к машине подошел часовой с винтовкой через плечо. На беду, рядом с ним оказался начальник караула.

– Опаздываете, сержант.

– Так точно, сэр. Задержался.

– Плохо. Придется записать ваше имя.

Пока офицер ждал, держа в руках блокнот и карандаш, с губ Энтони сами собой сорвались слова, порожденные паникой, смятением и отчаянием:

– Сержант Р.А. Фоли.

– Часть?

– Рота «Q», восемьдесят третий пехотный.

– Понятно. Дальше придется прогуляться пешком, сержант.

Энтони взял под козырек, быстро расплатился с таксистом и побежал туда, где квартировал названный им полк. Скрывшись из виду, он резко поменял направление и с бешено бьющимся сердцем поспешил к себе в роту, понимая, что совершил роковую ошибку.

Двумя днями позже офицер, командовавший в ту ночь караулом, узнал его в парикмахерской. В сопровождении военного патруля Энтони доставили в лагерь, где без суда разжаловали в рядовые и на месяц лишили права покидать расположение роты.

После полученного удара Энтони впал в полное уныние, и на неделе его снова задержали в городе, где он бродил пьяный с бутылкой

контрабандного виски в кармане. Только ввиду явно невменяемого состояния и неадекватного поведения на суде трибунал приговорил его всего к трем неделям гауптвахты.

Кошмар

С первых дней отбывания наказания в душе Энтони укоренилась уверенность, что он сходит с ума. В сознании поселились толпы окутанных мраком и в то же время живых и отчетливых образов. Некоторых он узнавал, остальные были незнакомыми и вселяли ужас. Их сдерживал маленький надсмотрщик, который сидел где-то высоко и наблюдал за происходящим. Больше всего тревожило, что надсмотрщик болен и с трудом управляет своими подопечными. Стоит ему на мгновение отвлечься и ослабить бдительность, и жуткие создания вырвутся на волю. И только Энтони понимал, какая воцарится крошечная тьма, если все худшее, что в нем есть, будет бесконтрольно бродить по сознанию.

Палящий дневной зной непонятным образом переходил в отдающую матовым гляncем тьму, которая обрушивалась на опустошенную землю. Над головой в бесконечном хороводе вращались синие диски неведомых солнц, и скопления огня без конца и края кружили перед глазами. Энтони казалось, будто он лежит под обжигающими лучами в лихорадочном оцепенении, не в силах пошевелиться. В семь утра нечто призрачное, до нелепости нереальное, что на самом деле являлось его бранным телом, вместе с семью другими арестантами и двумя конвойными выходило на дорожные работы. В первый день они грузили и выгружали гравий, посыпали им дорогу, разравнивали граблями. На следующий день работали с бочками, заполненными горячим гудроном, заливали гравий черными, сверкающими на солнце потоками расплавленного жара. Вечером, запертый в помещении гауптвахты, он лежал опустошенный, не имея мужества ухватиться хоть за какую-то мысль, и до трех часов разглядывал неровные балки на потолке, после чего погружался в прерывистый тревожный сон.

В рабочее время Энтони трудился не покладая рук, с торопливой нервозностью, и к часу, когда день начинал клониться к знойному закату, старался измотать себя до предела, чтобы окунуться в тяжелый

сон. Однажды, во вторую неделю срока, Энтони обнаружил, что за ним наблюдают два глаза, укрывшихся в нескольких футах за спиной у конвойного. Это открытие повергло в ужас. Он повернулся к глазам спиной и принялся яростно орудовать лопатой, но потом понадобился гравий, и пришлось повернуться к ним лицом. Глаза снова оказались в поле зрения, и тут уже взвинченные до предела нервы Энтони не выдержали. Глаза буравили со злобным вождением. Из раскаленного безмолвия звучал трагический голос, окликающий по имени, земля странно подалась назад, потом наклонилась вперед под царящий вокруг гам и всеобщее столпотворение.

В себя он пришел уже в помещении гауптвахты, где остальные арестанты бросали в его сторону любопытные взгляды. Глаза больше не тревожили, и прошло много дней, прежде чем Энтони понял, что голос, должно быть, принадлежал Дот. Это она окликала по имени и стала причиной последовавшей за этим кутерьмы. К такому выводу Энтони пришел перед самым окончанием срока, когда давившая туча ушла прочь, оставив после себя беспросветную апатию. По мере того как его духовный посредник, надсмотрщик, сдерживающий злобную свору призраков, набирал силу, сам Энтони становился все слабее. Он с трудом выдержал два последних дня изнурительного труда, и когда дождливым днем вышел на свободу и вернулся в расположение роты, хватило сил лишь на то, чтобы рухнуть на койку и тут же погрузиться в тяжелую дрему. Проснувшись перед рассветом, он почувствовал усталость и боль во всем теле. Рядом с койкой ждали два письма, которые все это время пролежали в штабной канцелярии. Первое письмо, короткое и холодное, было от Глории:

«Слушание дела назначено на конец ноября. Может, сумеешь получить отпуск? Я несколько раз пробовала тебе писать, но от этого только хуже. Мне нужно повидаться с тобой по нескольким вопросам, но сам знаешь, что однажды уже отговорил меня от поездки, а напрашиваться еще раз не хочется. Ввиду ряда обстоятельств, нам необходимо встретиться. Очень рада твоему назначению. Глория».

Энтони слишком устал и измучился, чтобы попытаться что-либо понять. Его поглотила нахлынувшая волна безразличия. Слова и намерения Глории остались далеко, в туманном прошлом. На письмо

от Дот он едва взглянул – бессвязные залитые слезами каракули, шквал протестов, нежности и безысходного горя. Энтони пробежал глазами по первой странице, и листки выскользнули из ослабевшей руки, а сам он снова утонул в туманной бездне беспамятства. Утром Энтони проснулся для построения, но поднялась высокая температура, и при попытке выйти из палатки он потерял сознание. Днем его отправили в эвакуационный госпиталь с диагнозом «инфлюэнца».

Энтони воспринял болезнь как перст провидения, спасший от повторного приступа безумия. И выздоровел он в тот самый ноябрьский день, когда их часть погрузили в поезд и отправили в Нью-Йорк. А впереди ждала бойня без конца и края.

Полк прибыл в лагерь Кэмп-Миллз на Лонг-Айленде, и Энтони больше всего на свете хотелось как можно скорее выбраться в город и встретиться с Глорией. Теперь уже не вызывало сомнений, что перемирие подпишут в течение недели. Однако поползли слухи, что в любом случае войска будут отправляться во Францию до последнего момента. Энтони с ужасом думал о предстоящем долгом путешествии, утомительной выгрузке во французском порту и пребывании за границей в течение целого года. По-видимому, им предстоит сменить войска, которым выпало на долю участвовать в боевых действиях.

Энтони хотел получить двухдневный отпуск, но Кэмп-Миллз находился на строгом карантине по причине эпидемии инфлюэнцы, и даже офицерам разрешалось оставлять лагерь исключительно по делам службы. Что до рядовых, то об этом не шло и речи.

В холодном, продуваемом насквозь ветром, неряшливом лагере царила жуткая неразбериха, и каждая вновь прибывшая дивизия исправно добавляла свою порцию грязи к той, что уже успела накопиться. Эшелон прибыл в семь вечера, и они ждали в очереди, пока где-то впереди решался один из извечных армейских конфликтов. Бегали взад-вперед офицеры, выкрикивая команды и производя страшный шум. Оказалось, причиной неувязки стал полковник, охваченный праведным гневом, ибо являлся «уэст-пойнтером», а войну, похоже, собирались прекратить, прежде чем он успеет пересечь океан. Если бы воинствующее правительство могло представить количество разбитых за эту неделю сердец доблестных «уэст-

пойнтеров», то непременно продлило бы бойню еще на месяц-другой. Бедняга представлял собой зрелище, достойное жалости.

Глядя на огромное пространство, занятое палатками, растянувшимися на несколько миль по вытоптанному месиву из грязи и снега, Энтони понимал, что вечером до телефона не добраться. Он позвонит Глории утром, при первой же возможности.

Поднявшись промозглым рассветом по сигналу к пробудке, Энтони внимал пламенным речам капитана Даннинга:

– Вы, ребята, может, вообразили, что война закончена? Так вот что я вам скажу – ничего подобного! Эти парни и не думают подписывать договор о перемирии. Очередная уловка, и если мы здесь, в роте, позволим себе расслабиться, это будет полным безумием. Потому что, и уж можете мне поверить, на этой неделе мы отплываем, а когда прибудем на место, то понюхаем настоящего пороха. – Он на некоторое время умолк, дабы присутствующие могли вникнуть в смысл сказанного, а затем продолжил: – Если вы решили, что войне конец, поговорите с любым фронтовиком и увидите сами, верят ли они, что германцы пойдут на перемирие. Нет, и никто этому не верит. Я говорил со знающими людьми, и они считают, что война продлится еще год. Они уверены, что это еще не конец. Так что вы, ребятки, выбросьте из головы дурацкие мыслишки.

Дважды подчеркнув последний тезис, он приказал роте разойтись.

В полдень Энтони бросился на поиски войсковой лавки, где имелся телефон. Когда он дошел до места, соответствующего центру лагеря, то обратил внимание, что многие солдаты тоже куда-то бегут, а один из них вдруг подпрыгнул и прищелкнул в воздухе каблуками. Желание бежать охватило поголовно всех, тут и там собирались небольшие возбужденные группки и слышались радостные крики. Энтони остановился, прислушиваясь, – над окутанной холодом равниной разносились свистки паровозов, и вдруг зычно зазвонили колокола на церквях Гарден-Сити.

Энтони снова побежал, теперь крики стали отчетливей, поднимаясь в морозный воздух вместе с клубами пара от дыхания множества людей:

– *Германия капитулировала! Германия капитулировала!*

Ложное перемирие

В шесть вечера, в тусклых сумерках, Энтони проскользнул между двумя товарными вагонами и, выйдя за железнодорожные пути, направился в сторону Гарден-Сити, где и сел в электричку до Нью-Йорка. Энтони опасался, так как понимал, что военная полиция часто ходит по вагонам, проверяя пропуска, но решил, что сегодня бдительность стражей порядка притупится. В любом случае он попытается добраться до города, так как отыскать Глорию по телефону не удалось, а на еще один день мучительного ожидания не было сил.

После непонятных остановок и задержек, которые напомнили ночь, когда он покидал Нью-Йорк год назад, электричка наконец прибыла на Пенсильванский вокзал, и Энтони пошел по знакомой дороге к стоянке такси. Называя собственный адрес, он испытал странное волнение.

Бродвей поражал буйством огней. Никогда не видел здесь Энтони такой многолюдной праздничной толпы, которая сверкающим потоком стремилась вперед, утопая по щиколотку в бумажном хламе, сваленном на тротуарах. Тут и там, водрузившись на скамейки и ящики, солдаты обращались с речами к толпе неблагодарных слушателей, и каждое лицо в ней отчетливо и резко вырисовывалось на фоне ослепительно яркого белого света над головами. Энтони удалось рассмотреть нескольких человек: пьяного матроса, едва держащегося на ногах; его поддерживали под руки приятели, а парень с диким ревом размахивал бескозыркой. Раненого солдата с костылем несла на плечах визжащая от восторга толпа гражданских; темноволосая девушка, закинув ногу на ногу, с задумчивым видом сидела на крыше такси. Не вызывало сомнений, что сюда победа пришла вовремя и кульминация была запланирована с поистине неземной дальновидностью. Великая, богатая нация завершила победоносную войну, претерпев достаточно страданий для приобретения острых ощущений, но не ожесточилась. И теперь самое время праздновать триумф. В ярких огнях блестели лица представителей народов, чья слава давно канула в прошлое, чьи цивилизации были мертвы. Их предки слышали известия о победах в Вавилоне и Ниневии, в Багдаде и Тире сотни лет тому назад. Люди, предки которых видели украшенный руками рабов кортеж, проплывающий по улицам императорского Рима, а за ним нескончаемый поток пленных...

Мимо Риальто и сияющего фасада «Астора», роскошного великолепия Таймс-сквер... впереди залитая ярким светом улица... Потом – неужели так было прежде? – Энтони расплатился с таксистом перед белым зданием на Пятьдесят седьмой улице. Вот он уже в вестибюле, а вот и негр из Мартиники, такой же ленивый и апатичный, ничуть не изменился.

– Миссис Пэтч дома?

– Я только заступил, сэр, – объявил парень с нелепым британским акцентом.

– Подними меня наверх.

Неспешное жужжание лифта, три шага до двери, распахнувшейся настежь от сильного толчка.

– Глория! – Голос Энтони дрожит. Ответа не последовало. Из пепельницы поднимается тонкая струйка сигаретного дыма, на столе лежит корешком вверх номер «Ванити фэр». – Глория!

Он забежал в спальню и ванную комнату. Никого. На кровати брошено неглиже голубого цвета, распространяя по комнате тонкий аромат духов, ускользающий и такой знакомый. На стуле – пара чулок и платье для выхода на улицу; на комоде зевает широко открытым ртом пудреница. Должно быть, она куда-то вышла.

Раздался резкий звонок телефона, и Энтони вздрогнул от неожиданности, а потом взял трубку, чувствуя себя самозванцем.

– Алло, миссис Пэтч дома?

– Нет, сам ее ищу. А кто спрашивает?

– Мистер Крофорд.

– А я мистер Пэтч. Только что приехал и не знаю, где ее искать.

– Вот как?.. – В голосе мистера Крофорда слышалась некоторая растерянность. – Думаю, она поехала на бал в честь перемирия. Она туда собиралась, но я не думал, что так рано.

– И где же бал?

– В «Асторе».

– Благодарю.

Энтони бросил трубку на рычаг и поднялся с места. Кто этот мистер Крофорд? И с кем Глория поехала на бал? Сколько времени это продолжается? Вопросы возникали один за другим, и тут же находились десятки ответов. Мысль, что Глория где-то поблизости, доводила до исступления.

Терзаясь самыми мрачными подозрениями, он метался по квартире в поисках каких-либо признаков присутствия мужчины, открыл шкафчик в ванной комнате, перерыл все ящики в комоде. И тут обнаружил предмет, заставивший его немедленно прекратить поиски и присесть на одну из кроватей. Краешки губ опустились, будто Энтони вот-вот заплачет. В самом дальнем углу ящика, перевязанные тонкой синей ленточкой, лежали все письма и телеграммы, которые он посылал жене в течение года. Энтони переполнило чувство счастливого стыда, от которого на глаза навертываются слезы.

– Я даже не достоин прикоснуться к Глории! – воскликнул он, обращаясь к четырем стенам. – Не смею дотронуться до ее маленькой ручки!

Тем не менее Энтони незамедлительно отправился на поиски жены.

В вестибюле отеля «Астор» его сразу же подхватила толпа, столь многочисленная, что продвинуться вперед не представлялось возможным. Человек у десяти Энтони спросил, где находится танцевальный зал, и только после этого получил вразумительный и внятный ответ. Отстояв в длинной очереди, он наконец сдал в гардероб шинель.

Несмотря на ранний час – всего девять часов, – танцы были в полном разгаре. Вокруг творилось нечто невообразимое. Женщины, куда ни кинь взгляд – всюду женщины. Разгоряченные вином девушки пели пронзительными голосами, перекрывая шум обсыпанной конфетти пестрой толпы. Девушки на фоне военной формы десятка разных стран, тучные матроны, падающие на пол, позабыв о достоинстве и сохраняющие чувство самоуважения исключительно благодаря возгласам: «Да здравствуют союзники!» Три седовласые дамы, взявшись за руки, танцевали вокруг моряка, который вертелся волчком на полу, прижимая к сердцу пустую бутылку из-под шампанского.

Затаив дыхание, Энтони всматривался в толпу танцующих, в запутанный рисунок танца, то затягивающий людей внутрь, то выталкивающий наружу, направляя их между столами. Вглядывался в дующих в трубы, целующихся, кашляющих, смеющихся и пьющих вино под огромными развернутыми флагами, что склонились, горя яркими цветами, над всем шумным помпезным зрелищем.

Потом он увидел Глорию. Она сидела напротив, за столиком на двоих, в другом конце зала. В черном платье, над которым сияло

оживленное лицо неописуемо прелестного розового оттенка. Оно показалось Энтони средоточием живой и трогательной красоты в этом зале. Сердце сжалось, как при звуках чарующей незнакомой мелодии. Энтони стал проталкиваться к столику, за которым сидела Глория, и окликнул жену по имени как раз в тот момент, когда та подняла серые глаза и увидела его. На мгновение, когда их тела, встретившись, слились воедино, весь мир с шумным весельем и визгливой музыкой поблек и растворился в приглушенном монотонном звуке, похожем на пчелиное жужжание.

– О, моя Глория! – воскликнул Энтони.

Ее поцелуй был прохладным родником, бьющим из самого сердца.

Глава вторая

Вопрос эстетики

В тот вечер год назад, когда Энтони отбыл в учебный лагерь Кэмп-Хукер, все, что осталось от прекрасной Глории Гилберт – ее оболочка, прелестное юное тело, – поднялось по широким мраморным ступеням вокзала Гранд-централ, а в ушах, словно во сне, отдавалось мерное пыхтение паровоза. Она вышла на Вандербильт-авеню с нависшей громадой отеля «Билтмор», чьи низкие, ярко освещенные двери всасывали внутрь многообразные разноцветные манто вместе с их обладательницами, роскошно одетыми девушками. На мгновение Глория задержалась возле стоянки такси, наблюдая за ними и удивляясь про себя, что всего несколько лет назад была одной из их числа. Вечно стремящаяся к неясной манящей цели, всегда готовая связаться в отчаянное приключение с кипящими страстями. Ведь ради этого и шились отороченные мехом элегантные манто, румянились щеки, а сердца возносились выше стен дворца мимолетных наслаждений, который заглатывает свои жертвы вместе с прической, манто и всем прочим.

Начало холодать, и проходившие мимо мужчины поднимали воротники пальто. Такая перемена оказала на Глорию благотворное действие. Но еще лучше, если бы переменился весь окружающий мир: погода, улицы и люди, а она сама улетела далеко и проснулась в просторной комнате, наполненной ароматом свежести. Одна, застывшая, словно изваяние, изнутри и снаружи, как в былые времена непорочного яркого прошлого.

Сев в такси, Глория расплакалась от собственного бессилия. Тот факт, что уже более года она не была счастлива с Энтони, существенного значения не имел. С некоторых пор его присутствие только пробуждало воспоминания о канувшем в Лету незабываемом июне. В последнее время Энтони, сварливый, слабый и жалкий, не мог не вызвать ответное раздражение, вечно наводил тоску и представлял интерес только как память о полной упоительных фантазий юности, когда их обоих захватила восторженная буря чувств. Во имя этой общей, не утратившей сверкающих красок памяти Глория была готова сделать для Энтони больше, чем для кого-либо другого. Вот почему

она разрыдалась в такси, с трудом сдерживая желание без конца повторять вслух имя мужа.

Одинокая и несчастная, словно забытый всеми ребенок, она сидела в ставшей вдруг тихой квартире и писала Энтони сбивчивое, полное смятения письмо.

«...Я словно вижу перед собой рельсы, что уносят поезд вдаль. Но без тебя, мой любимый, любимый, я не в состоянии видеть, слышать, чувствовать или думать. Разлука – что бы с нами ни случилось в прошлом или произойдет в будущем – это, Энтони, все равно что просить милосердия у стихии, все равно что стареть. Так хочется тебя поцеловать, в затылок, там, где начинается темная полоска волос. Потому что я люблю тебя, и что бы мы ни наговорили друг другу, что бы ни натворили сейчас или в прошлом, ты должен знать, как я тебя люблю, как все во мне омертвело с твоим отъездом. Даже не могу питать ненависть к проклятым ЛЮДЯМ, тем людям, что толпятся на вокзале и не имеют никакого права жить. Нет сил на негодование к жалким ничтожествам, что вносят грязь в наш мир, потому что я поглощена только одним желанием – быть рядом с тобой.

Если бы ты меня вдруг возненавидел, покрылся язвами, как прокаженный, сбежал к другой женщине, морил меня голодом и бил – как нелепо это звучит! – я бы все равно желала тебя и, невзирая ни на что, любила. Я ЗНАЮ, любимый.

Уже поздно. Я открыла все окна, и воздух на улице тихий и ласковый, как весной, нет, более юный и переменчивый, чем весной. Почему весну принято изображать юной девушкой, почему эта иллюзия, приплясывая и распевая противным голосом, в течение трех месяцев разгуливает по нелепому в своем бесплодии миру? Весна – это тощая старая кляча с выпирающими наружу ребрами, куча отбросов в поле, которую солнце и дождь иссушают и отмывают до состояния не предвещающей ничего хорошего чистоты.

Через несколько часов ты проснешься, любимый, – и снова будешь страдать, испытывая отвращение к жизни. Приедешь в Делавер или Каролину, или в другое место, никому не нужный. Не верю, что среди живущих на земле кто-то рассматривает себя как недолговечное создание, вроде предмета роскоши или излишнего зла. На свете очень мало людей, которые, заявляя о бесполезности жизни, признают

собственную никчемность. Возможно, они думают, что, провозглашая губительность человеческого существования, спасают от разрушения свою значимость и ценность. Только нет, никому это не удастся, даже нам с тобой...

И все-таки я тебя вижу. Там, где ты проезжаешь, деревья окутаны голубой дымкой, слишком красивой, чтобы сохраниться надолго. Нет, куда чаще встречаются бурые квадраты вспаханной земли... они лежат вдоль железнодорожных путей, как грязные простыни из грубого коричневого холста, сохнувшие на солнце. Живые и в то же время похожие на детали неведомого механизма. Отвратительное зрелище. Природа, неряшливая старая карга, спит на них с любым фермером, негром или иммигрантом, которому вздумается ее покрыть...

Вот видишь, стоило тебе уехать, и я написала письмо, полное презрения и отчаяния. А это лишь значит, что я люблю тебя, Энтони, каждой клеточкой, всем, что есть способного любить у твоей ГЛОРИИ».

Надписав конверт, она легла на кровать, сжимая в руках подушку Энтони, будто силой любви могла превратить ее в живое теплое тело. В два часа слезы на глазах высохли. Устремив в темноту неподвижный горестный взгляд, Глория предавалась воспоминаниям. Не щадя себя и обвиняя в многочисленных воображаемых грехах, она создавала образ Энтони сродни принявшему мученическую смерть и воскресшему Христу. Именно таким он, вероятно, и виделся себе в приливе очередного приступа сентиментальности.

В пять Глория еще не спала. Таинственный скрежещущий звук, прокатывающийся каждое утро по окрестностям, подсказал, который сейчас час. Она услышала звонок будильника и увидела желтый квадратик света на казавшейся нереальной пустой стене напротив. Почти созревшее решение без промедления ехать на Юг притупило горе, сделало далеким и абстрактным, а потом оно и вовсе ушло вместе с отступающим на запад мраком. И Глория уснула.

Когда она проснулась, вид пустой кровати рядом снова пробудил тоску, которая, впрочем, рассеялась с наступлением безразличного в своей неотвратимости ясного утра. Глория испытывала неосознанное облегчение, завтракая в одиночестве и не видя перед собой усталого озабоченного лица Энтони напротив. Теперь, когда она осталась одна,

желание привередничать по поводу еды пропало. Она решила, что будет разнообразить завтрак лимонадом и сэндвичем с помидором вместо опостылевшей яичницы с беконом и тоста.

Тем не менее в полдень, обзвонив нескольких знакомых, включая военнообязанную Мюриэл, и выяснив, что все с кем-нибудь встречаются в обед, Глория дала волю тихой жалости к себе и своему одиночеству. Свернувшись калачиком на кровати, она взяла карандаш и бумагу и написала Энтони еще одно письмо.

Ближе к вечеру курьер принес срочное письмо, отправленное из какого-то маленького городка в Нью-Джерси. Привычные фразы, в которых явственно слышалась приглушенная тревога и неудовлетворенность, были до боли знакомыми и подействовали успокаивающе. Как знать? Возможно, армейская дисциплина закалит Энтони и приучит к мысли о необходимости работать. Глория свято верила, что война закончится, прежде чем Энтони отправят на фронт. Тем временем они выиграют дело и смогут все начать заново, на сей раз совершенно по-другому. Прежде всего заведут ребенка. Невыносимо жить в безысходном одиночестве.

Прошла неделя, прежде чем Глория смогла оставаться дома и при этом поминутно не плакать. Город не баловал интересными событиями. Мюриэл перевели в госпиталь в Нью-Джерси, где увольнения в Нью-Йорк давались раз в две недели, и с этой утратой Глория начала понимать, как мало друзей завелось у нее за все годы, прожитые в Нью-Йорке. Знакомые мужчины служили в армии. «Знакомые мужчины»? Она почему-то решила, что все мужчины, которые были когда-либо в нее влюблены, считаются друзьями. Каждому из них она в свое время была дороже всего на свете. Но где они теперь? По крайней мере двоих уже нет в живых, человек десять женились, а остальных разбросало по всему миру от Франции до Филиппин. Интересно, вспоминает ли кто-нибудь о ней? Как часто и что именно? Большинство, наверное, представляет себе семнадцатилетнюю девочку, юную сирену, какой была Глория девять лет назад.

Девушки тоже разъехались в разные стороны. В годы учебы Глорию не любили. Она была слишком красива и ленива, не ценила чести быть ученицей школы Фармоувер и не горела желанием стать в будущем Женой и Матерью с большой буквы. Девочки, которых никто

не целовал, с возмущенным выражением на заурядных, но не слишком добродетельных личиках намекали, что у Глории в таких делах богатый опыт. Потом эти девочки разъехались, кто на восток, кто на запад или юг, вышли замуж и превратились в «людей», предрекающих Глории «плохой конец» при каждом удобном случае. Бедняжки не понимали, что плохих концов не бывает и что они, как и Глория, не являются хозяйками своих судеб.

Глория перебирала в памяти посетителей серого дома в Мариэтте. В то время казалось, у них с Энтони нет недостатка в общении, и она тешилась верой, что все гости с тех пор в некотором роде ей обязаны. Их моральные обязательства рассматривались как некое подобие десятидолларовой купюры, и в случае надобности Глория, так сказать, может потребовать возвращения иллюзорного долга. Но все эти люди исчезли, разлетелись, как солома, загадочным образом пропали, ушли, кто из жизни Глории, а кто из жизни вообще.

К Рождеству Глория утвердилась в решении воссоединиться с мужем, и на сей раз оно проявилось уже не в виде всплеска эмоций, а как стойкая потребность. Она собиралась известить Энтони о приезде, но отложила поездку по совету мистера Хейта, который каждую неделю ждал слушания дела в суде.

Однажды в конце января, прогуливаясь по Пятой авеню, пестревшей мундирами и стягами добродетельных наций, Глория встретила Рейчел Барнс, с которой не виделась уже почти год. Даже вызывавшая в прежние времена стойкую антипатию Рейчел вдруг стала истинным избавлением от скуки, и дамы отправились вместе в «Ритц» попить чая.

После второго коктейля они заметно оживились и прониклись друг к другу симпатией. Говорили о мужьях, Рейчел – с присущим всем женам тщеславием, не касаясь сугубо личных вопросов.

– Родмэн служит сейчас в чине капитана за океаном, в Интендантском корпусе. Решил, что обязан поехать, а в другой род войск его не возьмут.

– Энтони в пехоте. – При этих словах щеки Глории зарделись, что отчасти являлось следствием выпитого коктейля с виски. С каждым глотком в ее душе креп страстный, оказывающий удивительно взбадривающее действие патриотизм.

– Кстати, – сообщила Рейчел через полчаса, когда они выходили из отеля, – не желаешь со мной поужинать завтра вечером? Придут в гости два очень милых офицера. Готовятся к отправке за океан. Думаю, нужно постараться и устроить для них приятный вечер.

Глория с радостью приняла приглашение. Записывая адрес, она по номеру узнала фешенебельный многоквартирный дом на Парк-авеню.

– Страшно приятно было с тобой повидаться.

– Да, просто замечательно. Я очень рада.

Этими тремя предложениями была предана забвению некая ночь в Мариэтте два года назад, когда Энтони и Рейчел без особой нужды проявляли друг к другу не в меру пристальное внимание. Глория простила Рейчел, а та, в свою очередь, – Глорию. Рейчел получила прощение и за то, что стала невольной свидетельницей самого грандиозного бедствия в жизни мистера и миссис Пэтч.

Время течет, идя на компромисс с миром.

Происки капитана Коллинза

Два офицера, оба капитаны, являлись представителями вызывающей всеобщее восхищение военной профессии пулеметчиков. За ужином они с напускной скукой называли себя членами «Клуба самоубийц». В то время все, кто служил в недоступных для всеобщего понимания родах войск, именовали себя подобным образом. Один из капитанов, закрепленный, по наблюдениям Глории, за Рейчел, был высоким, похожим на лошадь мужчиной лет тридцати с красивыми усами и уродливыми зубами. Второй офицер, капитан Коллинз, круглолицый и розовощекий, самозабвенно смеялся всякий раз, когда встречался взглядом с Глорией. Он сразу же проникся к ней симпатией и в течение всего ужина забрасывал глупыми комплиментами. После второго бокала шампанского Глория решила, что впервые за много месяцев с приятностью проводит время.

После ужина поступило предложение пойти куда-нибудь потанцевать.

Офицеры запаслись бутылкой виски из буфета Рейчел – закон запрещал продавать спиртное военнослужащим – и, экипированные надлежащим образом, прошли по сверкающим огнями караван-сараям на Бродвее, где станцевали бессчетное количество фокстротов,

по-честному меняясь партнерами. А Глория становилась все оживленнее и все сильнее нравилась розовощекому капитану, с лица которого не сходила доброжелательная улыбка.

В одиннадцать часов Глория, к своему изумлению, оказалась в меньшинстве, когда решался вопрос о продолжении танцев. Остальные хотели вернуться на квартиру Рейчел, якобы для пополнения запасов спиртного. Глория яростно доказывала, что фляжка капитана Коллинза наполовину полная, она сама только что видела... Однако, встретившись взглядом с Рейчел, заметила, как та недвусмысленно подмигивает. В недоумении Глория решила, что хозяйка вечера хочет отделаться от офицеров, и позволила погрузить себя в такси.

Капитан Вулф занял место слева и посадил на колени Рейчел. Капитан Коллинз сидел посредине и, устроившись поудобнее, обнял Глорию за плечи. Сначала его рука лежала неподвижно, а потом сжала плечо как тисками. Он наклонился к Глории.

– Вы потрясающе красивы, – прошептал капитан.

– Очень любезно с вашей стороны, сэр. – Поведение офицера не вызывало ни раздражения, ни удовольствия. До встречи с Энтони множество рук проделывало те же манипуляции, и это воспринималось как обычный жест, выражающий определенные чувства, но ничего не означающий.

Наверху, в овальной гостиной Рейчел все освещение ограничивалось едва теплившимся огнем в камине и двумя лампами под оранжевыми шелковыми абажурами, вследствие чего по углам сгустились сонные тени. Хозяйка расхаживала в свободном платье из шифона с темным рисунком, что только подчеркивало и без того дышавшую чувственностью обстановку. Некоторое время они сидели вчетвером, угощаясь сандвичами, оставленными на чайном столике. Потом Глория вдруг обнаружила, что находится в обществе капитана Коллинза на кушетке возле камина. Рейчел и капитан Вулф удалились в другой конец комнаты, откуда доносились их приглушенные голоса.

– Как жаль, что вы замужем, – промолвил капитан Коллинз, при этом его лицо являло собой смехотворную пародию на абсолютную серьезность.

– Почему? – Глория протянула бокал, ожидая, что его наполнят коктейлем с виски.

– Не пейте больше, – попросил, нахмурившись, капитан.

– А в чем дело?

– Вы бы лучше... лучше бы не пили.

Глория вдруг уловила скрытый в этом замечании намек, ту атмосферу, которую пытался создать Коллинз. Ей стало смешно и в то же время понятно, что смеяться тут не над чем. Она с приятностью проводит вечер и не имеет желания возвращаться домой. Однако гордость была уязвлена неловкой попыткой флиртовать на таком уровне.

– Налейте мне еще, – настаивала Глория.

– Прошу вас...

– Ах, прекратите валять дурака! – воскликнула она с досадой.

– Ну хорошо, – согласился он с неохотой.

Потом его рука снова оказалась на плече у Глории, и снова она не возмутилась, но когда розовая щека приблизилась к лицу, слегка отстранилась.

– Вы невероятно красивы, – изрек Коллинз без видимой цели.

Глория принялась тихонько напевать, ей хотелось только одного – чтобы капитан убрал руку. Вдруг она заметила в другом конце комнаты интимную сцену – Рейчел и капитан Вулф слились в долгом поцелуе. Глорию передернуло, и она не понимала причины, вызвавшей чувство омерзения. Розовощекое лицо опять оказалось совсем близко.

– Не нужно на них смотреть, – прошептал Коллинз, и тут же его вторая рука обняла Глорию. Она чувствовала дыхание капитана на своей щеке. И снова абсурдность ситуации восторжествовала над отвращением, а смех стал оружием, которое ранит больше любых слов.

– А я-то думал, вы девушка компанейская, – бормотал капитан Коллинз.

– А что это такое?

– Ну, та, кто любит получать от жизни удовольствие.

– И что, целоваться с вами считается приятным занятием?

Их разговор прервали неожиданно оказавшиеся рядом Рейчел и капитан Вулф.

– Глория, уже поздно, – обратилась к ней Рейчел. Ее лицо разбурчалось, а волосы растрепались. – Пожалуй, тебе лучше остаться у меня на ночь.

На мгновение Глории показалось, что офицерам предлагают удалиться, но потом она все поняла, а поняв, как можно непринужденнее поднялась с места.

Не сообразив, в чем дело, Рейчел продолжала:

– Можете занять комнату рядом с этой. Я принесу все необходимое.

В глазах Коллинза светилась собачья мольба, а капитан Вулф привычным жестом обнял Рейчел за талию. Они выжидали.

Но соблазн беспорядочных связей, ярких, разнообразных, запутанных, с легким застоялым душком, не привлекал Глорию и не обещал ничего приятного. При желании она бы осталась без колебаний и угрызений совести, но поскольку такового не возникло, пришлось мужественно выдерживать взгляд трех пар враждебных обиженных глаз, которым под аккомпанемент натянуто-любезных слов ее провожали до двери.

«А капитан, оказывается, не такой уж «компанейский». Даже не предложил проводить до дома, – размышляла Глория уже в такси и тут же с нарастающим возмущением воскликнула про себя: – Какая пошлость!»

Доблесть

В феврале с Глорией произошел случай совсем иного рода. Тюдор Бэрд, старая любовь, юноша, за которого она одно время даже всерьез намеревалась выйти замуж, прибыл в Нью-Йорк с летным корпусом и тут же явился с визитом. Несколько раз они сходили в театр, и через неделю, к великому удовольствию Глории, Тюдор был снова влюблен, как в прежние времена. Глория намеренно приложила к этому усилия и слишком поздно поняла, что ее проказы обернулись жестокой шуткой. Теперь, куда бы они ни отправились вместе, Бэрд сидел молча рядом, жалкий и потерянный.

Тюдор числился членом студенческого общества «Свиток и ключ» в Йельском университете и отличался сдержанностью, характерной для образа «славного малого», руководствовался правильными представлениями о рыцарстве и следовал девизу «положение обязывает». К несчастью, всем этим достоинствам сопутствовали соответствующие предубеждения и узость мышления – черты, которые Энтони учил презирать, но которые тем не менее вызывали у его жены

восхищение. Глория обнаружила, что в отличие от большинства мужчин этого типа он не зануда. Тюдор Бэрд был красив, обладал долей остроумия, и в его обществе Глория чувствовала, что в силу некой черты характера – назовите ее глупостью, сентиментальностью, преданностью или чем-нибудь еще, не подпадающим под эти три определения, – он пойдет на все, лишь бы доставить радость предмету своей любви.

Тюдор сам упомянул об этом в разговоре, корректно, с истинно мужской тяжеловесностью, за которой скрывалось непритворное страдание. Глория несколько не любила бывшего приятеля, но однажды вечером поцеловала из сентиментальной жалости. Ведь он был такой милый – пережиток исчезающего поколения, которое всю жизнь с педантичным упорством питается иллюзиями, полными элегантно утонченности, а на смену ему идут уже куда менее доблестные глупцы. Впоследствии она радовалась, что поцеловала Тюдора, потому что на следующий день самолет Бэрда рухнул с высоты в тысячу пятьсот футов и осколком двигателя ему пробило сердце.

Глория в одиночестве

Мистер Хейт сообщил, что суд состоится не раньше осени, и Глория твердо решила сниматься в кино, не оповещая о своих планах Энтони. Муж увидит, какого блестящего актерского успеха и финансового благополучия она добилась с помощью Джозефа Блокмэна, ничего не давая взамен, и откажется от глупых предрассудков. Однажды она лежала полночи без сна, предвкушая в мечтах оглушительный успех, а наутро позвонила на студию «Филмз пар экселенс». Мистер Блокмэн находился на данный момент в Европе.

Однако мысль об актерской карьере на сей раз так прочно засела в голове, что Глория решила пройтись по агентствам по найму киноактеров. И, как часто случалось, органы обоняния в очередной раз воспрепятствовали осуществлению благих намерений. Отвратительный запах, стоявший в агентстве, наводил на мысль о трупе, пролежавшем там длительное время. Глория выждала пять минут, изучая малопривлекательных соперниц, а затем стремительно

покинула помещение и направилась в самый отдаленный уголок Центрального парка, где надолго задержалась и в результате схватила простуду. Очень уж хотелось выветрить дух агентства из костюма для прогулок.

Весной из писем Энтони – не какого-то одного, а по общему настроению – Глория поняла, что он против приезда жены на Юг. С фрейдистской навязчивостью повторялись странные отговорки, которые, казалось, занимают все его мысли и мучают в силу своей полной несостоятельности. Энтони в каждом письме исправно перечислял надуманные предлоги, отчаянно стараясь убедить Глорию в их целесообразности. Уменьшительные, ласковые слова, появляющиеся в письмах, выглядели фальшивыми и вымученными. Создавалось впечатление, что, закончив очередное послание, Энтони просматривает его снова и вставляет нежные обращения, как эпиграммы в пьесу Оскара Уайльда. Глория сделала определенный вывод и тут же отвергла его. Гнев сменялся приступами подавленности, и в конце концов она гордо решила не обращать внимания на новые странности мужа и наполнила свою часть корреспонденции холодностью, которая в каждом последующем письме проявлялась все сильнее.

В последнее время у нее находилось достаточно занятий. Несколько авиаторов, с которыми Глория познакомилась через Тюдора Бэрда, приезжали в Нью-Йорк и навещали ее. Объявились и два других старых поклонника, их часть расквартировали в Кэмп-Дикс. Когда молодые люди получили приказ отправляться за океан, они, так сказать, передали Глорию с рук на руки своим приятелям. Однако после очередного неприятного инцидента с претендентом на лавры капитана Коллинза она при знакомстве с мужчинами давала ясно понять, что для заблуждений относительно ее статуса и намерений повода нет.

С приходом лета Глория, как и Энтони, стала просматривать списки погибших офицеров, испытывая некую сладостную грусть, когда узнавала о гибели одного из парней, с которыми когда-то самозабвенно танцевала. А иногда она узнавала по фамилии младших братьев своих бывших почитателей. По мере развития наступления на Париж Глория приходила к выводу, что мир наконец подошел к черте, за которой ждет неизбежный и давно заслуженный крах.

Ей исполнилось двадцать семь. День рождения промелькнул незаметно. Несколько лет назад, в день двадцатилетия, Глория испугалась, в двадцать шесть испытала легкую тревогу, а сейчас с удовольствием любовалась в зеркале по-британски свежим цветом лица и по-мальчишески стройной фигурой, совсем не изменившейся за прошедшие годы.

Глория старалась не думать об Энтони. Возникало чувство, что она пишет чужому человеку. Глория рассказала друзьям, что мужа произвели в капралы, и была страшно раздосадована их любезной безучастностью. Однажды ночью она расплакалась, жалея Энтони, и будь он чуть отзывчивее, Глория с первым же поездом помчалась бы без колебаний на Юг. Чем бы Энтони там ни занимался, ему требовалась моральная поддержка, и Глория чувствовала, что в данный момент способна даже на это. В последнее время, когда Энтони не выкачивал из нее духовных сил, Глория чудесным образом ожила. До его отъезда она имела обыкновение размышлять о своих упущенных возможностях, копаясь в воспоминаниях. Теперь же она вернулась к привычному для себя образу мыслей, основательному, полному презрения к окружающему миру, со стойким убеждением, что жить надо сегодняшним днем. Глория купила куклу и нарядила ее, а однажды всю неделю проплакала над повестью «Итан Фром». В следующий раз она с наслаждением прочла несколько романов Голсуорси, которого любила за способность воссоздать иллюзию юной романтической любви, зарождающейся подобно рассвету в темноте. Любви, которую женщины вечно жаждут обрести в будущем или ищут в прошлом.

В октябре письма от Энтони приходили все чаще, их тон становился все более истеричным, а потом он вдруг и вовсе перестал писать. В течение полного тревоги месяца Глории потребовалось призвать на помощь всю выдержку, чтобы удержаться от желания без промедления поехать в Миссисипи. Потом из телеграммы она узнала, что Энтони лежал в госпитале и в течение десяти дней прибудет в Нью-Йорк. В тот ноябрьский вечер он, подобно образу из сна, пройдя через танцевальный зал, возвратился в ее жизнь. И долгие часы, наполненные знакомой радостью, Глория прижимала Энтони к груди, лелея иллюзию счастья и благополучия, которые уже не надеялась обрести вновь.

Крушение генеральских надежд

Через неделю полк Энтони снова отправился в военный лагерь в Миссисипи для расформирования. Офицеры заперлись в купе пульмановских вагонов и пили виски, которым запаслись в Нью-Йорке. В пассажирских вагонах солдаты тоже по мере возможностей напивались и, когда поезд останавливался на станциях в небольших поселках, делали вид, что возвращаются из Франции, где именно их стараниями разгромили германскую армию. Поскольку все носили форменные пилотки и утверждали, что просто не успели нашить золотые шевроны, это производило сильное впечатление на сельское население. Местные жители подходили к поезду и расспрашивали, как там в окопах. На что неизменно следовал ответ: «Эх, парень, тебе не понять!», сопровождаемый прищелкиванием языком и покачиванием головы. Кто-то раздобыл кусок мела и написал на вагоне: «Мы выиграли войну – теперь по домам!» Офицеры посмеялись, но возражать не стали. Все по возможности старались придать некий шик бесславному возвращению.

На подъездах к лагерю Энтони не на шутку забеспокоился, опасаясь встретить на вокзале Дот, терпеливо дожидаящуюся его приезда. К огромному облегчению, ее там не оказалось. Энтони ничего не знал о судьбе бывшей возлюбленной, однако решил, что, оказавшись Дот в городе, она непременно попыталась бы его найти. Стало быть, девушка уехала, а куда – Энтони не интересовало. Неотступно преследовало лишь одно желание – вернуться к Глории, возрожденной, удивительно живой и настоящей Глории. Наконец Энтони демобилизовали, и он покинул роту в кузове огромного грузовика вместе с толпой таких же демобилизованных солдат, которые добродушно и даже с долей грусти приветствовали напоследок офицеров, в особенности капитана Даннинга. Капитан, в свою очередь, со слезами на глазах разразился речью о счастье, которое испытал, работая со своими подчиненными, и т. д., о времени, не потраченном напрасно, и т. д., о долге и т. д. Это звучало глупо и очень по-человечески, Энтони, чей разум взбодрился за неделю пребывания в Нью-Йорке, вслушиваясь в речи капитана, в очередной раз испытал глубокое отвращение к воинской службе и всему, что с ней связано. В своих по-детски наивных душах двое из трех кадровых офицеров

свято верили, что войны изобретаются для армий, а не наоборот. Со злорадством наблюдал он за генералом и лишившимися подчиненных старшими офицерами, что с несчастным видом слонялись по опустевшему лагерю. С удовольствием прислушивался, как товарищи по роте презрительно посмеиваются над предложением остаться в армии. Им полагалось посещать «школы», но Энтони хорошо знал, что кроется за этими словами.

Двумя днями позже он был с Глорией в Нью-Йорке.

Еще одна зима

Как-то к вечеру в конце февраля Энтони вернулся домой и, пробравшись на ощупь через маленькую прихожую, где в зимних сумерках не было видно ни зги, обнаружил сидящую у окна Глорию. Услышав шаги, она обернулась.

– Что сказал мистер Хейт? – поинтересовалась она безразличным тоном.

– Ничего, – ответил Энтони. – Как всегда, «может быть, в следующем месяце».

Глория пристально посмотрела на мужа. Чуткое ухо, привыкшее к его голосу, уловило, что последнее слово было произнесено заплетающимся языком.

– Ты пил, – спокойно констатировала Глория.

– Всего пару стаканчиков.

– Понятно.

Энтони позевывал, сидя в кресле, и некоторое время оба молчали. Вдруг Глория требовательным голосом спросила:

– Ты действительно ходил к мистеру Хейту?

– Нет, – робко улыбнулся Энтони. – В общем-то я просто не успел.

– Так я и знала. Он за тобой присылал.

– А мне наплевать. Надоело торчать у него в конторе. Можно подумать, этот тип делает мне великое одолжение. – Энтони глянул на жену, словно ожидая моральной поддержки, но она вернулась к созерцанию сомнительной красоты пейзажа за окном. – Сегодня жизнь меня окончательно вымотала, – неуверенно вымолвил он, но Глория по-прежнему хранила молчание. – Встретил приятеля, и мы посидели немного в баре в «Билтморе».

Сумерки вдруг стремительно сгустились, однако ни один из супругов не пошевелился, чтобы включить свет. Так и сидели, погруженные каждый в свои мысли бог весть о чем. Порыв ветра за окном взметнул в воздух снежный вихрь, и из груди Глории вырвался тихий вздох.

– А как ты провела день? – спросил Энтони, чувствуя, что молчание начинает действовать угнетающе.

– Читала журнал – сплошь идиотские статейки богатеньких писак, что беднякам, мол, ни к чему шелковые рубашки. И пока я читала, не могла думать ни о чем другом, кроме серой беличьей шубки, о которой давно мечтаю, и о том, что мы не можем себе позволить подобную роскошь.

– Почему же, можем.

– Ой, ради Бога!

– Не сомневайся! Хочешь шубку – иди и купи.

В прозвучавшем в темноте голосе Глории слышалась презрительная насмешка:

– И под этим следует понимать продажу очередной облигации?

– Если потребуется. Не хочу, чтобы ты одевалась как попало. Впрочем, с тех пор как я вернулся, мы порядком поистратились...

– Ох, замолчи! – с досадой перебила Глория.

– С какой стати?

– Просто я сыта по горло разговорами, сколько мы потратили и чем занимались. Ты вернулся домой два месяца назад, и с тех пор практически каждый вечер мы весело проводим время. Нам обоим хочется выйти в люди, что мы и делаем. И разве ты слышал от меня хоть слово жалобы или упрёка? А сам только и знаешь, что ныть. Мне безразлично, как мы живем и что с нами станет. По крайней мере я последовательна в своих мыслях и поступках. Но вечных жалоб и паникерства не потерплю...

– Ну знаешь, и с тобой не всегда приятно иметь дело.

– А я и не обязана тебя развлекать. Даже пальцем не пошевелил, чтобы исправить положение.

– Неправда, я стараюсь...

– Ха! Я уже где-то это слышала раньше. Утром ты обещал не притрагиваться к спиртному, пока не получишь работу. А у самого даже не хватило храбрости сходить к мистеру Хейту, когда он прислал за тобой, чтобы обсудить наше дело.

Энтони вскочил на ноги и включил свет.

– Послушай! – выкрикнул он, часто моргая. – Мне начинают надоедать ядовитые замечания!

– Ну и что ты собираешься в связи с этим предпринять?

– Неужели думаешь, меня переполняет счастье? – продолжал Энтони, пропуская вопрос жены мимо ушей. – По-твоему, я не

понимаю, что мы живем не так, как следовало бы?

Глория вскочила с места и стала рядом с мужем, дрожа от злости.

– Я этого не потерплю! – взорвалась она. – Не позволю читать нравоучения. Вечно ты со своими страданиями! Убогий слабак и всегда таким был!

Они стояли лицом к лицу, чувствуя себя глупо, уже не в состоянии произвести друг на друга желаемое впечатление... и обоих терзала мучительная скука. Потом Глория вышла в спальню, плотно прикрыв за собой дверь.

С возвращением Энтони вновь выдвинулись на передний план довоенные причины для недовольства и ссор. Цены подскочили до угрожающих высот, и обратно пропорционально им, более чем наполовину, сократился первоначальный доход супругов. Росла задолженность мистеру Хейту, и некоторые акции, купленные по сотне долларов, упали в цене до тридцати – сорока за штуку. Имелись и другие вложения, не приносившие никакой прибыли. Прошлой весной Глорию поставили перед выбором: съехать с квартиры или подписать договор еще на год, но уже за двести двадцать пять долларов в месяц. Договор она подписала. И как всегда, когда возникала острая необходимость урезать расходы, супруги обнаружили, что совершенно не способны жить экономно. И тогда они прибегли к испытанному приему ухода от реальности. Устав от неурядиц, мечтали, что станут делать, скажем, завтра. Или как прекратят «бегать по пирушкам» и Энтони наконец начнет работать. Но с наступлением темноты Глория, привыкшая к ежевечерним увеселениям, начинала ощущать заползающее в душу привычное беспокойство. Она стояла в дверях спальни, яростно покусывая пальцы и время от времени ловя взгляд Энтони, когда тот поднимал глаза от книги. Потом раздавался телефонный звонок, и нервное напряжение спадало. Глория отвечала с плохо скрываемым пылом. Кто-то собирался заглянуть «буквально на пять минут» – и вот оно! – прощай утомительное притворство! С появлением уставленного бутылками столика наблюдается подъем истощенного морального духа... А далее следует пробуждение, как кульминация бессонной ночи, в которую они окунулись.

Зима близилась к концу на фоне марширующих по Пятой авеню войск, возвращающихся из-за океана, и супруги все отчетливее понимали, что после приезда Энтони их отношения в корне

изменились. После всплеска вновь расцветшей страстной нежности каждый возвратился в свою мечту и не мог разделить ее с любимым. И ласковые слова, что произносились по привычке, казалось, перебрасываются из одного опустошенного сердца в другое, отдаваясь эхом в пропасти, куда безвозвратно сгнуло что-то драгоценное. И теперь оба наконец осознали потерю.

Энтони снова обошел редакции городских газет в поисках работы и, как в первый раз, получил отказ от пестрой толпы посыльных, секретарш и редакторов. Везде неизменно отвечали: «Бережем вакансии для своих сотрудников, которые еще не вернулись из Франции». В конце марта взгляд нечаянно задержался на объявлении в утренней газете, и, как следствие, Энтони нашел наконец некое подобие работы.

«ВЫ МОЖЕТЕ ПРОДАВАТЬ!!!

Зарабатывайте в процессе обучения.

***Наши работники получают
от 50 до 200 долларов в неделю».***

Далее указывался адрес на Мэдисон-авеню и просьба явиться в час дня в тот же день. Глория, после традиционно позднего завтрака заглянув через плечо мужа, увидела, что он с праздным видом изучает объявление.

– Почему не попробовать? – предложила она.

– Да что ты, какая-нибудь очередная безумная затея.

– А может, и нет. По крайней мере стоит попытаться.

По настоянию жены Энтони пришел в час дня по указанному адресу и оказался одним из многочисленной разношерстной толпы мужчин, ожидающих перед входной дверью. Кого тут только не было, от мальчишки-посыльного, который явно прогуливал рабочее время, до древнего типа со сгорбленным телом и сучковатой тростью под стать владельцу. У некоторых мужчин вид был потрепанный: впалые щеки, припухшие покрасневшие глаза, но встречалось и много молодежи, похоже, учеников средней школы. Минут пятнадцать присутствующие толкались и разглядывали друг друга с флегматичной подозрительностью. Наконец появился щеголеватый духовный пастырь с манерами церковного служки, одетый в приталенный костюм. Он провел присутствующих наверх, в просторную комнату,

напоминающую класс с множеством парт. Здесь будущие продавцы расселись по местам и снова принялись ждать. Через некоторое время кафедру в конце помещения заняли с полдюжины серьезных, но бойких на вид людей, которые, за исключением одного, расселись полукругом лицом к публике.

Исключением являлся самый молодой и бойкий мужчина из всей компании. Он-то и вышел вперед, к краю кафедры. Присутствующие с надеждой воззрились на него. Невысокого роста, приятной наружности, характерной скорее для коммерсанта, чем человека искусства. У юноши были прямые светлые брови и до абсурда честные глаза. Вот он приблизился к краю кафедры и буквально метнул взгляд своих неподкупных очей прямо в публику, одновременно выбросив вперед руку с двумя вытянутыми пальцами. Пока он покачивался, устанавливая равновесие, в аудитории наступила желаемая тишина. Молодой человек уже уверенно завладел вниманием слушателей, и когда заговорил, в словах слышалась твердость, а голос звучал доверительно. Что называется, парень «рубил сплеча».

– Ребята! – начал он свою речь и замолчал.

Слово отозвалось долгим эхом в конце аудитории. Все взоры, светящиеся надеждой, цинизмом или усталостью, были прикованы к молодому человеку, который сосредоточил всеобщее внимание на своей персоне. Шесть сотен глаз дружно смотрели вверх. Равномерным, тяжеловесным потоком, как перекатывающиеся шары при игре в боулинг, оратор выплеснул свое красноречие в бескрайнее море излагаемой проблемы.

– Этим ясным солнечным утром вы открыли свою любимую газету и нашли объявление, где просто и без прикрас говорится, что вы можете продавать. Вот и все, что там сказано. И не упоминается, что продавать, как и зачем. Просто утверждается, что вы, вы и вы, – речь сопровождалась красноречивыми жестами, – способны продавать. Моя задача не в том, чтобы сделать из вас преуспевающих людей, потому что каждый человек рождается удачливым и сам делает из себя неудачника. И не в том, чтобы научить вас вести беседу, потому что каждый человек – оратор от природы и собственными руками превращает себя в молчуна. Моя задача – поведать одну вещь так, чтобы до вас дошло, то есть сообщить, что вы, вы и вы уже получили в

наследство деньги и благополучие, и они только ждут, когда вы придете и заявите о своих правах.

После этих слов ирландец угрюмой наружности, сидевший в заднем ряду, поднялся с места и покинул аудиторию.

– Этот человек думает, что найдет все перечисленное мной в пивном баре за углом (*слышится смех*). Нет, там он ничего не найдет. Одно время я и сам пробовал отыскать что-то путное в подобных местах (*снова смех в аудитории*). Но это случилось задолго до того, как я совершил поступок, на который каждый из вас, будь он стар или молод, беден или богат (*по аудитории прокатывается волна ироничного смеха*), тоже способен. Да, все это имело место до того, как я нашел себя.

А теперь скажите, ребята, знает ли кто-нибудь из вас, что такое «Разговор по душам»? «Разговор по душам» – это небольшая книжица, которую я начал писать около пяти лет назад с намерением выразить на бумаге все, что мне известно о главных причинах неудач и успеха в жизни разных людей. Начиная с Джона Д. Рокфеллера и кончая Джоном Д. Наполеоном (*слышится смех*). И еще раньше, с тех времен, когда Авель отказался от первородного права за порцию похлебки. Здесь сто экземпляров «Разговора по душам». Все, кто искренне заинтересовался нашим предложением, а главное, все, кто не удовлетворен тем, как складывается их жизнь в данный момент, получают сегодня по книге, вон там, на выходе, и возьмут ее домой.

У меня в кармане находятся четыре только что полученных письма, которые касаются «Разговора по душам». Имена людей, подписавшихся под этими письмами, в США знают в каждом доме. Слушайте, вот это – из Детройта: «Уважаемый мистер Карлтон! Хочу заказать еще три тысячи экземпляров «Разговора по душам», чтобы распространить их среди своих продавцов. Эти книги повысили работоспособность моих сотрудников лучше любых премий. Я сам постоянно к ним обращаюсь за консультацией и хочу от всей души вас поздравить с проникновением в суть величайшей проблемы, которая стоит перед нашим поколением сегодня и которая заключается в умении продать товар. Искусство заинтересовать покупателя – вот та несокрушимая скала, на которой держится вся наша страна.

С наилучшими пожеланиями, искренне Ваш
ГЕНРИ У. ТЭРРЕЛ».

Молодой человек произнес имя автора в три рокоющих ликованием приема и выждал, пока оно возымеет свое магическое действие. Затем он прочел еще два письма, от изготовителя пылесосов и президента «Грейт норзерн дойли кампани».

– А сейчас, – продолжил мистер Карлтон, – я в нескольких словах расскажу, в чем заключается предложение, которое сделает преуспевающими и тех, кто возьмется за него с надлежащим настроем. Попросту говоря, «Разговор по душам» является зарегистрированной компанией, и мы намерены передать эти книжечки каждой торгующей фирме, каждому продавцу и каждому человеку, который знает – повторяю, знает, а не предполагает, – что может продавать! Мы выставаем для продажи на рынке часть акций концерна «Разговор по душам», с целью их максимально широкого распространения. А также чтобы продемонстрировать конкретный, живой, облеченный в плоть и кровь пример искусства продажи. Или, иными словами, даем самым стоящим из вас шанс продавать эти акции. Повторяю, мне все равно, продавали ли вы что-нибудь раньше и сколько вам лет. Хочу знать только две вещи: во-первых, стремитесь ли вы к успеху? И во-вторых, готовы ли вы для этого трудиться?

Меня зовут Сэмми Карлтон, не мистер Карлтон, а просто Сэмми. Я обычный деловой человек без дурацких фантазий в голове. Хочу, чтобы вы называли меня «Сэмми».

Вот, собственно, и все, что я собирался сегодня сообщить. Завтра пусть те из вас, кто все хорошенько обдумает и прочтет «Разговор по душам» – не забудьте взять книгу при выходе, – придут сюда в то же время. И тогда я расскажу о нашем предложении подробнее и объясню основные составляющие успеха, которые я открыл. Хочу заставить вас поверить, что вы, вы и вы можете продавать!

Голос мистера Карлтона пронесся эхом по аудитории и замер. Под топот множества ног толпа вынесла Энтони на улицу.

Дальнейшие приключения с «Разговором по душам»

Иронично усмехаясь, Энтони поведал Глории историю своего коммерческого начинания, но жена слушала его без тени улыбки.

– Опять откажешься? – холодно поинтересовалась она.

– Но не ждешь же ты...

– Я от тебя никогда ничего не жду.

Энтони почувствовал неуверенность.

– Ну, не вижу причин хохотать до упаду над этой авантюрой. Да и вообще все новое – это хорошо забытое старое.

Глория затратила немало моральных сил, чтобы заставить Энтони сходить по указанному адресу еще раз. На следующий день он все же там появился, несколько удрученный после внимательного прочтения маразматических банальностей, кокетливо изложенных в «Разговоре по душам»... и застал всего пятьдесят из первоначальных трехсот человек, ожидающих появления жизнерадостного и напористого Сэмми Карлтона. На сей раз талант мистера Карлтона внушать веру в собственные силы и принуждать к действиям был направлен на разъяснение великого искусства, дающего богатую пищу для размышлений – как нужно продавать. Казалось бы, дело ясное. Следуя традиционному методу, нужно предложить товар, а потом спросить: «Ну что, берете?» Но нет, оказывается, такой способ продажи никуда не годится! А действовать надо так: разъяснить свое предложение, а затем, доведя противника до полного изнеможения, добить ультиматумом: «Послушайте, я потратил время, вводя вас в курс дела! Вы согласились с моими доводами, и теперь единственное, что я хочу знать, – сколько вы хотите купить?»

По мере того как мистер Карлтон самозабвенно громоздил друг на друга свои сентенции, Энтони начал испытывать к нему некоторое доверие, смешанное с отвращением. Похоже, парень знает, о чем говорит. Вид у него человека явно преуспевающего, а значит, он поднялся до положения, дающего право наставлять других. Энтони не приходило в голову, что люди, добившиеся успеха в коммерческих делах, редко понимают, каким образом и почему это произошло. Как и в случае с дедом, если и называются причины успеха, они, как правило, оказываются ошибочными и абсурдными.

Энтони обратил внимание, что из множества пожилых людей, откликнувшихся на объявление, на следующий день пришли только двое. А среди тридцати, собравшихся на третий день в надежде получить от мистера Карлтона инструкции по продаже товара, виднелась всего одна седая голова. Зато оставшаяся тридцатка горела желанием обратиться в новую веру. Молодые люди повторяли движения губ мистера Карлтона, с энтузиазмом раскачиваясь на сиденьях, а во время коротких пауз переговаривались между собой возбужденным одобрительным шепотком. И все-таки среди немногих избранных, кому, если верить словам мистера Карлтона, «самой судьбой начертано владеть принадлежащими по праву богатствами», лишь человек пять сочетали в себе мало-мальски приятную внешность с великим даром «толкача». Но присутствующим уже вдолбили, что все они по природе люди пробивные и теперь нужно всего лишь с неистовой страстью уверовать в насущную необходимость продаваемого товара. Мистер Карлтон даже призывал купить по нескольку акций, дабы выглядеть более убедительно перед потенциальным покупателем.

На пятый день Энтони вынырнул на улицу, чувствуя себя преступником, которого разыскивает полиция. Действуя в соответствии с полученными указаниями, он выбрал высокое офисное здание, чтобы спуститься с верхнего этажа вниз и навещать каждую контору, на дверях которой имеется табличка с именем. Однако в последний момент его одолели сомнения. Не целесообразнее ли подготовиться к холодному приему, который, как подозревал Энтони, его ожидает, и посетить для начала несколько контор, скажем, на Мэдисон-авеню? Он нырнул в аркаду, которая выглядела всего лишь относительно процветающей, и, увидев табличку «Перси Б. Уэзерби, архитектор», отважно открыл дверь и зашел внутрь. Чопорная молодая особа устремила на посетителя вопросительный взгляд.

– Могу я видеть мистера Уэзерби? – осведомился Энтони, втайне опасаясь за дрожь в голосе.

Дама с сомнением положила руку на телефон.

– Будьте добры, ваше имя?

– Он... э-э-э... он не знает моего имени.

– По какому вопросу? Страховой агент?

– Что вы, ни в коем случае! – поспешил заверить Энтони. – Нет, это, так сказать, личное дело, – пустился он в объяснения и тут же засомневался, правильно ли поступает. Слушая наставления, которыми снабжал свою паству мистер Карлтон, все выглядело легко и просто. «Не позволяйте выставить себя за дверь! Дайте понять, что решительно настроены на разговор, и вас непременно выслушают».

Девушка не устояла перед обаятельным меланхоличным лицом Энтони: в следующее мгновение дверь в кабинет распахнулась и в приемную зашел высокий косолапый мужчина с прилизанными волосами. С плохо скрываемым нетерпением он обратился к Энтони:

– Вы хотели встретиться со мной по личному делу?

Энтони пал духом.

– Хочу с вами поговорить, – с вызовом заявил он.

– Так, ну и о чем же?

– Объяснение займет некоторое время.

– Так в чем, собственно, дело? – повторил вопрос мистер Уэзерби с нарастающим раздражением.

И тогда Энтони, растягивая слова, чеканя каждый слог, завел:

– Не знаю, слышали ли вы о серии брошюр «Разговор по душам»...

– Боже правый! – перебил Перси Б. Уэзерби, архитектор. – Вы что, собираетесь беседовать по душам, хотите растрогать?

– Нет, это деловой разговор, а «Разговор по душам» – это зарегистрированная компания, и мы выпускаем на рынок часть своих акций...

Голос Энтони медленно угасал, утрачивая уверенность под пристальным, полным презрения взглядом яростно сопротивляющейся жертвы. Еще с минуту он продолжал борьбу, все больше смущаясь и путаясь в словах. Вера в свои силы вытекала из организма мощными, вызывающими тошнотворное чувство толчками. И тут Перси Б. Уэзерби безжалостно прервал беседу.

– Боже мой! – возмутился он, не скрывая досады. – И это называется личным делом? – Резко развернувшись, он с гневным видом прошествовал в кабинет и с грохотом захлопнул за собой дверь. Энтони не осмелился поднять глаза на стенографистку и непонятным для самого себя образом позорно ретировался из приемной. Обливаясь потом, он стоял в коридоре и удивлялся, почему полиция не идет его

арестовывать. В каждом пойманном мимолетном взгляде прохожих чудилась презрительная насмешка.

Через час, подкрепившись двумя порциями неразбавленного виски, Энтони заставил себя попытать счастья еще раз. Он заглянул в мастерскую водопроводчика, но едва упомянул о своем деле, как хозяин стал поспешно натягивать пальто, довольно неприветливо намекнув о перерыве на обед. Энтони вежливо заметил, мол, бесполезно пытаться что-либо продать голодному человеку, с чем водопроводчик полностью согласился.

Этот эпизод несколько приподнял боевой дух, и Энтони убеждал себя, что если бы водопроводчик не торопился на обед, то непременно выслушал бы заманчивое предложение.

Пройдя мимо сверкающих огнями и вызывающих обоснованные опасения универмагов, Энтони зашел в бакалейную лавку. Разговорчивый хозяин пояснил, что перед покупкой акций нужно определить, каким образом прекращение военных действий повлияет на рынок ценных бумаг. Энтони счел такой ответ верхом несправедливости. В утопическом труде мистера Карлтона единственным поводом для отказа от покупки акций являлось сомнение потенциального покупателя в перспективности такого вложения капитала. Совершенно очевидно, что человек, пребывающий в подобном состоянии, представляет собой легкую добычу, и окончательно сломить сопротивление противника можно с помощью разумного применения убедительных коммерческих доводов, обосновывающих целесообразность приобретения. Но с людьми, попадавшимися на пути Энтони, ничего не получалось, они упорно отказывались вообще что-либо покупать.

Перед посещением четвертого потенциального клиента, агента по продаже недвижимости, Энтони принял еще несколько порций виски. Однако вскоре он был сражен наповал убедительным, как любой силлогизм, аргументом. Агент по продаже недвижимости сообщил, что трое его братьев занимаются инвестиционным делом. Чувствуя себя разрушителем семейного бизнеса, Энтони, извинившись, удалился.

После очередного стаканчика он разработал блистательный план продажи акций барменам на Лексингтон-авеню. Его осуществление заняло несколько часов. В каждой точке следовало пропустить

несколько стаканчиков, чтобы настроить хозяев баров на соответствующий лад, а потом уже приступить к обсуждению дела. Но бармены один за другим заявляли, что имей они деньги на покупку облигаций, то не прозябали бы за стойкой бара. Будто все они сговорились, выбрав именно такой ответ. По мере приближения промозглого вечера – а время неумолимо двигалось к пяти часам – Энтони обнаружил у потенциальных клиентов еще более досадную тенденцию отрываться шутками.

В пять часов, заставив себя невероятным усилием воли сосредоточиться, Энтони решил внести разнообразие в процесс агитации. Остановив выбор на небольшом магазине готовых продуктов, он зашел внутрь. И тут его осенило, что нужно очаровать не только хозяина магазина, но заодно и всех находящихся там покупателей. Возможно, повинаясь стадному инстинкту, они толпой ринутся приобретать акции.

– Добр-рй день, – громко начал он заплетающимся языком. – Имено интр-есное прдло-жение.

Если Энтони ставил цель добиться тишины, он ее достиг. Несколько покупательниц и седовласый старик в колпаке и переднике, нарезающий ломтиками курятину, замерли в благоговейном молчании.

Энтони вытащил из болтающегося в руке портфеля пачку бумаг и стал ими с воодушевлением размахивать.

– Купите облигацию, – предложил он. – Не хуже займа Свободы! – Идея пришлась Энтони по душе, и он решил ее развить. – Луч-чше займа Св-вбоды. Кажж-дья стоит двух обль-гаций Св-боды. – Тут в сознании произошел провал, и оно совершило непредвиденный скачок к заключительной части речи, которую Энтони сопровождал красноречивыми жестами. Правда, эффект был несколько смазан из-за необходимости держаться одной, а то и обеими руками за прилавок. – Т-так, те-ерь слушь-те. Я потратил время и не ж-жлаю за-нать, пач-чему вы не х-тите пак-упать. Я х-хачу, чтоб вы ск-зали пач-чему. Хх-ачу, чтоб с-казали с-колько!

Теперь всем присутствующим следовало кинуться к Энтони с чековыми книжками и авторучками в руках. Смекнув, что присутствующие, должно быть, не вникли в суть дела, он, повинаясь актерскому инстинкту, решил повторить финальную часть речи:

– С-слушайте с-сюда! В-вы ук-крали м-мое время. П-поньли предложение? С-сагласны с дов-дами? Все, что м-мне н-надо – с-сколько обль-гаций Св-вабоды?

– Эй ты, послушай-ка! – прервал излияния Энтони новый голос. Дородный мужчина с лицом, симметрично украшенным золотистыми завитками волос, вышел из стеклянной будки и, по-медвежьи переваливаясь, двинулся на Энтони. – А ну-ка приди в себя!

– С-сколько? – упрямо твердил коммерсант. – В-вы отняли мое время...

– Эй ты! – рявкнул хозяин магазина. – Сейчас твоё время отнимет еще и полиция, потому что именно туда я тебя и сдам!

– Н-ни з-за что! – с вызовом парировал Энтони. – В-все, что хочу знать, – с-сколько!

Со всех концов магазина робкими облачками понеслись комментарии и увещевания:

– Какой кошмар!

– Да он же помешанный.

– Просто напился как свинья.

Хозяин магазина грубо схватил Энтони за руку.

– Убирайся, или я вызову полицию.

Остатки здравого смысла сделали свое дело, и Энтони, кивнув, принялся записывать акции в портфель.

– С-колько? – нерешительно повторил он.

– Весь полицейский участок, если понадобится! – прогрохотал его противник, свирепо топорща усы.

– Им все оптом и пр-рдам.

Придя к такому выводу, Энтони повернулся, с серьезным видом откланялся своим последним зрителям и, покачиваясь, покинул магазин. На углу нашел такси, которое довезло до дома, где он рухнул на диван и заснул крепким сном. Там-то и нашла мужа Глория. Его дыхание наполнило комнату едким запахом перегара, а рука все еще сжимала открытый портфель.

В редкие дни, когда Энтони не напивался, диапазон его ощущений был беднее и уже, чем у старика, сохранившего крепкое здоровье. В июле ввели «сухой закон», и вдруг обнаружилось: все, кто может себе позволить, стали пить еще больше, чем прежде. Каждый хозяин дома выставлял на стол бутылку по любому поводу. Тенденция

демонстрировать наличие спиртного была проявлением того же инстинкта, который заставляет мужчину вешать на жену драгоценности. Выпивка превратилась в предмет гордости и некий символ респектабельности.

По утрам Энтони просыпался измотанным, нервным и озабоченным. Тихие летние сумерки и лиловая прохлада утра не вызывали никаких эмоций. И каждый день лишь на краткое мгновение, ощущая теплоту обновленной жизни после первого коктейля с виски, его разум обращался к переливающимся яркими красками мечтам о грядущих наслаждениях. Таково общее наследие счастливых и обреченных. Но скоро радужному настроению наступал конец. По мере того как Энтони все больше пьянел, грезы тускнели, и он превращался в охваченный смятением беспокойный призрак. Блуждал в таинственных лабиринтах сознания, строил непредсказуемые планы. В лучшем случае испытывал непреодолимое презрение или погружался в глубокое уныние, вызванное пьяным отупением. Однажды июньским вечером он вконец рассорился с Мори из-за полной ерунды. На следующее утро припомнил, что все началось с разбитой бутылки шампанского. Мори посоветовал Энтони протрезветь, и тот, смертельно обидевшись, с видом оскорбленного достоинства поднялся из-за стола, схватил за руку умирающую со стыда Глорию и чуть ли не силой поволок в такси. А Мори остался с тремя несъеденными ужинами и билетами в оперу.

Подобные фиаско с оттенком трагизма вошли в привычку, и когда случались, Энтони уже ничего не предпринимал, чтобы загладить вину. Если Глория начинала возмущаться – хотя в последнее время она предпочитала погружаться в презрительное молчание, – он либо занимал глухую оборону и становился озлобленным, либо с мрачным видом уходил из дома. Но ни разу с того злополучного инцидента на перроне в Редгейте не поднял на Глорию руку, хотя сдерживал его лишь неясный инстинкт, и этот факт приводил Энтони в неистовую ярость. Несмотря на то что Глория по-прежнему оставалась для Энтони самым дорогим существом на свете, он все чаще испытывал к ней нарастающую ненависть.

Судьи отдела по апелляциям до сих пор не объявили официального решения, однако после очередной отсрочки наконец утвердили постановление суда низшей инстанции, при двух голосах против.

Теперь апелляционный иск был возбужден против Эдварда Шаттлуорта. Дело передавалось в суд последней инстанции, и супругам снова предстояло бесконечно долгое ожидание. Полгода, а может, год. Дело утратило реальность, стало далеким и недостижимым, как небеса.

В течение всей прошлой зимы мелкий, но неотступно преследующий вопрос отравлял жизнь. Дело касалось серой беличьей шубки для Глории. На Пятой авеню на каждом шагу встречались дамы, укутанные в беличьи меха. Женщины напоминали детскую игрушку «волчок». Выглядели свиноподобными и непристойными, похожими на содержанок, которые маскируют свое двусмысленное положение за счет богатства сего женского одевания в анималистическом стиле. Но несмотря ни на что, Глории хотелось серую беличью шубку.

В ходе обсуждения этого вопроса, а вернее, ссор по его поводу – так как чаще, чем в первый год семейной жизни, любая дискуссия перерастала в ожесточенную перепалку, где градом сыпались фразы «ну разумеется», «совершенно возмутительно», «и тем не менее это так» и верх выразительности «но несмотря на это», – они пришли к выводу, что позволить себе такую покупку не могут. И постепенно беличья шубка сделалась символом растущего беспокойства супругов по поводу создавшегося финансового положения.

Для Глории сокращение доходов представляло собой явление поразительное, беспрецедентное и не поддающееся объяснению. Сам факт, что нечто подобное могло происходить в течение пяти лет, воспринимался чуть ли не как жестокая насмешка злобного Господа Бога. Когда они с Энтони поженились, семь с половиной тысяч казались приличной для молодой пары суммой, особенно если принять во внимание ожидаемые миллионы. До Глории не доходило, что их доход уменьшается не только в количественном выражении, но одновременно падает и покупательная способность. Однако выплата пятнадцати тысяч задержанного гонорара мистера Хейта вдруг сделала этот факт абсолютно очевидным. После призыва Энтони в армию супруги подсчитали, что их доход составляет более четырех сотен в месяц, при том что доллар уже и тогда падал в цене. Тем не менее по возвращении Энтони в Нью-Йорк обнаружилось, что дела находятся в еще более плачевном состоянии. Капиталовложения приносили всего четыре с половиной тысячи в год. И хотя завершение дела о завещании

маячило заманчивым миражом, отодвигаясь с каждым разом все дальше, а опасная черта финансового краха приближалась с каждым днем, они решили, что жить, не выходя за рамки основного дохода, просто невозможно.

Итак, Глория обходилась без беличьих мехов и всякий раз, проходя по Пятой авеню, переживала по поводу своей изрядно поношенной коротенькой шубейки из шкуры леопарда, безнадежно вышедшей из моды. Каждый месяц приходилось продавать по облигации, и все равно после оплаты счетов оставшуюся сумму целиком поглощали ненасытные текущие расходы. По расчетам Энтони получалось, что их капитала хватит еще на семь лет. И потому сердце Глории переполнилось жестокой обидой. За одну неделю затянувшейся безумной оргии, во время которой Энтони, повинувшись эксцентричному капризу, сбросил с себя в театре пиджак, жилет и рубашку, после чего его удалось выдворить с помощью набросившихся всем скопом билетеров, они потратили сумму, вдвое превосходящую стоимость вожделенной беличьей шубки.

Стоял ноябрь, больше похожий на бабье лето, и теплая-претеплая ночь, никому не нужная, так как лето уже завершило свою работу. Бейсболист Бейб Рут впервые побил рекорд по «хоумранам», а Джек Демпси сломал челюсть Джессу Уилларду в Огайо. В Европе, как всегда, у определенного количества детей раздувались от голода животы, и дипломаты занимались привычным делом – охраняли покой в мире, готовя его к будущей войне. В Нью-Йорке «призывали к порядку» пролетариат, а на футбольных матчах за Гарвард, как правило, ставили пять против трех. Наступил настоящий мир, ознаменовавший начало новой эры.

Наверху, в спальне квартиры на Пятьдесят седьмой улице Глория ворочалась с боку на бок в постели, время от времени поднималась, чтобы сбросить мешавшее одеяло и попросить лежавшего рядом без сна Энтони принести стакан холодной воды. «Не забудь положить лед, – напутствовала она мужа. – Вода в кране теплая».

Сквозь прозрачные занавески виднелся лунный диск над крышами, а над ним – золотые отблески с Таймс-сквер. Глория смотрела на эти два не сочетающиеся между собой источника света, а сознание тщательно перерабатывало некое ощущение или, вернее, сложное переплетение разных ощущений. Они не давали покоя весь минувший

день, а также день вчерашний, и еще раньше, до того времени, когда она могла мыслить последовательно и ясно. То есть в период службы Энтони в армии.

В феврале ей исполняется двадцать девять лет. Этот месяц приобретал грозный, неотвратимо надвигающийся смысл, заставляя проводить в тягостных размышлениях наполненные смутной тревогой лихорадочные часы. Неотступно терзала мысль: не растратила ли она попусту свою начавшую едва заметно увядать красоту? И существует ли понятие полезности для любого качества, ценность которого ограничена суровыми моральными устоями, преодолеть которые невозможно?

Несколько лет назад, когда Глории исполнился двадцать один год, она написала в дневнике: «Красота существует лишь для того, чтобы ею восхищались, обожали, бережно собирали ее плоды, чтобы потом бросить их, подобно букету роз, своему возлюбленному, своему избраннику. И сейчас, насколько я могу судить, с моей красотой следует обращаться именно так...»

И теперь весь безжизненный ноябрьский день под грязно-белым небом Глория думала, что, возможно, ошибалась. Сохраняя в чистоте свой главный дар, она не искала новой любви. Когда пламя первой страсти потускнело, стало затухать, а потом и вовсе погасло, она решила сберечь... а что, собственно, она берегла все эти годы? Глория пришла в замешательство, так как перестала понимать, что именно лелеет: воспоминания о прежних чувствах или принципиальное понятие чести? Одолевали сомнения, имелись ли вообще какие-либо моральные принципы в выбранном образе жизни. Когда она без забот и сожалений прогуливалась по самой оживленной и радостной из существующих тропинок, хранила гордость, всегда оставаясь собой и делая только то, что казалось прекрасным. Всем мужчинам, начиная с первого мальчика в воротничке студента Итона, «девушкой» которого она считалась, и кончая случайно встреченным прохожим, чьи глаза, задержавшись на ней, вспыхнули оценивающим блеском, требовалась только ни с чем не сравнимая непорочность. И Глория вкладывала ее в каждый ненароком брошенный взгляд и очередную лишенную логики фразу. А она всегда имела обыкновение говорить бессвязными обрывочными предложениями, чтобы отдалиться на недостижимое расстояние в ореоле неземного сияния, окружив себя сплетением

пленительно прекрасных иллюзий. Для пробуждения лучших чувств в мужских душах, даря возвышенное счастье и столь же возвышенное отчаяние, нужно оставаться неприступно гордой и не допустить осквернения, даже растворяясь в нежности под властью неистовой страсти и желания принадлежать любимому.

Глория в глубине души понимала, что никогда не хотела иметь детей. Ее отталкивала приземленная реальность и невыносимая мысль о беременности, представляющей угрозу для красоты. Глории хотелось уподобиться наделенному разумом цветку и по возможности продлить такое существование, всячески оберегая себя. И пусть сентиментальность сколь угодно долго цепляется за иллюзии, но ироничная душа Глории коварно нашептывает, что материнство является привилегией самки бабуина. В мечтах ей виделись туманные образы воображаемых детей, которые всего лишь являлись безупречным символом ее ранней идеальной любви к Энтони.

В конце концов, только красота ее никогда не подводила. Глория не встречала красоты, равной своей. И все доводы, основанные на этике и эстетике, меркли перед роскошью своей реальностью белорозовыми ножками, девственно совершенным телом и по-детски пухлым ртом – материальным воплощением поцелуя.

В феврале ей исполняется двадцать девять. По мере приближения конца долгой ночи в Глории крепла уверенность, что она в компании со своей драгоценной красотой должна с максимальной пользой провести оставшиеся три месяца. Поначалу она не знала, как это осуществить, но постепенно решение созрело само по себе в виде давно манившего экрана. На сей раз Глория была настроена серьезно. Там, где нужда оказалась бессильной, к решительным действиям подтолкнул страх. Энтони во внимание не принимался. Убогий духом, сломленный жизнью слабак с налитыми кровью глазами. Хотя временами она все еще испытывает к мужу нежность. В феврале Глории исполнится двадцать девять – остается сто дней, это много. И завтра же она пойдет к Блокмэну.

Приняв такое решение, Глория почувствовала облегчение. Ее утешало, что каким-то образом можно продлить иллюзию красоты, запечатлеть на целлулоидной пленке, после того как реальная красота увянет. Итак, решено – завтра.

На следующее утро Глория проснулась больной и разбитой. Попыталась выйти на улицу и не упала только потому, что успела ухватиться за почтовый ящик возле парадной двери. Лифтер из Мартиники помог подняться наверх. Глория легла на кровать и стала ждать возвращения Энтони, у нее даже не хватило сил расстегнуть бюстгальтер.

Пять дней она пролежала с инфлюэнцей, которая, подобно свернувшему за угол и плавно перетекшему в зиму ноябрю, переросла в двустороннюю пневмонию. В затуманенном лихорадочным бредом сознании она бродила по неосвещенному дому, заглядывая в каждую комнату в поисках матери. Больше всего на свете Глории хотелось вновь стать маленькой девочкой, о которой заботится покладистая, но более совершенная сила, пусть не слишком умная, но более стойкая и надежная, чем она сама. А еще казалось, что единственный возлюбленный, которого она желала и ждала всю жизнь, так и остался плодом воображения.

Odi Profanum Vulgus^[7]

Однажды в разгар болезни с Глорией произошел странный случай, озадачивший приглашенную медсестру мисс Макговерн. Уже наступил полдень, но в комнате больной было темно и тихо. Мисс Макговерн стояла рядом с кроватью, готовя какое-то лекарство, как вдруг миссис Пэтч, которая до того крепко спала, села на кровати и разразилась страстной речью.

– Миллионы людей, – в неистовстве бормотала она, – карабкаются, как крысы, лопочут, словно обезьяны, и жутко смердят... обезьяны! Или, пожалуй, вши. За один-единственный, построенный с утонченной роскошью дворец... скажем, на Лонг-Айленде... или пусть даже в Гринвиче... за один дворец с картинами старых мастеров и изящными украшениями... с аллеями деревьев и зелеными лужайками, видом на синее море, с красивыми людьми в изысканных одеждах... Я бы пожертвовала сотнями тысяч, миллионами. – Она с трудом подняла руку и щелкнула пальцами. – Мне на них наплевать... ясно?

Во взгляде, которым одарили мисс Макговерн по завершении речи, светились странное лукавство и необычная сосредоточенность. С

коротким презрительным смешком миссис Пэтч упала на подушки и снова погрузилась в сон.

Мисс Макговерн недоумевала, стараясь понять, какие сотни тысяч и миллионы миссис Пэтч намеревалась принести в жертву ради своего дворца. В конце концов сиделка пришла к выводу, что это доллары... хотя вроде бы речь велась не о них.

Кинематограф

На дворе стоял февраль, и до дня рождения оставалось семь дней. Обильно выпавший снег заполнил поперечные улицы, как набившаяся в щели пола грязь, превращаясь в мокрое месиво, которое выдворялось в сточные канавы с помощью шлангов, принадлежащих отделу по очистке улиц. Переменчивый ветер, не ставший от того менее обжигающим и пронизывающим до костей, врывается в открытые окна гостиной, принося мрачные тайны темных переулков и унося в своем круговороте из квартиры Пэтчей затхлый запах табачного дыма.

Глория, закутанная в теплое кимоно, зашла в выстуженную комнату и, сняв телефонную трубку, позвонила Джозефу Блокмэну.

– Вы имеете в виду мистера Джозефа Блэка? – переспросила телефонистка на студии «Филмз пар экселенс».

– Блокмэн, Джозеф Блокмэн. «Бэ», «эль», «о»...

– Мистер Джозеф Блокмэн сменил имя, и теперь он Блэк. Желаете с ним поговорить?

– Ах да, разумеется. – Испытывая чувство неловкости, Глория вспомнила, как некогда прямо в лицо называла этого человека Блокхедом.

С его кабинетом соединили после обмена любезностями с еще двумя женскими голосами, последний из которых принадлежал личной секретарше мистера Блэка. Глорию попросили представиться... И только услышав в микрофоне журчание знакомого, но несколько холодноватого голоса, она вспомнила, что не виделась с Блокмэном уже три года. Итак, он сменил имя и называет себя Блэком.

– Мы можем встретиться? – спросила Глория непринужденным тоном. – Разумеется, по делу. Наконец-то я решила сниматься в кино.

– Очень рад. Всегда считал, что это занятие вам подойдет.

– Можно устроить для меня пробы? – осведомилась Глория самоуверенным тоном, свойственным всем красивым женщинам, а также женщинам, которые когда-либо считали себя таковыми.

Блокмэн заверил, что все зависит от ее желания посетить киностудию. В любое время? Прекрасно, он позвонит сегодня же и сообщит, когда прийти. Разговор завершился традиционным обменом любезностями с обеих сторон. А потом с трех до пяти Глория просидела у телефона – но безрезультатно.

На следующее утро пришло письмо, которое обрадовало и взволновало:

«Дорогая Глория! По счастью, мне на глаза попался один сценарий, который, по-моему, вас заинтересует. Мне бы хотелось, чтобы вы начали с роли, где вас заметят. В то же время, если такую красивую девушку, как вы, ввести в картину наравне с одной из побитых молью «звезд», что вечно доставляют массу хлопот на любой киностудии, пойдут ненужные толки. Но в фильме Перси Б. Дебриса есть роль молодой особы, которая, как мне кажется, просто создана для вас и принесет известность. В главных ролях заняты Уилла Сэйбл и Гастон Мирс, а вы, полагаю, могли бы сыграть младшую сестру героини.

В любом случае режиссер картины Перси Б. Дебрис согласен устроить пробы, если вы приедете на студию послезавтра, в четверг, в десять. Если время подходит, я вас встречу.

С наилучшими пожеланиями, всегда преданный вам
Джозеф Блэк».

Глория решила не посвящать в свои дела Энтони до окончательного прояснения ситуации и на следующее утро, пока муж спал, быстро оделась и выскользнула из дома. По ее мнению, в зеркале предстала та же картина, что и всегда. Однако Глория тревожилась, не осталось ли на лице следов болезни. Она еще не успела набрать свой обычный вес, и несколько дней назад ей показалось, что щеки слегка запали. Но потом решила, что это явление временное и сегодня она выглядит, как всегда, свежо. Глория надела новую шляпку и, поскольку погода стояла теплая, оставила шубейку из шкуры леопарда дома.

На студии «Филмз пар экселенс» о приходе Глории доложили по телефону и сообщили, что мистер Блэк сейчас спустится. Глория

осмотрелась. Появились две девушки в сопровождении толстого коротышки в пиджаке с прорезными карманами. Одна из девушек показала на стопку тонких пакетов высотой по грудь взрослому человеку и футов двадцати в длину, сваленных у стены.

– Студийная почта, – пояснил толстяк. – Фотографии «звезд», работающих с «Филмз пар экселенс».

– О!

– Каждая с автографом Флоренс Келли, Гастона Мирса или Макдоджа. – Он доверительно подмигнул. – Во всяком случае, когда какая-нибудь Минни Макглук из Саук-Сентр получит заветную фотографию, то непременно решит, что это настоящий автограф.

– Так они просто наштампованы?

– Разумеется. Чтобы подписать все фотографии, нужно заниматься этим по восемь часов в день. Говорят, Мэри Пикфорд рассылка фотографий ежегодно обходится в пятьдесят тысяч долларов.

– Подумать только!

– Да-да, пятьдесят тысяч. Но лучшего способа рекламы нет...

Троица скрылась из виду, и в этот момент появился Блокмэн, обходительный смуглолицый джентльмен, элегантно вписывающийся в сорокапятилетний возраст. Поприветствовав Глорию с сердечной любезностью, он заявил, что та несколько не изменилась за три года. Затем он проводил Глорию в просторный, словно оружейный склад, зал со множеством незнакомых предметов. Местами помещение пересекали мерцающие полосы света. На каждой декорации красовалась выведенная крупными белыми буквами надпись: «Гастон Мирс компани», «Макдодж компани» или просто «Филмз пар экселенс».

– Приходилось прежде бывать на киностудии?

– Нет, никогда.

Глории здесь нравилось. Отсутствовал удушающий запах грима и грязных кричащих костюмов, который несколько лет назад вызвал отвращение за кулисами Театра музыкальной комедии. Профессия киноактера окрашена в яркие утренние тона, и весь реквизит выглядит роскошным и новым. На съемочной площадке с декорациями в виде маньчжурских драпировок расхаживал самый настоящий китаец и выполнял подаваемые в мегафон команды. Он походил на огромную блестящую механическую куклу, что представляет поучительную

древнюю притчу в назидание современному поколению соплеменников.

К ним подошел рыжеволосый человек и заговорил с Блокмэном привычным почтительным тоном.

– Приветствую вас, Дебрис, – откликнулся Блокмэн. – Хочу представить миссис Пэтч. Как я уже говорил, она изъявила желание сниматься в кино. Ну ладно, куда нам пройти?

Мистер Дебрис – великий Перси Б. Дебрис, подумала Глория, – проводил их на площадку, имевшую вид кабинета. Вокруг камеры, установленной у переднего края площадки, стояли три стула, на которые они и уселись.

– Бывали раньше на киностудиях? – поинтересовался мистер Дебрис, окидывая Глорию взглядом, который являл собой воплощение проницательности. – Нет? Тогда я объясню, чем мы займемся. Прямо сейчас проведем так называемую пробу, чтобы выяснить, насколько вы фотогеничны и естественны в кадре и как воспринимаете указания режиссера. Нервничать не надо. Я просто попрошу оператора отснять несколько метров пленки с эпизодом, который отмечен в сценарии. А пока давайте решим, что нужно делать.

Он достал отпечатанный на машинке сценарий фильма и принялся объяснять эпизод, который предстояло сыграть. Оказывается, некая Барбара Уэйн тайно вышла замуж за младшего компаньона фирмы, чей кабинет и расположился на съемочной площадке. Вот Барбара случайно заходит в пустую комнату и, естественно, проявляет интерес к месту, где работает муж. Тут раздается телефонный звонок, и после некоторых колебаний она снимает трубку. И узнает, что мужа сбила машина и он погиб на месте. Барбара в смятении. Поначалу она не понимает, что произошло, но потом до нее доходит весь ужас случившегося, и девушка падает без чувств на пол.

– Вот, собственно, и все, что требуется, – сказал в заключение мистер Дебрис. – Я встану вот здесь и буду подсказывать, как себя вести, а вы должны сыграть сцену так, будто меня нет, то есть по своему усмотрению. Не бойтесь, мы не станем судить слишком строго. Просто хотим получить общее представление о вашем экранном образе.

– Понятно.

- Необходимый грим найдете в комнате за съемочной площадкой. Только не переусердствуйте. Особенно с красным.
- Понятно, – повторила Глория, кивая и нервно облизывая губы.

Проба

Глория вошла на площадку через настоящую деревянную дверь и тщательно ее за собой закрыла. И сразу же почувствовала неловкость по поводу своей одежды, не соответствующей случаю. Надо было купить что-нибудь более «девичье», пока еще можно позволить себе платье в подобном стиле. И оно стало бы выгодным вложением денег, удачно подчеркнув по-юношески грациозную фигуру владелицы.

Голос мистера Дебриса, донесшийся из ослепительно яркого пятна белого света, резким толчком вернул Глорию к действительности.

– Так, вы оглядываетесь, ищете мужа... его здесь нет... и вы начинаете осматривать кабинет...

До сознания Глории донеслось монотонное жужжание камеры. Звук вызывал раздражение. Она невольно бросила взгляд в сторону камеры и тут же встревожилась, правильно ли наложила грим. Потом усилием воли заставила себя играть сцену. Никогда в жизни движения собственного тела не казались такими неуклюжими и банальными, начисто лишенными выразительности и изящества. Глория праздно бродила по кабинету, брала в руки какие-то предметы, смотрела на них пустым взглядом. Потом принялась изучать потолок и пол и не имеющий никакого отношения к делу карандаш на письменном столе. Наконец, не в силах что-либо выразить, она не придумала ничего лучшего, как выдавить из себя улыбку.

– Так, хорошо. Теперь звонит телефон: дзынь-дзынь-дзынь. Вы медлите, а потом поднимаете трубку.

Глория изобразила нерешительность, а потом, как ей показалось, слишком быстро взяла трубку.

– Слушаю.

Голос звучал невыразительно и ненатурально. Слова разносились звоном по пустой площадке, лишенные жизненной силы, будто их произносит призрак. Нелепость предъявленных требований привела Глорию в смятение. Неужели предполагается, что она вот так, с ходу,

сможет поставить себя на место несурзной, недоступной для понимания нормального человека героини?

– Нет-нет, еще рано! Теперь слушайте: Джона Саммера сбила машина, и он скончался на месте!

Глория чуть приоткрыла детский ротик и тут же услышала:

– Бросайте трубку! С грохотом!

Она послушно выполнила указание режиссера, по-прежнему не отрывая широко раскрытых глаз от стола. Наконец-то она слегка приободрилась, чувствуя, как растет уверенность в своих силах.

– Господи! – воскликнула Глория и подумала, что голос звучит неплохо. – О Боже мой!

– Теперь падайте без чувств!

Подавшись вперед, она упала на колени, а потом рухнула ничком на пол и замерла, не дыша.

– Хорошо, хватит! – крикнул мистер Дебрис. – Достаточно, благодарю. Все, вставайте.

Глория поднялась, отряхнула юбку, пытаясь выглядеть достойно.

– Ужасно! – выдохнула она с натянутым смешком, чувствуя, как бешено колотится сердце. – Отвратительно, правда?

– Вам не понравилось? – осведомился мистер Дебрис с любезной улыбкой. – Показалось тяжело? Ничего не могу сказать, пока не просмотрю отснятый материал.

– Разумеется, – согласилась Глория, стараясь уловить скрытый смысл в его замечании, но не сумела. Обычные дежурные слова, которые и следовало сказать, чтобы не слишком обнадеживать.

Затем она покинула студию. Блокмэн обещал сообщить результат пробы в ближайшие дни. Слишком гордая, чтобы настаивать на более конкретном ответе, Глория вдруг ощутила сбивающую с толку неуверенность. Только сейчас, когда решительный шаг был сделан, она поняла, насколько в последние три года стала привычной поселившаяся в глубинах сознания мысль об успешной карьере в кино. Всю ночь Глория мысленно перебирала каждую деталь, которая могла повлиять на решение в ее пользу или наоборот. Тревожило, хорошо ли она загримировалась и не слишком ли серьезно себя вела на площадке, пробуясь на роль двадцатилетней девушки. Совсем не нравилась собственная игра. Первый выход был ужасным. По сути дела, до сцены с телефоном она никак не могла себя проявить – а потом проба

закончилась. Если бы они только поняли! Глории страшно хотелось попытаться еще раз. Тут же возникла безумная идея позвонить утром на студию и попросить, чтобы устроили повторную пробу. Но этот порыв угас так же внезапно, как и появился. Снова просить Блокмэна об одолжении казалось шагом невежливым и недипломатичным.

На третий день ожидания Глория пребывала в крайне взвинченном состоянии и, не переставая, покусывала внутреннюю часть щеки, пока та не превратилась в кровоточащую рану и вызывала жгучую боль, когда ее промывали листерином. Она так самозабвенно ссорилась с Энтони, что тот в приступе ярости удрал из дома. Необычная холодность жены сильно напугала, и через час он позвонил, извинился и сообщил, что ужинает в клубе «Амстердам», единственном, в котором пока сохранил членство.

Уже шел второй час. Позавтракала Глория в одиннадцать и теперь решила перед ленчем прогуляться в Центральном парке. Почту принесут в три, а к этому времени она успеет вернуться.

Стоял один из теплых дней, какие случаются наступившей раньше положенного срока весной. На дорожках парка подсыхали лужицы, и маленькие девочки с серьезным видом катали под редкими деревьями белые коляски с куклами. За ними следом шли парами скупающие нянюшки, обсуждая между собой страшные тайны, которые обычно интересуют женщин их профессии.

Золотые часики Глории показывали два. Надо бы купить новые, те овальные из платины, инкрустированные бриллиантами. Только стоят они подороже беличьей шубки и сейчас недоступны, впрочем, как и все остальное. Если только дома ее не ждет нужное письмо, то самое, что исправит положение... примерно через час, а точнее, пятьдесят восемь минут. Десять минут, чтобы добраться до дома, остается в запасе сорок восемь... нет, уже сорок семь минут.

Девочки с невозмутимым видом катали коляски по залитым солнцем, но еще не просохшим дорожкам, нянюшки болтали о своих невероятных тайнах. Кое-где появлялись потрепанного вида мужчины, присаживались на влажные скамейки с расстеленными газетами. Они не имели ничего общего с этим восхитительным сияющим днем и наводили на мысли о грязном снеге, который на последнем издыхании дремал по закоулкам в ожидании истребления.

Прошла целая вечность. Глория зашла в вестибюль и увидела лифтера из Мартиники, который застыл нелепой фигурой в пятне света, падающего сквозь витражное стекло.

– Есть для нас почта? – поинтересовалась Глория.

– Наверху, мадам.

Мерзко взвизгнула панель управления, и Глория терпеливо ждала, пока лифтер возился с телефоном. Лифт со стонами двинулся наверх, вызывая тошноту: этажи проплывали мимо застывшими во времени столетиями, и каждый, исполненный важности, сулил беду и обличал. Письмо белым струпом проказы валялось на грязном кафельном полу в прихожей.

«Дорогая Глория! Вчера днем мы просмотрели отснятую пробу, и у мистера Дебриса создалось впечатление, что роль рассчитана на более молодую женщину. Он отметил неплохую игру и сказал, что еще есть характерная роль заносчивой богатой вдовы, которую, по его мнению, вы могли бы...»

Взгляд убитой горем Глории заскользил вверх, пока не остановился на нише под окном. Но противоположной стены она не видела, так как серые глаза застилали слезы. Глория прошла в спальню, комкая в руке письмо, и опустилась на колени перед высоким зеркалом, встроенным в створку платяного шкафа. Сегодня ее двадцать девятый день рождения, и мир медленно тает перед глазами. Она попробовала себя убедить, что дело в неудачном гриме, но все чувства были до предела обострены и не реагировали на увещевания, которые предлагал разум.

Глория напряженно всматривалась в свое лицо, пока не свело скулы. Да, щеки чуть впалые, а от уголков глаз разбегаются в разные стороны тоненькие морщинки. И глаза стали другими. Да, они определенно не такие, как прежде! И вдруг Глория поняла, какие у нее сейчас усталые глаза.

– Ах, мое прелестное личико! – страстно зашептала она с отчаянием. – Милое мое личико! Не хочу жить без моего прекрасного личика! Господи, что же с ним стало?

Потом она еще ближе склонилась к зеркалу и, как на кинопробе, упала ничком на пол и разрыдалась. Впервые в жизни движения Глории выглядели неуклюжими.

Глава третья

Нет вопросов!

Уже целый год Энтони и Глория вели себя как актеры, растерявшие костюмы и утратившие гордость, и этот факт не позволял доиграть пьесу на трагической ноте. А потому, когда однажды вечером миссис и мисс Халм отказались узнать их при встрече в отеле «Плаза», все объяснялось просто – они, подобно большинству людей, питали отвращение к зеркальным отражениям своей атавистической сущности.

Новая квартира, за которую супруги платили восемьдесят пять долларов в месяц, находилась на Клермонт-авеню, в двух кварталах от реки Гудзон, в туманных закоулках улиц под сотыми номерами. Они прожили здесь уже месяц, когда однажды вечером в гости наведальась Мюриэл Кейн.

Спустились дивные, безупречные сумерки на исходе весны. Энтони возлежал на диване, созерцая Сто двадцать седьмую улицу, ведущую к реке. Поблизости виднелся лишь одинокий клочок зелени, засаженный деревьями, которые сулили Риверсайд-драйв жалкое подобие тени. За рекой просматривалась полоска скал Пэлисейдс, увенчанная уродливым каркасом парка аттракционов. Но вскоре с наступлением темноты паутина из металла засверкает на фоне неба, словно заколдованный дворец, вознесшийся над мягким блеском вод тропического канала.

На соседних улицах, как обнаружил Энтони, играли дети, и улицы эти выглядели немногим лучше тех, что попадались по дороге в Мариэтту. Примерно в том же духе, кое-где с шарманками и девушками, которые прохладным вечером прогуливаются парами до аптеки на углу, чтобы купить мороженое с крем-содой, и предаются безудержным мечтаниям под низко нависшим над головой небом.

Темнеет, и играющие внизу дети что-то возбужденно выкрикивают, но их слова не долетают до открытых окон. И Мюриэл, что пришла навестить Глорию, разговаривает с Энтони из погруженного в темноту противоположного угла комнаты.

– Зажги лампу. Что за радость сидеть в потемках, – попросила она. – Без света здесь как-то уж больно мрачно.

Преодолевая усталость, он поднялся и исполнил просьбу; серые просветы оконных стекол исчезли. Энтони потянулся. За последнее время он отяжелел, над ремнем нависал дряблый живот, все тело раздалось и обрюзгло. Энтони исполнилось тридцать два года, а его разум превратился в беспорядочное нагромождение наводящих уныние руин.

– Хочешь выпить, Мюриэл?

– Нет уж, уволь. Я с этим покончила. А чем ты сейчас занимаешься, Энтони? – поинтересовалась гостя.

– Ну, все время отнимает судебный процесс, – безразличным голосом откликнулся он. – Дело передали в апелляционный суд – к осени все должно решиться в ту или иную сторону. Возникли возражения по поводу полномочий апелляционного суда рассматривать подобные случаи.

Мюриэл, склонив голову набок, прищелкнула языком.

– Подумать только! Никогда не слышала, чтобы судебное разбирательство тянулось так долго.

– Так происходит со всеми делами по завещаниям, – бесцветным голосом пояснил Энтони. – Говорят, только в редких случаях на них уходит меньше четырех-пяти лет.

– О Господи! – Тут Мюриэл отважно поменяла курс: – А почему тебе не устроиться на работу, лодырь!

– Куда? – спросил в лоб Энтони.

– Да куда угодно. Ты ведь еще молод.

– Если это комплимент, весьма признателен, – сухо откликнулся он и неожиданно скучающим голосом добавил: – Неужели тебя и правда беспокоит мое нежелание работать?

– Меня – нисколько, а вот многих людей, которые утверждают, что...

– Господи! – горестно воскликнул Энтони. – Похоже, за три года не слышал в свой адрес ничего, кроме диких выдумок и глупых наставлений, якобы преследующих благую цель. Надоело! Если не желаете с нами знаться, оставьте в покое. Я же не обременяю своей персоной так называемых бывших друзей. И не нуждаюсь ни в благотворительных визитах, ни в критических замечаниях под видом дружеского совета. – Секунду помолчав, он заговорил извиняющимся тоном: – Прости, Мюриэл, но правда, не стоит корчить из себя

благодетельницу, добровольно вызвавшуюся поработать в трущобах, даже если пришла в гости к «низам среднего класса». – Энтони с упреком посмотрел на нее покрасневшими глазами – глазами, которые некогда поражали бездонной, ничем не замутненной синевой, а теперь выглядели измученными и подслеповатыми, вконец испорченными чтением в пьяном виде.

– Разве можно говорить такие ужасные вещи? – возмутилась Мюриэл. – Тебя послушать, так получается, вы с Глорией принадлежите к низшему классу.

– А к чему притворяться, что мы к нему не имеем отношения? Ненавижу людей, строящих из себя утонченных аристократов, когда они не способны создать даже видимость и соблюсти внешние приличия.

– По-твоему, чтобы считаться аристократом, надо непременно иметь деньги?

Ну, Мюриэл... перетрусившая демократка!

– Разумеется. Аристократизм – это лишь признание факта, что определенные черты, которые свидетельствуют о благородстве, к примеру, мужество, честь, красота и тому подобное, развиваются наилучшим образом в благоприятных условиях, где их не уродуют невежество и нужда.

Мюриэл, закусив нижнюю губу, качала из стороны в сторону головой.

– А я скажу, что если ты из хорошей семьи, то на всю жизнь останешься славным человеком. В этом-то и заключается ваша с Глорией беда. Решили, если сейчас дела не слишком хороши, старые друзья стараются избежать общения с вами. Вы чересчур обидчивые...

– На самом деле, – перебил Энтони, – ты ведь ничего не знаешь. Для меня это вопрос гордости, а Глория в кои-то веки проявила достаточно благоразумия, согласившись не появляться там, где нас не хотят видеть. А люди не желают с нами общаться. Мы прямо-таки идеальный образец, недостойный подражания.

– Чепуха! И не пытайся омрачить пессимизмом солнечную террасу. Думаю, следует выбросить из головы все нездоровые мысли и пойти работать.

– Вот я весь перед тобой, мне тридцать два года. Предположим, я найду место в какой-нибудь идиотской конторе и, возможно, через два

года стану получать пятьдесят долларов в неделю. Если повезет и я вообще сумею найти работу. Ведь кругом полно безработных. Ладно, допустим, мне дадут пятьдесят долларов в неделю. Неужели думаешь, это сделает меня счастливее? Действительно веришь, что я смогу выдержать такую жизнь, если не получу дедовское наследство?

Мюриэл любезно улыбнулась.

– Ну, – заметила она, – возможно, это и умно, только полностью лишено здравого смысла.

Вскоре появилась Глория, и вместе с ней в комнату словно вошло темное облако неясной грусти. Она обрадовалась, увидев Мюриэл, но воли чувствам не дала, а Энтони лишь небрежно бросила «Привет!».

– Мы вот с твоим мужем занимаемся обсуждением философских вопросов, – сообщила неугомонная мисс Кейн.

– Затронули ряд фундаментальных понятий, – пояснил Энтони со слабой улыбкой, от которой чуть дрогнули щеки, казавшиеся еще бледнее под двухдневной щетиной.

Не замечая его иронии, Мюриэл изложила предмет спора, после чего Глория с невозмутимым видом ответила:

– Энтони прав. Никакого удовольствия выходить в люди, если все время ловишь на себе определенного рода взгляды.

– А по-моему, – вмешался в их разговор Энтони, не в силах скрыть нахлынувшую горечью, – уж если Мори Ноубл, что считался моим лучшим другом, не желает с нами встречаться, самое время перестать докучать людям. – В его глазах застыли слезы обиды.

– Ну, что касается Мори Ноубла, сам виноват, – холодно заметила Глория.

– Неправда.

– Чистая правда.

Мюриэл поспешила вмешаться:

– На днях я встретила девушку, которая знакома с Мори Ноублом. Так вот она говорит, что Мори бросил пить. И вообще стал ужасно скрытным.

– Не может быть!

– Вообще не пьет и зарабатывает уйму денег. Он сильно изменился после войны. Собирается жениться на девушке из Филадельфии, Сэси Ларрэби, миллионерше... Во всяком случае, такие ходят слухи.

– Ему тридцать три года, – размышлял вслух Энтони. – Трудно представить, что он женится. Я всегда считал его человеком выдающимся.

– Был таким когда-то, – буркнула Глория, – в некотором роде.

– Но люди выдающиеся не посвящают себя бизнесу. Или посвящают? И что становится с теми, кого хорошо знал и с кем имел много общего?

– Вы отдаляетесь и становитесь чужими, – предположила Мюриэл с мечтательным видом.

– Люди меняются, – заключила Глория. – И все те качества, которые они не используют в повседневной жизни, покрываются паутиной.

– Во время последней встречи Мори заявил о намерении трудиться и забыть, что работать вообще ни ради чего не стоит, – припомнил Энтони.

Мюриэл тут же ухватила за его слова.

– Вот и тебе нужно последовать его примеру! – воскликнула она с ликующим видом. – Разумеется, я не верю, что кто-нибудь станет работать бесплатно. Но по крайней мере хоть будет чем заняться. А как вы вообще проводите время? Вас не видно в «Монмартре», да и вообще нигде. Неужели экономите?

Глория презрительно хмыкнула, поглядывая на мужа.

– Ну, – обиделся Энтони, – и над чем смеешься?

– Сам знаешь над чем, – невозмутимо ответила она.

– Над тем ящиком виски?

– Именно. – Она обратилась к Мюриэл: – Вчера мой муж выложил семьдесят пять долларов за ящик виски.

– И что из этого следует? Гораздо дешевле, чем покупать бутылками. И не надо делать вид, что ты не станешь его пить.

– По крайней мере я не пью в дневное время.

– Действительно, какое тонкое различие! – в бессильном гневе выкрикнул Энтони, вскакивая на ноги. – И вообще будь я проклят, если позволю всякий раз тыкать мне в нос этим несчастным виски и изводить попреками!

– Но я говорю правду.

– Ничего подобного! Осточертело выслушивать критику в свой адрес, да еще в присутствии гостей! – Энтони взвинтил себя до

предела, и было заметно, как дрожат у него руки и плечи. – Значит, считаешь, во всем виноват я. Будто не ты подбиваешь меня на ненужные расходы... да и вообще изводишь на себя гораздо больше денег, чем я.

Теперь уже с места вскочила Глория.

– Не позволю разговаривать со мной в подобном тоне!

– И не надо, черт возьми!

Энтони стремительно выбежал из комнаты, и женщины услышали его шаги в коридоре, а потом с грохотом закрылась парадная дверь. Глория сидела, откинувшись в кресле, и лицо ее при свете лампы казалось обворожительным, спокойным и непроницаемым.

– О! – горестно воскликнула Мюриэл. – Что происходит?

– Ничего особенного. Он просто пьян.

– Пьян? Не может быть, Энтони – абсолютно трезвый. Он говорил...

Глория только покачала головой:

– А ничего и не заметно, пока он способен держаться на ногах. И говорит складно, если не волнуется. Да, говорит он даже лучше, чем в трезвом виде. Только ведь Энтони сидел весь день и пил, не считая времени, которое ушло на покупку газеты в киоске на углу.

– Ох, какой ужас! – Мюриэл искренне расстроилась, и на глаза навернулись слезы. – И часто такое случается?

– Часто ли он напивается?

– Нет, убегает из дома.

– Да, часто. Явится около полуночи, расплатится и станет просить прощения.

– А ты?

– Не знаю. Просто живем дальше, вот и все.

Две женщины сидели при свете лампы и смотрели друг на друга, каждая на свой лад беспомощная перед лицом действительности. Глория была по-прежнему красива, как всегда – с горящими румянцем щеками, в новом платье, опрометчиво купленном за пятьдесят долларов. Она надеялась уговорить Энтони сходить сегодня вечером в ресторан или в один из роскошных кинодворцов, где несколько мужчин обратят на нее внимание и ей, в свою очередь, не будет противно на них смотреть. Глории хотелось развеяться, потому что щеки пылали румянцем и новое платье очень ей шло, подчеркивая по-

девичьи хрупкую фигуру. Приглашения теперь супруги получали крайне редко. Но Мюриэл она об этом не сказала.

– Глория, дорогая, как хотелось бы вместе поужинать, но я уже пообещала одному человеку. Ох, уже половина восьмого, мне надо бежать.

– Ну, в любом случае все равно ничего бы не вышло. Весь день плохо себя чувствую, и в рот ничего не лезет.

Проводив Мюриэл до двери, Глория вернулась в комнату, выключила свет и, опершись локтями о подоконник, стала всматриваться в парк «Пэлисейдс», где в сверкающем огнями колесе обозрения, как в дрожащем зеркале, отражались лунные блики. Улица опустела, дети разошлись по домам, в доме напротив семья садилась ужинать. Люди то принимались бесцельно расхаживать вокруг стола, то садились, и, глядя на их нелепые движения, казалось, что кто-то ради забавы небрежно дергает их за ниточки.

Глория взглянула на часы. Уже восемь. Часть дня все же она провела с удовольствием. Сразу после полудня, когда прогуливалась по Бродвею, там, где он соединяется с Гарлемом, в районе Сто двадцать пятой улицы. Чуткие ноздри ловили разнообразные запахи, и вдруг ее неожиданно поразила необыкновенная красота итальянских детишек. Открытие повлияло на нее странным образом. Такое же действие в свое время оказывала Пятая авеню, когда Глория с безмятежной верой в свою красоту не сомневалась, что улица целиком принадлежит ей, каждый магазин со всем содержимым, и игрушки для взрослых, выставленные в сверкающих витринах... стоит лишь захотеть. А здесь, на Сто двадцать пятой улице, ходили отряды Армии спасения, на порогах домов сидели старухи в пестрых шالях, детишки с сияющими на солнце волосами сжимали в грязных ручонках липкие леденцы... и предзакатное солнце, роняющее лучи на стены высоких многоквартирных домов. Повсюду богатый пряный колорит, как блюдо, приготовленное бережливым французским шеф-поваром. Не можешь удержаться и ешь с удовольствием, хотя и подозреваешь, что приготовлено оно, вероятнее всего, из разных остатков...

Глория вздрогнула от неожиданности, услышав стон паровой сирены, донесшийся с реки и пролетевший над темными крышами. Она отклонилась назад и, когда воздушная занавеска соскользнула с плеч, включила свет. Уже было поздно. Припомнила, что в кошельке

осталась какая-то мелочь, и сразу же оказалась перед выбором: спуститься вниз и выпить кофе с булочкой у станции метро, где вырвавшаяся на свободу подземка превращает Манхэттен-стрит в ревущую пещеру, или довольствоваться бутербродом с опостылевшей ветчиной у себя на кухне.

Через час воцарившаяся в комнате тишина сделалась невыносимой. Взгляд Глории бесцельно скользил от журнала к потолку, задерживаясь там на некоторое время. Вдруг она резко поднялась с места, чуть помедлила, покусывая палец, а затем подошла к буфету, взяла с полки бутылку виски и налила в стакан. Разбавив напиток имбирным сидром, она вернулась в кресло и дочитала статью в журнале. Там рассказывалось о последней вдове времен Войны за независимость, которая юной девушкой вышла замуж за старика ветерана Континентальной армии и умерла в 1906 году. Это показалось Глории страшно романтичным и странным – ведь эта женщина была ее современницей.

Перевернув страницу, она узнала, что кандидат в члены конгресса обвиняется оппонентом в атеизме. Однако удивление Глории тут же прошло, когда выяснилось, что обвинение ложное. Кандидат всего лишь отрицал вероятность чуда с пятью хлебами и двумя рыбами, но признался под нажимом, что верит в хождение по морю аки посуху.

Допив первый стакан, Глория налила вторую порцию. Переодевшись в халат и удобно устроившись на кушетке, она вдруг осознала, что несчастна, и по щекам градом покатились слезы. Глория задумалась об их причине: возможно, она просто жалеет себя. Сделала над собой усилие, чтобы перестать плакать. Но жалкое существование без искры надежды на счастье угнетало, и она только без конца покачивала из стороны в сторону головой. Дрожащие уголки губ опустились, будто их обладательница не желала смириться с приговором, вынесенным неизвестно кем и бог весть где. Глория не ведала, что этот жест стар как мир и нестерпимое, неизбывное горе научило сотни поколений выражать с его помощью неприятие, протест и растерянность перед лицом силы, более могущественной и неумолимой, чем сам Господь Бог, сотворивший человека по своему образу и подобию. Силой, перед которой Господь, существуй он на самом деле, оказался бы тоже беспомощным. И суть трагедии заключается в том, что эта сила никогда не дает ни ответов, ни

объяснений, она неуловима, как воздух, и материальна в своей неотвратимости, как смерть.

Ричард Кэрамел

В начале лета Энтони перестал быть членом клуба «Амстердам», последнего, где еще до сих пор состоял. Он посещал клуб не чаще двух раз в год, и уплата членских взносов легла на плечи непосильным бременем. Энтони вступил в «Амстердам» после возвращения из Италии, потому что его посещали дед и отец, а еще потому, что при возможности его членом без долгих размышлений стал бы любой здравомыслящий человек. Однако Энтони отдавал предпочтение «Гарварду», главным образом потому, что туда ходили Дик и Мори. Правда, с возникновением финансовых проблем «Амстердам» превратился для него в игрушку, которая с каждым днем становится все желаннее... Но в конце концов с ней, несмотря на некоторое огорчение, пришлось расстаться.

С десяток нынешних приятелей Энтони представляли собой прелюбопытную компанию. С некоторыми из них он познакомился в заведении под вывеской «У Сэмми» на Сорок третьей улице, куда, постучавшись в дверь и получив разрешение на вход от охранника из-за решетки, можно было зайти и посидеть за большим круглым столом, попивая вполне сносное виски. Именно там Энтони встретил человека по имени Паркер Эллисон, который в свое время считался отъявленным бездельником в Гарварде, а сейчас торопился промотать перепавшее по случаю внушительное состояние. Понятие Паркера Эллисона об оригинальности заключалось в том, чтобы разъезжать по Бродвею в красно-желтом гоночном автомобиле с двумя разодетыми в пух и прах девицами с пустым взглядом. Паркер относился к типу мужчин, предпочитающих ужинать в обществе не одной, а двух дам, по той причине, что у него попросту не хватало фантазии поддерживать диалог.

Помимо Эллисона, был еще Пит Лайтелл, расхаживающий в сером котелке набекрень. Всегда при деньгах, он обычно пребывал в бодром расположении духа, а потому Энтони все лето и осень вел с ним беспредметные, нудные беседы и обнаружил, что Лайтелл не только говорит, но и думает заученными фразами. Его философия состояла из череды таких фраз, схваченных там и сям в процессе бурной и беспечной жизни. У Лайтелла имелись в запасе заготовленные

высказывания о социализме, общеизвестные с незапамятных времен, и о том, что у каждого существует свой бог... а еще о крушении поезда, свидетелем которого он стал, и об ирландской проблеме, о женщинах, вызывающих уважение, и о бесполезности «сухого закона». Единственный раз его речь все же возвысилась над привычным словоблудием, при помощи которого Лайтелл освещал наиболее экстравагантные события в своей богатой происшествиями жизни. Тогда он принялся во всех подробностях обсуждать плотские радости жизни. Оказывается, сей джентльмен был гурманом, тонким знатоком вин и ценителем определенного типа женщин, которому отдавал предпочтение.

Лайтелл являл собой пример самого обычного и вместе с тем выдающегося продукта цивилизации. Он принадлежал к девяти из десятка людей, которых ежедневно встречаешь на городской улице, – и при этом был не лучше лишенной шерсти обезьяны, в распоряжении которой два десятка ужимок и трюков. Он стал героем тысячи романов в жизни и искусстве. И одновременно являлся полным идиотом, степенно и вместе с тем до абсурда нелепо играющим роль в замысловатых и вызывающих неизменное изумление эпических шедеврах на протяжении шести десятков лет.

Вот с такими людьми, как эти двое, Энтони Пэтч пил и вел дискуссии, снова пил и снова спорил. Они нравились Энтони, потому что ничего о нем не знали, жили очевидным и банальным, не подозревая о неотвратимой, неразрывной целостности окружающего мира. Смотрели не фильм с последовательно сменяющимися кадрами, а покрытые плесенью диапозитивы в устаревшем фильмоскопе, с застывшими картинками и перепутанным текстом. Но джентльменов это нимало не смущало в силу полного отсутствия способности пережить подобное чувство. Из месяца в месяц они меняли фразы, как меняются галстуки.

Обходительный, утонченный и проницательный Энтони ежедневно напивался «У Сэмми» вместе с приятелями или у себя дома за книгой, которую знал почти наизусть. И очень редко с Глорией, проявлявшей, по его мнению, все признаки сварливой и несносной жены. Конечно, это была уже не та Глория прежних лет, которая, заболев, предпочитала сделать несчастными всех вокруг, чем признаться, что нуждается в сочувствии и помощи. Теперь она опускается до хныканья

и жалости к себе. Каждый раз перед сном густо намазывает лицо каким-то кремом, который, как она по глупости надеется, вернет сияющую свежесть увядающей красоте. В пьяном виде Энтони донимал жену язвительными насмешками по этому поводу. В моменты трезвости он был любезен с Глорией, а порой даже нежен. Казалось, на короткое время к нему частично возвращалась былая способность тонко чувствовать и так хорошо понимать человека, что для обвинений не оставалось места. Вот это качество, которое являлось главным достоинством Энтони, стремительно и неуклонно вело его к гибели.

Жить на трезвую голову Энтони уже не мог, это будило в душе ненависть. Тогда он осознавал присутствие людей, тот дух борьбы и ненасытного честолюбия, надежду, что омерзительнее отчаяния постоянное скольжение вверх-вниз, которое в каждом крупном городе наиболее заметно среди неустойчивого среднего класса. Не имея возможности жить среди богатых, он решил, что может существовать только среди самых бедных. Все, что угодно, только не эта чаша, наполненная потом и слезами.

Энтони никогда в полной мере не ощущал всей необъятности бурлящей вокруг жизни, а теперь это чувство едва тлело, готовое вот-вот окончательно погаснуть. Теперь очень редко какое-либо происшествие или поступок Глории будили интерес – и тут же неумолимо опускалась тяжелая серая завеса. С возрастом все чувства поблекли и притупились, и в утешение осталось только вино.

Опьянение приносило облегчение и придавало всему вокруг неопишуемый глянец, как воспоминания о мимолетных, давно угасших вечерах. После нескольких коктейлей с виски здание «Буш терминал» приобретало магическое сияние сказок «Тысячи и одной ночи», а его роскошный шпиль сверкал золотом на фоне недостижимых небес. И даже грубовато-пошлая Уолл-стрит снова символизировала торжество золота. Пышное, полное смысла зрелище. Именно здесь великие короли бизнеса хранят свои деньги для грядущих войн.

Плоды юности или ягоды на виноградной лозе, мимолетное волшебство краткого перехода из тьмы во тьму – древняя иллюзия, что правда и красота неведомым образом переплетаются между собой.

Однажды вечером, стоя у ресторана «Дельмонико», Энтони закурил сигарету и тут заметил два двухколесных экипажа,

подъехавших к самому бордюру в ожидании подвыпивших клиентов. Экипажи были старыми и изношенными: лакированная кожа сморщилась, как лицо старика, а подушки вытерлись до коричневатого оттенка. Даже лошади казались древними и измученными, под стать двум седовласым кучерам, которые, пристроившись на облучке, с показной удалью щелкали кнутами. Остатки минувшей веселой жизни!

Поддавшись неожиданно накатившему унынию, Энтони Пэтч пошел прочь, размышляя о горечи, которая неизменно сопутствует такой долговечности. И получалось, что самым скоропортящимся продуктом является наслаждение.

Однажды днем, впервые за много месяцев, Энтони встретил на Сорок второй улице Ричарда Кэрамела, процветающего и растолстевшего Ричарда Кэрамела, чье лицо настолько округлилось, что вполне соответствовало его выпуклому «бостонскому» лбу.

– Только на этой неделе вернулся с побережья. Собирался тебе позвонить, но не знал вашего нового адреса.

– Мы переехали.

От внимания Ричарда Кэрамела не ускользнула заношенная рубашка Энтони и не слишком сильно, но достаточно заметно потрепанные манжеты, а также припухлые полукружия под глазами цвета сигарного дыма.

– Так я и думал, – откликнулся Дик, сверля приятеля ярко-желтым глазом. – А где же Глория? Как она? Господи, Энтони, даже до Калифорнии доходят совершенно невероятные слухи о ваших похождениях. А когда я вернулся в Нью-Йорк, ты вообще куда-то пропал. Почему не попробовать взять себя в руки?

– А теперь послушай меня, – сбивчивой скороговоркой начал Энтони. – На долгую лекцию у меня не хватит сил. Мы теряем деньги где только можем, и, естественно, среди людей пошли толки... что касается судебного процесса, окончательное решение станет известно этой зимой... да, наверняка...

– Ты так тараторишь, что я ничего не могу разобрать, – с невозмутимым видом перебил Дик.

– Я сказал все, что намеревался, – огрызнулся Энтони. – Если желаешь, навести нас, а не хочешь – не приходи!

С этими словами он повернулся и пошел прочь, сливаясь с толпой, но Дик его догнал и схватил за руку.

– Послушай, Энтони, только не надо заводится с пол-оборота! Ведь Глория – моя кузина, а ты – лучший друг, а потому нет ничего удивительного, что я не могу оставаться спокойным, когда слышу, как ты катишься в пропасть и тащишь за собой Глорию.

– Не желаю выслушивать нотации.

– Ну ладно, успокойся. А не зайти ли нам ко мне и немного выпить? Я только что обустроился. Купил три ящика джина «Гордонс» у таможенного чиновника.

Приятель пошел по улице вместе, и Дик, уже не скрывая раздражения, спросил:

– А что с деньгами твоего деда, ты их когда-нибудь получишь?

– Видишь ли, – принялся возмущенно объяснять Энтони, – старый дурак Хейт на что-то надеется, особенно сейчас, когда людям надоели глупые реформы. Понимаешь, это может сыграть свою роль. Вот если, к примеру, судья решит, что по милости Адама Пэтча ему теперь трудно достать спиртное.

– Без денег не проживешь, – нравоучительно заметил Дик. – А ты в последнее время не пробовал писать?

Энтони молча покачал головой.

– Странно как-то получается, – произнес задумчиво Дик. – Я всегда думал, что вы с Мори рано или поздно займетесь писательским трудом, но он превратился в скупердяя-аристократа, а ты...

– Я неудачный пример.

– Интересно почему?

– Ты, вероятно, думаешь, что знаешь, в чем дело, – предположил Энтони, стараясь сосредоточиться. – И неудачник, и человек везучий оба в душе верят, что у них гармоничный взгляд на жизнь. Удачливый так считает, потому что преуспел, а невезучий – потому что вечно терпит поражение. Человек успешный учит сына извлекать выгоду из отцовского везения, а неудачник советует сыну учиться на ошибках отца.

– Не могу согласиться. В молодости я привык слушать вас с Мори, и ваши рассуждения производили на меня впечатление, потому что вы были так последовательно циничны. Но теперь... Господи, да, в конце концов, к чему лукавить? Кто из нас троих пристрастился... посвятил

себя умственному труду? Не хочу показаться тщеславным пустословом, но ведь это я. А я всегда верил в существование нравственных ценностей и всегда буду верить.

– Нет, – возразил, в свою очередь, Энтони, который был весьма доволен собой, – даже считая так, ты все равно понимаешь, что в реальной жизни ни один вопрос не решается с однозначной категоричностью.

– А для меня такая ситуация возможна. На свете не существует вещи, ради которой я поступил бы своими принципами.

– А как ты узнаешь, когда именно ты ими поступаешь? Просто действуешь наугад, как большинство людей. Оглядываясь назад, приходится распределять ценности, расставлять их по местам. Ты заканчиваешь портрет, а потом выписываешь детали и полутона.

Дик с горделивым упорством встряхнул головой.

– Остался таким же никчемным циником, – констатировал он. – Такая манера жалеть себя. Раз ничего не делаешь, значит, все вокруг не имеет значения.

– Да, я мастер себя жалеть, – признался Энтони, – и я не утверждаю, что получаю такую же радость от жизни, как и ты.

– Ты говоришь – по крайней мере говорил прежде, – что счастье – единственная стоящая вещь в жизни. Думаешь, оставаясь пессимистом, ты становишься счастливее?

Энтони что-то сердито буркнул. Разговор перестал доставлять удовольствие. Он нервничал, испытывая непреодолимое желание выпить.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Да где же ты живешь? Нельзя же так бродить до бесконечности!

– Твоя выдержка распространяется лишь на сферу умственную, да? – сердито парировал Дик. – Уже пришли. Вот здесь и живу.

Он свернул к многоквартирному дому на Сорок девятой улице, и через несколько минут приятели уже сидели в просторной, только что отремонтированной комнате с камином и увешанными книжными полками стенами. Темнокожий дворецкий подал коктейль «джин-рики», и час пролетел незаметно, скрашенный любезной беседой, неспешной выпивкой и осенними отблесками огня в камине.

– Искусство состарилось, – изрек через некоторое время Энтони. После нескольких стаканов нервное напряжение прошло, и он

обнаружил, что снова обрел способность думать.

– Какое искусство ты имеешь в виду?

– Все его виды. Первой умирает поэзия. Рано или поздно ее поглотит проза. Сейчас, например, яркие эпитеты, сверкающие остроумием метафоры и блистательные сравнения являются достоянием прозы. Для привлечения внимания поэзия вынуждена пускаться на поиски необычного слова, грубого и низменного, которое никогда прежде не считалось прекрасным. Красота как совокупность нескольких великолепных составляющих достигла своего апофеоза у Суинберна. Дальше пути нет, разве что в роман...

Дик нетерпеливо перебил:

– Знаешь, эти новомодные романы наводят на меня скуку. Господи! Куда ни приду, везде найдется глупая девица, которая непременно поинтересуется, читал ли я «По эту сторону рая»? Неужели наши девушки и правда такие, как описано в этой книге? Если в жизни действительно так происходит, чему лично я не верю, юное поколение катится в пропасть. Мне опротивел этот вульгарный низкопробный реализм. По-моему, в литературе всегда есть место романтике.

Энтони старался вспомнить, какие последние книги Ричарда Кэрамела он читал. Пресловутый «“Бритый хвост” во Франции», роман «Земля сильных мужчин» и несколько десятков рассказов, которые были еще хуже. Среди молодых остроумных критиков вошло в привычку упоминать имя Ричарда Кэрамела с презрительной улыбкой. Они называли Дика «мистер Ричард Кэрамел». Его «труп» непотребно волочили по всем литературным приложениям, обвиняя в том, что он сколотил огромное состояние низкопробными сценариями для кинофильмов. По мере того как в моду входили новые литературные веяния, Дик сделался притчей во языцех, не заслуживающей ничего, кроме презрения.

Энтони предавался размышлениям, а Дик встал с места и, казалось, терзался сомнениями, стоит ли делать признание.

– Я вот собрал кое-какие книги, – объявил он вдруг.

– Вижу.

– Полную коллекцию хорошей американской литературы, старой и современной. Только мне не хотелось следовать общепринятому правилу Лонгфелло – Уитьер... Здесь большая часть книг принадлежит современным авторам.

Он подошел к одной из стен, и Энтони, понимая, чего от него ждут, тоже встал и последовал за Диком.

– Взгляни!

Под отпечатанной на машинке табличкой красовалось шесть длинных рядов книг в красивых переплетах и, совершенно очевидно, тщательно подобранных.

– А вот здесь современные романисты.

И тут Энтони понял, в чем здесь загвоздка. Вклинившись между Марком Твенем и Драйзером, странным образом и совершенно неуместно расположились восемь томов, принадлежащих перу самого Ричарда Кэрамела. «Демонический любовник» – куда ни шло, но остальные семь, лишенные изящества и искренности, смотрелись здесь ужасно до омерзения.

Энтони невольно перевел взгляд на Дика, заметив на лице приятеля выражение неуверенности.

– Разумеется, я поставил сюда свои книги, – торопливо, как бы оправдываясь, сообщил Ричард Кэрамел. – Конечно, не все они равноценны, одна или две не слишком удачные. Пришлось спешить, когда подписал контракт с журналом. Но я не верю в ложную скромность. Разумеется, некоторые критики больше не уделяют мне так много внимания, с тех пор как я достиг определенного положения... но, в конце концов, решение не за критиками. Они ведь просто безмозглые овцы.

Впервые за долгое время – Энтони и сам не помнил, когда это было в последний раз, – он испытывал привычное, греющее душу презрение к своему другу. А Ричард Кэрамел продолжал:

– Знаешь, издатели рекламируют меня как «американского Теккерея» – конечно, благодаря роману о Нью-Йорке.

– Ясно, – умудрился выдать Энтони. – Полагаю, в твоих словах кроется глубокий смысл.

Он понимал, что нет никаких оснований презирать приятеля, и без колебаний поменялся бы с ним местами. При попытке заняться писательским трудом Энтони и сам прилагал максимум усилий, подменяя искренность иронией. Ах, да разве способен человек, вот так запросто, дать низкую оценку делу всей своей жизни?

В ту ночь Ричард Кэрамел трудился в поте лица, ошибался, ударяя по клавишам пишущей машинки и напрягая из последних сил

измученные разноцветные глаза. Корпел над своей макулатурой до безрадостных часов, когда гаснет огонь в камине, а голова идет кругом от долгих стараний сосредоточиться. А в это же время Энтони, до безобразия напившись, распростерся на заднем сиденье такси, которое везло его домой, на Клермонт-стрит.

Полный разгром

С наступлением зимы Энтони оказался во власти душевного расстройства. По утрам он просыпался возбужденным и раздражительным, и Глория видела, как муж, лежа рядом в кровати, дрожит всем телом и собирается с силами, чтобы доковылять до буфета за порцией спиртного. Он сделался совершенно невыносимым, если не был пьян, и Глория, наблюдая, как он грубеет и деградирует на глазах, отдалилась от него душой и телом. Теперь, когда Энтони не ночевал дома – а такое уже случалось несколько раз, – она не только перестала переживать по этому поводу, но даже испытывала своего рода облегчение, наполняющее душу унынием. На следующий день он испытывал легкое раскаяние и в нарочито грубоватой манере с видом побитой собаки отмечал, что, пожалуй, сверх меры злоупотребляет спиртным.

Энтони часами в полном оцепенении просиживал в массивном кресле, привезенном с его первой квартиры. Казалось, угас даже интерес к любимым книгам, и хотя между мужем и женой по-прежнему случались неизбежные ссоры, единственной темой, которую они серьезно обсуждали, был судебный процесс о наследстве. Трудно представить, на что надеялась Глория в темных уголках своей души, чего хотела добиться, получив в наследство огромные деньги. Условия, в которых оказалась Глория, согнули ее, превратив в карикатурное подобие домохозяйки. Она, которая три года назад не удосуживалась даже сварить кофе, теперь, случалось, готовила еду три раза в день. Днем много гуляла, а вечерами читала книги, журналы и все, что попадалось под руку. Если сейчас ей и хотелось ребенка, пусть даже от Энтони, который заползал к ней в постель мертвецки пьяным, она ни разу, ни словом, ни жестом не проявила интереса к детям. Сомнительно, что она могла четко объяснить, чего хочет. Да и чего могла хотеть тридцатилетняя женщина, одинокая и прелестная, ограничившая себя непреодолимым запретным комплексом, который родился и существовал вместе с ее красотой.

Однажды, когда снег вдоль Риверсайд-драйв снова стал грязным месивом, Глория, возвратившись из бакалейного магазина, застала Энтони в нервном возбуждении расхаживающим по комнате.

Устремленные на нее лихорадочно блестящие глаза избородила сетка розовых прожилок, которые вызвали у Глории ассоциации с рисунком рек на карте, и сразу же бросилось в глаза, как внезапно и сильно постарел муж.

– Есть у тебя деньги? – торопливо осведомился он.

– Что? О чем ты?

– О чем слышала. Деньги! Деньги! Ты что, не понимаешь по-английски?

Не обращая внимания на Энтони, Глория проскользнула мимо в кладовую, намереваясь положить в ледник купленные бекон и яйца. После приема спиртного, превышавшего обычную норму, Энтони неизменно впадал в плаксивое настроение. На сей раз он пошел следом за женой и, став в дверях кладовой, повторил вопрос:

– Слышала, что я спросил? Есть у тебя деньги?

Глория повернулась и посмотрела на мужа в упор.

– Опомнись, Энтони! Ты, должно быть, совсем рехнулся! Сам ведь знаешь, что денег у меня нет, разве что доллар мелочью.

Энтони круто поменял тактику, вернулся в гостиную и снова принялся мерить ее шагами. Не вызывало сомнений: он задумал очередную выходку, не предвещающую ничего хорошего, и очень хочет, чтобы жена спросила, в чем, собственно, дело. Войдя через несколько минут вслед за мужем в комнату, Глория села на кушетку и стала распускать волосы. Они уже не были коротко подстрижены и за последний год поменяли роскошный золотистый цвет, с легким рыжим оттенком, на тусклый светло-каштановый. Глория купила шампунь и собиралась вымыть голову, а сейчас размышляла, стоит ли добавить в воду для ополаскивания пузырек перекиси водорода.

«Ну, в чем дело?» – как бы говорила без слов ее поза.

– Проклятый банк! – срывающимся голосом выкрикнул Энтони. – Больше десяти лет я держал там свой счет – десять лет. А у них, видите ли, какое-то драконовское правило, по которому надо иметь на счете более пятисот долларов, а иначе тебя отказываются обслуживать. Несколько месяцев назад мне пришло из банка письмо, в котором сообщалось, что я почти исчерпал свои ресурсы. А как-то я выписал два недействительных чека. Помнишь, в ту ночь, в ресторане Рейзенвебера? Но на следующий день я все уладил и внес деньги, пообещав старине Хэллорану – это их управляющий, скряга Мик, –

что впредь буду более осмотрительным. И решил, что все в порядке. Регулярно проверял корешки в чековой книжке. Вот и сегодня пришел в банк, чтобы обналичить чек, и тут выходит Хэллоран и объявляет, что вынужден закрыть мой счет. Мол, слишком много необеспеченных чеков. Но я никогда не выходил за эти пятьсот долларов – разве что иногда на денек. Ну, черт побери, и знаешь, что он мне ответил?

– И что же?

– Сказал, что самое время закрыть мой счет, потому что на нем нет ни цента!

– Ни цента?

– Так он сказал. Оказывается, я выписал этим ребятам Бедроса чек на шестьдесят долларов за последний ящик виски, а на счету оставалось всего сорок пять долларов. Ну, парни Бедроса внесли на мой счет пятнадцать долларов, а потом все до цента сняли.

По неведению Глория тут же вообразила, что впереди маячат тюрьма и позор.

– Да нет, они ничего не предпримут, – заверил Энтони. – Бутлегерство – слишком рискованный бизнес. Просто пришлют счет на пятнадцать долларов, и я заплачу.

– Так. – Глория на мгновение задумалась. – Ну что ж, можно продать еще одну облигацию.

В ответ послышался саркастический смех.

– Ну да, самый простой выход. Только те немногие облигации, что приносят какую-то прибыль, стоят всего от пятидесяти до восьмидесяти центов за доллар номинала, и всякий раз, продавая облигацию, мы теряем едва ли не половину ее стоимости.

– Что же делать?

– Ну, что-нибудь продадим, как обычно. У нас ценных бумаг на восемьдесят тысяч долларов по номинальной стоимости. – Он снова недобро рассмеялся. – На открытом рынке это около тридцати тысяч.

– Я всегда испытывала недоверие к вложениям под десять процентов.

– Черта с два ты испытывала! – взорвался Энтони. – Только делала вид, чтобы потом терзать меня, если дело провалится, а на самом деле, как и я, хотела попытать счастья.

Глория некоторое время молчала, будто что-то обдумывая, а потом неожиданно заговорила:

– Энтони, лучше уж ничего, чем двести долларов в месяц. Давай продадим все облигации и положим деньги в банк. А если проиграем дело, сможем жить три года в Италии, а потом просто умрем. – Впервые за долгое время она вдруг с волнением обнаружила у себя слабую вспышку былой сентиментальности.

– Три года, – раздраженно повторил Энтони. – Три года! Да ты с ума сошла. Если мы проиграем дело, мистер Хейт заберет гораздо больше этой суммы. Думаешь, он работает даром, в благотворительных целях?

– Я об этом забыла.

– Сегодня суббота, – продолжал Энтони, – а у меня всего доллар и какая-то мелочь, а надо дожить до понедельника, и тогда я могу сходить к брокеру... А в доме ни капли выпивки, – с опозданием сделал он важный вывод.

– А если позвонить Дику?

– Пробовал. Слуга говорит, он уехал в Принстон выступать в литературном клубе или что-то в этом духе. До понедельника не вернется.

– Давай подумаем. Разве у тебя нет друзей, к которым можно обратиться?

– Пару раз пробовал. Никого не смог застать на месте. Надо было продать письмо Китса, как я и собирался на прошлой неделе.

– А если попросить людей, с которыми ты играешь в карты «У Сэмми»?

– Как ты могла подумать, что я пойду к ним? – В голосе Энтони звенел ужас оскорбленной в лучших чувствах добродетели. От слов мужа Глория только поморщилась. Он предпочитает смотреть на ее страдания, вместо того чтобы пересилить отвращение и попросить о позорном одолжении. – Я вот подумал о Мюриэл, – предложил Энтони.

– Она в Калифорнии.

– А как насчет тех мужчин, которые выказали такую трогательную заботу о твоём приятном времяпровождении, пока я служил в армии? По-моему, они с радостью сделали бы тебе маленькое одолжение!..

Глория бросила на мужа полный презрения взгляд, но тот ничего не заметил.

– Или твои старые приятельницы, Рейчел и Констанс Мерриам?

– Констанс Мерриам умерла год назад, а просить Рейчел я не стану.

– Ну а джентльмен, что в свое время так горел желанием тебе помочь, что просто удержу не было? Как его там, Блокмэн?

– Боже мой!

Наконец Энтони удалось задеть жену, и он был не настолько глуп или ненаблюдателен, чтобы этого не заметить.

– А почему и правда к нему не обратиться? – безжалостно настаивал он.

– Потому что я ему больше не нравлюсь, – с трудом выдавила Глория и, видя, что муж не отвечает, а только смотрит с нескрываемой издевкой, пояснила: – Если хочешь знать причину, я расскажу. Год назад я ходила к Блокмэну – кстати, он сменил имя и теперь называется Блэком – и просила устроить меня в кино.

– Ты ходила к Блокмэну?

– Да.

– А почему мне не сказала? – недоверчиво спросил он уже без улыбки.

– Потому что ты, вероятно, в это время где-нибудь пьянствовал. Он договорился насчет пробы, и там сказали, что я недостаточно молода и в моем возрасте можно играть только характерные роли.

– Характерные роли?

– Тридцатилетних женщин. Но тогда мне не было тридцати, и я уверена, что выглядела не на тридцать, а гораздо моложе.

– Но с какой стати, черт его побери! – возмутился Энтони, яростно бросаясь на защиту жены, движимый необъяснимым чувством. – Почему...

– Именно поэтому я не могу к нему обратиться.

– Это же оскорбление! – явно нервничая, настаивал Энтони. – Какая наглость!

– Энтони, сейчас это не имеет никакого значения. Надо пережить воскресенье, когда в доме только буханка хлеба, полфунта бекона и два яйца на завтрак. Вот это – действительно важно, – Глория отдала ему содержимое своего кошелька. – Здесь семьдесят... восемьдесят... всего доллар пятнадцать центов. Вместе с тем, что осталось у тебя, около двух с половиной долларов, так? Послушай, Энтони, мы продержимся. На эти деньги можно купить уйму еды, больше, чем можно съесть.

Позвякивая мелочью в руке, он покачал головой:

– Нет, мне надо выпить. Так разнервничался, что весь дрожу. – Неожиданно его осенило. – А может, Сэмми заплатит по чеку наличными, а в понедельник я тут же побегу в банк и положу деньги на счет.

– Но твой счет закрыли.

– Да, верно, верно – а я и забыл. Давай поступим так: я пойду к Сэмми и найду, кто даст в долг денег. Правда, мне ненавистна сама мысль, что придется просить у этих людей. – Вдруг он прищелкнул пальцами. – Я знаю, что делать. Заложу свои часы. За них можно получить долларов двадцать, а в понедельник добавлю шестьдесят центов и заберу обратно. Я уже их закладывал, когда был в Кембридже.

Он быстро натянул пальто и, бросив через плечо «Пока!», побежал по коридору к входной двери.

Глория вскочила с места. До нее вдруг дошло, куда первым делом направится муж.

– Энтони! – окликнула она. – Может, оставишь два доллара мне? Тебе надо только на дорогу.

Входная дверь с грохотом захлопнулась – Энтони сделал вид, что не расслышал просьбу жены. Глория некоторое время смотрела ему вслед, а потом пошла в ванную комнату, к своим прискорбным баночкам с мазями и кремами и стала готовить все необходимое для мытья головы.

В заведении Сэмми Энтони встретил Паркера Эллисона и Пита Лайтелла, которые сидели за столом и пили виски с лимоном. Шел седьмой час, и Сэмми, или Самюэл Бендири, как его нарекли при крещении, сметал в угол окурки и осколки разбитых стаканов.

– Привет, Тони! – окликнул Энтони Паркер Эллисон. Он называл его то Тони, то Дэном. По мнению Паркера, все Энтони на свете должны идти по жизни под этими уменьшительными именами. – Присаживайся. Что будешь пить?

В метро Энтони подсчитал деньги и обнаружил, что у него в наличии почти четыре доллара. Можно заплатить за два круга по пятьдесят центов за порцию – а значит, выпить шесть порций. Потом он пойдет на Шестую авеню, где получит двадцать долларов и заледную квитанцию в обмен на часы.

– Ну что, бандиты, – весело приветствовал он компанию, – как там жизнь, в преступном мире?

– Лучше не бывает, – отозвался Эллисон и подмигнул Питу Лайтеллу. – Скверно, что ты человек женатый. У нас тут около одиннадцати намечается веселье с такими красавицами, когда закончатся представления в варьете. Да, сэр, поганая штука быть женатым, верно, Пит?

– Да уж.

В половине восьмого, после завершения шестого круга, Энтони обнаружил, что благие намерения идут на попятный, уступая натиску непреодолимых желаний. Сейчас он был счастлив и бодр и получал радость от жизни. Ему казалось, что история, которую только что поведал Пит, необыкновенно смешная и остроумная. И Энтони решил, как это случалось всякий раз, когда он доходил до определенной кондиции, что приятели «ей-богу, чертовски славные ребята». И они сделают для Энтони гораздо больше, чем кто бы то ни было. В субботу ломбарды открыты допоздна, и Энтони чувствовал, что еще одна порция виски приведет его в самое радужное настроение, когда мир окрашивается в роскошные розовые тона.

Он принялся сосредоточенно рыться в карманах жилета, выудил две монеты по двадцать пять центов и уставился на них с притворным удивлением.

– Будь я проклят! – огорченно воскликнул он. – Надо же, забыл дома бумажник.

– Надо деньжат? – добродушно поинтересовался Лайтелл.

– Оставил бумажник на комоде, а ведь еще хотел вас угостить.

– Да не переживай. – Лайтелл небрежно отмахнулся от предложения Энтони. – Мы и сами можем напоить хорошего парня чем он только пожелает. Будешь пить, что и раньше?

– Слушайте меня, – предложил Паркер Эллисон, – а что, если послать Сэмми через дорогу за сандвичами, тут и поужинаем.

Все согласились.

– Хорошая мысль.

– Эй, Сэмми, хочешь нам услужить...

В начале десятого Энтони, пошатываясь, встал из-за стола и, пожелав всем веселого вечера, неуверенной походкой направился к двери. Проходя мимо Сэмми, он сунул ему в руку одну из оставшихся

монет. На улице Энтони некоторое время пребывал в нерешительности, а затем направился в сторону Шестой авеню, где, как он помнил, находятся ссудные конторы, мимо которых он часто проходил. Миновав газетный киоск и две аптеки, он понял, что стоит напротив заведения, которое искал, а также что оно закрыто на замок и даже на решетку. Нимало не смутившись, он продолжил поиски и, пройдя полквартала, нашел еще один ломбард, который тоже оказался запертым, как и два других через улицу, и пятый, что на площади. Заметив в последнем ломбарде слабый свет, он принялся стучать в стеклянную дверь и прекратил это занятие, только когда из глубин помещения возник сторож и гневным жестом предложил идти своей дорогой. Растерянность росла, совершенно сбитый с толку Энтони перешел на другую сторону и двинулся назад, по направлению к Сорок третьей улице. На углу, недалеко от заведения Сэмми, он остановился в нерешительности. Если вернуться домой, как того требует измученное тело, непременно нарвешься на горькие упреки жены. Тем не менее теперь, когда все ломбарды закрылись, он не имел представления, где достать денег. Наконец Энтони решил, что на худой конец можно обратиться и к Паркеру Эллисону. Однако, дойдя до заведения Сэмми, обнаружил только запертую дверь и темные окна. Энтони взглянул на часы – половина десятого – и продолжил странствия.

Минут через десять он без видимой цели остановился на углу Сорок третьей улицы и Мэдисон-авеню, как раз напротив ярко освещенного, но на данный момент фактически безлюдного входа в отель «Билтмор». Постояв с минуту, он тяжело опустился на сырую доску, валявшуюся среди строительного мусора. Так он просидел с полчаса. В голове, словно в калейдоскопе, мелькали случайные мысли, главная из которых заключалась в том, что надо непременно добыть денег и отправляться домой, пока совсем не оступел от пьянства и помнит дорогу.

Потом, бросив взгляд в сторону «Билтмора», он заметил мужчину, стоявшего в свете ламп над крытым входом в ресторан, а рядом с ним женщину в горностаевой шубке. Энтони видел, как они прошли вперед и жестом подозвали такси, и вдруг уловил нечто знакомое в походке мужчины, и тут же голос сердца безошибочно подсказал, что перед ним старый друг Мори Ноубл.

Энтони вскочил на ноги и окликнул его:

– Мори!

Мори посмотрел в его сторону, а потом снова повернулся к своей спутнице. В этот момент подъехало такси. Путаясь в мыслях, Энтони, подталкиваемый стремлением любой ценой занять десять долларов, что есть духу понесся через Мэдисон-авеню вдоль по Сорок третьей улице. Добежав до места, он застал Мори уже стоящим перед открытой настежь дверцей такси. Девушка с любопытством разглядывала Энтони.

– Привет, Мори! – обрадованно воскликнул он, протягивая руку. – Как дела?

– Благодарю, великолепно.

Руки приятелей повисли вдоль тела. Энтони смущенно переминался с ноги на ногу. Мори не делал попыток представить его даме, а только молча смотрел на друга загадочным кошачьим взглядом.

– Я хотел с тобой встретиться, – неуверенно начал Энтони. Он чувствовал, что не сможет попросить займа денег при девушке, которая стояла в полутора метрах, а потому замолчал и сделал красноречивый жест головой, приглашая Мори отойти в сторонку.

– Знаешь, Энтони, я очень тороплюсь.

– Понимаю, но не мог бы ты... может быть... – снова замялся Энтони.

– Встретимся в другой раз, – предложил Мори.

– Но это очень важно.

– Извини, Энтони.

Энтони не успел прийти в себя и выпалить вертевшуюся на языке просьбу. Мори уже повернулся к девушке и с невозмутимым видом помог сесть в такси. Потом небрежно бросил «Приятно провести вечер!» и последовал за спутницей. На прощание он кивнул из окна, и Энтони отметил, что на лице друга не дрогнул ни один мускул, его выражение осталось неизменным. С досадным грохотом такси отъехало, и Энтони остался стоять в одиночестве в свете уличных фонарей.

Он зашел в «Билтмор», без всякой цели, просто потому что дверь находилась рядом, и, поднявшись по широкой лестнице, пристроился в одной из ниш. Кипя от ярости, Энтони осознавал, что его унизили. Он был обижен и зол, насколько это позволяло его состояние. Тем не

менее неотступно преследовала мысль о необходимости достать денег до возвращения домой, и он в который раз принялся перебирать в памяти знакомых, к кому можно обратиться в случае крайней нужды. В конце концов пришла в голову мысль позвонить домой своему брокеру мистеру Хаулэнду.

После долгого ожидания выяснилось, что мистера Хаулэнда нет дома. Он вернулся к телефонистке и, склонившись над столом, вертел в руках монету в двадцать пять центов, показывая, что не намерен уходить, пока не добьется желаемого.

– Вызовите мне мистера Блокмэна, – неожиданно попросил он, удивляясь собственным словам. Это имя неожиданно всплыло в памяти, пересекаясь с еще двумя неясными идеями.

– Будьте добры, назовите номер.

Едва соображая, что делает, Энтони принялся искать Джозефа Блокмэна в телефонной книге. Не нашел и уже собирался захлопнуть ее, но тут вдруг осенило: ведь Глория упоминала, что он сменил фамилию. Найти номер Джозефа Блэка оказалось делом одной минуты. Потом Энтони дожидался в кабине, пока телефонистка на центральной станции соединит с нужным номером.

– Алло. Э-э-э, мистер Блокмэн... То есть мистер Блэк дома?

– Нет, сегодня вечером он отсутствует. Желаете что-нибудь передать?

Энтони безошибочно узнал лондонский жаргон, напомнивший о богатых интонациях Баундса, посредством которых он выражал почтительность.

– А где он?

– Собственно... А кто его спрашивает?

– Мистер Пэтч, по очень важному делу.

– Вот как? У него званый ужин в «Буль-Миш», сэр.

Забрав пять центов сдачи, Энтони направился в «Буль-Миш», пользующийся популярностью танцевальный зал на Сорок пятой улице. Было около десяти часов, но темные улицы оставались безлюдными, до тех пор, когда часом позже театры выплеснут собравшуюся там толпу. Энтони хорошо знал «Буль-Миш»: они с Глорией в прежние времена не раз ходили туда. Помнится, по установленному правилу на посетителях должно быть вечернее платье. Ладно, он не станет подниматься вверх, а отправит за Блокмэном

посыльного, а сам подождет внизу, в вестибюле. В данный момент Энтони не сомневался, что весь план выглядит вполне естественно и не выходит за рамки приличий. Большое воображение рисовало Блокмэна одним из старых приятелей.

В вестибюле «Буль-Миш» было тепло. Высоко на потолке, над пушистым зеленым ковром, горели желтые светильники, а из центра в танцевальный зал вела белая лестница.

Энтони обратился к портье:

– Мне нужен мистер Блокмэн... то есть мистер Блэк. Он наверху. Вызовите его.

Парень замотал головой:

– Вызывать посетителей запрещено. Знаете, за каким он столиком?

– Нет, но мне нужно срочно с ним увидеться.

– Подождите, я приглашу официанта.

Вскоре появился метрдотель и принес карту, на которой были указаны все посетители, которые заказали на сегодня столики. Он метнул в сторону Энтони презрительный взгляд, который, впрочем, пролетел мимо цели. Вместе они склонились над картой и без труда отыскивали нужный столик. Ужин на восемь персон. Столик заказал мистер Блэк.

– Передайте, что его ждет мистер Пэтч, по очень важному делу.

И снова Энтони ждал, облокотившись на перила и вслушиваясь в сбивчивые мелодии «доводящего до безумия джаза», которые струились вниз по лестнице. Стоявшая рядом девушка-гардеробщица напевала:

В психушке для любителей шимми

Собрались шизики, помешанные на джазе.

В психушке той оставил я невесту.

Мозги у девочки от танцев помутились.

Так пусть теперь придет в себя.

А потом он увидел Блокмэна, который спускался по лестнице, и шагнул ему навстречу, протягивая руку.

– Хотели меня видеть? – холодно осведомился тот.

– Да, – кивнул Энтони, – по личному делу. Может, отойдем в сторонку?

Пристально посмотрев на Энтони, Блокмэн последовал за ним в закуток между лестницей и стеной, где никто из людей, заходящих или выходящих из ресторана, не мог их ни видеть, ни слышать.

– Итак? – повторил Блокмэн.

– Хотел поговорить.

– О чем?

Энтони лишь рассмеялся в ответ, но смех получился глуповатым, а не непринужденным, как хотелось.

– Так о чем вы собирались со мной поговорить? – настаивал Блокмэн.

– Куда спешить, старина? – Он попробовал дружески потрепать Блокмэна по плечу, но тот слегка отстранился. – Как идут дела?

– Благодарю, замечательно... Послушайте, мистер Пэтч. Наверху меня ждут гости, и слишком долгое отсутствие покажется невежливым. Какое дело привело вас ко мне?

Второй раз за вечер сознание Энтони неожиданно выполнило кульбит, и он брякнул вовсе не то, что изначально собирался:

– Как я понимаю, вы выставили мою жену из кино.

– Что?! – Пышущее здоровьем лицо Блокмэна, на которое падали полосы тени, побагровело.

– Вы прекрасно слышали – что!

– Послушайте, мистер Пэтч, – заговорил ровным голосом Блокмэн, сохраняя беспристрастное выражение лица. – Вы пьяны. Безобразно и оскорбительно для приличного человека.

– Ну, не настолько, чтобы не мог с тобой разобраться, – не унимался, входя в раж, Энтони. – И хочу сказать, что моя жена не желает иметь с тобой ничего общего. И никогда не желала. Понял?

– Опомнитесь! – Блокмэн начал терять терпение. – Я полагал, вы в достаточной мере уважаете свою супругу, чтобы не трепать ее имени при подобных обстоятельствах.

– Не твое дело, как я уважаю свою жену. Оставь ее в покое и катись ко всем чертям!

– Послушайте, по-видимому, вы немного не в себе! – возмутился Блокмэн, делая два шага вперед с намерением обойти Энтони. Но тот преградил путь.

– Не спеши, ты, проклятый еврей.

Мгновение они стояли, глядя друг другу в глаза. Энтони слегка качало из стороны в сторону, а Блокмэн весь кипел от ярости.

– Прикусите язык! – выкрикнул он сдавленным голосом.

Энтони следовало бы вспомнить красноречивый взгляд, которым Блокмэн награждал его в отеле «Билтмор» несколько лет назад. Но он ничего не помнил, абсолютно ничего...

– Я еще раз тебе говорю, ты, проклятый...

И тут Блокмэн ударил, со всей силой, которая имеется в руке сорокапятилетнего мужчины, находящегося в хорошей физической форме. Удар пришелся прямо по губам. Откинувшись назад, Энтони ударился о лестницу, но быстро пришел в себя и в пьяном порыве попытался сразить противника боковым ударом. Однако Блокмэн ежедневно тренировался и имел кое-какие представления о спарринге. Он легко блокировал удар и тут же нанес два прямых сокрушительных в лицо. Со сдавленным хрипом Энтони рухнул на зеленый плюшевый ковер и, уже падая, осознал, что рот его полон крови, а верхняя челюсть кажется подозрительно пустой. Он с трудом поднялся на ноги, пыхтя и отплевываясь, и уже снова направился к Блокмэну, который стоял в нескольких футах, опустив сжатые в кулаки руки, но тут, откуда ни возьмись, возникли два официанта. Схватив Энтони за руки, они держали его железной хваткой, а сзади, как по мановению волшебной палочки, уже собралось человек десять.

– Я убью его! – рычал Энтони, стараясь вырваться из цепких рук. – Пустите, я его убью...

– Вышвырните его вон! – приказал Блокмэн дрожащим от возбуждения голосом, когда сквозь толпу зевак к ним протолкался низенький человек с изрытым оспинами лицом.

– Возникли проблемы, мистер Блэк?

– Этот негодяй пытался меня шантажировать! – заявил Блокмэн и уже более громким голосом, в котором звучали визгливые, спесивые нотки, добавил: – Нарвался! Что хотел, то и получил!

– Вызовите полицию! – приказал коротышка официанту.

– Нет, не надо, – торопливо запротестовал Блокмэн. – Мне не нужны лишние хлопоты. Просто вышвырните вон... Ух! Какое безобразие!

Развернувшись, он с чувством собственного достоинства удалился в туалетную комнату, а в это время три пары крепких рук поволокли

Энтони к двери. «Шантажиста» крепким пинком выбросили на тротуар, где он и шлепнулся на четвереньки и тут же плавно осел набок.

Оглушенный ударами, он некоторое время лежал неподвижно, чувствуя, как острая боль растекается по всему телу. Потом она сосредоточилась в области живота, и Энтони пришел в себя, но лишь для того, чтобы рассмотреть огромную ногу, пинающую в бок.

– Убирайся отсюда, бродяга! Пошел вон!

Нога принадлежала похожему на быка швейцару. У кромки тротуара остановился лимузин, и пассажиры намеревались высадиться. Две дамы уже стояли на подножке, с оскорбленным видом благовоспитанных людей ожидая, когда с их пути уберут возмутительное препятствие.

– Пошел вон! Или я сам тебя вышвырну!

– погоди, я его заберу.

Голос был незнакомым, и Энтони показалось, что его обладатель настроен более благодушно, чем швейцар. И снова его ухватили чьи-то руки и, чуть приподняв, поволокли в благодатную тень через четыре дома вверх по улице, где и прислонили к каменному фасаду магазина дамских шляпок.

– Премного обязан, – чуть слышно пробормотал Энтони. Кто-то натянул ему на голову шляпу, и Энтони сморщился от боли.

– Сиди тихо, приятель, и тебе полегчает. Те парни здорово тебя отделали.

– Сейчас вернусь и убью этого грязного... – Он попробовал встать, но тут же свалился без сил, сползая по стене.

– Сейчас ты им ничего не сделаешь, – донесся издалека тот же голос. – Рассчитаешься в другой раз. Понимаешь меня, а? Я хочу тебе помочь.

Энтони кивнул.

– Тебе лучше отправиться домой, приятель. Сегодня тебе выбили зуб, хоть это понимаешь?

Желая удостовериться, Энтони исследовал рот языком, а потом с трудом поднял руку и нащупал брешь.

– С радостью доставлю тебя домой, дружище. Где ты живешь?

– Нет, черт побери! – перебил Энтони, в ярости стискивая кулаки. – Я еще покажу этой грязной своре. Ты поможешь, и мы вместе им

покажем. А потом я отблагодарю. Мой дед – Адам Пэтч из Тэрритауна...

– Кто?

– Господи, да говорю же, Адам Пэтч!

– Так ты хочешь прямо сейчас ехать в Тэрритаун?

– Нет.

– Слушай, приятель, скажи, куда тебя отвезти, и я возьму такси.

Энтони рассмотрел своего «доброго самаритянина»: это был коренастый широкоплечий малый весьма потрепанной наружности.

– Эй, так все-таки где ты живешь?

Как ни отупел Энтони от пьянства, к которому добавилось потрясение от полученной взбучки, но все же отдавал отчет, что его место жительства плохо сочетается с хвастливым заявлением о знаменитом дедушке.

– Возьми мне такси, – приказным тоном обратился он к «самаритянину», ощупывая карманы.

Подъехало такси, и Энтони снова попытался встать, но лодыжка подвернулась, как будто была собрана из двух отдельных деталей. «Самаритянину» пришлось заталкивать Энтони в машину, после чего он забрался туда сам.

– Слушай сюда, парень, – обратился он к Энтони, – ты пьян в стельку, да к тому ж тебя еще и поколотили, так что без помощи до дома не доберешься. Прокачусь-ка и я за компанию. Вижу, в долгу не останешься. Так где ты живешь?

Энтони не слишком охотно назвал адрес, а когда машина тронулась, водрузил голову на плечо соседа, погружаясь в мрачное, наполненное болью оцепенение. Проснувшись, он увидел, что спаситель уже высадил его из такси и пытается установить в вертикальное положение.

– Идти можешь?

– Да... с грехом пополам. Вам лучше со мной не ходить. – Энтони снова принялся с беспомощным видом ощупывать карманы. – Послушайте, – залепетал он извиняющимся тоном, опасно раскачиваясь на непослушных ногах, – боюсь, у меня нет ни цента.

– А?! Как это?

– Меня обокрали.

– Н-н-ну дела! Ты же обещал расплатиться, или мне послышалось? А кто заплатит за такси? – Он повернулся к водителю, рассчитывая получить поддержку. – Ты слышал, как он обещал заплатить? А еще вся эта трепотня про деда?

– Вообще-то, – пробормотал Энтони, забыв об осмотрительности, – это вы говорили без умолку. Но если зайдете завтра...

В этот момент из машины высунулся водитель и разразился кровожадной тирадой:

– Да наподдай ему покрепче, чтоб знал! Вот прощелыга поганый! Не будь он побирушкой, не вышвырнули бы на улицу!

В ответ на призыв таксиста кулак «доброго самаритянина» вылетел вперед, словно таран, и сокрушительным ударом поверг Энтони на каменные ступеньки крыльца, где он и остался лежать без движения, глядя, как раскачиваются над головой многоэтажные дома.

Прошла целая вечность, прежде чем он очнулся и понял, что сильно похолодало. Энтони хотел пошевелиться, но мышцы отказывались слушаться. По непонятной причине очень беспокоило, который сейчас час, но, дотянувшись до кармана, он обнаружил, что там пусто. И губы непроизвольно произнесли всем известную с незапамятных времен фразу: «Ну и ночь!»

Как ни странно, он почти протрезвел. Не шевеля головой, Энтони смотрел вверх, где посреди неба замерла луна, роняя свет на Клермонт-авеню, которая казалась таинственной бездонной пропастью. Вокруг не было никаких признаков жизни, на мир спустилась мертвая тишина, и только стоял неумолкающий шум в ушах. Но в следующее мгновение Энтони сам нарушил безмолвие отчетливым характерным звуком, тем самым, который он пытался воспроизвести в «Буль-Миш», стоя лицом к лицу с Блокмэном. Звук ироничного смеха, который ни с чем не спутаешь. Но из разбитых кровоточащих губ Энтони он вырвался жалким рвотным позывом стенающей души.

* * *

Через три недели судебный процесс завершился. Нить неиссякаемого запутанного клубка юридической волокиты, что разматывался в течение четырех с половиной лет, неожиданно оборвалась. Энтони и Глория, а также их оппонент Эдвард Шаттлуорт

вместе с целым взводом бенефициариев давали показания, лгали и в целом вели себя непотребно, охваченные разной степени жадностью и отчаянием. Однажды мартовским утром Энтони проснулся и неожиданно понял, что сегодня в четыре часа дня будет вынесен приговор, и с этой мыслью встал с кровати и начал одеваться. Несмотря на крайне нервное состояние, к его чувствам примешивался ничем не обоснованный оптимизм относительно исхода дела. Он верил, что решение суда низшей инстанции отменят, хотя бы по причине реакции на чрезмерно суровый «сухой закон», который в последнее время настроил людей против реформаторов и их реформ. И все же он возлагал больше надежд не на чисто юридические аспекты дела, а на выпады личного характера, направленные против Шаттлуорта.

Одевшись, он налил себе порцию виски, а затем пошел в комнату Глории и обнаружил, что она уже проснулась. Как считал Энтони, она по собственной прихоти пролежала в постели всю неделю, но врач посоветовал ее не беспокоить.

– Доброе утро, – прошептала она без тени улыбки. Ее глаза казались неестественно большими и темными.

– Как себя чувствуешь? – неохотно поинтересовался Энтони. – Стало лучше?

– Да.

– Намного?

– Да.

– Хватит сил пойти со мной днем в суд?

Глория кивнула:

– Да, мне хочется там присутствовать. Если погода хорошая, Дик заедет за мной и отвезет погулять в Центральный парк. Он вчера обещал. И только посмотри – вся комната залита солнечным светом.

Энтони машинально выглянул в окно и снова сел на кровать жены.

– Господи, как я нервничаю! – воскликнул он.

– Будь добр, пересядь, – торопливо попросила Глория.

– А в чем дело?

– От тебя пахнет виски. Я этого не выношу.

Энтони с рассеянным видом встал и вышел из комнаты. Чуть позже Глория позвала мужа, он сходил в магазин и принес картофельного салата и холодной курятины.

В два часа к дому подъехал автомобиль Ричарда Кэрамела. По его звонку Энтони проводил Глорию на лифте вниз и довел до края тротуара.

Глория поблагодарила кузена, сказав, что очень мило с его стороны отвезти сестру на прогулку.

– Ну что за глупости, – добродушно отмахнулся Дик. – Какая ерунда, и говорить не о чем.

Самое любопытное заключалось в том, что он не считал это ерундой. Ричард Кэрамел прощал многих людей за множество нанесенных обид, но так и не простил кузину Глорию Гилберт за заявление, сделанное семь лет назад перед ее свадьбой, когда она сказала, что не намерена читать книгу, принадлежащую перу двоюродного брата.

И Ричард Кэрамел не забыл и помнил это в течение семи лет.

– Когда вас ждать назад? – поинтересовался Энтони.

– Мы не вернемся, – ответила Глория. – Встретимся в четыре в суде.

– Хорошо, – буркнул Энтони. – Тогда до встречи.

Поднявшись наверх, он обнаружил письмо. Это была размноженная на ротаторе листовка, адресованная «настоящим парням» и призывающая на снисходительно-простонародном языке исполнить свой долг по отношению к ветеранам Американского легиона. Энтони нетерпеливым жестом бросил листовку в корзину с мусором, уселся у окна и, облокотившись на подоконник, устремил ничего не видящий взгляд на залитую солнечным светом улицу.

Италия... если приговор вынесут в их пользу, значит – Италия. Это слово стало для Энтони талисманом, земля, где все невыносимые тревоги и горести свалятся с плеч, как изношенная одежда. Сначала они отправятся на воды и среди веселой яркой толпы забудут так долго длившееся отчаяние. Чудесным образом обновленный, он снова будет гулять в сумерках по пьяцца ди Спанья вместе с дрейфующим потоком смуглолицых женщин, попрошаек в лохмотьях и суровых босоногих монахов нищенствующего ордена. При мысли об итальянских женщинах он слегка оживился. Когда кошелек снова станет тяжелым, возможно, вернется и романтическая любовь, чтобы присесть на обретенное богатство, как на жердочку. Романтика синих каналов Венеции, золотисто-зеленых после дождя холмов Фьезоле... и

женщины, женщины, которые меняются, растворяясь и превращаясь в других женщин, исчезают из его жизни, но всегда остаются молодыми и прекрасными.

Только теперь Энтони считал, что отношение к женщинам должно измениться. Причиной всех горестей, душевных страданий и боли, которые ему довелось пережить, являлись женщины. Наблюдалась некая закономерность в том, как женщины, каждая по-своему, порой неосознанно и как бы мимоходом, влияли на него, вероятно, считая слабохарактерным и пугливым, убивали в нем все, что представляло угрозу для их абсолютной власти.

Отвернувшись от окна, он встретился взглядом со своим отражением в зеркале и с нескрываемым унынием принялся изучать болезненное одутловатое лицо, глаза, покрытые похолодевшей кровью сетью прожилков, обрюзгшую сутулую фигуру, сама дряблость которой свидетельствовала о полной апатии. Энтони было тридцать три года, а выглядел он на все сорок. Ничего, все еще изменится в лучшую сторону.

Звонок в дверь раздался так неожиданно, что Энтони вздрогнул, как от удара. Придя в себя, он пошел в коридор и открыл входную дверь. На пороге стояла Дот.

Неожиданная встреча

Под ее натиском Энтони отступил в гостиную, различая лишь отдельные слова из выплескивающегося нескончаемым потоком монотонных фраз. Одета Дот была бедно, но она старалась выглядеть прилично. Жалкого вида шляпка, украшенная розовыми и голубенькими цветочками, скрывала темные волосы. Из ее речи Энтони понял, что несколько дней назад Дот увидела в газете заметку, касавшуюся судебного процесса, и узнала его адрес от клерка в апелляционном суде. Она позвонила на квартиру, но какая-то женщина, которой Дот не назвалась, сказала, что его нет дома.

Энтони застыл у дверей гостиной и, остолбенев от ужаса, смотрел на трещащую без умолку Дот. Им овладело чувство, что весь цивилизованный мир, а вместе с ним и общепринятый уклад жизни на глазах становятся до странности нереальными. Дот работает в шляпном магазине на Шестой авеню, ее жизнь уныла и одинока. После

отъезда Энтони в Кэмп-Миллз она долго болела, потом приехала мать и забрала ее обратно в Каролину... А в Нью-Йорк она явилась с единственной целью – отыскать Энтони.

Ее серьезность пугала. Фиалковые глаза покраснели от слез, а протяжную плавную речь то и дело прерывали сдавленные рыдания.

Знакомая картина. Дот ничуть не изменилась. Ей нужен Энтони, и точка. Если она не получит желаемого, то непременно умрет...

– Тебе лучше уйти, – выдохнул наконец Энтони, пытаясь придать своим словам убедительность. – И так неприятностей хоть отбавляй. Господи, да уйдешь ты наконец?!

Разразившись рыданиями, Дот опустилась на стул.

– Я тебя люблю! – выкрикнула она. – Что бы ты ни говорил! Люблю, и все тут!

– А мне плевать! – сорвался на визг Энтони. – Убирайся! Мало ты мне горя принесла?! Мало напакостила?!

– Ударь меня! – умоляла Дот с тупым остервенением. – Ударь, а я стану целовать твои руки!

Не владея собой, Энтони перешел на истошный крик.

– Я убью тебя! – вопил он. – Убью, если сейчас же не уберешься!

Его глаза горели безумным блеском, но Дот бесстрашно двинулась навстречу.

– Энтони! Энтони!

Лязгнув зубами, Энтони подался назад, будто собирался наброситься на Дот. Потом вдруг передумал и стал дико озираться по сторонам.

– Убью! – задыхаясь, бормотал он. – Убью тебя!

Казалось, он вгрызлся в это слово, будто хотел материализовать силой своих эмоций. Наконец почуяв неладное, Дот остановилась и, встретившись с обезумевшим взглядом Энтони, попятилась к двери. Продолжая выкрикивать проклятия, Энтони метался по комнате и вдруг нашел, что хотел – добротный дубовый стул, что стоял у стола. Он издал хриплый вопль, схватил стул и, размахнувшись им над головой, со всей накопившейся яростью швырнул прямо в перепуганное бледное лицо в противоположном конце комнаты. Потом опустилась плотная непроницаемая тьма, заслонившая собой все мысли, гнев и безумие – послышался почти осязаемый щелчок, и лик окружающего мира на глазах изменился.

Глория с Диком вернулись в пять и стали звать Энтони. Не дождавшись ответа, они зашли в гостиную, где обнаружили в дверях стул со сломанной спинкой. В комнате царил беспорядок: коврики на полу сбиты, фотографии и безделушки на комодѣ валяются как попало, а в воздухе висит тошнотворный запах дешевых духов.

Энтони они нашли в спальне, сидящим на полу в пятне яркого солнечного света. Перед ним лежали три открытых альбома, и Энтони копался в груде марок, которые выгрузил из них. Заметив Глорию и Дика, он с неодобрительным видом склонил голову набок и попросил жестом уйти.

– Энтони! – воскликнула Глория. – Мы выиграли! Приговор отменен!

– Не входите, – тусклым голосом пробормотал он. – Только все перепутаете. Я их сортирую, а вы станете здесь топтаться. И как всегда, устройте беспорядок.

– Что ты делаешь? – изумилась Глория. – Вернулся в детство? Неужели не понял: ты выиграл судебный процесс. Приговор суда низшей инстанции отменили. Теперь ты владеешь тридцатью миллионами.

Энтони устремил на них полный упрека взгляд.

– Когда будете уходить, закройте за собой дверь, – изрек он с видом капризного задиристого ребенка.

Глория во все глаза смотрела на мужа, и в ее взгляде просыпался страх.

– Энтони! – воскликнула она. – В чем дело? Что произошло? Почему ты не пришел в суд? И что все это значит?

– Слушайте, вы двое, – тихим голосом произнес Энтони, – убирайтесь немедленно, а не то я пожалуюсь дедушке.

Он поднял пригоршню марок, разжал пальцы, и кусочки бумаги полетели вниз, плавно кружась и переворачиваясь в наполненном солнцем воздухе, как осенние листья: разноцветные яркие марки Англии, Эквадора, Венесуэлы, Испании... и Италии...

В компании с воробышками

Божественная, утонченная ирония, та же самая, что суммировала итог жизни бесчисленных поколений воробьев, воспроизводилась, без

сомнения, и в тех словесных изысках, которыми блистают пассажиры, путешествующие на таких судах, как «Беренгария». И она определенно наострила уши, когда молодой человек в клетчатом кепи стремительной походкой пересек палубу и заговорил с прелестной девушкой в желтом платье.

– Это он, – сообщил юноша, указывая на укутанную фигуру, сидящую в кресле-каталке возле заграждения. – Энтони Пэтч. Первый раз вышел на палубу.

– Так это действительно он?

– Да. Говорят, как получил деньги, так и тронулся умом. Ну а второй тип, Шаттлуорт, ну, который религиозный и денег не получил, так он заперся в номере гостиницы и пустил себе пулю в лоб.

– Что вы говорите?

– Только полагаю, Энтони Пэтча его судьба не слишком тревожит. Получил свои тридцать миллионов, и теперь при нем личный врач, на случай если вдруг сделается плохо из-за переживаний. А она уже выходила на палубу? – поинтересовался молодой человек.

Хорошенькая девушка в желтом с опаской огляделась по сторонам.

– Была здесь минуту назад. В шубе из русских соболей. Должно быть, стоит целое состояние. – Девушка нахмурилась и решительно закончила свою мысль: – Знаете, терпеть ее не могу. Кажется мне такой неестественной и не слишком чистой. Понимаете, о чем я? У некоторых людей именно такой вид, хотя на самом деле, может, они и другие.

– Конечно, понимаю, – согласился молодой человек в клетчатом кепи. – Однако она недурна собой. – Он немного помолчал. – Интересно, о чем он думает? Наверное, о деньгах. А может, испытывает угрызения совести из-за того парня, Шаттлуорта.

– Возможно...

Однако молодой человек в клетчатом кепи ошибался. Энтони Пэтч, расположившийся у края палубы возле заграждений, устремив взгляд в морскую даль, думал не о деньгах, так как за всю жизнь его редко по-настоящему занимали мысли по поводу суетной славы, связанной с материальным благополучием. И не об Эдварде Шаттлуорте, потому что в подобных делах лучше быть оптимистом. Нет, он предавался воспоминаниям, как генерал, который, оглядываясь на успешно завершившуюся военную кампанию, подвергает анализу свои победы.

Энтони думал о тяготах и лишениях, невыносимых страданиях, через которые прошел. Его пытались покарать за ошибки юности. Он терпел жестокую нужду, а с ним хотели расправиться за само стремление сохранить верность романтическим мечтам. Друзья отвернулись, и даже Глория стала врагом. Остался в полном одиночестве. Один – лицом к лицу с навалившимся несчастьем.

Всего несколько месяцев назад его убеждали прекратить борьбу, покориться, превратиться в серое ничтожество и пойти работать. Но он верил, что выбранный жизненный путь оправдывает себя, и стойко шел по нему. И вот те самые друзья, которые оказались наиболее жестокими из всех, теперь снова его уважают, поняв, что он с самого начала был прав. И не Лейси ли вместе с Мередитами и Картрайт-Смитами навестили их с Глорией в номере отеля «Ритц-Карлтон» за неделю до отплытия парохода?

Глаза Энтони застилали слезы, а голос дрожал, когда он шептал себе:

– Я им показал. Битва была тяжелой, но я не отказался от борьбы и победил!

Примечания

1

«Крейсер “Пинафор”» – комическая опера английского композитора Артура Салливана (1842—1900). – *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Билфизм – одно из оккультных течений, популярных в начале XX века.

3

Фамилия героя Пэтч переводится как «заплата».

4

Болван (*англ.*).

5

Ганимед – прекрасный троянский юноша, которого похитил Зевс и сделал виночерпием на Олимпе.

6

С любовью (*лат.*).

7

Презираю невежественную толпу (*лат.*).